

МАТЕРИАЛЫ
VIII Международной научной конференции

ДОНЕЦКИЕ ЧТЕНИЯ 2023:

образование, наука, инновации, культура
и вызовы современности

Том 9

Философские
и психологические науки

Уважаемые коллеги! Дорогие друзья!

От имени ректората, Ученого совета Донецкого государственного университета, всего академического сообщества Донецкой Народной Республики приветствую всех друзей из различных регионов Российской Федерации, принимающих участие в традиционной, теперь уже VIII Международной научной конференции. **«Донецкие чтения 2023: наука, образование, инновации, культура и вызовы современности».**

Минуло восемь лет с тех пор, как в нашем университете прошла **первая конференция**, которая за последующие годы приобрела широкую известность, стала авторитетным научным собранием, привлекла внимание большого числа отечественных ученых, а также государств СНГ и других зарубежных стран. Расширился спектр рассматриваемых научных направлений и вовлеченность в научные дискуссии известных ученых и специалистов-практиков, возрастают актуальность и практическая значимость представляемых научных результатов.

«Донецкие чтения» приобретают в период десятилетия Науки и технологий особую актуальность.

В 2018-2019 годах конференция **«Донецкие чтения»** проводилась как составная часть Международных форумов **«Русский мир и Донбасс: от сотрудничества к интеграции образования, науки, инноваций и культуры».**

Эти форумы стали судьбоносными событиями в социально-экономической, общественно-политической, научно-образовательных сферах жизни Донецкой Народной Республики; способствовали достижению поставленной нами цели – вхождения в состав Российской Федерации, возвращение на свою историческую Родину.

Если по итогам первой конференции труды с материалами докладов включали **восемь томов**, то в прошлом году, несмотря на непростые условия работы, масштабы представленных исследований на конференцию возросли **более чем в два раза**.

Сегодня Международную многопрофильную научную конференцию «Донецкие чтения» мы проводим уже **второй раз в составе Российской Федерации**.

На Конференции будут представлены **1910 научных докладов в четырнадцать профильных секциях**. Будут также работать **восемьдесят одна подсекция и пятнадцать круглых столов**.

Труды конференции сейчас доступны в электронной форме, составляют **десять томов в семнадцати книгах** общим объемом **почти 6000 страниц** и будут размещены в наукометрической базе РИНЦ.

Донецкие чтения вносят достойный вклад в решение задач **Десятилетия науки и технологий**, объявленного Президентом России Владимиром Владимировичем Путиным с 2022-2031 годы.

В ходе конференции приглашаю вас к обстоятельному разговору о способах и механизмах скорейшего внедрения новых, прорывных научных разработок, с тем, чтобы наши достижения способствовали укреплению суверенитета и безопасности Донецкой Народной Республики, нашей страны, росту качества жизни россиян.

Практика проведения наших конференций активно и заинтересованно поддерживается органами власти Донецкой Народной Республики, Министерством образования и науки ДНР, Русским Центром, а также участием в ней целого ряда ученых с мировым именем!

Желаю успехов всем участникам конференции, а всем нам – новых научных достижений во благо России!

**С наилучшими пожеланиями, ректор Донецкого государственного университета, доктор физико-математических наук, профессор
Светлана Беспалова**

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»

VIII Международная научная конференция

Материалы
конференции

Том 9

ФИЛОСОФСКИЕ И
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ

Донецкие чтения 2023: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности

г. Донецк
25–27 октября 2023 г.

Донецк
Издательство ДонГУ
2023

ББК Ю.я431+Ю9я431
УДК 1(043.2)
Д672

Редакционная коллегия:

С.В. Беспалова (гл. ред.), А.В. Белый (зам. гл. ред.),
М.В. Фоменко (отв. секр.), В.В. Волошин,
А.В. Камарали (отв. секр. секции), Н.И. Сухоруких,
Н.А. Ярошенко, А.С. Бурляй, А.В. Гордеева,
Э.А. Ангелина (отв. секр. секции).

Д672 Донецкие чтения 2023: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VIII Международной научной конференции (Донецк, 25–27 октября 2023 г.). – Том 9: *Философские и психологические науки* / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонГУ, 2023. – 389 с.

Ответственность за содержание материалов, аутентичность цитат, правильность фактов и ссылок несут авторы.

В девятый том материалов VIII Международной научной конференции «Донецкие чтения 2023: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» вошли исследования по актуальным проблемам философских и психологических наук. Рассматриваются вопросы философского осмысления социальной реальности, развития и становления личности в жизненных ситуациях, человека в системе социальных отношений, кризисной психологии, психики и информационного поля общества, психологии в образовании.

Освещенные в сборнике проблемы и направления их решения будут полезны научным работникам, преподавателям, студентам, аспирантам и докторантам, проводящим исследования в области философских и психологических наук.

ББК Ю.я431+Ю9я431
УДК 1(043.2)

© Коллектив авторов, 2023

© Донецкий государственный университет, 2023

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Председатель:

Беспалова С.В., д-р физ.-мат. наук, профессор, ректор Донецкого государственного университета (г. Донецк).

Заместитель председателя:

Бабурин С.Н., д-р юрид. наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, Президент Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры, Президент Ассоциации юридических вузов (г. Москва).

Члены программного комитета:

Андреев Д.А., д-р ист. наук, доцент, заместитель декана по научной работе исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Аноприенко А.Я., канд. техн. наук, профессор, ректор Донецкого национального технического университета (г. Донецк).

Белый А.В., канд. хим. наук, доцент, проректор Донецкого государственного университета (г. Донецк).

Болнокин В.Е., д-р техн. наук, профессор, гл. науч. сотр., руководитель Центра подготовки научных кадров ФГБУН «Институт машиноведения им. А.А. Благонравова» (г. Москва).

Вартанова Е.Л., д-р филол. наук, академик РАО, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Воронова О.Е., д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры журналистики, руководитель Есенинского научного центра Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, член Общественной палаты Российской Федерации, член Союза писателей и Союза журналистов России (г. Рязань).

Глухов А.З., д-р биол. наук, главный научный сотрудник Донецкого ботанического сада, профессор кафедры ботаники и экологии Донецкого государственного университета (г. Донецк).

Евстигнеев М.П., д-р физ.-мат. наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности Севастопольского государственного университета (г. Севастополь).

Зайченко Н.М., д-р техн. наук, профессор, ректор Донбасской национальной академии строительства и архитектуры (г. Макеевка).

Зинченко Ю.П., д-р психол. наук, профессор, академик РАО, декан факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Кирпичников М.П., д-р биол. наук, профессор, академик РАН, декан биологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Кишкань Р.В., председатель Государственного комитета по экологической политике и природным ресурсам при Главе Донецкой Народной Республики (г. Донецк).

Кожухов И.Б., д-р физ.-мат. наук, профессор, профессор кафедры высшей математики НИУ «Московский институт электронной техники» (г. Москва).

Лингарт А.А., д-р филол. наук, профессор, декан филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Лубков А.В., д-р ист. наук, профессор, академик РАО, ректор Московского педагогического государственного университета (г. Москва).

Некипелов А.Д., д-р экон. наук, профессор, академик РАН, директор Московской школы экономики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Нечаев В.Д., д-р полит. наук, доцент, ректор Севастопольского государственного университета (г. Севастополь).

Осмоловский А.А., канд. биол. наук, доцент, заместитель декана по академической политике и развитию интернационализации биологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Полищук В.С., д-р техн. наук, директор ФГБНУ «Научно-исследовательский институт «Реактивэлектрон» (г. Донецк).

Половян А.В., д-р экон. наук, доцент, директор ГБУ «Институт экономических исследований» (г. Донецк).

Приходько С.А., канд. биол. наук, ст. науч. сотр., директор ФГБНУ «Донецкий ботанический сад» (г. Донецк).

Разумова Т.О., д-р экон. наук, профессор, зав. кафедрой экономики труда и персонала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Решидова И.Ю., канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр., директор ФГБНУ «Донецкий физико-технический институт им. А.А. Галкина» (г. Донецк).

Рябичев В.Д., д-р техн. наук, профессор, ректор Луганского государственного университета имени Владимира Даля (г. Луганск).

Сидорова М.Ю., д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русского языка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Соболев В.И., д-р биол. наук, профессор кафедры здоровья и реабилитации Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (г. Ялта).

Соколов И.А., д-р техн. наук, профессор, академик РАН, декан факультета вфчислительной математики и кибернетики, зав. кафедрой информационной безопасности Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

Судаков С.Н., д-р физ.-мат. наук, ст. науч. сотр., и.о. директора ФГБНУ «Институт прикладной математики и механики» (г. Донецк).

Тедеев В.Б., канд. техн. наук, профессор, ректор Юго-Осетинского государственного университета имени А.А. Тибилова (г. Цхинвал).

Третьяков В.Т., профессор, декан Высшей школы телевидения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Философское осмысление социальной реальности

УДК141.72

ПРИНЦИП ФЕМИНОЦЕНТРИЗМА: ПРАКТИЧЕСКАЯ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ

Армен А. С., канд. филос. наук

ФГБОУ ВО «Донецкий национальный технический университет», г. Донецк, РФ
armenanastasiya@gmail.com

Идея женской эмансипации и борьбы против дискриминации по признаку пола имеет достаточно давнюю историю и обширно представлена в общественно-политической и философской традиции. Вместе с тем, полноценное общественное движение за права женщин получило оформление лишь в конце XIX-го века, а к середине XX-го уже набрало вес в качестве общественно-политической силы и интеллектуальной доктрины, известной как *феминизм*.

Распространение феминизма способствовало реформированию законодательства во многих странах, обретению права на образование и политическую активность, раскрепощению женского самосознания, гуманитаризации академической сферы, попыткам научного осмысления самого женского движения, а также положения женщины в семье и на рабочем месте, привлечению внимания к тем специфическим проблемам, относящимся к сфере приватного, которые, традиционно, замалчивались в науке и социальной практике. Феминизм развивался как некая идеология справедливости, основанная на принципе *феминистского центризма* (понимаемого в качестве крайней формы антропоцентризма со смещением в сторону гендерного превосходства женщины и «женского начала») и стремящаяся к преобразованию социального мира в интересах женщин. Практическое своё воплощение (как некий способ решения проблемы, направленный на достижение женского освобождения и обеспечение подлинного равноправия) принцип феминистского центризма обрел в политике *гендерного мейнстриминга*. Последний, сегодня, является социально-политической реальностью всех, без исключения, европейских государств. Он означает необходимость включения критериев гендерного равенства во всю систему организации современного общества. Согласно целям политики гендерного мейнстриминга, достижение гендерного равенства во всех сферах (семейной, профессиональной, политической, экономической, образовательной) является приоритетом и ключевым направлением

экономического роста и устойчивого развития в масштабах всей современной капиталистической цивилизации [1].

Отметим, такая практика – достижение равноправия *путём устранения всех различий между полами* – никоим образом не способствует решению проблемы неравенства, по сути, представляя собой политическую технологию, конечной целью которой видится уничтожение традиционного гендерного порядка.

В основном, механизмы обеспечения гендерного равенства в семейной, профессиональной и политической сферах носят характер мер позитивной дискриминации, то есть, целенаправленных действий по предоставлению преимущественных прав или привилегий для конкретных социальных общностей, которые ранее были подвержены дискриминации (женщины, этнические и расовые меньшинства и пр.).

В первую очередь, меры позитивной дискриминации в странах так называемого «коллективного Запада» нашли выражение в системе гендерного квотирования. Гендерные квоты – это законодательно закреплённая минимальная норма представительства мужчин и женщин в сфере принятия политических решений, органах государственной власти, крупных финансовых корпорациях и структурах. Другим механизмом, обеспечивающим достижение паритета в семейной и общественной сферах, является гендерное законодательство, регулирующее вопросы, касающиеся приёма на работу, оплаты труда, ухода за ребёнком и пр. Отмечено, что наибольшее количество нормативных актов, декларирующих гендерное равенство и недопущение дискриминации по признаку пола, внедрено в государствах Западной Европы.

Очевидным становится факт, что приоритет в вопросах достижения гендерного равноправия отдается юридической норме как альтернативе морального регулятора поведения, опирающейся на силу государства.

Этот факт не вызывает удивления, поскольку юридическое мировоззрение является одной из ключевых характеристик капиталистического общества и представляет систему взглядов на право и государство как основу, главный движущий фактор общественного развития. Ф. Энгельс называл юридическое мировоззрение «классическим мировоззрением буржуазии», которое приходит на смену теологическому мировоззрению средних веков [2, с. 496]. Это есть, не что иное, как идеализация права, придание ему мифологического статуса абсолютной нормы, оптимального социокультурного решения для современной западной цивилизации. Категория права становится ключевой, подменяя все иные регуляторы общественных отношений: мораль, религию, национально-культурные традиционные ценности и идеалы. Вместе с тем, именно для демократических правовых государств на данном этапе развития характерен духовный упадок, социальное равнодушие, конфликт интересов, потребительский образ жизни и устойчивая погоня за

развлечениями. Даже в условиях устойчивого правопорядка и высокой правовой культуры общества правовые средства часто оказываются неадекватными практическим потребностям социального организма и его членов. Формально правовые механизмы не могут справиться с задачей поддержания морального облика граждан, с защитой семьи и брака, семейных основ и ценностей, не являются достаточными для обеспечения уважения к религиозным чувствам верующих. Это утверждение находит подтверждение в функционировании системы ювенальной юстиции (которая также является механизмом гендерного мейнстриминга), утверждающей приоритет прав ребёнка по отношению к правам родителей. В результате описанных тенденций происходит разрыв межличностных связей и расширение культурного вакуума, когда с утратой авторитета родителей, носителей ценностей, опыта, забвению предаются и сами ценности.

Внедрение вышеперечисленных мер рассматривается в качестве обратной дискриминации, что не отвечает ценностям демократического режима и, напротив, может спровоцировать нарастание социального напряжения и не является панацеей в вопросах обеспечения женщине фактического равенства в общественно-политической сфере, на рынке труда, следовательно – подлинного равноправия.

Таким образом, принцип феминизма, воплощенный в политике гендерного мейнстриминга обнаруживает свою практическую несостоятельность. Сосредоточив своё внимание на механизмах, обеспечивающих лишь достижение краткосрочного результата, государственные структуры, в большинстве случаев, игнорируют необходимость коренного преобразования основ современного капиталистического общества. Объективная социально-экономическая реальность такова, что говорить о достижении весомых результатов в вопросах равноправия полов и построении гендерно паритетного общества преждевременно.

Список литературы

1. United Nations Entity for gender Equality and the Emprowement of woman [Электронныйресурс]: Режим доступа: <https://www.un.org/womenwatch/osagi/gendermainstreaming.htm>
2. Энгельс, Ф. Юридический социализм / К.Маркс, Ф.Энгельс / Соч. – Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1961. – Т. 21. – 745 с.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Бартагариева И. И.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
ira@donnu.ru

Содержание понятия «гражданское общество» трансформировалось в процессе исторического развития. Уже ни одно десятилетие, в руках западных интеллектуалов, оно является теоретическим органом и почти догматическим руководством к действию. Расхождения имеют место в деталях и пропаганде некоторых новых идей, связанных, например, с борьбой за права сексуальных меньшинств. Но евроатлантическая программа усовершенствованию социального механизма, на основе, в том числе, и внедрения идей гражданского общества, остается стабильной, она не подвергается серьезной коррекции.

Социальная теория (теория гражданского общества – не исключение) не способна без ущерба для своей научности долго оставаться на уровне деклараций, спекуляций и благих пожеланий. Теория теряет предсказательную силу, если она не подтверждается практикой, не отражает наличного положения дел на социально-политической сцене, блокирует появление альтернативных проверяемых гипотез.

Приходится констатировать, что десятки работ послевоенных «классиков» теории гражданского общества оказались оторванными от социальной реальности начала XXI века. Более того, многие «классики» (и их последователи) умышленно игнорируют (а порой и поддерживают) русофобию, евроатлантический милитаризм, попытки нового издания неокOLONIALИЗМА. Тем самым выражается согласие с циничным тезисом Ж. Борреля о западном «цветущем саде» и «джунглях» остального мира. Все это дискредитирует те идеалы и ценности, на которых базируется теория гражданского общества.

Разумеется, далеко не все сторонники данной теории являются догматиками и пропагандистами неких «универсальных» ценностей. Уместно вспомнить пророческое предостережение Дж. Козна и Э. Арато о том, что социально-философский дискурс вокруг проблем гражданского общества нередко носит беспредметный и сугубо идеологический характер, а проекты, основанные на концепции гражданского общества, могут стать ненужными, неустойчивыми, односторонними [1, с. 15].

Стремление к свободе, отмечает З. Бауман, нередко является «утопическим горизонтом». В современных западных обществах доминирует отказ от активной жизненной позиции, публичная сфера сведена к адресации просьб и жалоб, с последующим получением ничего не значащих ответов. Личная автономия и безразличие к общественным

делам оказались удивительным образом взаимосвязанными и взаимообусловленными вещами [2, с. 122–123]. Добавим, что эгоизм, нарциссизм, социальный инфантилизм современного западного социума, его стремление безапелляционно поделить мир на черное и белое, вызывает серьезные опасения. Гражданское общество – это не только конкуренция с чем-то внешним (например, государством), но и борьба за внутреннюю свободу, за право сделать экзистенциальный выбор. В том случае, если некое консолидированное сообщество *A* препятствуют сообществу *B* в его стремлении выбирать, сообщество *A* никак не может претендовать на статус демократического, его гражданский характер – самообман. Социум (государство, группа государств) отказывая в свободе экзистенциального выбора своему оппоненту, лишает и себя права на подобный выбор.

Есть основания предполагать, что теория гражданского общества утрачивает прагматическую ориентацию. Приведем некоторые аргументы в пользу данного предположения.

Современное западное общество не только не минимизировало влияние государства, но попало в зависимость от него. Общественные ассоциации и институты лишены системных и долговременных, следовательно, действенных механизмов влияния на экономику, политику, культурную жизнь. Бесконтрольная миграционная политика, подрыв «Северных потоков», накачивание Украины смертоносными вооружениями, отмена русской культуры – тому свидетельство. Представители гражданского общества утратили возможность получать исчерпывающую информацию о внутри- и внешнеполитических процессах. Они далеко не всегда компетентны в вопросах государственного строительства.

Агенты гражданского общества не способны в долговременной перспективе альтруистически отстаивать общественные интересы и работать в программе гармонизации социальных отношений. Это иллюзия, имеющая непредсказуемые последствия. Можно также поставить под сомнение реальность такого, якобы априорного и фундаментального признака гражданского общества, как социальная солидарность.

Общественные организации, представляющие гражданское общество, не могут не иметь собственных задач, интересов, разную степень готовности (и возможности) дистанцироваться от государства. Часть репрезентантов гражданского общества получают денежные средства и льготы от государства. Другие – не вписывающиеся в доминирующие тренды – таких привилегий не имеют. Все это приводит к вялотекущей социальной нестабильности, распылению смыслов и целей, латентному социальному напряжению.

Злободневным является вопрос о контроле над различными структурами, позиционирующими себя в качестве представителей гражданского общества. Далеко не всегда такие структуры являются

независимыми от политических партий, военно-промышленного комплекса, транснациональных корпораций. Более того, они способны преследовать и собственные цели. Пример: фонд Сороса. Ограничивая деятельность институтов власти и национального бизнеса, организации, мимикрирующие под агентов гражданского общества, могут продвигать интересы определенных финансовых и социальных групп, в том числе, в формате законодательных инициатив. Правовая безграмотность и политическая пассивность позволяют динамичным агентам западного гражданского общества конструировать и воплощать в жизнь антигуманные проекты и программы.

Озабоченность вызывает явное преувеличение значимости и универсальности западных ценностей. Демократия и гражданская культура – сущности эмпирически не подкрепленные и не измеряемые. Перенос таких ценностей за пределы Запада дает непредсказуемые результаты. Однако адекватность западных ценностей и «правил» под сомнение не ставится. Проблема якобы в отсутствии у «плохого» условного глобального Юга гражданского общества, либеральных традиций и прочих атрибутов «правильной» цивилизации.

Исторические факты свидетельствуют: спекулируя ценностями западной демократии и идеалами гражданского общества, определенные политические силы радикально трансформируют социально-политическое пространство стран и регионов, не готовых к принятию пусть и апробированных, но чуждых идей.

Современный социум столкнулся с пока неразрешимой задачей: как противостоять потоку недостоверной информации в условиях коммуникационной революции, связанной с распространением и бесконтрольным функционированием СМИ и социальных сетей? Западное гражданское общество оказалось неспособным действительно противостоять манипуляциям общественным сознанием, бессмыслице и распространению откровенной лжи. Насыщение информационного пространства однотипной агрессивной информацией оставляет человеку мало шансов на сохранение себя в качестве носителя критического мышления.

Таким образом, теория гражданского общества отдалается от социальной практики. Это теория требует корректировки, успех которой будет зависеть от того, насколько агенты данной теории готовы стать политическими реалистами и эмпириками, признать важность скептицизма и фаллибилизма, отказаться от несбыточных надежд, фетишизации демократических идеалов и примитивного евроатлантизма.

Список литературы

1. Коэн Дж. Гражданское общество и политическая теория / Дж. Коэн, Э. Арато; Пер. с англ.; общ. ред. И. И. Мюрберг. – М.: Весь мир, 2003. – 784 с.
2. Бауман З. Свобода / З. Бауман; Пер. с англ. Г. М. Дашевский, предисл. Ю. А. Левада. – М.: Новое издательство, 2006. – 132 с.

**МЕЖМУНИЦИПАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ
«ФЕСТИВАЛЬ КУЛЬТУРЫ ПАМЯТИ – ДЕНЬ БЕССМЕРТНОГО
ПОЛКА: ПАРЕНЬ ИЗ НАШЕГО ГОРОДА»**

Бородулин С. Н., канд. экон. наук,
МОО ПД «Бессмертный полк Победы», г. Санкт-Петербург, РФ
orgkomitet1@yandex.ru

Введение. При создании философской презентации социокультурных практик и проектов основанных на экзистенциальном выборе возникает потребность обратиться к экзистенциальным концепциям культуры Н.А. Бердяева, Л. Шестова, С. Франка, М. Хайдеггера, Ж.П. Сартра, А. Камю. Их концепции являются основами для развития философского диалога при презентации творческой концепции организации и проведении в Санкт-Петербурге и новых регионах РФ первого в России Фестиваля культуры Памяти.

Цель статьи – презентация возможностей проведения философских диалогов связанных с экзистенциальным выбором на фестивальных площадках, организуемых в рамках реализации межмуниципального проекта «Фестиваль культуры Памяти – День Бессмертного полка: парень из нашего города»

Основная часть. В своем историческом выступлении на пленарной сессии XX заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» (05.10.2023) В.В. Путин обратился к общественным организациям с предложением сформулировать свою позицию в отношении инцидента в Канадском парламенте связанном с глорификацией и героизацией нацизма, необходимостью проведения денацификации на Украине.

С точки зрения экзистенциального выбора, в этом обращении была обозначена не только проблема цены экзистенциального выбора Западом и Украиной средств борьбы против России, но и проблема гражданского выбора стоящего перед международными общественными организациями и организациями России.

В более чем трёхчасовом выступлении В.В. Путина, обращение прозвучало в таких словах: «...надеюсь, что всё-таки, как-то, общественные организации, те, кому небезразлично Будущее человечества, сформулируют свою позицию ясно, однозначно и с осуждением того, что произошло...»; «Наша общая цель, - добиться денацификации Украины».

Фактически, сам факт организации и проведения Бессмертным полком Победы первого в России Фестиваля Памяти полностью отвечает высказанным предложениям Президента России.

Ибо, одной из концептуальных целей Фестиваля является реализация выбора культурных стратегий в сфере сохранения личной, семейной, духовной и исторической Памяти.

И такие культурные стратегии могут быть положены в основу денацификации Украины.

Развитие культуры Памяти и фестивальной культуры на основе традиционных культурных, экзистенциальных, мемориальных ценностях, это основная задача, решаемая участниками Фестиваля культуры Памяти.

Она решается, с одной стороны, путем преодоления западной фестивальной традиции, построенных на «культуре страха и ненависти», «культуре развлечений».

С другой, с опорой на исторические традиции проведения первых Фестивалей Памяти, которыми явились послевоенные международные Фестивали молодежи и студентов; использования потенциала наследия солидарности сформированного в результате поддержки антифашистского, антиколониального, антиимпериалистического движения.

Инфраструктура фестиваля предусматривает возможность проведения разноуровневых фестивальных диалогов, в том числе, научных диалогов, выстраиваемых по линии «Концептуальное искусство, как способ философствования»; работы фестивальных клубов Памяти «Белый пароход» (памяти русских философов и социологов Н. Бердяева и П. Сорокина), «Белая роза» (памяти казненных участников мюнхенской антифашистской группы, родившихся в России), «Молодая Гвардия: память Подвига».

Также, продолжение и обогащение фестивальных философских диалогов возможно в рамках работы фестивальных арт-резиденций, в которых в ряде основных резидентов могут являться представители научной и университетской среды.

Университеты, в том числе, «Донецкий государственный университет», в рамках поддержки и развития фестивальных инициатив, также, могут заявить о создании фестивальной площадки для реализации части программных мероприятий Фестиваля культуры Памяти, связанных с 10-летием образования Донецкой Народной Республики.

Участие университетов в программных мероприятиях Фестиваля культуры Памяти, направлено на обмен опытом участия университетов в развитии фестивальной культуры в области гражданско-патриотического воспитания.

Программой Фестиваля культуры Памяти предусмотрено:

24.01.2024 – 28.01.2024. Проведение первой Фестивальной сессии в 2024 году на главной площадке фестиваля в Санкт-Петербурге, Городе Герое Ленинграде.

Первая фестивальная сессия «Ленинградский День Победы» (в честь 80-летия Дня полного освобождения Ленинграда от немецко-фашистских

захватчиков и учреждения первой советской военной медали «За оборону Ленинграда» (22 декабря 1942 года).

30.04.2024-27.09.2024. Проведение второй Фестивальной сессии «Память Земли» планируется на площадках фестиваля, создаваемых в Городе Воинской Славы Брянске и в Городе Партизанской Славы Дятьково; г. Бердянске, или г. Мариуполе (по согласованию с Министерством культуры ДНР).

Девизом проведения фестивальных сессий являются слова Ольги Берггольц: «Воспеть Победу, – это воспеть Путь к ней!»

Заключение. Презентуемый философский и концептуальный подход в организации и проведении первого «Фестиваля культуры Памяти – «День Бессмертного полка: парень из нашего города», реализуется в рамках гражданской и общественной инициативы МОО ПД «Бессмертный полк Победы».

Данная инициатива дополняет многолетнюю практику организации Шествий Бессмертного полка, в День Победы 9 мая, на Невском проспекте, трансформируя её в одну из сложившихся на постсоветском пространстве культурных традиций, которая становится существенной частью развития духовной и исторической культуры Памяти, а также, частью научной, духовной и общественной дипломатии Памяти.

В совокупности, развитие культуры Памяти и фестивальной культуры Памяти, явится тем конкретным общественным вкладом в денацификацию Украины и формирование достойных ответов в сфере духовной и исторической Памяти, позволяющих осуществить и поддержать совместный экзистенциальный выбор Донбасса и России.

Список литературы

1. Выступление В.В. Путина на Валдайском форуме 05.10.2023. –Текст: электронный // URL: <https://rutube.ru/video/e8bf7f5f26d2c9327309832f0f866de0/> (дата обращения: 05.10.2023).

УДК 39.392

ЦЕННОСТНАЯ СУЩНОСТЬ БЫТИЯ СЕМЬИ

Буланая Ю. В.

ФГБОУ ВО «Донецкая академия управления и государственной службы», г. Донецк, РФ
buv7777@gmail.com

Введение. На протяжении истории человечества было сформировано весьма целостное представление о семье как сложном социальном феномене.

В разных обществах и культурах, несмотря на ряд существующих отличий, оценка семьи, ее корни, ценностно-смысловая сущность имеет в большей степени общую характеристику.

Цель статьи – осмысление сущностного содержания понятия ценности в философском аспекте, рассмотрение семьи как общечеловеческой ценности.

Основная часть. Ценности в своем многообразии являются ключевой составляющей человеческого мира, они не существуют вне человечества и вне человека, они обнаруживаются и формируются существованием в мире человека.

Ценности являются онтологическими связями человека и мира, порождаемые практикой, историческим опытом, выполняют основные сферы общественного бытия, предписанные самим человеком, поэтому они не образуют другого мира, отличного от мира вещей, идей, отношений.

Вступая в бытие, человек находит существующую систему как мир ценностей, поэтому приходя в мир, человек уже зависим от множества людей внешне, внутренне, зависим от контекстов, в которых он находится в виде норм, принципов, идеалов, стандартов, создающих конкретно-историческую систему ценностей.

Таким образом мир социальности – это ценностный мир и жизнь человека до его индивидуального рождения детерминирована ценностями.

В качестве базового определения сущностного свойства ценности можно рассматривать любое понятие: вещь, принцип, максима, норма, идея, символ и так далее, потому что все они выражают ценностное содержание.

Более объемное определение понятия ценности, как одной из части по отношению к культуре может быть соизмеримо с такими понятиями как бытие и познание.

В связи с этим, понятие ценности есть понятие высокого уровня, и поэтому имеет весьма обширный диапазон определений – социального, философского, психологического, культурологического. Однако в философском аспекте понятие ценности, вбирая все иные значения определения ценности, владеет большей степенью сущностного содержания и сводится к предельным смысловым ориентирам, ради которых живет человек, ради, которых существует общество.

Ценности не существуют автономно, они взаимосвязаны друг с другом, таким образом существует некая система ценностей, где одна ценность предполагает, что есть другая ценность.

В обществе, в котором существует упорядоченная иерархическая система ценностей, все социальные институты, социальные отношения, в том числе и человек как общественный микрокосм, являют собой ценностное в своей сущности явление. Вопрос стоит в том, чтобы

определить форму бытия этих ценностей, структуру, выделить те характеристики, которые более полно раскроют содержание каждого из этих элементов социальной системы.

Семья – один из самых важных структурных элементов общества, непростой социокультурный феномен, который появился раньше наций, государств и классов. Семья обладает консолидирующей функцией, выступает как жизненно важный социальный институт передачи от поколения к поколению семейных ценностей, которые в свою очередь являются ядром традиционных ценностей, этнических норм.

Узловым фактором детерминации семьи как социально важной ценности является выработанное массовым сознанием отношение к семье как к существенной норме бытия, значимость которой определяется возможностью воспроизводства человеческого рода, ее воспитательным потенциалом, обеспечением материальной и духовной целостностью человеческого существования.

Данное понимание семьи отображает аксиологический подход как одной из наивысших общечеловеческих ценностей.

В случае, когда семья понимается как микромодель общества, тогда формирование идентичности личности должно идти по пути от ценностей семьи к ценностям общества.

В творчестве русского философа П.А. Флоренского прослеживается диалектическая взаимосвязь между социумом и семьей, подчеркивающего, что культура и традиции создают определенный тип семьи, и именно в семье, как социальном институте, происходит формирование индивидуального и общественного сознания.

П.А. Флоренский утверждал, что семья «как орган высшего целого» непосредственно связана с такими понятиями как государство и род, она является духовным и культурным транслятором системы ценностей рода, обеспечивает преемственность поколений [1]

Благодаря нравственным ценностям осуществляется передача социального опыта от поколения к поколению. Духовные ценности семьи обладают долговечностью и часто представлены вещественно [1].

Подтверждение взаимозависимости духовного развития общества и семьи, сформированное на чувстве взаимной духовной сопричастности, отражено и в работах И.А. Ильина.

В отношении воспитания в семье мыслитель И. А. Ильин указывает, прежде всего, на то, что «самое важное в воспитании – это духовно пробудить ребенка и указать перед лицом грядущих трудностей, а может быть, уже подстерегающих его опасностей и искушений жизни – источник силы и утешения в его душе.

Надо воспитывать в его душе будущего победителя, который умел бы внутренне уважать самого себя и утверждать свое духовное

достоинство и свою свободу, – духовную личность, перед которой были бы бессильны все соблазны и искушения современного сатанизма» [2]

Основная задача аксиологии в мысли русского религиозного мыслителя Н. О. Лосского выражается в «установлении абсолютных ценностей и преодолении аксиологического релятивизма, т. е. учения, утверждающего, что все ценности относительны и субъективны.» [3]

Абсолютность ценностей Н. О. Лосский возносил к существованию Божию.

«Цель эта, как и подобает Духу, может заключаться лишь в том, чтобы весь строй мира и всякое событие в нем служили побуждением к развитию духовности в особях духовно-материального царства». [3]

Согласно Н. О. Лосскому достичь царства абсолютной полноты жизни, а следовательно, абсолютной самоценности может только свободная личность на пути своего духовного развития.

Принимая во внимание, что семья суть система ценностей, стало возможным рассуждать об абсолютном уровне бытия семьи, конкретно-исторических формах универсалий (этнонациональных, цивилизационных и прочих), а также об индивидуально-личностном уровне бытия семьи.

Заключение. Изучение отечественной традиции осмысления феномена семьи позволяет сделать вывод о том, что необходимо рассматривать семью с позиций аксиологического подхода, то есть как высшую индивидуальную и общечеловеческую ценность.

Образ семьи в трудах русских философов П. А. Флоренского, И. А. Ильина, Н. О. Лосского, В.С. Соловьева, В.В. Розанова, Н. А. Бердяева сопоставлялся в полной мере с завершенностью, целостностью, совершенством, высокой духовной организацией жизни, сферой реализации любви.

Список литературы

1. Флоренский П.А. Генеалогические исследования М.: Московский рабочий, 1992. – 559 с
2. Ильин И.А. Религиозный смысл философии. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 58 с
3. Лосский Н. О. Ценность и бытие / Н.О. Лосский. – М.: АТС, Х.: Фолио, 1994. – 864 с.

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ДИАГНОСТИКИ И ЛЕЧЕНИЯ ПСИХИЧЕСКИХ РАССТРОЙСТВ С ГАЛЛЮЦИНАТОРНОЙ СИМПТОМАТИКОЙ В ПСИХИАТРИИ ПОСТМОДЕРНА

Вишняков А. В., Михайлов А. Е., канд. филос. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Кировский государственный медицинский университет, г. Киров, РФ
mishakrossingover@gmail.com

Введение. В настоящее время одним из важных направлений в развитии современной психиатрии является исследование патогенетических механизмов и клинического разнообразия галлюцинаций у пациентов с психическими расстройствами. Более глубокое и всестороннее рассмотрение данной проблематики предполагает комплексный междисциплинарный подход, в котором нейробиологические науки выходят за рамки сложившихся узких специализаций в область вопросов, традиционно считавшихся философскими [1, 2]. В свою очередь современная философия не может игнорировать происходящие в различных сферах изменения. Как отметил доктор философских наук академик РАН А.А. Гусейнов во время Международной научно-практической конференции «Общественные науки и развитие высшего образования» (СПбГУП 22.09.2023 года): «Всякое существенное изменение в развитии науки и технологии, точно также, как всякое качественное изменение в социальном положении и развитии, ведет к изменению философии. То есть эпоха – и в социальном, и в научно-технологическом измерении – и является тем предметом, который требует философского осмысления» [3].

Цель доклада – выявление философских оснований научных исследований в психиатрии постмодерна, в рамках которой разрабатываются новые методы диагностики и лечения психических расстройств с галлюцинаторной симптоматикой.

Основная часть. Вступление психиатрии в эпоху постмодерна характеризуется усложнением решаемых клиницистами лечебно-диагностических задач. К наиболее значимым факторам, определяющим специфику постмодернистского медицинского дискурса в области психиатрии, относятся:

- релятивизация любых суждений о психическом здоровье;
- нарастающая множественность конструируемых виртуальных реальностей;
- активность антипсихиатрического движения.

Но в складывающейся ситуации следует отметить и положительные аспекты:

- спорный статус ряда диагностических критериев является основанием для корректировки последних с целью улучшения тактики лечения пациентов;

- виртуализация многих сфер общественной жизни создает возможность сбора материала для исследований за пределами медицинских организаций;

- наконец, конструктивный диалог с антипсихиатрией способствует снижению стигматизации лиц с психическими расстройствами [2].

Современные методы диагностики и лечения психических расстройств опираются на различные нейробиологические концепции. При этом рациональная проработка смыслового содержания и логического структурирования диагностического процесса предполагает включение в этот процесс философии. Философское осмысление возникающих в психиатрии постмодерна теоретико-методологических проблем способствует повышению корректности при выборе той или иной концепции в зависимости от целей психиатра, психического статуса пациента, а также социокультурного контекста, в котором реализуется лечебно-диагностический процесс [1]. Так, А. Clark (2015) и М. Colombo (2020) было установлено, что при работе с пациентами, испытывающими слуховые галлюцинации, предпочтительнее опираться на «модель нарушения мониторинга собственных намерений». Согласно данной концепции, вербальные обманы восприятия возникают при дефиците сигналов, позволяющих пациенту отличить свои мысли от голосов из внешнего мира.

В случаях со зрительными галлюцинациями, более предпочтительной является «концепция ошибочного предсказания», согласно которой свои ожидания пациент принимает за реальность [1]. Таким образом, складывающийся в современной нейрокогнитивной науке подход следует традиции К. Ясперса, считавшего философию инструментом расширения возможностей познания психиатра и сформулировавшего основные положения феноменологического направления в психиатрии [4].

Обращение к философии также способствует развитию психиатрических исследований при разработке методов анализа языка, на котором пациент сообщает специалисту о своих галлюцинаторных переживаниях. Специфика этого языка определяется особенностями конкретной нозологии, интеллектуально-мнестическими способностями пациента, а также его социокультурными установками. Похожую задачу решает философия и при поиске средств взаимодействия психиатрии с антипсихиатрией [5].

Виртуализация сознания психиатрических пациентов способствует усложнению патоморфоза психических расстройств. Так, содержание галлюцинаторно-бредовых синдромов изменяется под влиянием

информации, получаемой пациентами в виртуальном пространстве [6]. В этом случае для выявления тенденций в динамике качественных изменений клиники того или иного заболевания особо значимым становится философский метод единства исторического и логического.

Заключение. При совершенствовании диагностики и лечения психических расстройств, сопровождающихся галлюцинаторным синдромом, философия способствует решению возникающих при этом теоретико-методологических и клинико-динамических задач. Философское осмысление проблематики психиатрии в условиях постмодерна дает возможность повысить адекватность интерпретации ускоряющихся изменений социокультурного контекста.

Список литературы

1. Wilkinson, S. Thinking about hallucinations: why philosophy matters/ S. Wilkinson, H. Green, S. Hare, J. Houlders, C. Humpston, B. Alderson-Day // Cogn Neuropsychiatry. – 2022. – Vol. 27(2-3). – P. 219-235. DOI: 10.1080/13546805.2021.2007067.
2. Менделевич, В.Д. Проблема диагностики психических и поведенческих расстройств в эпоху постмодернизма / В. Д. Менделевич // Экспериментальная психология. – 2015. – Том 8. № 3. – С. 82–90.
3. Академик РАН А.А. Гусейнов: «Философия должна откликнуться на технологические изменения». – Текст: электронный// Портал «Научная Россия». – 2023. – URL: <https://ru.scientificrussia.ru/articles/akademik-ran-aa-gusejnov-filosofia-dolzna-otkliknuta-na-tehnologiceskie-izmenenia> (дата обращения: 29.09.2023).
4. Ясперс, К. Общая психопатология / К. Ясперс, 1942. – М.: Азбука-Аттикус, 2019. – 1920 с.
5. Филиппова, Л.Б. Философия психиатрии/ Л. Б. Филиппова, М. А. Мелешенко, А. А. Мелешенко// Мир науки и мысли. The World of Science and Ideas. –2023. – № 1. – С. 15-21.
6. Максимов, В.И. Патоморфоз психических заболеваний/ В. И. Максимов // Современная терапия в психиатрии и неврологии. – 2016. – №4. – С. 14-18.

УДК 141.78

ФИЛОСОФИЯ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПОСТМОДЕРНИЗМА

Волобуева А. А.

ФГБОУ ВО «Луганский государственный аграрный университет
имени К.Е. Ворошилова», г. Луганск, РФ
aveda_kontinental@mail.ru

Введение. В современном информационном обществе СМИ играют огромную роль в формировании нашего мировоззрения и влияют на каждый аспект жизни. Однако, средства массовой информации не только

передают информацию, но и воздействуют на наши представления о реальности. В контексте осмысления эпохи постмодернизма особое значение приобретает философия средств массовой информации, которая помогает разобраться в том, каким образом СМИ формируют (искажают) представление о мире.

Основная часть. С одной стороны, средства массовой информации расширили доступ к знаниям и позволили людям получать информацию из разных источников. Но, с другой стороны, они создают своеобразную реальность, где факты становятся относительными, а истина – спорной категорией. Философия помогает нам осознать эту проблему и задать вопросы: Какие интересы лежат за определенными новостями? Каким образом информация подвергается цензуре или искажению? И что делать для того, чтобы получить более объективную картину мира? Далее мы рассмотрим основные концепции философии средств массовой информации в контексте постмодернизма и попытаемся найти ответы на эти вопросы.

Философия изучает не только технические аспекты коммуникации, но и широкие социокультурные последствия этого процесса. В постмодернизме, характеризующемся разрушением граней и утратой центральности, СМИ играют ключевую роль в создании и формировании новых образцов знания и коммуникации. Однако, они также вызывают опасения относительно возможного потерянного контроля над информацией. Философия поднимает вопросы о воздействии СМИ на формирование общественного сознания, конструкции реальности и культурных стандартов. Она анализирует механизмы манипуляции информацией и проблемы, связанные с ее достоверностью. Ключевые понятия философии средств массовой информации – это «развлекательный капитализм», «информационная эстетика» и «информационное общество». Они позволяют изучать влияние СМИ на потребителей информации, а также на саму структуру и функцию общества.

Основные концепции постмодернизма (такие как отрицание объективной истины, разрушение метанарративов и фрагментация знания) оказывают значительное влияние на средства массовой информации. В постмодернистском контексте средства массовой информации представляют собой не только инструмент передачи информации, но и являются активным участником процесса формирования реальности. Одной из основных концепций постмодернизма является плюрализм знания, в рамках которого отвергается идея возможности существования единой объективной истины. Средства массовой информации в постмодернистском обществе становятся не столько трансляторами фактов, сколько создателями различных версий событий. Отсутствие единого критерия правды приводит к возникновению параллельных дискурсов, где каждая сторона имеет свое понимание событий.

Другой важной концепцией постмодернизма является деконструкция метанарративов. Метанарративы – это общепринятые системы ценностей, идеологий и знаний, которые определяют общественное сознание. Средства массовой информации в постмодернизме разрушают эти метанарративы, предлагая альтернативные интерпретации и понимания реальности.

В постмодернизме отказываются от привычных истин и утверждений, считая их относительными и подверженными изменениям. СМИ, основанные на принципах неопределенности и разнородности, становятся инструментом для создания этой новой культурной парадигмы. Средства массовой информации вводят людей в мир разнообразных интерпретаций и перспектив, вызывая сомнения в традиционных ценностях и нормах. Они предлагают альтернативные точки зрения на политику, общество, культуру, что помогает развить критическое мышление и способность видеть многообразие возможных версий действительности.

В постиндустриальном обществе СМИ оказывают огромное влияние на формирование человеческого сознания. Информация передается мгновенно со всего мира, что позволяет людям быть более осведомленными о происходящем. Однако это также может привести к информационному перенасыщению и потере ориентации в море различных точек зрения. Средства массовой информации стимулируют индивидуальное самовыражение и развитие субъективного опыта.

С другой стороны, средства массовой информации становятся объектом критики и вызывают ряд вопросов. Одним из них является идея о потере оригинальности и подмене реальности. В условиях глобализации и развития технологий, средства массовой информации не только предоставляют информацию, но и формируют ее, создавая своеобразную «консенсусную реальность». Это приводит к утрате индивидуального опыта и манипулированию мыслями. Другая проблема, возникающая в контексте постмодернизма, – это потеря самой значимости истины. Философия средств массовой информации демонстрирует скептицизм относительно объективности знания и подвергает сомнению возможность достижения абсолютной правды. В результате этого происходит размывание дихотомии «правда–ложь», что ведёт к повышению степени самозванства в общественном дискурсе. Также следует отметить проблему манипуляции и контроля над массовым и индивидуальным сознанием.

Заключение. Подводя итог, отметим, что в постмодернистской эпохе взгляды на философию средств массовой информации находятся в постоянном развитии, отражая изменения в технологии и социокультурных трендах. Одной из основных перспектив развития является расширение понимания медиа-философии и её связь с другими областями знания. Во-первых, постмодернизм предлагает новые подходы к

анализу средств массовой информации, отвергая классическую дихотомию «истина–ложь» и призывая к переосмыслению всех проявлений медийной реальности. Это позволяет философии средств массовой информации более глубоко исследовать вопросы о конструкции знания и его влиянии на общество. Во-вторых, развитие технологий связи ставит перед философией задачу анализа новых форм коммуникации и интеграции информационных систем. В контексте интернета и социальных сетей возникают новые проблемы, такие как цифровая индивидуализация, анонимность и фильтрация информации. Философия должна учитывать эти изменения и предлагать новые концепции, которые помогут лучше понять влияние средств массовой информации на общество.

Список литературы

1. Грицанов А. А. Постмодернизм. Энциклопедия / А. А. Грицанов, М. А. Можейко. – Минск: Книжный Дом, 2001. – 1097 с.
2. Павлова Е. Д. Сознание в информационном пространстве / Е. Д. Павлова. – Москва: Academia, 2007. – 684 с.
3. Философия коммуникации. Теоретико-методологические аспекты / Под ред. С. В. Клягина, О. Д. Шипуновой. – СПб.: Политехнический университет, 2017. – 272 с.

УДК 111+165

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РЕАЛЬНОСТИ: СИНТЕЗ ДВУХ ПРОГРАММ

Волошин В. В., д-р филос. наук, доц.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
v.voloshin@donnu.ru

Социальная реальность есть подвид «большой» реальности, ее специфический частный случай. Анализ части предполагает пропедевтическое объяснение целого. Нашей целью не является определение концепта «реальность». Попытаемся лишь эксплицировать его содержание в двух взаимосвязанных программах – онтологической и эпистемологической.

И. Кант сформулировал простой (на первый взгляд) и одновременно фундаментальный философский вопрос: «Что я могу знать?». Если ставится ударение на местоимение «что?» – мы попадаем в сферу интересов онтологии. Если акцентируется внимание на глаголе «знать» – перед нами эпистемологическая тема.

Провести четкую и общезначимую границу сложно, так как любое знание предполагает синтез вещей и мыслей, объективного и

субъективного. С. Л. Франк указывает на двусмысленность и неполноту слова «онтология» и настаивает на объединении теории бытия и теории познания в единый массив, предлагая именовать его «старым аристотелевским термином *«первой философии»* [1, с. 39].

Ключевая философская проблема, в понимании К. Р. Поппера, решается исключительно в рамках такой «первой философии». Речь идет о «космологической проблеме» – познания мира и нашего знания, как части этого мира [2, с. 9].

И. Т. Касавин считает, что противопоставление онтологической и эпистемологической точек зрения реанимирует дуализм субъективности познания и объективности его внешних условий. Онтология констатирует результаты постижения реальности, эпистемология ведет речь о процедурах ее освоения и последующей информационной адаптации. «При потребности в надежном теоретическом или эмпирическом основании обращаются к онтологии; когда же теорию или факт хотят подвергнуть критике, мыслят эпистемологически. Онтология – это карта освоенной территории; эпистемология – это стратегия нового пути» [3, с. 76–77].

Можно предложить метод дихотомической философской аппроксимации. Тогда онтология *регистрирует* реальность такой, какой она есть (может быть) сама по себе; онтология – взгляд на реальность со стороны. Эпистемология же, будучи социально нагруженной, индексированной и ситуативной, *знает* реальность интерсубъективно, смотрит на нее изнутри. Онтологическое – это преимущественно реалистическое, эпистемологическое, в свою очередь, имеет конструктивистскую направленность.

Предметно-проблемная территория эпистемологии и онтологии исторически изменчива. Очерчивая границы и фиксируя ландшафт данной территории, проблематично избежать идеализаций, контекстов, оценок, предпочтений. Онтология представляет относительно стабильную панораму реальности, эпистемология – вариативный и подвижный процесс ее создания. Их строгая демаркация затруднена. Познающий и познаваемое находятся в противоречивых и сложных отношениях. Трудно обнаружить и артикулировать сугубо онтологические атрибуты, необходимые для описания и объяснения мира, без учета процесса его освоения. В свою очередь, знание невозможно без наличия внешних объектов – материальных и идеальных; очевидных, чувственно воспринимаемых и фактуальных, ненаблюдаемых, гипотетических, виртуальных и воображаемых.

«Реальность» – концепт, претендующий на статус метафизического. Это не препятствует его интуитивному восприятию в качестве осмысленного, имеющего референт. Но лишь до тех пор, пока данный концепт означает нечто вещно-фиксируемое, онтическое. Как только мы пытаемся подобраться к фундаментальному порядку мироздания в многообразии его

уровней и форм, прослеживаем связи и отношения, погружаемся в пространство идеальных сущностей, «реальность» превращается в интенционально неопределенное понятие с размытым экстенционалом. «Реальность – темное слово» (Б. Рассел), но оно остается своего рода научным семантическим примитивом, а его референт – опорой для наших мыслей. Замена «реальности» на другие концепты («бытие», «мир», «действительность», «Универсум») неизбежна. Ибо нельзя элиминировать модальности, лингвосемантические и методологические предпочтения. Такая игра словами придает мышлению новые онтологические интонации, но не упрощает понимание содержания, не способствует уточнению объема.

Иерархичность и сложность реальности порождает плюрализм онтологий, имеющих разные цели и задачи. Каждая из конкурирующих онтологий есть система знаний. Получение достоверного знания о мире (онтология) и анализ формирования этого знания, наряду с исследованием специфики мышления о реальности (эпистемология) – процессы диалектические. Вопросы онтологии – следствие эволюции тех или иных эпистемологических программ. Многозначность ответов на онтологические вопросы коренится не столько в реальности, сколько в наших знаниях о ней, знаниях неполных, гипотетических, ошибочных, релятивных.

Неопределенность понятия «реальность» обусловлена социально-витальными и мировоззренческими сдвигами, развитием науки, техники и технологий. Для объяснения мира дисциплинарных онтологий явно недостаточно. Следует подняться над ними. Поэтому наука обречена на контакт с метафизикой и апелляции к ее концептуальному каркасу. Последний представляет собой 1) ансамбль согласованных и непротиворечивых идей, принявших понятийную форму, 2) локальную языковую структуру (концептуальную схему), использование которой позволяет осмысленно вести речь о специфике существования относительно автономных сегментов реальности и их гносеологической доступности.

Метафизические элементы обнаруживаются во всех дисциплинарных онтологиях и региональных научных теориях. Их, наряду с научными моделями, гипотезами, прогнозами, уместно рассматривать как сконструированные возможные миры, достижимые из действительного мира.

Философия понимает реальность «качественно». Она может позволить себе метафоричность, фантазию, истинностные провалы, трансцендирование в деле описания и проектирования реальности, вплоть до создания недостижимых возможных миров. Минимизация негативной метафизики обеспечивается приданием высказываниям о реальности когерентности, простоты, точности, эмпирической проверяемости, фальсифицируемости.

Одним из инновационных трендов современной онтологии является переход на модальное мышление, которое хорошо вписывается в конструктивистскую парадигму. В отличие от мышления субстанционального, тяготеющего к реализму. Увлечение модальностями и семантикой возможных миров – черта постнеклассической рациональности. В ее формате гегелевское «все разумное – действительно, все действительно – разумно» обретает новые смыслы, генерируя креативные познавательные стратегии.

Трудно избавиться от «тайного антропологизма всякой онтологии» (О. Е. Столярова), не говоря уже о «слишком человеческом» измерении эпистемологии. Именно субъект познания конструирует индексы, контексты, абстрактные и гипотетические сущности, мысленные положения дел. Открытым остается вопрос об онтологическом статусе всех этих объектов и того логического пространства, в котором они располагаются (или могли бы располагаться). Актуализируется потребность в критическом анализе социального конструкционизма, стоящего на позициях радикального антиреализма: реальность есть лишь *знания* о ней, познание – это общение и конвенции, научные факты создаются человеком.

Реальный мир существует, это выделенный мир. Он не исчезает, если человек перестает верить в него или чего-то не знает о нем. Без признания того, что мир, населенный автономными объектами, бытийствует независимо от нас, наука и философия теряют свои основания.

Список литературы

1. Франк С. Л. Предмет знания. Душа человека / С. Л. Франк. – СПб.: Наука, 1995. – С. 36–416.
2. Поппер К. Логика научного исследования / К. Р. Поппер; пер. с англ. под общ. ред. В. Н. Садовского. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 565 с.
3. Касавин И. Т. Социальная онтология и социальная эпистемология / И. Т. Касавин // Эпистемология и философия науки. – 2014. – № 2. – С. 76–77.

УДК 101.9

А. ЗИНОВЬЕВ: МЫШЛЕНИЕ В ФОРМЕ ИСТИННОСТНОЙ МОРАЛЬНОСТИ

Гужа А. В., канд. филос. наук, доц.

ФГБОУ ВО «Донецкий национальный технический университет», г. Донецк, РФ
19andrey06@mail.ru

Особенность типа рациональности, присущей Зиновьеву, выражается в ее согласованном характере, где собственно логически-просчитывающие

аспекты сочетаются с моральной способностью суждения. Как раз эта моральная компонента есть то недостающее многим исследователям звено познавательного процесса, благодаря которому выдвигаемая трактовка в своей основной мысли оказывается глубже, точнее, адекватнее и, что самое важное, конкретнее, нежели трафаретные интерпретации сонма академических трудов целых институтов и академий.

Научная добросовестность крайне существенна, конечно, в любом исследовании, относящемся к природе или к обществу. Но во втором случае ее нарушение гораздо труднее верифицируется, учитывая, что на словах все горазды присягать высокому идеалу объективного, истинностного знания. Именно в социо-гуманитарных исследованиях правильно выстроенной моральности субъекта принадлежит онтообразующая роль в деле достижения истинностных характеристик бытия. Сколь редко это качество моральной взыскательности, не претендующей ни на поучающую риторику, ни на какие бы то ни было морализаторские интенции, столь же нечасто достигаемой оказывается и весомость суждений в сфере духовно-гуманитарной культуре.

Данная особенность познания, включающая и инструктивные (т.е. принципиально выполнимые) требования, и психологические оттенки (определяемые собственной внутренней, духовной работой по самовоспитанию), тесно смыкается с той логической практикой анализа, которую Зиновьев отработывал и шлифовал всю жизнь. Ведь мало провести и нужную выборку фактов, и быть честным в их интерпретации, не закрывая глаза на факты «неудобные». Надо еще верно проделать собственно обобщающую процедуру и выйти на реальную содержательность понятий, выражающих верный вывод из анализируемого материала. Здесь тоже сказывается качество научной добросовестности, но уже в плане формулировки взвешенных общих положений, в которых субъективный произвол, прогностические фантазии, утопические надежды и личные пристрастия исследователя сведены к минимуму.

Умение удержаться в контексте обоснованных выводов, не выходя в пространство спекулятивных (не в гегелевском понимании) суждений, обладающих только видимостью глубокой содержательности, составляет весомую часть зиновьевской мысли.

Устами одного из персонажей «Зияющих высот» бегло брошена хорошая мысль: «... моя теория, как и любая другая теория, тривиально проста, а научиться ею пользоваться очень сложно» [1]. Для гуманитарно-социальных дисциплин вообще характерен разрыв с практикой, хроническая схоластическая теоретизация и неумение дать конкретные рекомендации по текущей деятельности помимо бессильных пожеланий духовного роста и расширения сознания, которые должны произойти, видимо, исключительно массовым и могучим духовно-волевым усилием. Зиновьев избегает распространенной гуманитарной склонности к

декларации утопических и малосодержательных упований, наукообразно изображенных в виде некой концептуализации, и стремится к трезвой ясности мысли.

При этом не следует, разумеется, делать из мыслителя икону и пытаться непременно вычитать из текстов его работ некие обязательные скрытые прозрения, распознать тайные знаки и намеки, угадать иную мысль, нежели та, которую автор высказал непосредственно в ясных и логически точно оформленных суждениях. Не только о Зиновьеве, но применительно ко всякому основательному мыслителю, истинному философу можно утверждать, что его философская речь понятийно-буквальна, в ней прямо высказан соответствующий опыт само- и миропознания и мировосприятия. Мыслителю нет нужды прятать смысл, вуалировать понятое им, обращаться к фигурам умолчания, оставлять туманные указания и вообще запутывать суть дела. Ему не нужна фальшивая уклончивость – даже если вдруг он посчитает свои работы «не ко времени». Они всегда будут уместны, поскольку несут раскрытую и высказанную истинность. Другое дело, что сами тексты могут стать опасны для своего автора и вызвать гонения на него со стороны каких-либо структур – государственных, общественных, религиозных и проч. Зиновьев испытал весьма серьезные превратности судьбы вследствие публикаций своих публицистически-сатирических работ по советской действительности. Но такая ситуация как раз и свидетельствует о прямой речи философа, а это позволяет сразу подойти к ее смыслу вне домыслов и приписываний.

Прямой смысл социологических дескрипций Зиновьева отличается не только видимой логикой построения, но не исключает и косвенных противоречий. Так, говоря об идеологии партии будущего, он дает такую ее спецификацию: «Партия Будущего не должна рассматривать себя как представительницу интересов какой-то определенной части населения, каких-то угнетенных, эксплуатируемых, обездоленных и т.п. классов вроде пролетариата в марксистском духе. Это не значит, что такие категории членов человечества не существуют, - они существуют в изобилии. Но партия Будущего должна предоставить представительство их интересов другим организациям... Она должна осознать себя прежде всего как особое объединение, имеющее одну цель: разработку новой идеологии (идеологии будущего), пропаганду ее среди сограждан независимо от их социального положения, этнической принадлежности, пола, профессии и т. д...» [2, с. 150, раздел Партия Будущего].

Противоречие здесь в том, что партии изначально создаются на базе некой объединяющей идейной платформы, тогда как Зиновьев предполагает задачу выработки политической позиции как решаемой во внутрипартийной работе в условиях массового творчества ее приверженцев. Это, таким образом, совершенно не партия, а, по сути, религиозная организация.

Означает ли это, что Зиновьев в указанном фрагменте неправ? Да, ровно это и означает, но совершенно не требуется искать притянутые за уши оправдывающие объяснения или подтасовывать смысл сказанного, в чем здорово поднаторели не только, например, политики, но сами гуманитарии. Человеку вообще свойственно быть неправым, это его неотъемлемое качество именно как человека, который ошибается, но устремлен к истине. Ошибки мыслителей, при всей их действительной ошибочности, которую надо признать, имеют, вместе с тем, выход к пониманию действительного состояния дел.

В рассмотренном выше отрывке необходимая коррекция заключается в том, что термин «идеология» относительно будущего вообще должен быть оставлен за рамками продолжающегося понятийного анализа, поскольку его историческая роль сыграна и завершена. Она касается форм общественного сознания в границах отчужденных обществ, и там фактор идеологии есть имманентная сущностная составляющая человеческого бытия.

Можно входить в нескончаемые академические дискуссии относительно этих и иных толкований, но для их плодотворности изначально требуется признать полную справедливость рефрена, вынесенного на обложку последней работы Зиновьева: «Если в двух словах подвести итог эволюции человечества за прошедшую историю, он уложится в одну фразу: человечество как целое утратило смысл самого своего социального бытия. Оно убило сам фактор своего понимания» [4]. Такая трактовка разворачивает исследователя не к убаюкивающему повторению категориально выраженных наукообразных истин, а к творческому поиску с ясным осознанием всей его фундаментальности и моральной ответственности за свои суждения. Только такое мышление и оказывается действительным, оправдывающим свое существование и только оно в состоянии построить грядущую разумную действительность.

Список литературы

1. Зиновьев А. Зияющие высоты / А. Зиновьев. – URL:<http://www.zinoviev.ru/ru/zinoviev/textheights.pdf>(дата обращения 20.09.23 г.)
2. Зиновьев А. Идеология партии будущего / А. Зиновьев. - М.: Алгоритм, 2003. – 238 с. - URL:<http://gtmarket.ru/laboratory/basis/5623>(дата обращения 20.09.23 г.)
3. Зиновьев А. Логическая социология / А. Зиновьев. – М.: Социум, 2002. – 260 с.
4. Зиновьев А. Фактор понимания / А. Зиновьев. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – 528 с.

ПОЧЕМУ ЧЕЛОВЕК – ЭТО ВЗРЫВАЮЩАЯСЯ ГАЛЛЮЦИНАЦИЯ?

Гиренок Ф. И., д-р филос. наук
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова», г. Москва, РФ
girenok@list.ru

Введение. Современная русская философия, трактуя миф о пещере Платона, полагает, что выход из нее может случиться лишь посредством взрыва галлюцинаций.

Цель: показать философский смысл галлюцинаций и его связь с проблемой времени.

Основная часть. Галлюцинация – это то, чего нет, но одновременно это то, что показывает себя в качестве того, что есть. Вот это несоответствие между «есть» и «нет» и является причиной взрыва галлюцинаций.

Взрыва галлюцинаций, конечно бы, не было, если бы мозг или интеллект могли бы отличить галлюцинацию от вещи, в качестве которой она себя показывает. Но это невозможно, ибо мозг связан с психикой, а психика связана с движением среди вещей. Ни интеллект, ни психика не предназначены для того, чтобы быть причиной существования человека. Они исключают различие между образом и вещью. А человек существует на границе этого различия.

Взрыв галлюцинаций формирует образы. Образы складываются из фрагментов. Формирование образов есть формирование времени. Навигатором в мире образов является не интеллект и не психика, а сознание.

Человек не живет в мире, он всегда живет в картине мира. Жить в мире – значит не сознать. Сознать – значит не жить как природное существо.

Тело не является границей сознания. Сознание не является границей тела. Тело действует на тело. Сознание – на сознание. Только у грезящего тела может возникнуть чувство реальности. Никакой реальности самой по себе нет. Ни одно существо не имеет чувства реальности, кроме человека.

Потеря чувства реальности не ведет к потере чувства самого себя.

Заключение. Сознательный опыт порождает не деятельность миллиарда нейронов, а жизнь во времени. Жизнь во времени состоит в исполнении невозможных желаний, в стремлении заполнить их пустоту, вложить в них объект. Вот этими пустыми объектами и создается сознание как свойство жизни во времени. Выйти из пещеры Платона – значит учредить внутреннее время.

ХУДОЖЕСТВЕННОСТЬ В ЭСТЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ В. С. СОЛОВЬЕВА

Давыденко М. В., канд. филос. наук, доц.
АНОВО «Московский международный университет», г. Москва, РФ
davydenkomaryna@yandex.ru

Введение. Философия конца XIX – первой четверти XX века представляет интерес как период культурного перехода, трансформации художественных принципов, что сближает данное время и эпоху современных трансформаций в художественной и эстетической жизни. Подобно тому, как в настоящее время стремительно сдвигаются традиционные представления о границах искусства, ведутся поиски соответствующей моменту эстетической методологии, в эстетике конца XIX – первой четверти XX века был переосмыслена сама сущность и статус категории «художественность».

Зарождение русского религиозного эстетизма происходит под влиянием кризисных явлений в европейской религиозности, отказа от рационалистической философии и перехода к эстетической парадигме романтизма. Цель данной статьи – проанализировать сущность трактовки категории «художественность» в концепции одного из крупнейших религиозных мыслителей конца XIX – первой четверти XX века В. С. Соловьева.

Основная часть. В эстетической системе В. С. Соловьева значимое место отведено идеям красоты и искусства, как основе эволюции мира. Искусство и природа для мыслителя оказываются самыми полными проявлениями красоты в мире [1, с. 33]. Изучая эстетические основания природы, В. С. Соловьев выявляет сущностные основания красоты как полного слияния, соединения материального и духовного начал. В этом процессе происходит преобразование и пересоздание природной материи. Красота выступает у Соловьева как абсолютная ценность, безотносительная к чему-либо. Сквозь красоту «просвечивает» всеединая идея, суть которой, мыслитель определяет как свободу элементов в единстве целого. Мыслитель указывает на три стороны всемирной идеи: свобода (автономия бытия); полнота содержания(смысл); совершенство выражения (форма).

Красота для мыслителя выступает как один из аспектов всемирной идеи. Владимир Соловьев писал: «Для того, чтобы мы могли ощущать идею, нужно, чтобы она была воплощена в материальной действительности [1, с. 33]. Однако, природная красота еще не преодолевает тяжести материи, она побеждаема временем и смертью. Он отмечал: «...в природе темные силы только побеждены, а не убеждены всемирным смыслом, самая эта победа поверхностная и неполная и

красота природы есть именно только покрывало, брошенное на злую жизнь...» [1, с. 76].

В ряде работ мыслитель анализирует взаимосвязь художественного и природного начал, и приходит к выводу, что целью искусства является по сути продолжение великой природной работы. Деятелем же в этой работе выступает человек. Суть художественного творчества – реальное и глубокое «пересоздание» материальной действительности. В. С. Соловьев выступает в защиту тезиса о том, что добро не противоположно красоте, а наоборот, является его оборотной стороной. Для того, чтобы полностью реализоваться в мире эти две силы должны творчески воплотиться в человеке.

Исходя из понимания сущности красоты, В. Соловьев строит свою систему критериев художественности, рассматривая данную проблему в работах «Красота в природе», «Общий смысл искусства», «Первый шаг к положительной эстетике». В русле собственной концепции всеединства мыслитель указывает на общеидеальный критерий всемирной идеи: наибольшая самостоятельность частей при наибольшем единстве целого. Этот общеидеальный критерий определяет и критерий эстетического достоинства произведения искусства, который заключается в наиболее законченном воплощении идеального момента в данном материале [1, с. 33]. При этом слабая степень идеального бытия может быть хорошо воплощена в данном материале и наоборот. С точки зрения мыслителя, красота в искусстве определяется в первую очередь законченностью материального воплощения идеального момента, его степенью воздействия на реальный мир. Таким образом, основным художественным критерием для философа становится наибольшее соответствие идеального содержания (всемирной идеи, идеи добра) материальной форме различных видов искусства.

Понимание художественности В. Соловьевым тесно связано с видением им задач искусства. Они состоят, во-первых, в объективации глубочайших внутренних определений и качеств всемирной идеи, которые не могут быть выражены природой, во-вторых, в одухотворении природной красоты, в -третьих, в увековечивании индивидуальных явлений природной красоты. Искусство он понимал как процесс изменяющийся. В работе «Общий смысл искусства» Соловьев пишет: «Пока история еще продолжается, мы можем видеть только частные и отрывочные предварения «антиципации» совершенной красоты [2, с. 83]. Представления мыслителя о сущности художественности здесь конкретизируются. В понимании мыслителя подлинная красота в искусстве может проявиться трояко: через прямое выражение в прекрасных звуках и словах подлинной сущности вещей (в музыке и чистой поэзии), через воспроизведение явлений естественной природы в очищенном идеализированном виде (архитектура, классическая

скульптура, пейзажная живопись), через отражение идеала от несоответствующей ему среды, типически усиленной художником. В изобразительных искусствах художественность предполагает идеализацию действительности, приближение ее к идеалу, живое, правдивое и конкретное отражение истинно духовной жизни [1, с. 33]. Критерием совершенного искусства будущего философ полагал воплощение абсолютного идеала не в одном воображении, а в реальности. Это состояние искусства он обозначил как «свободная теургия».

В литературно-критических статьях Соловьева положения его эстетической теории были развиты. Так, анализируя творчество Пушкина, мыслитель поднимает вопрос о предназначении художника, пророческом значении поэзии, значении художественного творчества («эстетических аксиомах»). По убеждению Соловьева для искусства необходима восприимчивость души к воздействиям из надсознательной области, независимость от внешних целей. В статье «Поэзия А. К. Толстого» философ отмечает: «Истинный источник поэзии, как всякого художества, - не во внешних явлениях, а в самобытном мире вечных идей или первообразов [2, с. 33]. Истинный художник в своих произведениях все подвергает нравственной оценке, делая осознанный выбор между добром и злом. Он пишет: «Поэт одинаково отступил бы от истины, и тем самым от красоты, и в том случае, если бы он принял и изобразил зло как уничтожаемое теперь, а также и в том, если бы он не признал в нем отрицаемое и уничтожаемое [2, с. 391]. В цикле статей о русских поэтах существенным признаком художественности поэтического произведения мыслитель называет веру в изображаемое, восприятие его как истины. Он полагал, что для характеристики и оценки поэта очень важен вопрос об отношении его собственной сознательной мысли к его делу (гармония между мыслью и чувством).

Заключение. Таким образом, художественность в трактовке В. Соловьева определяется следующими признаками: отражение в произведении различных аспектов всемирной идеи («абсолютного идеала»), понимаемой как триединство Истины-Добра-Красоты (отсюда обязательное наличие со стороны автора нравственной оценки), законченность материального воплощения всемирной идеи, понимаемая как наибольшая самостоятельность частей при наивысшем единстве целого, правдивость, живость, конкретность художественных образов, гармония между мыслью и чувством художника.

Список литературы

1. Соловьев, В. С. Красота в природе / В. С. Соловьев. Философия искусства и литературная критика. – М.: Искусство, 1991. – 701 с. – ISBN 5-210-02462-8
2. Соловьев, В. С. Поэзия гр. А. К. Толстого. / В. С. Соловьев. Философия искусства и литературная критика. – М.: Искусство, 1991. – 701 с. – ISBN 5-210-02462-8

ПАРАДОКСЫ ОТЧУЖДЕНИЯ КАК ФИЛОСОФСКОЙ КАТЕГОРИИ

Даренская В. Н., канд. филос. наук, доц.

ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет», г. Луганск, РФ
vera_darenskaya@mail.ru

Отчуждение как неклассическая философская категория стала одной из наиболее «знаковых» для современной философии. Если отчуждение – это объективный первичный процесс отдаления человека от продуктов его деятельности, то его следующая стадия, которую можно определить как «самоотчуждение», уже представляет собой акт индивидуальный как отчуждение человека от других людей, от самого себя.

Отчуждение – «размытый» термин, поэтому нуждается в уточнениях. В целом можно выделить три направления его концептуализации: 1) отчуждение от результатов труда (марксизм); 2) отчуждение от самого себя как целостной личности в определенную узкую сферу «самореализации» (экзистенциализм), то есть превращение человека из субъекта в объект; 3) отчуждение от закономерности жизни (которая действительно служит моральной опорой) в сферу субъективной случайности (психологический подход). Марксистский подход исходил из того, что обобществление собственности решит проблему отчуждения, но реальный опыт социализма свидетельствовал об ещё большем отчуждении от результатов труда. Второй, экзистенциальный тип отчуждения намного глубже и содержательнее первого. Он является универсальным и не зависит от исторической эпохи, но связан уже духовным становлением личности. Третий тип отчуждения связан с падением человека в болезненное состояние, которое осознается только в тех случаях, когда масштаб индивидуальной жизни бесповоротно поменялся: то, что раньше казалось закономерным течением судьбы, стало видеться как одна из множества вариаций, причем далеко не лучшая.

Следует отметить и наличие позитивных трактовок отчуждения как понятия, фиксирующего процесса усложнения личностного и социального бытия. Так, например, в новой коллективной монографии литературоведов «Alienation» (2009) её составитель, известный теоретик литературы Гарольд Блум пишет: «По Фрейду, отчуждение, по сути, является отчуждением, которое он назвал “Сверхъестественным” (Unheimlich), что, как я уже утверждал в другом месте, является нашей современной версией Возвышенного. Возвышенное всегда было своего рода эффектом отчуждения, сверхъестественной отстраненностью, в которой мы воспринимаем Гомера, Данте, Шекспира, Мильтона, но приходим к убеждению, что в них мы узнаем наши собственные отвергнутые мысли,

возвращающиеся к нам, сияющие неким отчужденным величием, как выразился Эмерсон... В “Сумерках идолов” Ницше научил нас определенному виду презрения к самому акту говорения, поскольку то, для чего мы можем найти слова, уже мертво в наших сердцах» [3, р. xv-xvi].

В свою очередь, российский автор Е.Д. Шетулова в своей докторской диссертации предложила новое (неклассическое) истолкование проблемы отчуждения как процесса социальной дифференциации и системного усложнения социума. Она трактует «отчуждение как позитивный двигатель истории, способствующий инновациям и дифференциации общества» и отмечает его «парадоксальную роль и негативного фактора, и источника движения социальной жизни отчуждение выполняло в ходе человеческой истории» [2, с. 313].

Стоит ретроспективно рассмотреть основные наработки советской философии по проблеме отчуждения. В книге Ю.Н. Давыдова «Труд и свобода» (1962) проблема отчуждения рассматривалась как производная от конфликта культуры (самотворчества человека) и цивилизации (внешних устоявшихся форм жизни) и берет начало у Ж.Ж. Руссо [1, с. 54]. Выход автор усматривал в идеале всесторонне развитой личности, которая не будет нуждаться ни во внешнем принуждении, ни в подчинении других людей своим целям и интересам. Переход к такому гипотетическому будущему состоянию общества, в котором будет отсутствовать отчуждение, мыслился как имманентное преодоление противоречий общества, которое ныне существует и в котором отчуждение достигает апогея в форме капитализма. В свою очередь, концепция «овеществления» стала основной в советской трактовке отчуждения, поскольку здесь само отчуждение понималось материалистически, т.е. как производное от предметных отношений. Однако общая тенденция в советский период состояла в постепенном смещении понимания отчуждения – из социально-предметной области в нравственно-экзистенциальную. Ю.Н. Давыдов во втором издании своей известной в то время книги «Этика любви и метафизика своеволия: проблемы нравственной философии» (1989) дал классическое экзистенциальное понимание «отчужденного человека».

Концепция отчуждения также принципиально важна для понимания человека традиционного общества, который в силу специфики своей жизнедеятельности в определенной степени был «универсальной личностью» и еще не знал тех форм отчуждения, которые возникнут позже. Таким образом, заставляя человека заниматься самыми разными видами деятельности, уберегая его от излишней специализации, и ставя перед ним всегда новые задачи, традиционная цивилизация фактически понуждает человека к творчеству просто для выживания.

В социокультурном пространстве всегда существуют определенные формы отчуждения, которые являются неизбежными в силу разрыва социокультурных и духовных традиций. Освоение социокультурной

традиции и её главного духовно-мировоззренческого «ядра» позволяет человеку стать личностью и закрепить умения и навыки, с помощью которых личность может найти эффективные формы взаимодействия с социокультурной средой и гармонизации своего внутреннего мира для предупреждения самоотчуждения. Основой этого процесса является сознательная интенция на освоение традиции как главной (наряду с творчеством инноваций) ценности культуры.

Освоение культурных традиций предыдущих поколений позволит возродить и сохранить русскую духовную культуру, а стремление российского общества к переменам должно получить поддержку в духовном и социокультурном пространстве. Исходя из этого, в контексте исследования традиционного общества отчуждение можно определить, как универсалию культуры, обусловленную дискретностью передачи социокультурной традиции и требующей личного экзистенциального усилия для своего имманентного преодоления в форме восстановления социокультурной преемственности поколений. Анализ проблемы преодоления отчуждения в процессе продолжающегося исторического становления человека будет неполным, если не затронут вопрос о смысле бытия человека. Сама категория «смысла» и обозначает такую целостность бытия, в которой все противоречия и его отчуждение в искаженных социальных формах возвращаются к своему истоку.

Живая культурная традиция и связь поколений является главным фундаментом для гармоничного. Т.е. неотчужденного личностного бытия. Поэтому главный «ключ» к решению проблемы отчуждения – это восстановление разрушенных традиций духовного бытия человека в их конкретных социокультурных формах, каковыми всегда были и остаются религия, искусство, мораль и традиционная этика. В настоящее время это восстановление *de facto* стало государственной стратегией России, без которой невозможно её выживание в современном конкурентном мире. Это открывает новую перспективу философско-культурологических исследований форм бытия традиции в культуре и её духовно-ценностного содержания как основы исторического бытия России.

Список литературы

1. Давыдов Ю.Н. Труд и искусство: Избранные произведения. – М.: Астрель, 2008. – 670 с.
2. Шетулова Е.Д. Отчуждение в пространстве человеческой истории // Преподаватель XXI век. 2009. № 3. С. 313
3. Alienation / Ed. by H. Bloom, Hobby B. L.: Chelsea House Publishers, 2009. 256 p.

«РУССКИЙ КАНОН» КАК ОСНОВА АЛЬТЕРНАТИВНЫХ УЧЕБНИКОВ ПО ГУМАНИТАРНЫМ НАУКАМ

Даренский В. Ю., д-р филос. наук, доц.

ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет», г. Луганск, РФ
darenskiy1972@rambler.ru

Современные вузовские и школьные учебники по ключевым предметам гуманитарного цикла – истории, истории русской литературы и философии – в целом носят русофобский и антихристианский характер, даже не смотря на попытки их трансформирования после начала СВО. Это трансформирование под лозунгом «усиления патриотизма» фактически сводится к несоветской пропаганде, а не к восстановлению русской православной традиции. В. Багдасарян в статье «Священная история – основа национального самосознания» пишет: «В современных российских учебниках истории не только нет фактически сакральной составляющей, но и просто позитивные коннотации значительно уступают место негативным. Согласно проведённым расчётам по группе учебников по истории России, в целом по российской истории соотношение между негативной и позитивной информацией 3:1... Существующий сегодня в России тип учебников, противоречащий мировой практике формирования школьной исторической литературы, может быть охарактеризован как десакрализационная версия истории – антипод священной истории» [1].

Что можно сделать в этой катастрофической ситуации в системе образования? Высказывается даже мнение о том, что светские науки не могут излагаться с традиционной русской православной точки зрения и их нужно полностью отдать «на откуп» авторам, пишущих с либерально-западнических или несоветских позиций – в равной степени антихристианских и русофобских. Современные учебные пособия, к сожалению, остаются именно таковыми, поскольку с советского времени их содержание поменялось лишь «косметически», а часто остались даже те же самые авторы. При этом нет признаков того, что может произойти радикальное изменение в этом отношении.

В этой ситуации, используя возможности полной открытости любой учебной литературы в сети Интернет, настоятельно необходимо осуществить программу «Альтернативный учебник». Как показывают социологические опросы, среди студенческой молодежи примерно 5 процентов являются православными людьми и посещают храм, и еще около 25-30 процентов являются верующими и интересуются Православием. Развитию их в этом направлении продолжает препятствовать фактическая антихристианская пропаганда, которая

вносится преподавателями в учебный процесс. Ей можно противостоять, создав систему православных учебных пособий по ключевым гуманитарным дисциплинам университетской программы.

Каковы концептуальные основания этих учебных пособий?

Нам представляется, что в основу учебных пособий для православных студентов университетов по ключевым гуманитарным дисциплинам должны быть положены три главных принципа: *россиецентризм*, *христоцентризм* и *агиоцентризм*. Они означают, что в основу рассмотрения истории вообще и истории художественной литературы и философии должна быть положена русская православная традиция как магистральный путь и центр мировой культурной традиции, по отношению к которому все остальные являются периферийными. Смысловым «ядром» всего гуманитарного знания является Евангельское откровение и понимание человека как сотворенного по образу и подобию Божию. Высшим уровнем культуры является святость и жизнь во Христе, а все остальное оценивается исключительно с этой точки зрения.

В 2023 г. на научной конференции «Свято-Троицкие чтения» в РХГА им. Ф. Достоевского был сделан доклад известного православного историка-публициста Е. Холмогорова о современных учебниках истории в России, который шокировал всех слушателей. Как было показано в докладе, до настоящего времени содержание учебников истории почти не поменялось с советского времени: оно осталось не только атеистическим и материалистическим, но и русофобским, поскольку является абсолютно западоцентрическим – Россия рассматривается в них как вечно отсталая периферия Запада. Эти «учебники» истории с полным правом можно назвать учебниками русофобии, и поэтому не стоит удивляться широкой распространенности русофобского мировоззрения среди российской молодежи. Эта ситуация является катастрофической, но было бы очень наивно ожидать изменения существующей системы, которая охраняется чиновниками министерства. В этой ситуации единственным выходом является создание системы альтернативных учебников; например, свой вариант учебника истории уже создал и сам Е. Холмогоров [2].

В свою очередь, главной спецификой русской классической литературы, по сравнению с европейской, является доминанта духовного преображения человека – как результат православного воспитания народа. Основой преображения человека и культуры является образ Христа, совершенно по-новому определяющий все бытие человека. Высшим образом и онтологической основой самой возможности такого преображения является Воскресение Христово, открывшее нам путь к бессмертию. Именно этим определяется и высший смысл русской культуры. И.А. Есаулов предложил очень смелый и при этом очень точный термин «пасхальность» для русской словесности и культуры в целом. Только такой подход к русской литературе делает её мощным фактором

нравственного развития личности. Другие же подходы (социально-критический и эстетский) делают её, наоборот, разрушительным фактором.

Аналогичным образом, учебная дисциплина «Философия» должна выполнять роль одного из элементов духовного развития личности, но в том виде, в каком она существует в настоящее время, она чаще выполняет противоположную функцию. Это один из непреодоленных пережитков советского прошлого – до настоящего времени в здесь в мало измененном виде сохранились все пережитки «марксизма-ленинизма»: сциентизм, преклонение перед западной философией и отзыв философии от высшего уровня человеческого опыта – религиозного. В результате такой курс философии примитивизирует мировоззрение и разрушает национальное и нравственное сознание. В настоящее время остро необходимо взять пример с Китая, Индии и стран арабского мира, где курс философии в университетах более чем наполовину состоит из национальной традиции, а западная традиция рассматривается в качестве маргинальной и лишь в самом общем виде. В нашем случае изложение идей русской классической философии у нас должно занимать около половины времени, и по четверти времени отводить на восточную и западные традиции.

Курс истории философии в целом следует начинать с «Упанишад» и «Дао Дэ Цзина», а затем переходить к Платону, Аристотелю и Плотину, а затем к философии свв. Отцов Церкви, затем схоластике, Николаю Кузанскому, далее Р. Декарту и т. д. Все это имеет лишь подготовительный характер к изложению общего очерка философии на основе текстов русских религиозных философов 19-20 вв. Русский философский логос – это логос преображения человека во Христе.

Таковы основы «русского канона» гуманитарных наук. Естественно, что этот канон не может навязываться, но может быть только предметом свободного выбора каждого человека в условиях полной свободы и открытости информационного пространства. Учебники, утвержденные министерством, вовсе не обладают монополией в учебном процессе, и сам этот феномен «утвержденных учебников» является советским пережитком и не имеет аналогий нигде в мире, кроме двух идеологических государств – Китая и КНДР. В настоящее время реализуется «сетевой» принцип образования с полной свободой выбора своей культурной традиции.

Список литературы

1. Багдасарян В. Священная история – основа национального самосознания // <https://izborsk-club.ru/16331>
2. Холмогоров Е. Всеобщая история. Материалы к учебному пособию // <https://100knig.com/wp-content/uploads/2023/05/Vseobshhaya-istoriya-Sistematizirovannye-materialy.-Egor-Holmogorov.-proekta.pdf>

ЗНАЧЕНИЕ ОБЩЕКУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

Девятова С. В., д-р филос. наук, проф.
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова», г. Москва, РФ
welt1936@yandex.ru

Несмотря на грандиозные успехи в развитии науки, техники и технологии, человечество к третьему тысячелетию не сумело справиться с проблемой неграмотности населения. Сегодня в мире живет около 800 человек, не умеющих ни читать, ни писать. Но если перед многими развивающимися странами стоит задача ликвидации элементарной неграмотности граждан, то для развитых государств образование стало «важной сферой борьбы за лидерство, которое впоследствии может обеспечить стратегическое преимущество» [1, с.50].

Традиционно система среднего и высшего образования рассматривается как призванная давать учащемуся общекультурную подготовку, фундаментальные знания определенной дисциплины и узкоспециальные знания в рамках этой дисциплины.

Необходимо, однако, отметить, что в современном обществе существенно изменились ориентиры и статус образования. В настоящее время система образования уже со средней школы все в большей степени ориентируется на подготовку узкого специалиста. А учащийся, со своей стороны, выбирает наиболее востребованную в обществе специальность, не имея ни времени, ни желания заниматься тем, что находится за ее пределами. В результате, например, на столь востребованные сегодня специальности, связанные с ИКТ, в высшее учебное заведение приходят выпускники школ, не знающие географии, имеющие самые смутные представления как об истории, так и о современном этапе развития общества и культуры. А вуз, разумеется, не в состоянии заполнять подобные пробелы, ибо это не входит в его задачу, которая заключается прежде всего в том, чтобы дать учащемуся фундаментальную подготовку в определенной области науки и соответствующие узкопрофессиональные знания и навыки.

Мы уже находимся в парадоксальной ситуации. Динамичное развитие всех форм культуры (науки, искусства и т.д.) и становящийся благодаря развитию информационно-коммуникационных технологий все более свободным к ним доступ сопровождается резким падением интереса к их открытиям, изобретениям, достижениям.

А между тем снижение уровня общей культуры имеет очень серьезные последствия не только для отдельной личности, очевидно обедняя ее, но и для всего общества.

Человек – существо общественное, но при низкой общей культуре людей разных специальностей будет объединять не интеллектуальное пространство, а массовая культура, бытовые и потребительские интересы. Общекультурная платформа способна сплачивать поколения. Она укрепляет семьи, создавая возможность полноценного общения между ее членами и предотвращая превращение ее в молчаливое сожительство под одной крышей. Кроме того, если верно утверждение известного российского генетика В. П. Эфроимсона, что «ребенок к 9-10 годам приобретает практически полностью тот интеллект, с которым ему предстоит жить дальше, а в последующем развитии он обогащается только знаниями и умениями» [2, с.144], становится особенно очевидной принципиальная значимость высокого уровня общей культуры взрослых членов его семьи.

Мы постоянно слышим о ценностях демократии. Но необходимо помнить, что демократия – это прежде всего власть народа. И чем выше культура этого народа, тем более адекватно и плодотворно он будет осуществлять свою власть. Как известно, тоталитарное общество, напротив, не заинтересовано повышении уровня общего образования своих членов. Там человек, воспринимаемый как деталь государственного механизма, призван беспрекословно выполнять определенную ему функцию. В демократическом обществе человек должен быть разносторонне образованным, умеющим критически мыслить и эмоционально воспринимать действительность, противостоять попыткам превратить себя в объект манипуляций. Знание истории своей страны, особенностей ее культуры, традиций, достижений – важнейший фактор для формирования гражданственности и патриотизма.

Конечно, на формирование личности человека огромное воздействие оказывает общество, транслирующее свои ценностные ориентиры через внутреннюю и внешнюю политику, разнообразные средства массовой информации, социальные сети, произведения искусства и т.д. Однако ключевая роль здесь традиционно принадлежит семье и работникам образовательной сферы.

На систему требований к специалистам, работающим в системе образования влияют многие факторы – от общемировых до региональных. Вместе с тем, в ходе развития сферы образования сложился универсальный комплекс требований к преподавателю, без выполнения которых невозможно эффективно реализовать образовательный процесс.

Современная эпоха, характеризующаяся интенсивным развитием информационно-коммуникационных технологий, оказавшая значительное влияние и на «человека обучающего», и на «человека обучаемого», внесла в этот комплекс дополнения, сопряженные с необходимостью для преподавателя освоения ИКТ и умения их применять в процессе преподавания. «К классическому педагогу добавляется и сценарист, и режиссер, и дизайнер» [3, с.15].

Однако основное содержание этого комплекса не только «устояло» перед вызовами нашего времени. Более того, в современных условиях оно становится еще более значимым, чем прежде, ибо именно оно позволяет не сводить обучение к механическому процессу передачи и восприятия информации, а реализовывать его в формате именно человеческого общения, развивающего обе стороны, вызывающего положительные эмоции, стимулирующего стремление к саморазвитию.

Качества, прежде всего необходимые преподавателю можно условно подразделить на социально-психологические, индивидуально-психологические, интеллектуальные. Сюда следует отнести, в частности, психическую и эмоциональную уравновешенность; терпимость и тактичность; не только уважение чужого мнения, но и интерес к нему; готовность и умение вести диалог, способность в ходе изложения материала ориентироваться на слушателя. Преподаватель должен уметь аналитически и конструктивно мыслить, например, вычленять главную проблему и объяснять ее значимость, чувствовать баланс общего и частного. Эффективность обучения существенно повышают его умения творчески действовать, использовать различные стимулирующие приемы.

Нельзя быть хорошим преподавателем, не владея приемами эффективного общения, не обладая ораторскими и даже артистическими способностями. Вялое, монотонное изложение предмета даже великолепным специалистом в своей области, эрудированным и интересным человеком, сможет заинтересовать только единицы особенно увлеченных слушателей, оставив равнодушными абсолютное большинство.

Педагог, обладающий, помимо указанных качеств и еще и разносторонними знаниями, не только вызывает к себе больше уважения со стороны учащегося, что имеет немаловажное значение в образовательном процессе. У такого преподавателя значительно больше возможностей стимулировать стремление учащегося разобраться в изучаемом предмете, давая не просто совокупность определенных знаний, но вводя их в общекультурный контекст. Полученные таким образом знания будут более устойчивыми, помогут в формировании целостного мировоззрения учащегося и станут стимулом к совершенствованию его образования.

Список литературы

1. Миронов, В.В. Деформация образования в условиях трансформации современной культуры / В.В. Миронов // Экономическое возрождение России. – 2020. – № 1(63). – С.50-55.
2. Эфроимсон, В.И. Педагогическая генетика. Родословная альтруизма / В.И.Эфроимсон. – Москва: Тайдекс Ко, 2003. – 239 с. –ISBN 5-94702-019-X.
3. Сорина, В.В. Метавселенная и проблемы современного образования / Г.В. Сорина, Ф.Н. Гуров// Вестник Московского университета. Сер. Педагогическое образование. – 2022. – № 3. – С.9-23.

ОТ ДИСЦИПЛИНАРНЫХ ОБЩЕСТВ К ОБЩЕСТВАМ КОНТРОЛЯ – СДВИГ В ПОНИМАНИИ ВЛАСТИ И СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК

Диль И. В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова», г. Москва, РФ
sigerousgo@mail.ru

Осмысление социальной реальности с опорой на практики является «трендом» в социологии последних лет. Но эти исследования не являются сугубо социологическими: так, например, Бруно Латур выпускает ряд текстов, которые являются сугубо философскими и не направлены на анализ конкретного эмпирического материала (например, работа «Несводимое»). Анализ практик предполагает определенного рода отказ от опоры на большие нарративы, такие как «общество», «государство» и прочее. Общество не является той точкой, к которой можно редуцировать всякую произвольно взятую практику, оно, напротив, само должно быть объяснено. Таким образом, мы можем сказать, что рассмотрение социальных практик может играть генеалогическую (в смысле Фуко) роль – оно поможет нам понять нас и наше настоящее посредством такого концептуального рассмотрения.

Работа Мишеля Фуко «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» посвящена рассмотрению того, какую структуру имеют так называемые дисциплинарные общества. Сам Фуко характеризует предмет своего анализа: он занимается политической анатомией, которая не является «ни исследованием государства как «тела» (с его элементами, ресурсами и силами), ни исследованием тела и его окружения как маленького государства» [2, стр. 37-38]. Политическая анатомия является «исследованием «политического тела» как совокупности материальных элементов и техник, служащих оружием, средствами передачи, каналами коммуникации и точками опоры для отношений власти и знания, которые захватывают и подчиняют человеческие тела, превращая их в объекты познания» [2, стр. 38]. Фигура политической анатомии вводится Фуко для того, чтобы осуществить анализ политического захвата тела и микрофизики власти при отказе от ряда бинарных оппозиций, но, как представляется, наиболее важной отбрасываемой оппозицией является оппозиция «насилие-идеология». Ее отбрасывание представляется наиболее важным потому, что на нее опирался классический марксистский анализ идеологии, которую Маркс понимает как вид «ложного сознания».

А поскольку есть «ложное», то должно быть и некоторое «истинное» сознание, к которому можно прийти посредством критики идеологии. Фуко хочет уйти от подобной методологии, поскольку «сознание», или «душа» — это следствие и инструмент политической анатомии; в своей инструментальности и в своем функционировании (и даже в своем существовании) душа опирается на некоторую экономию власти наказывать, а потому является элементом того господства, которое осуществляет власть над телом. Фуко называет душу «тюрьмой тела» [2, стр. 40]. Поэтому термин «идеология», коррелятом которой является сознание, практически не употребляется Фуко в его работе, поскольку основным предметом исследования является тело, а сознание есть конструкт, порождаемый в переходный период между «властительными обществами» [1] и дисциплинарными обществами.

Дисциплинарная власть посредством практик формирует то тело, которым она и намерена управлять. «Наконец, в создававшемся тогда проекте института тюрьмы наказание - техника принуждения индивидов; она использует не знаки, а методы муштры тел, оставляющей в поведении следы в виде привычек; и она подразумевает установление особой власти для управления наказанием» [2, стр. 162]. В этом случае мы имеем тело, которое посредством дисциплинарной власти превращается в индивида, включенного в определенную иерархическую сетку. Власть дисциплинарного общества полностью анонимна и паноптична: заключенный не видит своего надзирателя, но находится в ситуации постоянного надзора. Уголовно-правовая система и экономия власти наказывать устроены так, что дисциплина становится тем децентрированным центром, на который опирается и суд, и общество в целом.

Но каковы же общества контроля, которые, согласно Делезу, приходят на смену дисциплинарным обществам? — Дисциплинарные общества предполагают наличие определенной матричной сетки, в «ячейки» которой должны быть вписаны тела индивидов, а потому основные властные практики дисциплины могут быть обнаружены в школе, тюрьме и психиатрической лечебнице: строгое разделение по палатам и койкам, рассадка по партам, нумерация камер. Здесь имеет место своего рода табличная категоризация, и в этом смысле тюрьмы, школы и больницы являются аппаратами познания. Пространства контроля же представляют собой «...модуляции единой субстанции, подобно самотрансформирующемуся расплавленному веществу, которое непрерывно переливается из одной формы в другую...» [1]. То есть жесткая, фиксированная матричная сетка дисциплинарного

общества начинает меняться более подвижными и гибкими формами организации практик. Согласно Делезу, общества контроля знаменуют кризис и начало разрушения институтов вообще. Институциональные формы организации социальной жизни направлены на то, чтобы задавать определенные нормативные рамки, то есть, собственно говоря, образовывать и закреплять матричную систему, о которой было сказано выше. Но, поскольку в обществах контроля дисциплинарная матричная структура начинает разрушаться, и институты как «вместилища практик» начинают терять свою роль. Практики начинают реализовываться более автономным образом, то есть для их осуществления не требуется отдельной легитимации со стороны института. Тем самым власть получает гораздо более децентрализованный характер.

Помимо форм организации социальной жизни меняется также и форма субъективации и индивидуации индивидов в обществе: «Человек контроля — волновой, орбитальный, постоянно пребывающий в сети» [1]. Человек контроля не уверен в своей идентичности, его идентичность постоянно ускользает от него самого. Так, например, профессия не является более делом всей жизни человека, человек становится фрилансером, постоянно меняющим конкретные виды деятельности и даже не обеспеченный постоянной занятостью. С этим также связан рост роли «сферы услуг», уход традиционного промышленного производства на второй план. Человек становится неуверенным в том, кем он является и на чем основана его жизнь.

Работа наша посвящена, таким образом, артикуляции того различия между дисциплинарными обществами, описанными Фуко, и обществами контроля, описанными Делезом.

Список литературы

1. Делез Ж. Общество контроля / URL: <https://document.wikireading.ru/67641> (дата обращения: 21.09.2023).
2. Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы – Москва: Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж», 2019. – 416 с. – ISBN 978-5-91103-430-6.

АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ДОНБАССА И ЦЕННОСТИ ЗАПАДНОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

Емельянова Н. Н., д-р филос. наук, проф.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
n.iemelianova@donnu.ru

Бытие человека во все времена было важнейшим предметом философского осмысления. В наши дни вековые споры о подлинных и мнимых человеческих ценностях приобретают особую актуальность в связи с процессами, происходящими в аксиологической сфере «просвещенного» Запада. Оголтелая пропаганда новых идеалов западного либерализма грозит обернуться катастрофическими последствиями, угрожающими самому существованию человечества. Особенно четко эта тенденция проявляется в деятельности разного рода ЛГБТ-сообществ, призванных узаконить якобы поправные права человека и гендерную открытость общества. На деле это оборачивается настоящим психологическим и социальным террором по отношению к той здоровой прослойке населения, которое отстаивает ценности традиционной семьи. В этих условиях проблема экзистенциальных ценностей индивида, сообщества, региона и страны в целом становится особенно злободневной.

Ценности западного либерализма отчетливо обнажают свою разрушительную сущность в сопоставлении с аксиологическими установками Русского мира, частью которого является Донбасс. Русский характер, русская душа, русская культура – все эти понятия издавна отражают многогранность смыслов, составляющих духовную основу отечественной ментальности. Новомодные веяния, исказившие мировоззренческие установки постсовременного социума, коснулись лишь небольшой части российского общества. В подавляющем большинстве представители русского мира сохранили незабываемые представления о вечном и преходящем, подлинном и фальшивом, допустимом и недопустимом. Выработанные и укрепившиеся в течение многих веков, эти представления воплотились в прочные стереотипы сознания, а также укоренились в сфере бессознательного. Наши ценности уверенно противостоят соблазнам и ловушкам «продвижения демократии», а также изощренным манипуляциям Запада в сфере этнополитики.

Экзистенциальную необходимость «Русского возрождения» на территории Донбасса подтверждает краткая философская ретроспектива. Известнейшие философы и писатели России, в том числе выступавшие с критикой многих негативных аспектов ее бытия, искренне болели за судьбу Родины и были совестью своего времени. Д. Писарев, К. Леонтьев,

В. Соловьев, Н. Бердяев, А. Лосев и многие другие отечественные мыслители передавали новым поколениям свою экзистенциальную тревогу относительно будущего России, грядущих испытаний и перспектив. Наблюдая, как процесс разложения, охвативший Запад, распространяется на русскую культуру, они предупреждали об опасностях позитивистского мышления, провоцирующего человека на нивелирование основополагающих ценностей и разложение подлинной жизни духа.

Так, заслуга К. Леонтьева состояла в том, что он «первый понял смысл исторического движения в XIX столетии, преодолев первые понятия прогресса, и обозначенное, нежели до этого считавшееся истинным, мерило добра и зла в истории» [1, с. 26]. Ф. Достоевский, проникнувший в потаенные глубины русской души, мучительно пытался понять онтологическую сущность подлинных человеческих ценностей. В. Соловьев видел в России ту историческую силу, которая преодолеет издержки западного эгоцентризма и восточного единообразия. Н. Бердяев и С. Франк, сплавления онтологию и антропологию в единое целое, подчиняли трансценденцию экзистенциальной определенности и рассматривали исторический путь России как составной части мировой цивилизации.

Идеология «Русского возрождения» строилась не только на рационалистическом осмыслении политических, экономических и социальных интересов русскоговорящего населения бывших советских республик, но и во многом – на православных ценностях народа. Не будучи воцерковленными, жители Донбасса всегда носили в себе образ Бога как извечного хранителя их малой родины и семейного очага. Их духовное единение имело под собой долгую и непростую историю формирования таких региональных особенностей, как интернационализм, взаимовыручка, готовность к самоотверженному труду и способность ценить мирное солнечное небо. Поэтому радикально-националистические идеи организаторов Майдана никогда не смогли бы найти поддержку среди населения Донецкой и Луганской областей. Европейские идеалы обернулись антиценностями, неприемлемыми для огромного большинства жителей Донбасса, осуществивших релевантный выбор в пользу Русского мира.

Показательно, что медленное омертвление западной ментальности являлось предметом тревожных раздумий не только отечественных, но и европейских мыслителей XIX-XX вв. Стандартизация унифицированных жизненных норм, утверждение монологизма как удобной системы усвоения ценностей, торжество индивидуализма и прагматизма дали основание К. Юнгу поставить современному обществу такой неутешительный диагноз, как болезнь западного человечества. Эта болезнь проявлялась в стремлении подогнать любые ценности под критерии утилитаризма; то, что ранее представлялось неприемлемым, обретало

статус не только возможного, но и необходимого. Западный либерализм подточил культурно-нравственные нормы, разрушил биологические границы, легализовал и возвысил склонности, до этого выводившиеся за этические рамки социума. Более того, эти влечения и нужды стали навязываться мировому сообществу в качестве приоритетных демократических ценностей. В постмодерном обществе ценностная парадигма «обычая» окончательно сменилась ценностной парадигмой «обмена»: если в первой ценность объекта соотносилась с его настоящей природой, то во второй утвердился дух соперничества, а сама природа ценностей была признана релятивной [2, р. 20-24].

Можно утверждать, что децентрация ценностей порождает этический хаос и отказ от извечных моральных постулатов; гендерное безумие, захлестнувшее страны Запада, провоцирует динамику постоянного саморазрушения. Поэтому наши усилия должны быть направлены на возвращение к историческим «основоположениям» мышления. Эта работа требует интеллектуального и духовного усилия, постоянной самопроверки. К сожалению, нынешнее время провоцирует индивида скорее на забывание источников и забвение бытия в целом. Как заметил М. Хайдеггер, сегодняшний человек спасается бегством от мышления: «Это бегство от мышления и есть основа для бездумности» [3, с. 103]. Представляя бездумность зловещим гостем, пребывающем в сегодняшнем мире, немецкий мыслитель призывает философов перейти на другую территорию мысли.

Очевидно, эта территория мысли должна вмещать в себя те вечные ценности, которые всегда составляли основу нашей отечественной философии. Соборность, духовный коллективизм народа, традиционные семейные узы, софийные поиски добра, истины и красоты призваны укрепить ответственность за мир, в котором мы живем. В конечном итоге выбор основополагающих ценностей означает определение перспектив выживания человечества. Аксиологическое пространство Донбасса, совершившего экзистенциальный выбор в пользу ценностей русского мира, вносит свой вклад в осуществление позитивного общечеловеческого проекта.

Список литературы

1. Розанов В.В. Эстетическое понимание истории // Русский вестник. – 1892. – № 1. – С. 17-28.
2. Vattimo D. Éloge de la pensée faible Magazine littéraire. – Juillet. – Août. – 1990. – № 279. – P. 20-24.
3. Хайдеггер М. Отрешенность // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Сборник. – М.: Высшая школа, 1991. – С. 102-111.

СОВРЕМЕННОСТЬ КАК «ПРЕДЕЛ» ФИЛОСОФИИ

Еникеев А. А., канд. филос. наук, доц.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет
имени И.Т. Трубилина», г. Краснодар, РФ.

Enikeev.a@edu.kubsau.ru

Ведение. Современная гуманитарная парадигма требует обновления философского словаря. Новые понятия и концепты призваны не просто «реанимировать» философскую традицию, но дать ответы на вызовы современности. Теоретическая и научная важность «обновления» философского словаря неоспорима, но есть и практическая значимость такого рода деятельности – поиск новых дискурсивных технологий реализации социального и культурного опыта, что становится особенно актуальным в современной динамично меняющейся культурной ситуации в России. Одной из актуальных проблем в современном гуманитарном дискурсе является проблема «кризиса», понимаемого как неотъемлемое свойство биологических, социальных и антропологических систем. Речь идет не столько о реальном кризисе, сколько об эволюции понятия «кризис» в философском дискурсе современности.

Основная часть. По-видимому, идея «кризиса» должна стать знаковым явлением в самой интерпретации современности, понимаемой как философия настоящего или даже настоящая (подлинная) философия. Событие философии возможно только в настоящем, но настоящее (понимаемое как современное) не приемлет «прошлых объяснений». Отсюда и возникает множественность «маргинализирующих» философский дискурс «пограничных» концептов, таких как: раскол, слом, переход, бытие-между, граница, предел и другие [1]. Для понимания современности нужно работать именно с этими категориями, они обогащают философский словарь в нужном направлении.

Некоторые современные исследователи расширяют понятие «кризиса» и предлагают концептуализировать его, например, посредством понятия «предел». Семантическое пространство, описываемое концептом «предел» поистине велико и описание даже чисто философского контекста употребления данного понятия задача чрезвычайно масштабная. Е. Струк справедливо указывает наиболее очевидный «предел» философского дискурса – язык, который сам состоит из различных пределов, определений, границ и областей с не выявленным значением. Исследователь утверждает, что понятие «предел» невозможно определить не только семантически, но и сущностно, то есть онтологически [2].

Терминологическая неоднозначность «предела» дрейфует из области философского дискурса в широкий научный контекст, а также сферу

повседневного языка. В широком научном контексте также затруднительно дать четкую дефиницию «предела», что связано не только с дисциплинарными и междисциплинарными различиями между науками, но также и с метафорической сущностью используемого понятия. Предел довольно часто воспринимается как своеобразная метафора или мыслительный образ, применимый к широкому спектру социальных и гуманитарных явлений. Данное обстоятельство в очередной раз доказывает близость научного и обыденного языка в дискурсивной практике использования философских образов и метафор [3].

В методологии современных социальных и гуманитарных наук также понятна озабоченность некоторых авторов, пытающихся вписать «повороты, кризисы и сдвиги» в динамику текучей современности. Заслуживает внимания и мысль о «хронотопической» логике развития современности, предполагающей такую совместную деятельность людей, которая будет обеспечивать «со-временность со-в-местности» в топологически ориентированной социальной онтологии [4].

Показательной в этой связи является работа Е. Ищенко, иронично проблематизирующая концепт современности. Исследователь описывает различные варианты суррогатной современности, подвергающейся философскому осмыслению. Например, У. Эко отказывает современности в оригинальности и говорит о «диковинно архаичных чертах» развития культуры современного общества, причем данные черты активно «популярноуются» современными СМИ. Другим примером можно считать «алармически настроенного» (термин Е. Ищенко) П. Слотердайку, который также весьма пессимистически смотрит на современность, поскольку «...утрачен общий знаменатель для самопознания и познания мира» [5, с. 18].

Западным авторам вторят отечественные исследователи, которые переводят разговор о современности в философском дискурсе в область «конца философии», ставшей общим местом целого ряда работ. Философия рассматривается как предостережение от необдуманных и опасных экспериментов, способных изменить и сам облик человека, и природу человеческого рода. Только мудрец способен предостеречь человечество от посягательства на таинство жизни и смерти. Только философ благодаря своему признанию обязан представить на суд специалистов древние интуитивные предостережения, результаты огромной интеллектуальной работы мыслителей, толкующих о загадках жизни и смерти. Следует согласиться с Е. Ищенко, что нынешний «конец философии» отражает некую оторопь перед происходящими в мире трансформациями, их стремительностью, непредсказуемостью и фрагментарностью [5, с. 19]. Однако нам представляется спорным тезис, согласно которому основным фактором «эсхатологичности сегодняшнего дискурса» (терминология Е. Ищенко) является феномен массмедиа.

И все же остается вопрос, о каком «пределе» внутри самой философии идет речь? Ответов сразу несколько, одни из них связаны с реальными процессами и кризисными явлениями в области социальных, политических, экономических и прочих аспектов жизни общества, а также необходимостью «держать ответ» со стороны философии перед этой «текущей современностью» (термин З. Баумана). Другие ответы связываются с дискурсивными процессами внутри философии, необходимостью «обновления словаря», институциональной пропиской и прочими «кризисами жанра», которые сопровождают данную науку в эпоху «конца метафизики» (термин М. Хайдеггера). Третья группа ответов на вопрос о «пределе» философии связаны с переосмыслением самой идеи «современности», модерн рассматривается здесь как «незавершенный проект» (термин Ю. Хабермаса) и поиск так называемого «жаргона подлинности» (термин Т. Адорно).

Заключение. Таким образом, можно сказать, что сама современность (во всей многозначности данного понятия) и является самым очевидным «пределом» философского дискурса сегодня. В целом следует признать, что феномен «современности» в качестве терминологической проблемы решается не только средствами *философской рефлексии*, активно проявляют себя и другие дискурсивные практики, но именно философии должно принадлежать решающее слово в вопросе насколько современной является «современность». Только ответив на этот вопрос, философия сможет определить свой дисциплинарный статус в актуальных гуманитарных исследованиях, а также достойно завершить тот «конец метафизики», которым знаменуется эпоха постмодерна.

Список литературы

1. Грякалов, А. А. Письмо и событие. Эстетическая топография современности / А.А.Грякалов. – СПб.: Наука, 2004. – 485 с.
2. Струк, Е. Н. Категория «предел» в современной философии: постановка проблемы / Е. Н. Струк // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2011. – № 2. – С. 88–99.
3. Еникеев, А. А. Методологические парадигмы исследования философского текста / А. А. Еникеев // Гуманитарные и социальные науки. – 2019. – № 4. – С. 16-23. – DOI 10.23683/2070-1403-2019-75-4-16-23.
4. Азаренко, С. А. Социальное воспроизводство и топология предела / С. А. Азаренко // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. – 2018. – Т. 13, № 3(179). – С. 27-37.
5. Ищенко, Е. Н. Современность в предметном поле философии / Е. Н. Ищенко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. – 2014. – № 4(14). – С. 17-26.

ФЕНОМЕН ПСЕВДОНАУКИ: ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Камарали А. В., канд. филос. наук, доц.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

a.kamarali@donnu.ru

Псевдонаука (или лженаука) – это такая область знаний, исследований или теорий, которая выдаёт себя за науку, но не соответствует её основным принципам. Псевдонаука характеризуется отсутствием эмпирической проверки своих гипотез и использованием ненадежных методов исследования. Она может быть основана на ошибочных предположениях, предвзятых искажениях данных, недостаточной экспертизе в определенной области или просто на вере в необоснованные утверждения. Псевдонаучные теории исключаются из научного сообщества и не признаются научным сообществом.

Псевдонаука представляет собой интересное явление, которое может быть рассмотрено с философской точки зрения. В этом контексте можно выделить несколько ключевых аспектов и вопросов.

В первую очередь, философский аспект начинается с попытки определения того, что такое псевдонаука. Какие критерии или признаки позволяют различить научные теории и знания от псевдонаучных? В первую очередь – эмпирическая проверяемость: научные теории должны быть поддающимися эмпирической проверке. Это означает, что их утверждения и предсказания могут быть проверены на основе наблюдений и экспериментов. Псевдонаучные утверждения часто не предоставляют таких проверяемых данных [1, 3].

Систематичность: научные теории обычно представляют собой систематически устроенные наборы идей и концепций, которые объясняют разнообразные явления и факты. Псевдонаука может быть хаотичной и несистематичной.

Подтверждение пирамидой доказательств: научные теории обычно подтверждаются накопленным множеством независимых доказательств и исследований. В случае псевдонауки часто можно найти ограниченное количество или отсутствие подтверждающих доказательств.

Публичная рецензия: научные исследования и теории проходят процесс публичной рецензии, в ходе которой эксперты оценивают их качество и методологию. Псевдонаучные утверждения часто избегают такой открытой оценки.

Философский взгляд также включает анализ влияния псевдонауки на общество. Например, псевдонаука может оказывать существенное влияние на решение политических, медицинских и других важных вопросов, так

как она создает иллюзию научной обоснованности, несмотря на отсутствие достоверных данных и методологических принципов [2].

В политике, псевдонаучные идеи и теории могут использоваться для поддержки определенных политических идей, создания страхов и манипуляций с общественным мнением. Они могут предлагать псевдонаучные объяснения проблем и предлагать сомнительные решения, что может привести к введению неэффективных или дискриминационных политических мер.

В медицине, псевдонаука может привести к неправильному лечению и отказу от доказательных методов исследования и лечения. Это может иметь серьезные последствия для пациентов, так как они могут получать неэффективные или опасные методы лечения, которые не соответствуют современным научным стандартам.

В остальных важных областях, таких как экономика, окружающая среда или образование, псевдонаука может создать путаницу и неправильное понимание проблемы, что затрудняет принятие обоснованных решений и разработку эффективных стратегий.

В заключении хотелось бы отметить, что непосредственные цели псевдонауки – получить рычаги влияния и стать малоуязвимой от нападок науки, а также обеспечить доступ к прибыльным государственным фондам и устойчивому финансированию.

Лженаука представляет собой достаточно сложный по происхождению, содержанию и структуре феномен, возникновение которого обусловлено комплексом факторов. Все эти факторы так или иначе восходят к тенденции и закономерности мировоззренческой интеграции Знания, то есть взаимодействия собственно знаний и ценностей, различных видов и типов знаний: научного и вне-научного, логического, эмпирического, чувственно-эмоционального, образного и т. д. Исходя из содержания компонентов мировоззренческого знания, характера их взаимосвязи и особенностей субъектов познания, указанная интеграция может приводить как к грандиозным познавательным прорывам, так и к масштабным искажениям.

Список литературы

1. Калинина Г. Н. Границы науки и превращенные формы знания: монография / Г. Н. Калинина. – Белгород: Иридис, 2012. – 292 с.– ISBN 978-5-906232-04-5.
2. Конопкин А.М. Множественность идеалов научности как предпосылка псевдонауки // Философия о знании и познании: актуальные проблемы: Материалы II Всероссийской научной конференции (Ульяновск, 18-19 июня 2010 г.) / Под ред. Н. Г. Баранец, А.Б. Веревкина. Ульяновск: 2010. – С.18-21.
3. Лженаука в современном мире: медиасфера, высшее образование, школа: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвящённой памяти академика Э. П. Круглякова, проходившей в Санкт-Петербургском государственном университете 21-22 июня 2013 г. – СПб.: Изд-во ВВМ, 2013. – 291 с.– ISBN 978-5-9651-0742-1.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОНИМАНИЯ «ПРОСТРАНСТВА ПОВСЕДНЕВНОСТИ» В ФИЛОСОФИИ XX ВЕКА

Китайка А.В.

ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко»,
г. Тирасполь, ПМР
a-k-junior@yandex.ru

В философском понимании «пространство повседневности» может быть использовано для обозначения концепции, связанной с исследованием обыденной реальности и повседневного опыта. Эта концепция рассматривает повседневную жизнь и обыденные действия людей как основу для философского анализа и понимания. Пространство повседневности в философии относится к анализу того, как индивиды взаимодействуют с окружающим миром и сами с собой в повседневной жизни. В философской науке категория «пространство повседневности» продолжает развиваться и претерпевать новые интерпретации. Рассмотрим некоторые из ключевых направлений в этой области затронутых в XX в.

В рассматриваемой проблематике заслуживает внимания работа «Бытие и время» М. Хайдеггера, который развивает концепцию «бытия в мире» и рассматривает пространство как фундаментальный аспект нашего существования. Философ утверждал, что наше понимание пространства не должно быть ограничено просто физическими или геометрическими аспектами. Он подчеркивал, что пространство должно быть понято как динамическое и контекстуальное, связанное с нашим существованием в мире.

В контексте повседневности, Хайдеггер говорит о понятиях «близости» и «удаленности», указывая на то, что пространство повседневной жизни не является геометрическим пространством, а включает в себя наши близкие отношения и взаимодействия с окружающими предметами, людьми и собственным телом. Пространство повседневности охватывает нашу привычную среду и рутинные действия [6]. Он также отмечает, что в повседневной жизни мы обычно не осознаем пространство, оно скрыто от нас, поскольку мы в него погружены и воспринимаем его неосознанно. Однако, по его мнению, когда мы сталкиваемся с каким-то нарушением или необычными ситуациями, мы можем стать более осознанными и задаваться вопросами о пространстве и нашем существовании в нем.

Не менее важным в разработку категории «пространство повседневности» можно считать вклад французского философа А. Лефевра, который в работе «Производство пространства» изложил свою теорию о пространстве повседневной жизни. Лефевр проводит анализ

социального пространства и его связи с общественными отношениями, властью и экономикой.

Лефевр выделял три уровня пространства: пространство практик (пространство, где выполняются повседневные действия), пространство представлений (символическое пространство, которое формируется через язык, символы и культуру) и представленное пространство (официально организованное и политически контролируемое пространство) [5].

Моррис Мерло-Понти, французский философ и феноменолог, так же внес значительный вклад в понимание пространства повседневности. Философ утверждал, что пространство не является просто объектом внешнего мира, который мы наблюдаем пассивно. Он предлагал взглянуть на пространство как на активный аспект нашего опыта, который мы постоянно воспринимаем и взаимодействуем с ним через наши телесные ощущения и движения, подчеркивая при этом важность нашего телесного опыта в конструировании пространства повседневности. По его мнению, наше тело не просто объект в пространстве, а активный агент, который взаимодействует с окружающей средой и придает пространству смысл и значение. Пространство повседневности для Мерло-Понти также связано с нашими привычками и рутинными действиями. Он отмечал, что повседневные действия и привычки формируют наше восприятие пространства и создают структуру нашей повседневной жизни. Мы ориентируемся в пространстве через наши привычки и знакомые места, которые становятся для нас привычными и обыденными [1].

Еще одним представителем этого направления считается Жан-Поль Сартр. Философ полагал, что пространство повседневности не является просто объектом или физическим фоном, а активно влияет на наш опыт и взаимодействие с миром. Он подчеркивал, что наше восприятие пространства формируется нашими целями, интересами и проектами, при этом отмечая, что мы часто ощущаем пространство в контексте своего повседневного опыта и взаимодействия с другими людьми. Пространство повседневности состоит из различных мест, объектов и людей, которые образуют связанные ситуации и контексты.

Сартр также обращает внимание на феномен «пространства между» и «физическую массу». По его мнению, пространство между людьми может быть местом конфликта, взаимодействия и социальных отношений. Физическая масса, согласно Сартру, создает ощущение сдерживания и ограничения в пространстве повседневности [4]. Однако Сартр также подчеркивает, что мы всегда свободны в своем отношении к пространству повседневности. Мы можем преодолеть ограничения и создавать новые возможности даже в самых обыденных ситуациях. Он отмечает, что наша свобода состоит в том, чтобы преобразовывать и присваивать смысл пространству, а не оставаться пассивными объектами в нем.

Таким образом, для Сартра пространство повседневности не только

определяется физическим окружением, но также связано с нашей свободой, субъективностью и социальными отношениями.

Нельзя обойти стороной одного из ведущих представителей школы «Анналов» Фернана Броделя. Пространство повседневности, по Броделю, охватывает наиболее близкие и привычные людям аспекты их жизни, такие как работа, домашняя обстановка, отношения внутри семьи, обычаи и ритуалы. Бродель отмечал, что пространство повседневности меняется медленно и остается относительно стабильным на длительных исторических интервалах. Он подчеркивал важность изучения этих мелких, повседневных аспектов жизни для понимания широких тенденций и процессов, происходящих в обществе. Однако Бродель не ограничивался только пространством повседневности. Он также подчеркивал роль географического пространства и исторического пространства в исследовании прошлого. Историческое пространство является результатом взаимодействия времени и пространства, и включает в себя долгосрочные структуры, социальные и экономические тенденции и события [3].

Из предшествующего анализа следует, что «пространство повседневности» необходимо определять, отталкиваясь от понятия жизни, сущность которой (в том числе и повседневности) скрыта в деятельности, а содержание повседневности раскрывается в детальном анализе специфики социальной и индивидуальной характеристик. Всестороннее исследование категории «пространства повседневности», в том числе современной, только начинается. Впереди – новые факты и обобщения, новые открытия.

Список литературы

1. Вдовина, И.С. Морис Мерло-Понти: интерсубъективность и понятие феномена / И. С. Вдовина. // История философии. – 1997. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/moris-merlo-ponti-intersubektivnost-i-ponyatie-fenomena> (дата обращения: 20.09.2023).
2. Ермолаев, С.А. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. / С. А. Ермолаев, Ф. Бродель. – М.: Весь мир, 2007. Т. 1: структуры повседневности: возможное и невозможное. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер.3, Философия: Реферативный журнал. – 2012. – №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2012-02-016-brodel-f-materialnaya-tsivilizatsiya-ekonomika-i-kapitalizm-xv-xviii-vv-m-ves-mir-2007-t-1-struktury-povsednevnosti-vozmozhnoe-i> (дата обращения: 21.09.2023).
3. Кузин, И.В. О философском подходе к переводу лексемы «Ничто» в сартровском «Бытии и ничто» / И. В. Кузин. // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. – 2014. – №1 (15). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-filosofskom-podhode-k-perevodu-leksemy-nichto-v-sartrovskom-bytii-i-nichto> (дата обращения: 22.09.2023).
4. Лефевр, А. Производство пространства / А. Лефевр // Социологическое обозрение. – 2002. – №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proizvodstvo-prostranstva> (дата обращения: 20.09.2023).
5. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер; пер. с нем. В.В. Бибихина. – Харьков: «Фолио», 2003. – 503 с. – ISBN 966-03-1594-5.

ИСТОКИ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

Клименко А. Б., канд. филос. наук
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
a.klimenko@donnu.ru

Весь комплекс интеллектуально-духовной конструкции мультикультурализма в определенной степени базировался на идеях либерализма, начавшего формироваться в Европе в XVII–XVIII веке как вызов представлениям о государстве, как божественном образовании. С либерализмом возникла система взглядов на государство, как образование на идее договора между общинами. Подобная концепция государства появилась в творчестве Дж. Локка. Принципы либерализма, как приоритет индивидуальных мнений и признающих не отчужденность прав человека, рассматривают свободу как главную ценность, приводят Дж. Локка к пониманию политической справедливости как конвенциональной. Позицию Локка развивает И. Кант, у которого характерный нормативно-рационалистический взгляд на признание другой культуры, основывающийся на концепции неотчужденных прав индивида. Законы морали определены как категорический императив. Любая моральная норма претендует на всеобщность, поэтому любые культурные субъекты вынуждены принимать равного себе [2].

Постепенно на смену локковскому либерализму приходит либерализм Дж. Милля, согласно которому не равенство, а польза становятся мерилем справедливости. Источником автономного действия предстает разум индивида, важное значение приобретает тема, предзаданная нашими рациональными жизненными проектами культурой традиции, характерной обществу, к которому принадлежит индивид.

Следующим этапом в развитии теории является творчество Дж. Ролза. Дж. Ролз реанимирует теорию общественного договора, выдвигая на первый план его процедурную сторону. Общественный договор Ролза – это выходная позиция, состояние рационального выбора справедливости. Теория справедливости Ролза с настоящим вариантом обновленной теории общественного договора и стала первым этапом обновления либеральной традиции. Если следовать ролзовской «Теории справедливости», то, «в первобытной позиции» политическая автономия для своего осуществления требует нормативной нейтральности разума, что, в конце концов, должно привести к реализации моральной автономии. Только в этом случае может работать идея «нейтральности государства» и доктрина «радикального правового равенства».

В качестве альтернативы «индивидуальной автономии» Дж. Ролза зародилось движение коммунитаристов, отстаивавших другое видение

прав индивида. Начало философской теории мультикультурализма было положено коммунитаристом Ч. Тейлором. В рамках философского дискурса мультикультурализма общество предстает не совокупностью индивидов, как в классической либеральной концепции, а множеством отдельных культурных сегментов, принадлежащих меньшинству или большинству. Основными категориями теории Ч. Тейлора являются «автономия» и «признание», которые в эпоху модерна стали фундаментальными человеческими потребностями. «Признание» означает публичную легитимацию интересов той группы, которой отказывали не только в удовлетворении, но и в обнародовании ее особых целей.

При этом главной инстанцией признания оказывается не только общий нормативный порядок, а порядок языка, которым артикулируется и осмысливается реальность. И идентичность, становится возможной, в результате признания другими «подлинности и оригинальности» личности. Мультикультурализм Ч. Тейлора не ограничивается борьбой индивидов за признание, но распространяет требования признания, своеобразия и равнозначности на идентичность групп. Ч. Тейлор считает, что мультикультурализм должен осуществить компенсаторную функцию в случае, когда индивид не чувствует своего вовлечения в социум [3]. Культурная группа становится тогда тем опосредующим звеном, которое обеспечивает легитимность власти. Культурная группа выполняет двойную функцию: в представлении людей, то есть как теоретический конструкт, и как часть практики, которая воспроизводится благодаря соответствующим институтам. Воспринимая культурные группы как существующие реальности, исследователи приписывают им черты и признаки, присущие индивидам, наделяя их, в том числе, правами.

Ключевой проблемой в концепции Ч. Тейлора стало представление о том, что культурные права доминирующего большинства соблюдаются естественным образом, поскольку их культура формальна, а права культурных меньшинств нарушаются. Предполагается предоставление меньшинствам особых прав с целью сохранения оригинальной культуры. Тем не менее, оказалось, что мультикультурная модель, скорее мешает, чем содействует установлению общих представлений о едином обществе.

Так возник либеральный коммунитаризм как основа мультикультурализма. Основной его проблематикой стали вопросы об объединении правовой концепции справедливости и приоритета права, на которых было гражданство в либеральном обществе, с правами национальных, религиозных, сексуальных и других меньшинств, каждое из которых выступает как отдельная коммуна. Обсуждение данных проблем вызвало к жизни две базисные теории: теории мультикультурного гражданства, исследователя У. Кимлики, теорию толерантности М. Уолцера и теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса [1].

У. Кимлика в работе «Либеральное гражданство» утверждает, что связывает идею справедливости с равной долей общественных благ.

У. Кимлика добавляет к теории Ролза идею о необходимости устранения в обществе не всех неравенств, а только вредящих. Если определенные неравенства приносят всем пользу, способствуя развитию общественно полезных талантов и видов деятельности, то каждый считает такие неравенства приемлемыми для себя. У. Кимлика уделяет особое внимание защите так называемых «основных свобод», понимаемых как обычные политические и гражданские права, признаваемые в либеральных демократиях. Ответ на вопрос о том, почему идеология равных возможностей считается справедливой у Кимлики следующий: потому, что эта идеология гарантирует, что судьбы людей определяются не обстоятельствами, а принимаемыми ими решениями. Центральная идея теории мультикультурного гражданства У. Кимлика состоит в следующем: наличие у индивидов неравных долей социальных благ справедливо, если индивиды заслужили это неравенство, то есть она является результатом выбора и индивидуальных действий. Неравенство в естественных способностях и социальном положении несправедливо, поскольку нашей заслуги в том, что мы принадлежим к определенной расе, полу и т.п., нет. В работе «Мультикультурное гражданство» Кимлика утверждает, что государство не может быть безучастным, и считает справедливыми требования о спонсировании меньшинств [1].

М. Уолцер, рассматривает проблемы плюрализма общества – введение понятия гражданской религии как набора политических доктрин, мемориальных дат, истории, которыми государство привлекает к себе людей, которые появились на территории государства, вопросы культурной интервенции [4]. Для данной модели, центральной есть идея не толерантности, а солидарности, которая предполагает не выдвигание идей терпимости тем, кто слабее, а взаимную кооперацию, нахождение способов взаимодействия.

Вышеуказанные теории, по мнению своих основоположников, должны были решить проблемы постколониального общества и примерить жертв и выгодополучателей колониальной системы, описать методы «плавильного котла» или «салатницы». Однако, постепенно, стало ясно, что это только создало новых «избранных», гетто мигрантов, не желающих никакой интеграции в общество, что в свою очередь порождает рост ксенофобских настроений у коренных жителей. Экономический рост в России привлекает в страну трудовых мигрантов и ей еще придется выработать свой подход к вовлечению новых граждан в структуру своего общества.

Список литературы

1. Кимлика, У. Современная политическая философия: введение / У. Кимлика; пер. с англ. С. Моисеева. – М.: Изд. дом. Гос. Ун-та. Высшей школы экономики, 2010. – 592 с. — ISBN 978-5-7598-0715-5.

2. Локк, Дж. Два трактата о правлении / Дж. Локк; пер. с англ. Е. С. Лазутина и Ю. В. Семенова. — Москва; Челябинск; Социум, 2019. — 482 с. — ISBN 978-5-91603-4.
3. Тейлор, Ч. Секулярный век / Ч. Тейлор; пер. с англ. А. Васильев, Л. Колкер, А. Лукьянов. — Москва: ББИ, 2017. — 967 с. — ISBN 978-5-89647-307-7.
4. Уолцер, М. Компания критиков: Социальная критика и политические пристрастия XX века. / М. Уолцер: пер. с англ. (коллектив авторов) — Москва: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2018. — 372 с. — ISBN 5-7333-0017-5.

УДК 08

СОВРЕМЕННЫЙ МИР И АКТУАЛЬНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАУКИ О БЕЗОПАСНОСТИ

Коллин К. К., д-р техн. наук, проф.

Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН,
АНО ВО «Московский гуманитарный университет», г. Москва, РФ
kolinkk@mail.ru

Введение. Современный мир переживает очень опасный период глобальных трансформаций планетарного характера [1]. Они происходят как в природе, так и во всех сферах жизнедеятельности общества. При этом происходят глубокие и масштабные изменения среды обитания человека, которые изменяют и его самого. Исследования показывают, что эти изменения далеко не всегда являются позитивными, а многие из них очень опасны и представляют серьезную угрозу для здоровья и жизни людей, окружающей их природы и биосферы нашей планеты в целом. Поэтому наиболее важной и приоритетной проблемой современности должна стать проблема обеспечения глобальной безопасности человечества и сохранения необходимых для этого природных экосистем. Для решения этой проблемы необходима *наука о безопасности* (Сафитология), которая в настоящее время в целостном виде еще не сформирована. Попытка обосновать актуальность этой науки и показать ее задачи и структуру предметной области и является целью настоящей работы.

Основные задачи науки о безопасности. Главными задачами науки о безопасности должны стать следующие:

1. Философское осмысление проблемы безопасности и ее места в стратегии дальнейшего развития общества [2].
2. Прогнозирование угроз для безопасности в различных сферах, их источников, причин и возможных последствий [3, 4].
3. Определение допустимых пределов воздействия негативных факторов в природе, техносфере и обществе, тех «красных линий»,

превышение которых ведет к особо опасным или катастрофическим последствиям.

4. Определение адекватных мер противодействия вызовам и угрозам для безопасности природы, человека и общества и разработка рекомендаций по их реализации на национальном или международном уровне.

5. Формирование научно обоснованного императива безопасности и принципов его реализации в системе образования и воспитания.

6. Формирование научных основ культуры безопасности в обществе [5].

7. Популяризация передовых достижений в области безопасности.

Структура предметной области науки о безопасности должна содержать исследования в следующих сферах:

– естественная неживая природа, включая недра Земли и окружающее ее космическое пространство;

– биосфера, включая животный и растительный мир, бактерии и вирусы;

– техносфера, включая информационную технику и технологии;

– общество, во всем многообразии его жизнедеятельности;

– человек, как объект безопасности и фактор риска для безопасности других людей, природы и общества.

Приведенная структура предметной области является весьма широкой, что обусловлено междисциплинарным характером науки о безопасности. Ее формирование является необходимым условием выживания человечества в стремительно изменяющемся и все более опасном мире. Глобальные угрозы и опасности быстро нарастают, и времени, которое необходимо для мобилизации мирового сообщества для совместного противодействия этим угрозам, остается все меньше.

Понимание реальности и масштабов этой глобальной опасности интеллектуальной элитой общества должно стать основой для радикального изменения современной геополитики. Перед лицом общей опасности политические разногласия и экономическое соперничество должны быть отодвинуты на второй план для решения главной задачи - сохранения жизни на нашей планете. Именно для этого и необходима наука о безопасности.

Список литературы

1. Колин, К.К. Человечество на переломе: проблема выбора целей и стратегии глобального развития // Знание. Понимание. Умение. – 2022. – № 2. – С. 33-48. – ISSN 1998-9873.
2. Колин, К.К. Научный потенциал информатики в формировании нового научного мировоззрения // Стратегические приоритеты. – 2018. – № 3. – С. 113-121. – ISBN 2311- 925X.

3. Колин, К.К. Социокультурная трансформация техносферы как глобальная угроза развитию цивилизации в XXI веке // Гуманитарный вестник. – 2023. – № 3. – С. 1-15. – eISBN 2306- 8477.
4. Колин, К.К. Информационная безопасность: новое содержание комплексной проблемы // Стратегические приоритеты. - 2018, № 4. - С. 51-63. – ISBN 2311-925X.
5. Колин, К.К. Культура безопасности: концептуальные основы постановки и изучения актуальной проблемы развития цивилизации в XXI веке // Знание. Понимание. Умение. – 2023. – № 3. – ISSN 1998-9873.

УДК 130.2

ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ КОГНИТИВНОГО СООТНОШЕНИЯ НАУКИ, РЕЛИГИИ И ИСКУССТВА

Комисова Е. И.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e.komisova@donnu.ru

Жан-Поль Сартр писал, что «у каждого человека в душе дыра размером с Бога, и каждый заполняет её как может». Основатель школы экзистенциальной психотерапии Ирвин Ялом был экспертом по «принятию собственной смертности без опоры на бога», излечивая своих пациентов от «тоски по вечности», доказывая им, что земная жизнь и без загробного продолжения может быть счастливой, успешной, наполненной смыслом. Макс Мюллер писал, что «без веры в личное бессмертие религия подобна мосту, оканчивающемуся в бездне» [3]. Что может являться альтернативой религии в жизни человека? Чем заполнить сартровскую «дыру в душе»? Помимо религии, исключительное значение в обществе среди остальных форм культуры имеют наука и искусство.

Религия и наука «работают» в одном культурном поле, что характеризует их глубинное единство. Но они, чаще всего, решают разные задачи и всегда используют разные методы. Задача религии – приблизить человека к Богу, избавить его от страха смерти, дать надежду, утешить, избавить от чувства одиночества и безысходности, или хотя бы попытаться это сделать. Религия претендует на утверждение высших норм человеческого поведения, регламентирует жизнь на основе принципов этики, человеколюбия, социального равновесия. Задача же науки – докопаться до истины, каким бы эмоциональным воздействием на человека она ни отличалась, выстроить систему рациональных знаний, основанных на логике, но не на чувствах. В науке ни одно суждение не может противоречить логике и положительному, позитивному, знанию.

Религия старается вырвать человека из обыденности и компенсировать недостатки бытия фантастическими представлениями и

обещаниями. Наука же старается человека с ними примерить, видя в них не недостатки, а особенности бытия. Методы религии оценочны, субъективны. Методы науки – точны, не зависят от социальных, экономических, политических условий, зависят только от научной парадигмы.

Всякая религия претендует на вневременной, вечный характер. Религиозные догмы стабильны. Но меняются времена, обстоятельства, меняется общество, священные тексты устаревают, ведь они писались людьми для людей в определенных исторических условиях. Как скоординировать, согласовать мировоззрение современного человека и тексты, которые были написаны много веков назад? Подобная проблема возникает и с классической литературой. К примеру, уникальные романы Достоевского, популярные во всем мире, поднимающие важнейшие вопросы судьбы, мироздания, религии, характера человека, пороков и добродетелей, написаны непростым, особенно для современной молодежи, языком, через который нужно уметь и хотеть «пробираться» к сути произведения.

Наука мобильнее религии. Она преподносит более динамичную картину мира, основанную на знании объективных законов природы и общества. Научные теории изменчивы, поэтому научная картина мира непрерывно корректируется. Так, на смену ценностям позитивизма и прагматизма приходят принципы холизма. Но на этом примере мы можем проследить взаимосвязь между якобы такими противоположными сферами культуры, как религия и наука, ведь современный холизм во многом перекликается с базовыми установками даосизма и буддизма. «Время разбрасывать камни окончилось, наступает время собирать расколотое зеркало современной философской мысли в единое Целое, в котором как в голограмме смогут отражаться и многогранность мира, и многогранность человека» [2].

Задача искусства – позволить проявиться человеческой индивидуальности, не закованной ни в какие рамки. Позволить творцу выражать свои идеи, развивать таланты, демонстрировать внутренний мир. Позволить зрителю совершенствовать свой духовный и интеллектуальный потенциал, социализироваться, получать эстетическое удовольствие. Искусство предполагает индивидуально-личностную детерминанту постижения человеком мира. По мнению академика Фейнберга, основное назначение искусства – «утверждение авторитета интуитивного суждения в противовес логике» [3]. Искусство свободно. В этой сфере культуры сосуществуют разные точки зрения, ценности, мироощущения, здесь царит плюрализм художественных методов, мнений, стилей, жанров.

Картины мира, представляемые религией, наукой и искусством, имеют немало общего. Все они стремятся к гармонии, красоте, совершенству, все используют опыт (только разный), все основываются на вере. Вера выступает как основа религиозной, научной и художественной

деятельности. Только в религии – это вера в сакральное, в науке – вера в то, что человек может познать мир, в искусстве – вера творца в свой талант, в то, что будет найден отклик у зрителя, вера в самого себя, наконец. Так, великий А.С. Пушкин подарил сюжет «Мертвых душ» Н.В. Гоголю, поскольку считал, что тот справится с темой лучше.

Представители рационализма сравнивали веру с интеллектуальной интуицией, которая не требует доказательств и не допускает опровержения, потому что включает очевидные истины. Д. Юм пишет о вере, как о некоей операции нашего ума, которая вкладывает в любую идею «силу и живость». По мнению А. Эйнштейна «без веры в то, что возможно охватить реальность нашими теоретическими построениями, без веры во внутреннюю гармонию нашего мира не могло бы быть никакой науки. Эта вера есть и всегда останется основным мотивом всякого научного творчества [1]».

Еще один общий существенный элемент науки, религии и искусства – это символ. Через символы сознанию человека открываются смыслы. Немецкий философ Э. Кассирер писал, что вся человеческая деятельность носит символический характер. Так, в религии с помощью языка символов, выполняющих сакральную функцию, внимание людей обращается от мира дольного к миру горнему, чтобы установить с ним связь. Символ в искусстве является художественным образом, воплощающим идею творца. Символы в науке фиксируют и транслируют знания.

История религии и история искусства тесно переплетаются, уходят своими корнями в глубокую древность и представляют собой хранилище важных символов наших предков. Так, символ «крест» возник задолго до того, как появилось христианство, и трактовка его весьма многообразна. Изначально две пересеченные линии обозначали четыре стороны света, соединение материального и духовного, микро- и макрокосма. В этом качестве он сохранился в математике как знак плюс. В Китае крест внутри квадрата обозначал стабильность, в Вавилоне – четыре фазы Луны, в Сирии – четыре основных элемента мироздания, в Мексике он символизировал бога ветра Кецалькоатля. Когда возникло христианство, «крест» обрел иной смысл, однако тоже положительный. Он стал главным символом мировой религии, символом искупительной жертвы Христа, вечной жизни и освобождения от страданий, но несколько изменился визуально, поскольку иудеи и древние римляне использовали Т-образный крест в качестве орудия казни.

Таким образом, в основе и религии, и науки, и искусства лежит процесс трансцендирования, прорыв к высшим сферам духа. Современный подход к вопросу об их роли в обществе должен формировать уважительное, толерантное отношение к этим видам мировоззрения, учитывать их особенности, способствовать диалогу представителей и устранению нетерпимости.

Список литературы

1. Козырева Т. В. Роль веры в научном познании / Т. В. Козырева // Вестник угрюдения. — 2014. — № 4 (19). — С. 89–96.
2. Поплавская Т.Н. Современный холизм как практическая философия / Т. Н. Поплавская // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. — 2011. — Т. 24 (63), № 1. — С. 59–64.
3. Философия: учебное пособие (для бакалавров и магистрантов нефилософских направлений подготовки) / подготовили: Н.А. Балаклеец, В.И. Белозерцев, Т. Н. Брысина, М. П. Волков, Н. А. Гильмутдинова, Р.В. Леушкин, Г. Ф. Миронов, Е. Ш. Ташлинская, В.Т. Фаритов. – Ульяновск: УлГТУ, 2017. – 290 с

УДК 1:316.3: 141.7

«РУССКИЙ МИР» И ЗАПАДНАЯ «ДЕМОКРАТИЯ» НА АФРИКАНСКОМ КОНТИНЕНТЕ. ЦЕННОСТНО-ПРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ

Коновалов А. Г.¹, Коновалова И. В.²

¹ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ,

²МБОУ «Школа № 69», г. Донецк, РФ

konovalov.1957@mail.ru

У Президента России Владимира Владимировича Путина есть одно необычное качество, редкое для политиков и тем более для лидеров мировых держав – он всегда озвучивает то, что, по его мнению, объективно складывается в глобальном миропорядке и что в данных обстоятельствах вынуждена будет делать Россия, не только для сохранения своего влияния и роли в мире, но и, прежде всего, для дальнейшего развития России как государства и как цивилизации. Когда в 2012 году он впервые сказал о «тектонических сдвигах» в глобальном мироустройстве и о том, что существующая модель глобального развития, финансово-либеральная по своей сути, исчерпала свои возможности развития, что вызвало структурный кризис по всему миру, включая экономического лидера США. Модель непрерывного включения чужих ресурсов, обеспечивающих высокий уровень жизни в странах Запада, стала давать сбои, англосаксонское правило «бери, что тебе нравится» (М. Твен) столкнулось с нежеланием незападных стран отдавать «за просто так» свои ресурсы. Прогноз Н. Бердяева о формировании новой мировой силы, в лице Китая, Индии, Ирана, Африки, воплотился в реальность, стал фактором современной мировой политики. Благодаря усилиям В. Путина, России стали создаваться коалиции Незападных стран в противовес Западу. Этот объективный процесс на наших глазах обретает некие

институциональные формы в форматах БРИКС, ШОС, евразийского союза и даже «ОПЕК+» и других.

Не могу не отметить, что в 2014 году именно В. Путин, после долгого замалчивания институализировал тему «Новороссии», как исторической части России, а Донбасса, как «сердца России». Процесс исправления исторической несправедливости всегда сложный, тернистый, во многом непредсказуемый, зависящий от множества факторов, как объективных, так и субъективных. Тут много «подводных камней», о которых мы пока ничего не знаем, от позиций элитных групп, госструктур, неких обязательств, наличия экономической и военной составляющих, ошибок, предательства, трусости и многого другого. Именно понимание объективной логики тектонических-исторических процессов, забота о безопасности страны и понимание неизбежности исправления исторических ошибок привели к тому, что 24 февраля 2022 года Россия объявила СВО, а уже 30 сентября 2022 г. Донбасс и две области Новороссии – Херсонская и Запорожская стали частью России. Процесс пошел...

Успехи Китая, Индии, Ирана, арабских стран впечатляют. Сегодня игнорировать, в существующем миропорядке, эти страны, их роль и потенциал невозможно. И только Африканский континент еще не в полной мере себя проявил, хотя его возможности просто колоссальны. Можно даже сказать, что будущий миропорядок во многом будет зависеть от того, с кем будет Африка, с западом или с незападной коалицией. Начало уже положено: ЮАР – член «БРИКС». Борьба за Африку – это борьба разных моделей развития, разных образов нового мироустройства. И она уже идет. Первый экономический форум «Россия – Африка» состоялся 23-24 сентября 2019 года в Сочи под девизом «За мир, безопасность и развитие», где было принято решение, что такие встречи будут проходить постоянно, раз в 3 года, с постоянно действующими политическими консультациями министров иностранных дел. В центре внимания – экономика, политика, новые технологии, продовольствие, образование, совместные проекты. Второй форум прошел в Санкт-Петербурге 27-28 июля 2023 года. Главная тема – технологии и безопасность во имя суверенного развития на благо человека. Из 54 стран Африканского континента присутствовало 49. На форуме отмечалось, что на смену колониализма пришел неоколониализм, тот же расизм в ажурном одеянии, где через финансовые институты и кредиты на триллионы долларов не только грабят богатый ресурсами континент, но и загоняют страны в еще большую долговую яму, превратив кредитные обязательства в «контрибуцию» (В. Путин).

В Африке проживает 1,5 млрд. человек, там находятся богатейшие из разведанных на Земле ресурсов, на Африканский континент приходится более половины, включая редкоземельные, без которых современные цифровые технологии развиваться не могут. Следуя своему незыблемому

правилу «разделяй и властвуй», Запад регулярно развязывает войны, создавая хаос и организовывая геноцид мирного населения. За 40 лет западного «управления» в Африке погибло более 40 млн. человек, только во второй Конголезской войне погибло 5 млн. человек. Несмотря на то, что СССР распался, в странах Африки помнят ту помощь, которую оказывал Советский Союз на совершенно иных основаниях, а именно, на желании помочь и поддержать, на равноправном сотрудничестве, уважая культурную самобытность, традиции и обычаи, религиозные верования. Возвращение России на Африканский континент шло параллельно с возвращением России к себе самой, к своей самости, к своей цивилизационной основе. Постепенно, но неуклонно Россия все больше и больше оказывает влияние на процессы, происходящие в Африке, растет товарооборот между странами, оказывается гуманитарная, а в случае необходимости и военная помощь. Все больше студентов обучаются в российских Вузах, открываются российские школы при посольствах, в 2021 г. Русской Православной Церковью был создан Патриарший экзархат Африки, где в 25 странах открыто более 200 приходов. Между традиционными обществами всегда много общего, Россия и африканские страны бережно относятся к своей культуре, традициям, верованиям, духовной самобытности, понимая, что культурное и национальное многообразие – залог развития любой страны, ее богатство. Отношение России к африканскому континенту как самобытной цивилизации, которой предстоит занять достойное место в новом мироустройстве, находит отклик среди лидеров африканских стран, от ЮАР до Египта. Не случайно триколор Российского флага, эмблемы «Вагнера» очень популярны во многих африканских странах, от Буркина-Фасо, Мали, до Нигера. В Африке российский флаг рассматривается как символ антиколониальной борьбы с Западом. Россия предлагает альтернативу тому, что делает Запад, предлагает новое качество сотрудничества, исключающее диктат, насилие, неуважительное отношение к стране, ее народу, ее культуре и истории. Борьба за Африканский континент – это борьба за незападное пространство, логистику, рынки, новые производства, сырье, туризм, культурное многообразие и новые принципы взаимоотношений в грядущем мироустройстве.

СПЕЦИАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Коробов-Латынцев А. Ю., канд. филос. наук
ФГКВО УВО «Донецкое высшее общевойсковое командное училище», Донецк, РФ
a.k-1@mail.ru

Введение. Специальная военная операция, обозначившая радикально новый этап противостояния коллективного запада с русским миром, хотя и получила полноценную поддержку от народа, но при этом, к сожалению, не нашла адекватного отражения в российской социальной реальности. Это касается как практических вещей (социальные выплаты участникам СВО, их реабилитация, механизмы интеграции ветеранов СВО в социальную реальность РФ и т.д.), так и теоретических аспектов, т.е., прежде всего, интерпретации СВО и вписывания ее адекватного образа в социальную и политическую действительность.

Цель данных тезисов – обозначить проблему, остро стоящую перед российским обществом, а именно проблему адекватной интерпретации СВО и проблему внедрения здоровых и адекватных интерпретаций СВО в отечественное информационное поле, а в пределе – вообще в евразийскую ноосферу (а далее – в мировое информационное пространство в целом).

Основная часть. Обозначенная проблема, надо полагать, осознается каждым, кто на протяжении девяти лет с 2014-го года сочувствовал и участвовал словом и делом в судьбе многострадального народа Донбасса, подвергавшегося террору со стороны киевской хунты. Это касается ополченцев, журналистов, публицистов, общественных и политических деятелей, поэтов и музыкантов, ученых и философов. Однако следует признать, что огромная часть отечественных интеллектуалов оказалась решительно неподготовленной к принятию события такого масштаба, как СВО. Причем это касалось даже тех, кто номинально все восемь лет Донбасской войны поддерживал непризнанные Республики Донбасса (если не публично, то хотя бы внутренне). СВО показала, что у значительной части российского социума просто отсутствовал необходимый историософский и политологический инструментарий для интерпретации события СВО.

При этом необходимо отметить также, что немалый процент современных интеллектуалов (университетских преподавателей, ученых, публицистов и т.д.) сразу же после начала СВО выступили открыто против СВО и публично осудили решение Верховного Главнокомандующего. Некоторые из осудивших СВО российских интеллектуалов покинули Россию и продолжают активно выступать против СВО. В прошлом году даже вышел сборник статей «Перед катастрофой» [3], в котором разные

авторы, журналисты и университетские преподаватели, делают попытку интерпретировать СВО в негативном ключе. Увы, сборник этот нисколько не рассчитан на какой-либо диалог, полемизировать с авторами сборника не представляется возможным ввиду обилия в его тексте пропагандистских клише, дезинформации и, главное, открыто высказываемого чувства враждебности к российскому государству.

Конечно, и у патриотически настроенных интеллектуалов, поддержавших свое Отечество, предпринимаются попытки истолковать СВО, обозначить ее онтологический, геополитический и метафизический смысл, определить не просто цели и задачи, но ее нравственное значение и историософский статус [1].

Весьма часто в речах публицистов и особенно капелланов (военных священников) звучит определение СВО как «справедливой войны», однако решительно никто из отечественных специалистов по теории справедливой войны даже не попытался за все время СВО применить критерии теории справедливой войны к СВО, а ведь в российской науке достаточно как адептов теории справедливой войны, так и настоящих специалистов по ней [2]. А между тем честное и непредвзятое применение этих критериев позволит определить нравственный статус СВО в общественном пространстве как справедливой войны. Увы, на сегодняшний день никаких сколько-нибудь серьезных трудов, посвященных интерпретации СВО в точки зрения теории справедливой войны, в отечественной философской науке нет.

Интересную попытку интерпретировать СВО в рамках классической клаузевицкой концепции предпринимает глава Союза добровольцев Донбасса А.Ю. Пинчук в книге «СВО: Клаузевиц и пустота» [4]. Недостаток книги Пинчука в том, что в ней совершенно игнорируются новейшие концепции философии войны, прежде всего философия т.н. новых войн, и за фундамент принимается концепция Клаузевица, которая сориентирована именно на классические войны.

Попытку интерпретировать СВО как священную войну за освобождение предпринял православный публицист Кирилл Фролов в книге «Священная война. Метафизика Специальной Военной Операции» [6]. СВО интерпретируется Фроловым как война за освобождение Украины от гегемонии Запада. Однако недостаток подобной интерпретации в том, что автором не учитывается сама специфика феномена гегемона, о чем свидетельствует утверждение автора о том, что спасти Украину / Малороссию и украинскую Православную Церковь Московского Патриархата может лишь Русская Армия, о чем в разных вариациях повторяет в своей книге автор. Согласно Грамши, феномен гегемонии заключается в силе, которая намного больше, чем одно какое-либо государство; гегемония – это некая сеть влияний, культурных, политических, экономических и т.д., которые определяют исторические

формы жизни народов и государств. Поэтому одолеть гегемона нашей исторической эпохи, а именно коллективный глобалистский Запад, бросивший вызов самому понятию человека и предлагающего проект постчеловечества, принципиально невозможно одними лишь военными средствами. Также следует отметить, что множество опечаток и повторов в книге К. Фролова может отвратить от нее читателя, в результате чего влияние интерпретационной модели, отстаиваемой автором, в информационном пространстве существенно снижается.

В рамках темы о социально-философском измерении СВО следует особо отметить такое событие, как философский собор "Великое русское исправление имен» [5], который проводится с мая 2022 года и в котором приняли участие ведущие отечественные философы, такие как А.Г. Дугин, В.В. Варава, Ф.И. Гиренок, А.К. Секацкий, А.В. Черняев, А.В. Дзермант и др. Собор сосредоточен специально на интерпретации СВО как ключевого события нового мирового конфликта. Базовая концепция, положенная в основание собора, сформулирована автором этого текста совместно с социологом Николаем Арутюновым и политологом и философом, покойной Дарьей Дугиной. Согласно концепции собора, СВО и есть великое исправление имен, т.е. процесс приведения всех вещей в мире в соответствие с тем, чем они должны быть. Т.е. новый мировой конфликт – это конфликт понятий, прежде всего понятий о человеке. И если запад предлагает на место человека поставить постчеловека, то Россия отстаивает традиционное представление о человеке, и в этом конфликте защищает интересы человечества как такового. В данный момент по итогам собора готовится сборник статей, в который войдут избранные тексты участников собора.

Заключение. В современном отечественном философском дискурсе очень заметно отсутствие общих векторов для работы, которые могут и должны быть задачи государством. Иными словами, отсутствует социальный заказ от государственных структур (от Министерства обороны, например) на полноценную интегральную интерпретацию СВО. В этом смысле в качестве философского задания могут быть взяты слова Верховного Главнокомандующего, лидером России Владимиром Путиным, прежде всего его выражения «Империя лжи» и высказывание о СВО как «поле боя, на которое нас позвала судьба и история». Осмысление этих слов, их концептуализация и философская интерпретация могут сегодня стать задачей для отечественных интеллектуалов, – задачей, решение которой будет посильным вкладом в общее дело Победы над врагом.

Список литературы

1. Коробов-Латынцев А.Ю. Осмысление донбасской войны в современном отечественном философском дискурсе // Философия и культура в гуманитарном

- дискурсе. Материалы международной научно-методической конференции. Ответственный редактор Сулимов С. И. – 2019. – С. 19-21.
2. Куманьков А.Д. Современные классики теории справедливой войны: М. Уолцер, Н. Фоушин, Б. Оренд, Дж. Макмахан. – СПб.: Алетейя, 2019. – 268 с.
 3. Перед лицом катастрофы. Сборник статей под ред. Н. Плотникова. – LIT Verlag, Berlin, 2022.
 4. Головлев М. СВО. Клаузевиц и пустота. Политологический анализ операции и боевых действий. – М.: Книжный мир, 2023. – 192 с.
 5. Философский собор «Великое русское исправление имен» [Электронный ресурс] режим доступа: https://vk.com/video/playlist/-166039184_17. Дата обращения: 29.09.2023.
 6. Фролов К. Священная война. Метафизика Специальной Военной Операции. – СПб.: Алетейя, 2023. – 296 г.

УДК 130.2

ФАКТОР ГОЛЛИВУДА В ИСХОДЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Коротков Н. В., канд. филос. наук

ФГБОУ ВО «Кировский государственный медицинский университет», г. Киров, РФ
n_korotkov@mail.ru

Введение. Значительную роль в обеспечении суверенитета и международного влияния страны играет её «мягкая сила», то есть способность достижения политических целей неполитическими средствами [3].

Цель статьи – осмысление голливудского кинематографа в качестве разновидности мягкой силы США на примере его роли в исходе холодной войны.

Основная часть. Мягкая сила США после их победы в холодной войне оставалась вне конкуренции, и во многом это объясняется тем, что именно США в ходе противостояния с СССР целенаправленно занимались научно-прикладным изучением мягкой силы – вплоть до изобретения самого этого термина в 1990 году (гарвардским профессором Джозефом Наем). Именно США являются родиной социального конструктивизма, профессии «пиарщик», нейролингвистического программирования (НЛП), «фабрик мысли» («Think Tank»), а также «второй родиной» для психоанализа. Все эти (и многие другие), так сказать, «боевые гуманитарные технологии» позволяли максимизировать суггестивный эффект популярной («массовой») культуры, превращая её, в значительной степени, в форму социального контроля и социального программирования.

В числе важнейших примеров мягкой силы США можно назвать такие всемирно известные бренды, как Apple, Microsoft (Windows),

GOOGLE, MCDonald's, DC Comics и Marvel Comics, Coca-Cola, Calvin Klein, Nike, Barbie, Marlboro, Pampers, Harley-Davidson, Cadillac, «силиконовая долина» и мн. другие. Здесь мы указываем лишь бренды, чья известность давно вышла за рамки их «целевой группы», т.е. те, которые приобрели общекультурное значение: например, стали в общественном сознании нарицательным обозначением определённой сферы общественной жизни или технологии (например, от названия браузера Google произошёл глагол «загуглить», обозначающий поиск информации в любом браузере; также символична современная присказка «Гугл в помощь!», потеснившая фольклорное присловье «Бог в помощь!», что, по сути, является очередным симптомом превращения культа гаджетов в квазирелигиозный культ).

Но, пожалуй, важнейшим активом мягкой силы США является голливудская «фабрика грёз» [1, с.113], экспортирующая «американский образ жизни» и «американскую мечту» по всему миру (достаточно вспомнить феномен позднесоветских подпольных видеосалонов, которые воспринимались едва ли не как «окно в параллельную вселенную»). Создание позитивного и манящего образа («имиджа») США как оплота «свободного мира», который борется с обскурантизмом тоталитарных стран и предлагает шанс каждому их гражданину «попробовать на себе американскую свободу» (то есть, по сути, стать агентом американского влияния) в значительной мере и обусловило победу США над СССР.

К этому надо добавить параллельные усилия Голливуда по дискредитации имиджа Советского Союза, его «демонизации» как «Империи Зла» (Р. Рейган) в глазах рядовых граждан стран капиталистического лагеря. После показательного суда над «голливудской десяткой» в 1947 году и вплоть до конца 1980-х гг. какое-либо комплиментарное изображение СССР в американском кинематографе стало невозможным, и его роль в голливудских фильмах фактически стала играть оруэлловская Океания, т.е. характеристики вымышленного тоталитарного государства из романа «1984» механически переносились на советское общество. Характерно, что, посетив в 1960-е годы СССР, Талкотт Парсонс удивился количеству людей на ленинградском вокзале – настолько это не вязалось с расхожим представлением американцев о том, что советские люди «приписаны к своим городам и квартирам, никто не может никуда поехать без разрешения официальных властей» [4, с. 739]. Причём, после победы США в холодной войне «оруэлловский нарратив» в изображении Советского Союза Голливудом так и не был пересмотрен. Более того, он лишь укрепил своё влияние в свете приравнивания ОБСЕ в 2009 году сталинизма к гитлеризму (чтобы лишить СССР и Россию, как его преемницу, морального права на победу во Второй Мировой войне). Ярким примером здесь служит полнометражный анимационный фильм «Супермен: Красный сын» (2020), в котором, кроме прочего, фигурирует

гигантский подземный ГУЛАГ, а инакомыслящих превращают в образцовых работников с помощью лоботомии...

Поражение СССР в холодной войне предварялось растущим интересом советских граждан к американскому развлекательному кинематографу при известной усталости от дидактичности и назидательности советского кино. Грубо говоря, советский кинематограф проиграл голливудскому потому, что он боролся с «внутренней обезьяной» в зрителе, имел четко выраженную морально-воспитательную направленность, а голливудский наоборот, с этой обезьяной («подсознательным») всячески заигрывал и целенаправленно её взращивал. Целые жанры голливудского кинематографа (хоррор, трэш, эротика, экшн-боевик, мюзикл, вестерн, фильм-катастрофа и пр.) по своим базовым принципам обращались не столько к интеллекту, сколько к бессознательным страхам и желаниям зрителя (притчей во языцех стали логические и фактические несообразности американской массовой кинопродукции типа «эффекта штурмовика», причем, создатели сознательно идут на них, ибо иначе зачастую просто не получался бы хэппи-энд или эффектная концовка, а ведь именно они оказались в приоритете развлекательного кинематографа).

Также важным фактором победы голливудского кинематографа над советским стало то, что в СССР фактически не было ни рекламы, ни «пиара», так что кинематографическая теория и практика развивались в рамках, соответственно, искусствоведения и политически ангажированного искусства («соцреализм»). Голливудский же кинематограф в значительной мере развивался в логике бизнес-стратегий и «продающих» (маркетинговых и рекламных) технологий; прежде чем приступить к производству полнометражных фильмов, американские режиссёры, как правило, «набивают руку» на съёмках рекламных роликов и клипов. Крайне характерно, что президент Р. Рейган, сыгравший существенную роль в исходе холодной войны в пользу США, был профессиональным актёром, который не только активно использовал в своей политике голливудские образы («Звёздные войны» как название Стратегической оборонной инициативы, обозначение своей политики как «политики в стиле Рэмбо» и т.п.), но и буквально сыграл перед Горбачёвым роль «отличного парня», заставив того окончательно поверить в призрачность угрозы США по отношению к СССР. Недаром Горби был так обескуражен, когда, уже после демонтажа Советского Союза, США объявили Россию проигравшей в холодной войне (он-то считал, что война закончилась миром на равных условиях).

Заключение. В свете сказанного, нарастающая усталость (от) голливудского кинематографа [2] на фоне подъёма российской сериальной индустрии, включая анимационную (кинематограф пока на очереди), придаёт уверенность в том, что победа в новой холодной войне останется за нами.

Список литературы

1. Артамонова, У. З. Американский кинематограф как инструмент публичной дипломатии США // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. – 2020. – №2. – С.110-122. – DOI: 10.20542/afij-2020-2-110-122.
2. Голливуд больше не является «мягкой силой» США — Foreign Affairs // ИА Красная Весна. – URL: <https://rossaprimavera.ru/news/1686e925> (дата обращения: 28.09.2023).
3. Най, Дж. «Мягкая сила» и американо-европейские отношения. – URL: <http://smartpowerjournal.ru/soft-power/> (дата обращения: 29.09.2023).
4. Парсонс, Т. О структуре социального действия. – М.: Академический проект, 2000. – 880 с. – ISBN 5-8291-0016-9.

УДК 130.2

МИФИЧЕСКОЕ ЖИВОТНОЕ КАК СИМВОЛ ГУМАНИСТИЧЕСКИХ ИДЕАЛОВ

Котлярова Е. А., Шпанов А. М.

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»,
г. Ростов-на-Дону, РФ
Elenalebedeva61@mail.ru

Светлый образ животного, известного как «единорог», используется в современной культуре для передачи идеи доброго начала, чистоты, ознаменования важного события. Рассмотрим упоминания этого животного в древних текстах с целью исследования – каково было и остается символическое значение единорога на протяжении веков. Описания, упоминания, символические значения этого животного не только различаются, но и противоречат.

В европейской мифологии единороги известны как фантастические существа, напоминающие лошадей, отличающиеся единственным рогом, украшающим их лбы. Эти существа украшают многочисленные геральдические эмблемы и символы, олицетворяя добродетели чистоты и целомудрия.

Самые ранние упоминания о единорогах встречаются в месопотамских произведениях искусства и вековых легендах Китая и Индии. Единорог связан легендами с рождением и смертью Конфуция, животное являлось к матери мудреца и предрекало, что ее сын станет царем без трона. Появление единорога в данном случае – и предсказание, и предзнаменование особого события для страны.

В греческой литературе самое раннее изображение единорогов датируется 5 веком до нашей эры – по рассказам посетителей дворца Артаксеркса II, в Индии встречаются дикие ослы с белыми телами, фиолетовыми головами, голубыми глазами и выступающим рогом на лбу.

Люди, которые пили из этих рогов, верили, что могут таким образом защититься от желудочных заболеваний, эпилепсии и отравлений.

В древнерусских текстах встречаются единорог, инорог, моносер и монокирос, происходящие от греческого термина "monoceros". В старых русских энциклопедических сборниках, известных как "Азбуковники", есть легенда о происхождении единорогов, показывающая их появление не как естественное рождение, а как магическое действо.

Изображение единорога также различны. Внешний вид менялся, но всегда оставался неизменным присутствующий на лбу рог, форма которого также различалась – прямой, витой, и даже имеющий полости и при дуновении ветра издающий звуки, подобно флейте. Словесные описания разнообразны и противоречивы. Размер от газели до льва либо лошади, от красивого с нежными чертами до свирепого, либо само описание тела животного имеет различные части от нескольких животных – тело конское, ноги слона, хвост как у козы.

В Ветхом Завете, начальной части Библии, есть упоминания о единороге. Есть мнение, что в первоначальном тексте Библии используется слово "рээм", которое на иврите звучит "ארי". В Библии "рээм" изображен как быстрое, свирепое, опасное и ценящее свободу существо. Термин "рээм" можно перевести как "зубр", "дикий бык", "бизон". Зубры населяли обширный регион по всей Евразии и Северной Африке, были известны своими огромными размерами и свирепым нравом, соответственно, дикий бык мог стать прототипом единорогу.

Поведение единорога сильно отличалось от наших современных представлений. В Средние века он считался неукротимым существом, которое агрессивно использовало свой рог при встрече с противниками. Подобные описания можно встретить в европейской литературе и в древнерусских произведениях. В европейском бестиарии, известном как "Физиолог", единорог упоминается как могущественное и свирепое существо, приручить которое может только невинная чистая девушка.

Мы можем встретить связь образа единорога с образом Иисуса Христа. И образ единорога как символ чистоты, света, добра – прослеживается в изображении Спасителя.

В западноевропейском искусстве интерпретация легенды о единороге и Богородице привела к распространенному аллегорическому изображению Благовещения, известному как "Мистическая охота на единорога". На этом изображении архангел Гавриил изображен в виде охотника, трубящего в рог, в сопровождении четырех собак, олицетворяющих христианские добродетели. Они приближаются к единорогу, который символизирует Христа, покоящегося в объятиях Божьей Матери.

В Псалтири упоминается «сын единорожь», Единородный Сын, весьма любимый у Отца. В то же время, Псалтирь, псалом 21, стих 22 нам показывает, что от единорога надо искать спасение: «спаси меня от пасти

льва и от рогов единорогов, услышав, избавь меня» [1]. Толкование стиха показывает единорога как несущего смерть, и олицетворяющего иудеев (дикость), также олицетворяющего гордость – потому что несет острый рог, гордо выступая против всего живого как фарисеи, нападавшие на смирение Христово.

В Книге Иова 39:9 упоминание единорога – «Захочет ли единорог служить тебе и переночует ли у яслей твоих?» воспринимается как образ животного, неспособного к приручению. По мнению Ефрема Сирина, дающего толкование стиха, в образе «единорога представлен тот, кто не связан узами мира. О нем говорят, что он снабжен единственным рогом, потому что для праведника есть только одна истина. Человеческая душа также сравнивается с единорогом, и о ней следует сказать, что она однорога, если на вершину ее ведет только одно устремление. Кроме того, утверждают, будто единорога нельзя уловить из-за его чрезвычайной силы и опасности. Однако охотница может победить его, пленив его неотразимостью красоты. Так и душа улавливается тем, что она возлюбила» [1].

Могли ли единороги существовать в реальности виде? На этот вопрос есть разные мнения исследователей. Мы же хотим обратить внимание на смысловое значение при упоминании этого животного.

В большинстве случаев, несмотря на встречающиеся противоречия, общая смысловая линия при упоминаниях и изображениях единорога – чистота, особая красота, сила и способности, что-то нереальное, не мирское, фантастическое.

В современной культуре единорог несет подобные смыслы. В последнее десятилетие в массовую культуру пришел единорог в виде изображений на одежде, различных товарах, игрушках, он популярен у детей. мода на единорогов прослеживается в разные века. Об успешном распространении образа единорога говорит потребность в чистоте, светлых образах, добре, благоразумии, а также о защите жизни, веры.

Проводя аналогию с легендой о явлении единорога перед рождением Конфуция в Китае, хотелось бы предположим, что появление единорога в современной масскультуре также является предзнаменованием важных событий, связанных с приходом гуманистических идеалов в современное общество.

Список литературы

1. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Издание Московской Патриархии, 1990. – 1372 с.
2. Уханова Е.В. Новые результаты визуализации утраченных миниатюр Хлудовской Псалтири середины IX в. естественнонаучными методами / Уханова Е. В.; Жижин М. Н.; Андреев А. Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 11 / Под ред. А. В. Захаровой, С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2021. – С. 244–255. – ISSN 2312-2129.
3. Ладыгин М.Б. Краткий мифологический словарь / Ладыгин М.Б., Ладыгина О.М. – М.: Издательство НОУ "Полярная звезда", 2003

КАББАЛИСТИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ К ФИЛОСОФИИ Н. О. ЛОССКОГО

*Кухтин М. М.*¹, канд. полит. наук, доц., *Терсимонов А. С.*²

¹ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

²МОУ «Специализированная физико-математическая школа № 17 г. Донецка»,
г. Донецк, РФ

mikhail-kukhtin@yandex.ru

Введение. Еврейский мистицизм оказал заметное влияние на русский религиозно-философский ренессанс. Одним из примеров такого рода является творчество Н. О. Лосского. Соответствующие генетические связи могут послужить темой отдельной работы, хотя некоторые из них достаточно очевидны. Как известно, Лосский опирался на идеи творческого наследия В. С. Соловьева и Г.- В. Лейбница. Каббалистические отсылки в творчестве первого хорошо изучены отечественной комментаторской школой, второй немало перенял от Ф.М. ван Гельмонта. Рецепция идей Я. Бёме в русской культуре также неоднократно привлекала внимание исследователей. При этом в произведениях Н. О. Лосского есть и прямые ссылки на каббалистические идеи [1, с. 63-64, 105].

Основная часть. Иерархический персонализм Лосского вводит несколько антропологических новаций, которых нет в православном догматическом богословии. По мнению философа, человек представляет собой сложную систему, которая обладает субъектностью на всех своих уровнях. Иными словами, душа в широком смысле слова есть не только у человека, но и у каждого органа, клетки, атома, элементарной частицы, составляющих его тело. Лосский придерживался концепций панвитализма и панпсихизма, то есть верил, что все во вселенной обладает жизнью и способно к простейшим психическим проявлениям, даже если лишено сознания. Дуализм духа и материи в данном учении снимается. Субстанциальные деятели (реальные и потенциальные личности, исчерпывающие все разнообразие мира), имеющие конкретно-идеальную природу, приобрели материальность из-за падения в царство эгоизма и должны в процессе обожания преодолеть и ее, и противоположную духовности стихию психического [1, с. 43-44, 58-59]. Дуализм как метод мышления вообще чужд христианству, в отличие от, например, неоплатоников, при этом в христианских трактовках духовной телесности отдельно взятое живое существо не рассматривается как сложная иерархия душ, субъектов или деятелей. Здесь у Лосского есть точки соприкосновения с каббалой. Например, в комментарии Виленского Гаона на книгу Ионы человеческое тело уподобляется небольшому городку. Таким образом, отдельные его силы, которых в данной концепции

насчитывается семьдесят, рассматриваются уже не как пассивные инструменты души, а как ее слуги, имеющие собственную, хотя и существенно ограниченную, субъектность. Они могут обращаться друг к другу, к душе и к Богу, иметь свой особый взгляд на происходящие с человеком события [2]. Повышенное внимание к устройству и функционированию «человеческой машины», свойственное и каббале, и Лосскому как крупному психологу, вообще менее характерно для «главного потока» православного богословия, хотя исихазм представляет здесь значимое исключение.

Концептуальные параллели между сопоставляемыми учениями дополняются известным сходством их прагматики. И Н. О. Лосский, и Виленский Гаон используют свои антропологические представления, среди прочего, для продвижения идеи реинкарнации. Они стремятся наглядно показать ее сущность и механизм, вписать соответствующий круг идей в изначально далекий от них религиозно-философский контекст. Интересно в данной связи отметить, что из всех авраамических религий только относительно поздний иудаизм легитимировал учение о перевоплощении. Достаточно неожиданно, Лосский считал последнее совместимым с церковными догматами, хотя, разумеется, и не вытекающим из них с логической необходимостью. Он избегал термина «переселение душ», полагая вслед за Лейбницем, что душа не переходит в новое тело подобно тому, как человек может переехать из одного дома в другой. Напротив, индивид после смерти претерпевает физическую метаморфозу в соответствии с ранее приобретенными интересами и склонностями – то есть, по сути, с накопленными духовными и психическими изменениями [1, с. 121]. Каббала, свободно использующая выражение «переселение душ» наряду с некоторыми другими («реинкарнация», «колесо душ»), учит, что конкретные обстоятельства нового воплощения закономерно определяются нерешенными духовными задачами. Вернувшись в мир живых, человек должен работать над своим собственным исправлением и преображением мира в целом. Это прямо соответствует доктрине иерархического персонализма. И у Лосского, и у иудейских мистиков перевоплощение является тайным (не отраженным ни в канонических текстах, ни в «открытом» вероучении) инструментом Бога, готового дать человеку второй шанс и ведущего к совершенству весь космос. Вероятно, с известной точки зрения сходство здесь более значимо, чем различия. При этом каббала допускает перевоплощение человека в животное или даже неодушевленный объект, а иерархический персонализм отвергает такую возможность, ссылаясь на необратимость транскреации – особого божественного акта, впервые поднимающего душу в мир людей.

Учение о перевоплощении (перерождении, круговороте рождений и смертей, циклическом существовании) в той или иной форме присутствует в самых разных традициях, однако большинство из них не являются ни

монотеистическими, ни хотя бы генотеистическими. Наконец, даже в тех направлениях индуизма, которые допускают известные типологические параллели с авраамическими религиями, проблематика теодицеивсе жене является центральной. Каббала более внимательна к такого рода вопросам, а Лосский и вовсе отвел им место в фундаменте своей системы. С другой стороны, русский философ отвергал панэнтеизм и эманацию, что, несомненно, повлияло на его отношение к еврейской мистике, в которой данные идеи играют значимую роль.

Заключение. Возможно, сравнительное религиоведение сумеет найти и другие моменты сходства иерархического персонализма и каббалы, например, относящиеся к сотворению, падению и спасению человека и мира. От этого зависят перспективы дальнейшего исследования проблемы.

Список литературы

1. Лосский, Н. О. Учение о перевоплощении. Интуитивизм / Н. О. Лосский. – М.: Прогресс, ВИА, 1992. – 208 с.
2. Книга Йоны с комментарием Виленского Гаона // Фонд «Беерот Ицхак». – URL: <https://www.beerot.ru/статьи/источники/книга-йоны-с-комментарием-виленского/> (дата обращения: 23.07.2023).

УДК 323.21+140.8

СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕАЛ КАК СРЕДСТВО РАЦИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Лустин Ю.М., канд. филос. наук

ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского», г. Донецк, РФ
lustin56@mail.ru

Совпадение линии жизни с линией идеала, говорил Л.Н. Толстой, есть счастье. Идеал (франц. *ideal*, от греч. – идея, первообраз) – это идеальный образ мысленного совершенства, определяющий стремление человека к конечной цели своей общественно значимой деятельности. Достижение поставленной цели человеком невозможно без доминирования в системе его социальных ценностей смыслоопределенного образца рациональной характерности.

Идеал есть форма предполагаемого в целевой содержательности достигаемого. Он служит связующим звеном между психикой, сознанием, мышлением, рефлексией, культурой, самопознанием, интеллектом, интуицией и результатами человеческой практики.

Социальный идеал – это сложный феномен человеческого сознания, мышления и деятельности. Он одновременно является конструктивным средством рефлексии в ее познавательно-проективной деятельности и социально-общественным явлением, обнаружение которого способствует функциональному формированию качества жизни личности и общества. Посредством идеала, как «движущей силы» интеллекта, субъект общественной практики саморегулирует жизнедеятельность на основе цивилизационных ценностей, креативно-рационального менталитета, персональных перспектив и общепризнанного позиционирования себя в качестве уверенной, самодостаточной и преуспевающей личности.

Онтогносеологическая природа идеала диалектична. В контексте рационального типа мировоззрения идеал личности представляет собой диалектическое единство объективного и субъективного, в целеполагающей репрезентации которых он, в социальной мере своей значимости, подвержен оценке на истинность и жизненную реалистичность, актуальность и потенциальность в своей многоаспектной явленности в жизнедеятельности человека. Целесообразные идеалы личности не являются раз и навсегда данными извне, они видоизменяются «вместе с изменившимся бытием» [1, с. 21].

Объективная сторона социального идеала состоит в том, что в общественных отношениях через призму рационально-логического и эмоционально-чувственного социальный идеал определенно отражает аксиологию цивилизационных интересов, потребностей субъекта общественной практики и социального созидания.

Субъективная сторона социального идеала выражается в том, что он возникает в человеческой голове, а поэтому по форме и содержанию идеален. В этом отношении мировоззренческая сфера сознания играет первостепенную роль и тесно связана с рационально-типологическими формами мышления, познания, которые основополагают целеопределенность действий индивида и критерии его общественного поведения (С.В. Володенков, А.Е. Маховиков [5], Г.Н. Федоренко).

Идеалы личности способствуют концептуальному расширению конструктивного пространства ее мыслительных компетенций, что в значительной мере углубляет логико-рефлексивное построение новых когнитивных парадигм рациональной деятельности.

К основным функциям социального идеала можно отнести: гносеологическую, аксиологическую; целеполагающую, критическую, мобилизующую, направляющую, проективную, трансцендентную, мистико-религиозную, виртуальную, практическую.

Вопрос диалектического отношения между идеалами человека и результатами его рациональной деятельности - одна из фундаментальных научных проблем философского познания, которая не теряет своей актуальности с течением времени.

В философской парадигме рационально обоснованной деятельности социализированной личности идеал представляет собой ценностный регулятив социально-культурных процессов в обществе. В этом значении социальный идеал потенциализирует логико-гносеологический процесс движения мысленного образа-образца из воспринятой реальности к конкретному практическому действию субъекта общественной практики, которое направлено на изменение социоприродной среды и самого идеала.

Социальный идеал сопряжен с мировоззренческим концептом истинно верного социального действия. В концепции рациональности социальный идеал является всеобщей формой целеполагающей деятельности людей, объединенных вокруг общей задачи на основе общественных интересов, прогрессивных (реакционных) взглядов, различных морально-нравственных убеждений, культурно-мировоззренческих намерений, национально-религиозных верований. В этом значении идеала В.П. Бранский., С.Д. Пожарский отмечают: «Как известно, высший этаж философского знания образует учение о ценности. Но что является критерием ценности? Анализ этого вопроса показывает, что ценность связана с понятием идеала; более того, она – результат реализации некоторого идеала. Таким образом, в основе системы ценностей, составляющей данную культуру, лежит идеал» [2, с. 13-14].

Методологическим основанием для социальных устремлений является осмысленная деятельность личности, рациональность которой во многом зависит от смысловой определенности ее мировоззренческих ценностей и морально-нравственных потребностей, идейно-политических интересов [4, с.68-69]. В своей концептуальной сущности идеал человека олицетворяет мотивированную направленность на цель в смыслообразных предпочтениях тех или иных жизненных путей и возможностей, которые необходимы для ее осуществления (Л. В. Баева, М. С. Кальней [3], Н. М. Полетаева, В.Н. Порус, Б.И. Пружинин, С.Л. Фролова).

В диалектике рациональной деятельности и социального идеала научная экспликация ценностных ориентаций субъекта определяется необходимостью сознательного выбора тех или иных аксиологических предпочтений свободной личностью. Предметность этого выбора направлена на решения как индивидуально стоящих проблем, так реализацию задач жизнедеятельности общества.

Таким образом, в ценностных ориентациях диалектико-типологического познания, тесно связанных с социальным идеалом, объективируется не только рациональный опыт самого человека, но совершенствуется рационализированная система его опытного знания в различных ситуациях информационной событийности. В культуроёмких параметрах целесообразной деятельности человека это позволяет определить достижимость идеала в объектологическом диапазоне смены культурно-исторических ситуаций. Возникшие при этом общественные

противоречия разрешаются путем включенности личности в более высокие сферы социальной коммуникации, восприятие ею идеалов высокого уровня социального долженствования.

Список литературы

1. Блануца Д. А. Особенности формирования социального идеала // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена, 2008. – № 51. – С. 14-21.
2. Бранский В.П., Пожарский С. Д. Закон самоорганизации социальных идеалов и глобализация культуры // Вестник СПб. ун-та. Сер. Философия, этика, религиоведение, 2005. – №1. – С. 13-20.
3. Кальней М.С. Проблема обоснования социального идеала // Вестник РМАТ. – 2020. – № 2. – С. 15-21.
4. Кожевников Н.Н., Данилова В.С. Рациональность как культурная ценность: от античности до постнеклассики // Вестник СВФУ. – 2017. – № 2 (06). – С. 67-72.
5. Маховиков А.Е. Рациональная деятельность современной личности и смысл ее «разумности» // Известия Саратовского ун-та. Сер.: Философия. Психология. Педагогика, 2020. – Т.20. – № 3. – С. 279-282.

УДК 1(071)

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОЕ ПОНИМАНИЕ ЧЕЛОВЕКА В ДОМАРКСОВОЙ ФИЛОСОФИИ

Миргородский А. А., канд. филос. наук, *Ширкова Д. В.*
ФГКОУ ВО «Донецкий филиал Волгоградской Академии МВД РФ», г. Донецк, РФ
Mirgorodskiy87@mail.ru

Введение. Как известно, в центре внимания античности была природно-космическая жизнь, в которой человек представал исключительно как природное существо, в Средние века – в центре Бог и связанная с ним идея творения мира, в котором человеку отводилась роль существа тварного, созданного по образу и подобию Божьему. В эпоху Возрождения и Просвещения в центре внимания оказывается уже сам человек как творец и созидатель самого себя и мира человеческой культуры, а потому – и как главный предмет философской рефлексии.

Цель данной работы – проследить эволюцию главных смысловых вех понимания человека в домарксовой философии.

Основная часть. Итак, в античности человек и космос никогда радикально не противопоставлялись, напротив, всегда соотносились друг с другом, потому что космос понимался как одушевленный и подобный человеку. И какое ни было бы величие человека, он всегда вписывался в горизонт космоцентричной картины мира. Человек не превышал космос. В Библии человек не просто момент космоса, вещь среди вещей, человек –

господин и повелитель всего, что создано для него. Вот здесь наличествует первый проблеск пафоса исключительности человека.

Вместе с тем христианская идея творения человека носила противоречивый характер. С одной стороны, причиной всех происходящих в мире изменений признавался Бог, с другой – допускалась возможность влияния человека на ход исторических событий. Именно христианская трактовка человека усматривает в нем существо, наделенное разумом и свободой воли выбирать между добром и злом, совершая те или иные поступки, обуславливая тот или иной ход развития событий. Этот средневековый взгляд имплицитно содержал понимание человека как существа деятельного и косвенно признавал в человеке со-творца человеческой истории.

Общая логическая модель истории, представленная парадигмой творца и творения, унаследованная от средневековой теологии истории и была некритически перенесена гуманистами эпохи Возрождения с Бога, творца всего сущего, на человека, творца самого себя и своей истории.

Для ренессансной доктрины безграничных возможностей человека еще совсем не характерно понимание роли объективных законов общественной истории, роли объективных обстоятельств и условий, в рамках которых совершается индивидуальная деятельность человека и которые выступают началом, сдерживающим его свободу.

В свою очередь мыслители XVIII века дают нам уже другую картину мира человеческой истории и культуры. То есть на смену романтизму Возрождения приходит трезвый реализм Просвещения с констатацией рамок (среды, условий, обстоятельств), устанавливающий предел возможностям человека. В основе исторических взглядов эпохи Просвещения лежала идея человека-творца истории, латентно содержащая точку зрения обособленного одиночки. Но при этом там, где есть творец (Бог или человек), там не может быть истории, как закономерного объективного процесса.

Средневековая идея Бога-творца исключала взгляд на мир, как существующий самостоятельно, и полагала, что все существующее находится во власти божественного промысла. Здесь мир существует не иначе как посредством творца. Точно так же новоевропейская идея человека-творца чревата логическим противоречием: поскольку история понималась как продукт свободной творческой деятельности человека, как результат осуществления его сознательных идей. Результат интересов и целей, постольку взгляды просветителей оказывались абсолютно несовместимыми с представлением об истории как объективном процессе, совершающемся по определенным законам независимо от сознательных намерений людей.

Постулат философии Возрождения о человеке-творце, приобретший в философии Просвещения статус объяснительного принципа истории,

уже в XVIII веке вступит в противоречие с реальными фактами истории и будет оставаться до тех пор, пока не будет преодолен в системе взглядов нового мировоззрения – материалистического понимания истории в философии марксизма.

Заключение. Таким образом, историко-философское понимание человека в домарксовской философии, если его брать в предельно сжатой форме, может быть представлено в виде последовательной линии смены мировоззренческих доминант: космоцентризм – теоцентризм – антропоцентризм.

Список литературы

1. Проблема человека в западной философии: Переводы. / Сост. и послесл. П. С. Гуревича; Общ. ред. Ю. Н. Попова. – М.: Прогресс, 1988. – 552 с.
2. Проблема человека в современной философии / Ред. коллегия: И.Ф. Балакина, Б.Т. Григорьян, С.Ф. Одуев, Л.А. Шершенко. – М.: Наука, 1969. – 432 с.
3. Рагозина Т. Э. К вопросу об антропологическом измерении философии истории марксизма // Культура и цивилизация (Донецк) / Т. Э. Рагозина. – Донецк, 2021. – Выпуск № 1 (13). – С. 17-26.

УДК101.1:316

АТОМИЗМ И ХОЛИЗМ В ФИЛОСОФСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Михайлова В. В., канд. филос. наук

ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко»,
г. Тирасполь, ПМР
vika-n@yandex.ru

Анализ экономического поведения с точки зрения философско-методологических основ опирается на целостное представление о человеке, его поведении и взаимодействии с социумом. Однако исследование демонстрирует отсутствие единого взгляда на данную проблематику и открывает диалектическое пространство понимания природы человеческого поведения, заключающее в себе как закрытое пространство с внутренними законами существования, так и открытую систему, неразрывно связанную с социумом.

Признаки личного и общественного выступают неразрывными атрибутами человеческого существования, так как их гармоничное сочетание выстраивает личность и возможность ее реализации во внешнем мире. При этом противопоставление данных уровней реализации человеческого поведения может приводить к утрате объективного взгляда

на сущность и характер человеческой материальной деятельности. Однако стоит отметить, что степень влияния социального на человека и его поведения может действительно оказывать значительное влияние и выступать преобладающим фактором [1].

С методологической точки зрения наиболее оптимальными для изучения социальных и индивидуальных предпосылок в экономическом поведении человека выступают атомистические и холистические принципы анализа. Данные парадигмальные основания дают возможность рассмотреть проблематику в их диалектическом противостоянии и единстве. Современным вариантом методологии, основанной на едином применении принципов индивидуализма и холизма для анализа экономической сферы, является методологический институционализм [2], который открывает новые возможности в анализе объективных сдерживающих условий и субъективных ограничений.

Исследование экономического поведения с точки зрения методологического институционализма позволяет установить, что роль субъекта в развитии рынка не может быть сведена к нулю, так как работа всей системы основана на его воле и действии. При этом влияние социального фактора предопределяет стратегию экономического поведения человека и приводит его к необходимости социального взаимодействия и синергии с другими субъектами рынка. При этом, сформированный цикл существования рынка как открытой целостной системы может быть основан не только на равновесии индивидуального и социального в экономическом поведении субъекта, но также на функциональных качествах и возможностях личности, встроенной в определенный социум.

Однако стоит обратить внимание на классическое понимание и представление о социальной реальности и человеческом поведении в рамках атомистического и холистического подходов.

Эволюционный холизм позволяет взглянуть на диалектическое противоречие в экономическом поведении современного человека с точки зрения преобразования сложных процессов в простые составные части, которые проанализировать намного проще в силу их конечности. При этом простые элементы микроуровня в рамках циклического развития могут накапливать в себе качественные изменения и приводить к эволюции параметров более высокого порядка, что дает возможность системе развиваться. В данном случае можно наблюдать проявление эмерджентности [3]. Такая цепочка преобразований выводит систему на новый уровень существования, где уже невозможно сложить составляющие системы и получить целое, так как качественные характеристики элементов выходят уже далеко за пределы обозначенных границ.

Применяя данный принцип к современному экономическому поведению, становится очевидным, что, представляя его целостной

системой действий мы обнаруживаем в нем не только рыночные показатели, но и приобретённые качественные признаки иных видов социального поведения, которые в совокупности выходят за рамки целого и оказывают влияние на характеристики существующей социальной системы. Однако данные процессы взаиморегулируемые и не приводят в последствии к разрушению системы, а только к поддержанию возможностей развития на основе активности индивида.

Определяющим условием в рамках реализации принципа холизма является сохранение разнообразия частей системы. Целостная система должна быть сформирована на основе объединения целостных элементов, которые в кооперации могут составлять качественное единство. В отношении экономического поведения данное условие играет важную роль и формирует необходимость воспитания целостной высокодуховной личности, способной стать функциональной частью социальной системы [3]. Формируются признаки первичности индивидуального в отношении социального, так как только формирование целостного поведения субъекта может стать основой для поддержания разнообразия целостной системы.

Только после этого целостная система может воздействовать на свою часть в полной мере и дополнять ее новыми свойствами. Поэтому нельзя описанный процесс формирования взаимосвязей целостной системы обратить вспять и начать формировать экономическое поведение сразу на уровне системы, это бесполезное воздействие. Весь процесс должен быть осуществлен сначала на индивидуальном уровне и только потом перейти на уровень социальный.

В итоге можно говорить о том, что поведение индивида является стартовой платформой для любых социальных преобразований. Диалектическое единство индивидуального и социального векторов при определенных условиях – свободы индивида и возможностей социума, выступает механизмом формирования качественных изменений и целостности системы.

Атомистический подход разделяет социальную систему на разрозненные составляющие, которые могут создавать бесконечное множество вариантов развития и создают эффект *кустящейся эволюции*. В данном методологическом принципе важное место занимает индивидуальность, которая может конкурировать с другими векторами эволюции или индивидами, что в итоге приводит к тщательному отбору самой системой наиболее аттрактивных и советующих вариантов развития. Экономическое поведение в условиях современного рыночного пространства наиболее ярко демонстрирует процессы индивидуального выбора, конкуренции и самоочищения, приводящие к всеобщему прогрессу [3]. Однако важно понимать, что индивидуальные изменения в поведении не могут приводить к быстрым преобразованиям, а носят длительный характер, основанный на накопительном эффекте, который

влечет за собой качественные «энергетические» скачки. Характер изменений, конечно, во многом формируется из параметров индивидуального поведения.

Атомистический принцип делает возможным проанализировать современные негативные процессы на индивидуальном и на социальном уровнях, рассматривая их как первичную ступень эволюции, которая впоследствии может привести к значительным положительным результатам.

В итоге, проведенный философский анализ специфики экономического поведения продемонстрировал, что холизм и атомизм выступают сторонами единого взгляда на изучаемые процессы. Экономическое поведение, с одной стороны, представляет собой индивидуальную форму жизнеустройства, а с другой стороны сталкивается с ограничивающими факторами системы, которые помещают индивида в определенные институциональные условия.

Список литературы

1. Теория философии: [курс лекций] / [Э. Ф. Звездкина, В. Ф. Егоров]. – Москва: Эксмо: Слово, 2004 (ОАО Можайский полигр. комб.). – 446 с.
2. Кирдина С. Г. К переосмыслению принципа методологического индивидуализма / С. Г. Кирдина. – М.: Институт экономики РАН, 2013. – 54 с.
3. Князева, Е.Н. Атомизм и холизм в современной теории сложности / Е. Н. Князева // Философия и культура. – 2013. – № 6 (66). – С. 736-737.

УДК 1.141

ФИЛОСОФИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОДИНОЧЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ИДЕИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ВЫБОРА

Молодец К. В.

ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко»,

г. Тирасполь, ПМР

Mir.1010@.ru

Социальное одиночество с философской точки зрения возможно рассматривать как явление, которое непосредственно определяет способность и горизонты жизнедеятельности людей в Приднестровье, а точнее – личности, условно названной *приднестровской*, быть готовой к интегративным процессам во всех жизнетворных сферах современного общества. В условиях экономической, социальной, культурной и политической плюрализации и интеграции жизненного пространства, приднестронец вынужден самоактуализировать все свои жизненные ресурсы для полноценного существования в республике. Парадокс в том,

что для реализации такой потребности важен интерсубъективный фактор – создание обществом условий, которые воздействуют на возможность личности развиваться и включаться в общественную жизнь полноценно. К сожалению, не каждая социальная группа может пребывать в благоприятных условиях жизнеустройства. Особое исследовательское внимание представляют личности, попадающие в «риски социального и государственного одиночества» [1]. Это наиболее уязвимая категория индивидов, так как возможность сделать экзистенциальный выбор ограничивается рядом факторов.

При изучении механизмов и барьеров, противодействующих размеренному функционированию приднестровского общества, существенным представляется интерес философского размышления о сущности данных факторов. Статичность приднестровского общества, также его неустойчивое положение, задают его характеристику – здоровым является социум, который способствует независимому самовыражению личности, направленному на формирование духовных, культурных, социально-экономических ценностей, а так же на развитие личности, которая способна использовать и вырабатывать, сопутствующие данному процессу цивилизационные ресурсы и формы самобытности. Самобытность, таким образом, определяется самоцелью личности к обретению человеческой сущности в условиях непризнанной государственности Приднестровья. Самоцель личности устанавливает степень возможности и самовыражения в различных культуuroобразующих конфигурациях, уровень свободы в сочетании с ответственностью перед другим и социумом, дееспособность и стремление устанавливать перед собой цели во благо других и, также, умение оценить вышесказанное в качестве критериев успешности собственного существования и собственной свободы. Непосредственно по этой причине, в качестве основного показателя личностного сиротства в непризнанной государственности Приднестровья нами рассматривается признак одиночества.

На наш взгляд, проявление одиночества объединяет теснейшим образом миро- и самовосприятие человека с важными, определяющими личность тенденциями онтологического характера. В понятие «одиночество» входят философско-онтологические контексты, а так же оно отображает реальность личности на чувственно-ментальном и культурно-экономическом уровнях. Осознание одиночества считается, в первую очередь, контекстуальным отчуждением от происходящих сегодня процессов по причине непризнанной государственности Приднестровья, и как таковое характеризуется отсутствием свободы личности в онтологическом значении. Эти реальные процессы онтологического характера вызывают его реакцию на происходящее: неопределённое или же очевидное ощущение личного бессилия в отношении признания мировым обществом статуса государственности Приднестровья. В Приднестровье личностное

одинокчество может сказываться, как неспособность вернуться на исторически преемственный путь национально-государственного развития (СССР) и, собственно, самоопределиваться в качестве современного субъекта в мировой политике, в системе международных отношений и международного экономического разделения труда. Как отмечает приднестровский исследователь А. Н. Оставная, «Приднестровский народ» на равных правах состоит из множества этносов и в согласии реализуют свое право на общую историческую судьбу через самоопределение Приднестровской Молдавской Республики согласно принципу «Право нации на самоопределение» [2]. Е.М. Бобкова делает вывод о том, что основой социально-конвенционального механизма выступает потенциал ценностных ориентаций и смысложизненных установок, определяющий участие граждан и организаций в достижении социально значимых целей и решении задач устойчивости социума. Их источником является социализация личности, усвоение каждым поколением основополагающих качеств, необходимых для функционирования и развития, системных социально-конвенциональных взаимодействий и отношений, для интеграции жизнедеятельности людей в единое целое [3].

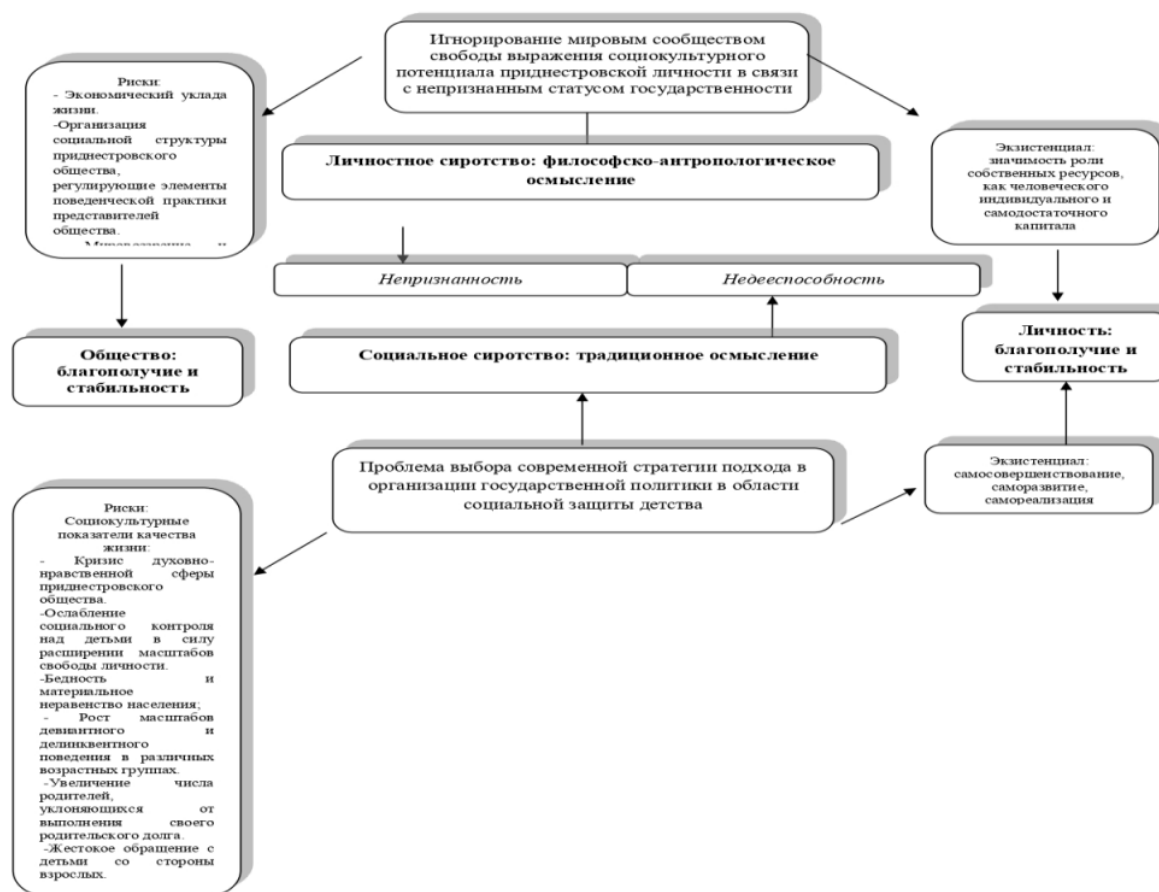
Под «государственным одиночеством» предполагается понимание отчужденности от мирового пространства в отношении признания его социально-политического статуса. В условиях «государственного одиночества» возможный ресурсный потенциал приднестровской личности игнорируется мировым сообществом, что провоцирует депрессивные и апатичные настроения, не даёт полноценного права на беспрепятственное всесторонне развитие.

К сведению, в 2020 году сообществом учёных НЦАИ г. Тирасполь, проводился опрос среди жителей Приднестровья, в котором содержались вопросы, выясняющие отношение населения к социально-экономической ситуации в республике. Так по вопросу, «Как по вашему мнению в последнее время социально-экономическая ситуация в стране меняется или не меняется? И если меняется, то как?» – в феврале 2020 года мнения ответивших сошлись в 5,8% о том, что «меняется в худшую сторону», к июлю этого же года, так считало уже 27,4% граждан. Способ мышления «личности-сироты», не предполагает положительного видения будущего социально-экономического развития страны. Также, по вопросу «Как вы считаете следующий год, для социально-экономического развития страны станет хорошим?», – 33,1% граждан ответили «ситуация будет ухудшаться». Предположим, что на неудовлетворительное социально-экономическое отношение граждан повлияла тенденция, связанная с карантинными мероприятиями в республике, но также – это показатель «личностного одиночества» граждан. Выражается он, в первую очередь, в том, что саморефлексия приднестровской личности происходит в результате использования индивидом тех ресурсов, которые находятся в

его ведении. В условиях «государственного одиночества» созидательная функция потенциала личности может ещё более усиленно блокироваться внешними факторами.

Таким образом, в современном научном дискурсе приднестровского общества актуализируется потребность в поиске идеи философии экзистенциального выбора. Рассуждение возможно рассматривать на индивидуальном, институциональном и государственном уровнях общественного бытия личности, через категории «личностное сиротство» и «государственное одиночество», фокусирующиеся в условиях непризнанности Приднестровья (см. Схему 1.) Экзистенциальный выбор воспроизводства процесса социального одиночества в социокультурном пространстве непризнанности государственности Приднестровья состоит из следующих компонентов.

Схема 1. Концептуальная модель «Личностное сиротство» как концепт «государственного одиночества»: философия экзистенциального выбора»

Во-первых, определяющим является влияние экономического уклада жизни, принятый в социокультурном пространстве Приднестровья. «С точки зрения социально-экономической эффективности на первый план в развитии нашей страны выдвигается вопрос: как при данных ограниченных ресурсах наиболее полно удовлетворить потребности всех членов общества? И это возможно только с учетом нашей цивилизационной самобытности, при использовании всего того

передового, что создано человечеством, посредством формирования своей модели организации экономической жизни»[4].

Во-вторых, это специфика организации социальной структуры приднестровского общества, регулирующей элементы поведенческой практики представителей общества. «Углубление процессов интернационализации и возрастание роли международных связей в развитии национальных экономик обуславливает важность формирования в стране такого внешнеэкономического сектора, который занимали бы и удерживали бы определенные позиции на мировом рынке, обеспечивая при этом сбалансированность и стабильность развития экономики»[4].

В-третьих, это мировоззрение и идеология. «Приднестровская идеология воплощает в себе: самобытность; историческую преемственность всего лучшего, что было в прошлом; духовную и нравственную основу; народность и общинность; взвешенный консерватизм; интернационализм, национальный патриотизм и либерализм; православие и тесный его союз со всеми традиционными религиозными конфессиями Приднестровья»[4].

Посему, по ряду важнейших концептуальных вопросов, затрагивающих связь «государственного одиночества» и «личностного сиротства», от понимания сути и способа решения которых зависит дальнейшая жизнь приднестровского народа и государства в целом. Что же такое Приднестровская Молдавская Республика как государство? Кем является приднестровская личность, а именно что она наследует и что отвергает из своего прошлого, где ее подлинные границы, как они определяются, каково ее реальное положение в мире, где сфера ее социокультурных и национальных интересов, как соотносится весь положительный и отрицательный исторический опыт с ее нынешним состоянием? Какова перспектива долгосрочной стратегии развития республики в XXI веке?

Сегодня у Приднестровья есть весомый потенциал обеспечить не только национальную безопасность, развитие общества, но и достоинство личности, ее основополагающие права и свободы, благополучие человека и его семьи. На современном этапе мирового развития, не вступая в конфронтацию ни с одним государством, Приднестровье должно спокойно и вместе с тем твердо отстаивать на мировой арене свои национальные интересы. При этом оно должно стремиться к тому, чтобы ее национальная основа была надежно состыкована с системами региональной и международной реализацией социально-экономического и социально-культурного потенциала личности в формирующейся новой международной системе.

Список литературы

1. Погребная К. В. Социальное сиротство» в категориях государственного и личностно-эмоционального одиночества: философское осмысление / К. В. Погребная //

- Евразийский юридический журнал – № 9 (136). – 2019 / Философские науки / под ред. председ. Мацкевич И. М., д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина – МГЮА). – С. 450-453
2. Оставная А. Н. Ценность «многонациональности» в основных нормативно-правовых документах Приднестровской Молдавской Республики // Приднестровье в современной геополитической реальности: Материалы Международной научно-практической конференции / ответственный редактор: Толмачёва И. В. – Тирасполь: ПГУ, 2020. – С. 256-266
 3. Бобкова Е.М. Социально-конвенциональный механизм устойчивости общества в условиях непризнанности: социологический подход (на примере Приднестровья): Автореф. дис. д-ра социолог.наук. – С., 2018. – 45 с.
 4. Лабунский В. В. Цивилизационные, социальные и экономические особенности общественного развития// «Экономической теории и мировой экономики» – URL: <http://www.vspmr.org/information/expert-opinion/tsivilizatsionnie-sotsialnie-i-ekonomicheskie-osobennosti-obschestvennogo-razvitiya.html> (дата обращения: 30.08.2023)

УДК 177:17.03

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ВЫБОР ДОНБАССА И ФАКТОР СПРАВЕДЛИВОСТИ

Мушинский Н. И., канд. филос. наук, доц.

Белорусский национальный технический университет, г. Минск, Республика Беларусь
mushinski@bntu.by

Введение. Проблема *справедливости* приобретает особое значение в «пограничных ситуациях» современности, ставящих под вопрос само «существование» как отдельных этнокультурных групп, так и всего человечества в целом. Мировые войны и социальные революции, ракетно-ядерное противостояние периода «холодной войны», «гибридные» войны «информационной» эпохи, заставляющие цивилизацию в очередной раз балансировать на грани самоуничтожения, побуждают философов сосредоточить внимание на осмыслении «экзистенциальных» аспектов социальной реальности с точки зрения поисков инновационных факторов *справедливости*.

Цель исследования – рассмотрение взглядов ведущих представителей *этики экзистенциализма* на проблему *справедливости*, осмысление с этой точки зрения *экзистенциального выбора Донбасса* в контексте глобального «пограничного» противостояния.

Основная часть. Философия *экзистенциализма*, активно развивавшаяся с конца XIX в., подробно анализировала морально-этическое содержание категории *справедливости*, непосредственно отражающее парадоксы и коллизии технократического «существования»:

«XIX век – век бунта пролагает путь XX веку – веку справедливости и морали» [1, с. 197]; как показали события начала третьего тысячелетия – актуальность этих размышлений сохраняется и в «информационную эпоху». Действительно, технологический скачок порождает всё новые вызовы и угрозы, не похожие на всё, что было ранее, вовлекающие каждого отдельного субъекта в его индивидуальном «существовании» в «пограничную ситуацию» сознательного «морального выбора». Попытки уйти от самостоятельных решений, спрятаться за привычные устоявшиеся стереотипы, парадоксальным образом становится источником всё новых *несправедливостей*: «Требование справедливости превращается в несправедливость, если оно не основывается, прежде всего, на этическом оправдании справедливости» [1, с. 281]. В любом случае, субъект совершает свой выбор, даже если делает это неосознанно; тем самым он вовлекает в ситуацию «экзистенциального выбора» других людей и полностью несёт за это ответственность, «если он создаёт несправедливый мир и поддерживает его существование, то он не может уйти от ответственности за это» [2, 55]. Этика *экзистенциализма* призывает всякого человека самостоятельно осмысливать техногенные вызовы, смело идти навстречу неизвестному в гуманистическом стремлении к подлинной *справедливости*: «Только предчувствие Справедливости вызывает возмущение несправедливостью... Каждый, изобретая свой личный выход, изобретает себя» [2, 254 - 255], в этом и реализуется его «экзистенция».

Рассматривая с точки зрения философии *экзистенциализма* современное «положение дел» на Украине, приходится признать, что там имеет место в подлинном смысле «пограничная ситуация», в которой «восставший Донбасс» был вынужден совершить действительно «экзистенциальный выбор», затрагивающий само его существование и фундаментальные общечеловеческие критерии *справедливости*.

На протяжении многих веков Украина представляла собой восточнославянскую православную этнокультурную общность, стремившуюся во враждебном окружении и в условиях непрерывного «прозападного» давления сохранить свою самобытность, однако получившую самостоятельную государственность только в результате революционных событий 1917 года. С приходом советской власти, она, в каком-то смысле, пользовалась среди других республик наиболее «привилегированным» положением (исключая позже присоединённые прибалтийские государства, а также страны «народной демократии» - Польшу, Чехословакию, Восточную Германию и др.). Советское руководство, среди которого весьма влиятельное положение занимали выходцы из Украины (Н.С. Хрущёв и др.), стремилось создать для неё сбалансированную экономику. В дополнение к процветающему на чернозёмах сельскому хозяйству и наличию полезных ископаемых, общесоюзными усилиями строились монументальные энергетические

сооружения типа Днепрогэса, передавались промышленно развитые территории, «всесоюзная здравница Крым» и т.п. В условиях официально проводившейся политики «пролетарского интернационализма», никого особенно не волновало, что вновь присоединённые земли в значительной мере населены этническими русскими, а на «коммунистические стройки» массово приезжают представители удалённых регионов, для которых русский язык остаётся единственно возможным средством межнационального общения. При этом «титовская» украинская культура всемерно поощрялась и никаких особых противоречий с «русскоговорящим» сообществом не возникало. Казалось бы, не должно было появиться проблем и после обретения «независимости» в результате распада СССР, особенно учитывая, что в современном мире большинство полиэтнических государств вполне успешно используют федеративную систему, или тяготеют к ней, например, ФРГ, РФ, Британское содружество, Соединённые Штаты (т.е. «государства») Америки и т.п. Однако руководство «независимой» Украины целенаправленно избрало другой путь, связанный с подавлением этнокультурного многообразия. Поскольку глубинных социально-экономических предпосылок для этого не существовало, в этом можно видеть просто антироссийские показательные недружественные акции, чисто политическое конъюнктурное стремление в «последний момент вскочить в уходящий вагон», переметнуться на сторону «мирового гегемона», объявившего себя «победителем в холодной войне». В немалой степени ситуацию усугубила легкомысленная и недалёковидная позиция тогдашнего российского руководства, погрязшего в борьбе за власть и личные финансовые преференции, взявшего курс на развал страны, официально провозгласившего «парад суверенитетов», не задумываясь об удалённых последствиях.

Тем не менее, украинцы, допустив приход к власти экстремистских режимов, начав насильственную «украинизацию» русскоговорящих регионов (в дальнейшем – средствами военного подавления), совершили свой «экзистенциальный выбор» в возникшей «пограничной ситуации». Тем самым, они нарушили фундаментальные общечеловеческие принципы *справедливости*, чем вовлекли в ситуацию «экзистенциального выбора» население Донбасса, поставили его на грань выживания, полной потери этнокультурной самобытности. Украинцы поддались по недомыслию, либо злонамеренности, на «сладкие посулы» американцев, стремящихся к продолжению «холодной войны» чужими руками на постсоветских «освободившихся» территориях, заодно ослабляющих экономику западноевропейских конкурентов, не дающих им мирно торговать и пользоваться дешёвыми российскими энергоносителями. Таким образом, украинцы, возможно, даже не осознавая этого, приняли на себя полную ответственность за последствия своего ошибочного выбора, как это объясняет современная этика *экзистенциализма*.

Заключение. Обобщая идеи наиболее известных философов-экзистенциалистов, анализирующих категорию *справедливости*, можно констатировать, что «восставший Донбасс» совершил свой пророссийский *экзистенциальный выбор* вынужденно, однако вполне осознанно, в полной мере принимая на себя его последствия, учитывая общие тенденции развития мировой цивилизационной системы, действуя в интересах её дальнейшего выживания и сохранения этнокультурного многообразия соответственно универсальным общечеловеческим критериям *справедливости*.

Список литературы

1. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство / А. Камю. – М.: Политиздат, 1990.- 415 с.
2. Сартр Ж.П. Что такое литература? Слова. – Мн.: Попурри, 1999.- 448 с.

УДК 101.1

ЗАЧЕМ ЗАПАД РАЗВЯЗАЛ ВОЙНУ ПРОТИВ НАС? КТО ЕСТЬ ЗАПАД И МЫ?

Настасенко И. Д.

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова», г. Москва, РФ
nastasenko.ivan@mail.ru

Зачем Запад развязал войну против нас? Это хороший вопрос, но он не будний, на него нельзя дать простой ответ. Нам надо определить, кто есть «Запад», кто представляет его интересы, гомогенен ли он. Кроме того, мы должны ответить, кто есть «мы», кто есть те «нас», против которых «Запад» развязал войну. И самый главный, ключевой, решающий вопрос, а что есть «война». Попробуем прояснить каждый аспект.

«Запад», говоря о нём, какой критерий демаркации мы выделяем: религия, культура, историческое наследие или философская парадигма? Конечно же, всё сразу и понемногу. Но важно при этом помнить, что в реальности нет ни «Запад», ни «нас». Это лишь игра галлюцинаций и образов, реального субъекта под названием «Запад» не существует, это конгломерат политических актеров со своими интересами. Этот симулякр под названием «Запад» является наследником Римской империи и последующих европейских диктатур, которые ведут свою историю до сегодняшнего дня. Римская империя для них является прекрасным образом из прошлого, когда весь мир был у их ног, когда они были в самой сильной позиции в своей истории. Падение этого Колосса безусловно стало

«травмой» для национального сознания представителей европейской цивилизации. Эта травма породила в них ресентимент, который перенёсся и на их бывшие колонии, где вчерашние европейцы приходили к власти на Новой Земле (США, Канада и пр.). Какова же причина их агрессивной политики, которую они всячески пытаются скрыть за маской толерантности и напускной доброжелательности к другим? Именно этот ресентимент, именно этот страх и нежелание почти на физиологическом уровне принимать субъектность другого, принять, что они перестали быть «властителем мироздания» или единственной «богоизбранной» нацией/ями на Земле. Но важно понять, что «Запад» — это политическая элита, это деятели мысли, которые их обслуживают, и в наименьшей степени это простые люди, которые пытаются выжить в этом жестоком и безжалостном капиталистическом мире.

Кто же «мы», кто такие «нас»? Этот вопрос ничуть не менее фундаментальный для нашего рассуждения. Наша страна до сих пор находится в процессе формирования «нас», у «нас» так и нет единства в этом образе. Кто-то воспринимает «нас» как наследников Советского Союза и осуждает период царского режима, другие, наоборот, постоянно говорят о «России, которую мы потеряли», предавая анафеме 70 лет социализма. Есть и третьи «мы», которые говорят о необходимости примирения белых и красных, которые говорят о необходимости зарыть этот «топор распрей» и сплотиться под новой «идеей» отсутствия единой идеи, как бы странно и тавтологично это не звучало. Несмотря на 30 лет новой «жизни» и нескольких лет, учитывая нашу историю, относительно спокойной жизни, «русское общество» не стало гомогенным в своих идеях, мечтах и стремлениях. Понятие, закладываемое за словом «русский», так и не стало единым, не вызывающим каких-либо споров. Условия СВО ускорили этот процесс и помогли задать хоть какие-то рамки, но определение нам даётся апофатически. **МЫ НЕ ОНИ**, у **НАС НЕТ** того-то и того-то, **НАМ НЕ** достаёт того-то и того-то. Отрадно видеть, что этот процесс хотя бы начался, что этот процесс действительно трогает безучастных ранее, но грустно осознавать, что он мог бы начаться намного раньше и в более спокойное время. В том числе из-за попыток найти своё определение данная братоубийственная «война» и стала для «нас» экзистенциальной.

И последний момент, что есть «война»? Это норма жизни или отход от неё. Античный философ Гераклит источником движения и изменений в нашем мире видел в фундаментальном принципе «борьбы», конфликте противоположностей, что абсолютно. Экзистенциалисты и представители «потерянного поколения» в XX будут стремиться показать абсурдность и ужасность войны как явления. Но что есть «война» как таковая? Не то ли оно событие, когда для разрешения конфликта и споров слов перестаёт хватать и нужны другие аргументы? Не то ли это событие, когда ты

находишься в самой страшной позиции «либо-либо», где на кону стоят твои убеждения и идеалы, отказ или уничтожение которых равносильно убийству тебя самого, или же где на кону буквально стоит твоя жизнь или близких и дорогих тебе людей? Если это всё «война», то она почти не прекращалась на нашей планете, люди ведут её с доисторических времён, когда человек еще не обрёл Логос. «Война» может иметь разный формат, но она никогда не меняется в своей сути. В ницшеанском дискурсе можно было бы назвать войну апогеем дионисийского, воплощение хаоса и витальности как таковой.

Так зачем же Запад развязал войну против нас? Наиболее близким к истине ответ будет: он её не оканчивал. Современная почти что гражданская война между людьми, совершенно недавно бывшими одним народом, является просто иной формой старого конфликта. «Война» спустилась из мира идей в мир материальный, но сути своей она не изменилась. «Они» пытаются всем, чем только могут, вцепиться в уходящий поезд их единоличного господства, а «мы» стараемся найти себя, защитить право на «самость» как таковую.

По пути ли нам с Западными ценностями?

История прошлого века и нынешнего времени ясно показала, что большинству «нас» эти ценности не более чем «забавные безделушки», которые не воспринимаются нами как носящие экзистенциальный характер. Не зря еще из работы «С того берега» А.И. Герцена мы можем вывести ходовую в народе фразу, что *«в каждом европейце сидит полицейский»*. «Мы» не такие. «Мы» больше дети дионисийского, хаотического, нам нужна широта души, вольность. Строгую детерминацию мы плохо переносим, она вызывает у нас крайности, то чувство упадка, граничащего с отсутствием воли к жизни как таковой, то лихорадочным, практически безумным стремлением сделать невероятные «глотки» той самой жизни в виде разгульного поведения, цыганщины и бретёрства. И как такому человеку жить в маленьком почти что унифицированном западном мире? Вспомним опыт философского парохода и белой эмиграции. Сколько из них прижилось там, нашли достойное место и продолжали развитие русской культуры, окормляли её и окормлялись ею? Практически никто из решивших остаться там до своего последнего часа и отказавшихся вернуться в советскую Россию. Их последующее творчество забыто «русским народом» и известно лишь специально заинтересованными людьми. Поговорка «что для русского хорошо – для немца смерть» работает в обе стороны. «Мы» не можем и не должны принимать все ценности Запада, но это и не значит, что у нас нет никаких точек соприкосновения. Нельзя забывать уроки истории, не раз и не два нам помогали утвердить свою самость мастера и ученые из заграницы, их вольно или невольно посаженные семена «европейскости» всё же дали свои ростки в русской культуре, но «наше» отличие в том, как мы их

возделали: будь то театр, балет, опера, классическая музыка. «Мы» не пойдём одним путём с Западом, но это и не значит, что «мы» пойдём в противоположную от него сторону.

УДК 1 (091)

КАК СТРОИТЬ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА: ПЕШЕХОДНАЯ ПРАКТИКА

Паршина Л.В.

ФГБОУ ВО “Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова”, г. Москва, РФ
lada-parshina@list.ru

Введение. Понятие города – понятие, которое могло быть придумано только с помощью взгляда, вынутого из самого этого города. В средние века живописью изображались панорамы с высоты птичьего полета, а сейчас вознестись может каждый, кто живет в мегаполисе. С высоты пространство города представляет собой карту или же текст, как пишет Мишель Серто. Этот текст, который оставил в себе только след, в нем не отображаются практики, которые образовали этот текст, но были забыты, и те, что производятся в настоящий момент, и не могут быть учтены в уже написанном тексте. Таким образом, вроде бы в ясный и просматриваемый с высоты город - текст проникает гетерогенное, что становится неуловимым привычными, около научными методами. Исследовать множественное, значит, не приводить его к однородному, иначе исследование будет провалено. Джон Ло в работе “После метода: беспорядок и социальная наука” озабочен вопросом работы с беспорядками, которые представляют собой как раз таки трудно уловимые множественности, каковым является город, и предлагает охватить беспорядки не методом упорядочивающим, а метафорой. Такой же способ использует Мишель Серто в “Изобретение повседневности”. Третью часть этой книги он посвящает практикам использования пространства, на это я буду опираться в своем тексте.

Цель. Рассмотреть метафоры, которые помогут описать понятие города, выявить как оно создается. И перейти от вопроса “Как оно создается?” к “Что и как создавать?”.

Основная часть. Серто пишет, что город можно операционально определить для работы с этим нечто, как: 1) производство собственного пространства; 2) замещение неуловимых и упорных видов сопротивления традиции не временем или синхронической системой; 3) создание

универсального и анонимного субъекта, которым является сам город. Таким образом, “город” дает возможность мыслить и создавать пространство, исходя из конечного числа устойчивых свойств [1, с. 189]. Но его создание, управление им сочетается с уничтожением, потому что возможны эффекты, которые нельзя прогнозировать. Рационализация города, следование урбанистическому проекту приводит к мифологизации – сам город отдан противоречивым силам, которые не предугадать, даже разглядывая из паноптикума - устройства слежки в тюрьме, которое описывает Фуко в “Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы.”. В целом Серто следует за Фуко, который анализирует детали, которые преобразуют человеческую множественность в дисциплинарное общество. Но Серто добавляет, что эти механизмы работают, так как черпают свою эффективность из эффекта перераспределения пространства, тогда встает вопрос первичности многообразия пространственных практик или деталей аппарата, которые определяют вектор этого многообразия. Подчиняются ли практики пространства: прогулки, обживание, память о местах какой-то стратегии, или нельзя обнаружить скрытые формы, которые принимает бриколажная изобретательность пешеходов. Осмысление этой части социальной реальности имеет такие же проблемы, как и любое социальное исследование, где нужно увидеть целое, находясь одновременно его частью, и учитывая это.

Серто, основываясь на том, что маршруты теряют акт передвижения проводит аллегорию с языком, где акты высказывания также оказываются плохо связанными с содержаниями высказываний, где содержание проводит процедуру забвения с практикой говорения, как и маршруты, на которых остается лишь след. Следуя метафоре, акт ходьбы – акт высказывания. В ходьбе присваивается топография, пространственная реализация места и его дифференцирование относительно позиций прогуливающегося. Всякое пространственное означающее получает означаемое в практике, которая может подчиняться или не подчиняться предписанному означаемому. Ходьба имеет стиль, который задает способ бытия человека в мире - прогулка становится его символом. По аналогии с языком, риторика ходьбы в основном играет с тропами синекдохи, когда расширяются пространственные элементы (магазин обозначает квартал), и асиндетона, который оставляет только реликвии пространства, а все ненужное выпадает. Маршрут прогулки имеет структуру мифа. Примечательным является производящееся отношение между местом (местом – истоком) и не-местом (способом прогулки), между ним образуется лакуна, как и между маршрутом – мифом и самой прогулкой, которую “этот миф описывает”.

Город можно рассмотреть через метафору нехватки места, так как прогулки-опыт поиска места, пребывание в постоянном отсутствии под именем города. И это отсутствующее центрирует присутствующий город,

когда мы блуждаем, мы плетем ткань города, воспроизводим представление о нем.

Большую роль в формировании представления о городе и его самом строительстве играет память. Город снова становится присутствием отсутствий, его улицы названы по именам событий, когда-то произошедших там, а в ментальных картах его жителей новые вывески не закрашивают воспоминаний о старых и привычных названиях. Благодаря памяти, которая населяет город духами, практика использования пространства может быть психоаналитической практикой. Мы гуляем по местам детства, производим его радостный опыт, где мы- другие, но это исчезновение не означает прекращение отношений с нами - исчезнувшими.

Заключение. Таким образом, пешеходы плетут ткань города. Их город — это их маршрут, который отсылает к событиям их детства, знаковым местам встреч с друзьями, домам, куда они ходили с родителями в гости, и кафе, которые уже называются по-другому. Понятие города меняется с возрастом, сменой ценностей, приоритетами, таким образом, само представление о городе становится случайным и в какой-то мере зависят от нас самих, в то же время мы сами зависим от практик себя, которые воплощаются и в правилах пользования пространством. Получается, что есть связь практик себя и понятия города, поэтому строительство города зависит от нас самих. Это все не исключает того, о чем писал Фуко - производство города остается вместимым в рамки, но творчество в нем остается.

Список литературы

1. Серто Мишель де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать/Мишель де Серто; пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. — 330 с. — (Серия «Прагматический поворот»; вып. 5). ISBN 978-5-94380-150-1
2. Ло Джон. После метода: беспорядок и социальная наука [Текст] / пер. с англ. С. Гавриленко, А. Писарева и П. Хановой. Науч. ред. перевода С. Гавриленко. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. — 352 с. ISBN 978-5-93255-406-7
3. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы /перевод с французского Владимира Наумова. – М.: «Ad Marginem», 1999. – 480 с. ISBN 5-93321—010-2

РЕАЛИИ СОВЕТСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ РОК-БАРДА АЛЕКСАНДРА ЛИТВИНОВА

Патерыкина В. В., д-р филос. наук, проф.

ФГБОУ ВО «Луганская государственная академия культуры и искусств
имени Михаила Матусовского», г. Луганск, РФ
zelenlist@bk.ru

Введение. Советская действительность рефлексирована, пожалуй, всеми видами искусства, в том числе, поэтически-песенным творчеством. Рок-движение как альтернативное явление доминирующей идеологии построения коммунистического общества отразило противоречия иссякающего строя.

Цель – на примере творчества рок-барда Александра Михайловича Литвинова показать рефлексию посредством поэтически-песенного творчества советской действительности с присущими ей маркерами.

Основная часть. Последние десятилетия существования советской идеологии совпали с нарастанием в культурном пространстве тенденций постмодерна, которому присущи маркеры иронии, децентрализации истины, коллажности, абсурда, наличия симулякров, ризомности. Новые подвижки ощутили, прежде всего, чуткие к переменам творческие личности, в том числе фолловеры рок-движения. Одним из представителей рок-культуры, уловивших приближение социальных потрясений, был сказочник, поэт, музыкант, художник Александр Михайлович Литвинов (11.06.1970–21.08.1999). Годы его творческой активности совпали с преддверием переломных событий распада великой державы, перестроечных и постперестроечных процессов. Разумеется, что рефлексия происходящего не могла не отразиться в его творчестве, вобравшем фольклорные мотивы, аристократизм, городской романс, рок. Такой микс составил очень пёструю ткань творчества этого барда, нашедшего свою нишу в полифонии последних десятилетий ушедшего столетия.

Ряд песен Александра Литвинова, взявшего псевдонимы Нестор, Веня Дыркин, Дрантя, Вениамин Д'ркин, написаны в манере иронии, абсурда, что в рамках культуры постмодерна вполне вписывалось в эту ситуацию. «Шёл трамвай по улице Советской», «Баба в оранжевом», «Автовокзал», «Танго», «Песня про советскую милицию», «Анка-пулемётчица», «В разгар сезона», «Пастух Виталий Шуллер», «Эй, старуха!», «Бабука», «День Победы» – эти песни в манере пёстрой постмодернистской эклектики с особой дыркинской беспарфозностью, с иронией, абсурдностью отразили собственное видение тогдашнего социума.

Пафосного протеста и рассогласований с властью не наблюдалось ни в его жизни, ни в его творчестве, о чём поэт заявил 22 марта 1997 года перед концертом, проходившем в Московском рок-клубе на Старой Басманной улице: «Декаданса какого-то не было. Система не была. Кроме каких-то напрягов с органами милиции, с паспортным столом, воинским учётом. Просто писалось и всё. Ничего героического сказать не могу» [1].

Но в другом интервью, данном в городе Алчевске Луганской области 1998 года, поэт сетует на пожизненные столкновения с милицией, стабильное непонимание поэта представителями советской власти [2].

Но самое большое противоречие заключалось в том, что Александр Литвинов, живя в постмодерне, существовал рядом, но не в нём; живя при рассеивании идей социализма на бывшем советском пространстве, отражая его проявления, не до конца вбирал его.

Заключение. Эkleктика творчества Александра Литвинова состояла из литературных опытов первых советских поэтов 1920-х годов, поэтики Александра Вертинского, фантазмагорий Михаила Булгакова, славянского фольклора, городского романа, ритмов рока. Постмодерн, замешанный на цитировании, ибо всё сказано и к сказанному добавить нечего, у Александра Литвинова проявлялся в цитировании не от недостатка информации, а совершенно наоборот, от избыточности общего культурного фона поэта, который был сплетением всех перечисленных составляющих. Этими составляющими проникнуто песенно-поэтическое творчество Александра Михайловича Литвинова, отразившее советскую действительность.

Список литературы

1. Интервью перед концертом на Старой Басманной 22 марта 1997 года.– URL:<https://yandex.ru/video/preview/12046194807881309737>(дата обращения: 24.09.2023).
2. Интервью после концерта в Алчевске. – URL:https://drkin.narod.ru/press/1_2_interview.html (дата обращения: 24.09.2023).
3. Горбачёв Александр, Зинин Илья. Песни в пустоту.– URL:https://vk.com/wall-75834026_618(дата обращения: 24.09.2023).

АКТУАЛЬНОСТЬ ТВОРЧЕСТВА Н. БЕРДЯЕВА В КОНТЕКСТЕ ПАРАДИГМЫ ВОЙНЫ

Полеводов Г. В.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
Grach-25SM@mail.ru

Философский труд, объединивший размышления Бердяева под знаковым названием «Судьба России» ценен тем, что находится вне идеологических рамок. Он нравственно объективен.

Отметим, что во времена существования СССР имела место не всегда адекватная оценка масштабных исторических событий с точки зрения победителей. Мировоззренческие и социально-исторические феномены Первой Мировой, Гражданской, Великой Отечественной войн зачастую рассматривали в узких рамках победившей социалистической идеологии. Научное мышление, которому полагается быть объективным, в то время во многом утратило это качество.

Философская рефлексия Н. Бердяева в отношении Первой Мировой войны заключается именно в том, что она лишена какой бы то ни было идеологической подоплеки и предстает перед нами в виде мышления субъекта, столкнувшегося с кардинально новой для него мировоззренческой проблематикой: еще вчера все было спокойно, а сегодня уже возник многоплановый экзистенциальный кризис. Философ пишет по этому поводу: «Подход к проблеме войны всегда был отвлеченно-моралистический, отвлеченно-социологический или отвлеченно-религиозный. Самостоятельной работы мысли над сложной проблемой войны у нас не происходило. Война застала нас нравственно неподготовленными» [1, с. 203].

Война мыслится Н. Бердяевым как событие, происходящее на небесах, в иных планах бытия: «И та война, которая началась в конце июля 1914 года, есть лишь материальный знак совершающейся в глубине духовной войны и тяжелого духовного недуга человечества. Война не создала зла, она лишь выявила зло... Внутренняя война была прикрыта лишь поверхностным покровом мирной буржуазной жизни, и ложь этого буржуазного мира, который многим казался вечным, должна быть разоблачена» [1, с. 191].

Как видим, мыслитель воспринимает и принимает войну не просто как данность, но как логическое развитие тех социальных и нравственных процессов, которые зародились еще в мирном обществе накануне вооруженного конфликта.

Действительно, для неподготовленного индивидуума война наступает «вдруг», и рефлексия относительно причин и следствий

возникшего конфликта отходит на второй план перед пугающей неизбежностью уже свершившегося перехода от мирной жизни к вооруженному противостоянию. Тем ценнее рассуждения Н. Бердяева о нравственных и социальных причинах войны.

При этом философ отнюдь не отрицает глобального значения войны как инструмента достижения важных политических целей, которые могут оставаться недоступными большинству людей на общем понятийном уровне. По его мнению, жестокость войны, как и жестокость целой эпохи есть не что иное как жестокость исторической судьбы. Но ценность национальной и личной чести неизмеримо выше благополучия и обывательского удовлетворения: «Достижения жизни исторической, решения мировых задач выше достижений жизни замкнуто-эгоистической, личной и семейной. Без такого сознания не может быть закала народного характера» [1, с. 200].

В данном контексте мысли русского философа перекликаются с идеями Г. Ф. Гегеля, который в «Философии права» утверждает, что «благо государства имеет совершенно иное оправдание, чем благо отдельного лица, что нравственная субстанция, государство, имеет свое наличное бытие, т.е. свое право [...] в конкретном существовании [2, с. 463].

Переосмысливая феномен войны и постигая ее трагичность с христианской точки зрения, Н. Бердяев приходит к более глубокому восприятию и пониманию сути вооруженного конфликта. Несомненно, основная нравственная дилемма на любой войне – оправдание самого факта убийства противника как осознанной необходимости: «Низко было бы возложить на других убийство, которое нужно и мне, и делать вид перед самим собой, что в этом убийстве я не участвую. [...] Убийство – не физическое, а нравственное явление и оно, прежде всего, совершается духовно» [1, с. 194].

Решая сложный экзистенциальный вопрос существования человека в условиях войны, философ формулирует некий нравственный парадокс: «Есть искупление в самом принятии вины. Винодность бывает нравственно выше чистоты. Это – нравственный парадокс, который следует глубоко продумать [1, с. 194].

Также Н. Бердяев в рассуждениях о войне и образе противника проявляет немалое гражданское мужество в том, чтобы дать личностную оценку действиям не только Германии, но и России на фоне царящей тогда цензуры. Он отмечает распространение пропагандистских русофильских настроений в обществе и опасность недооценки противника: «Нравственно предосудительно слишком уж себя считать лучше другого, а в другом видеть злодея и на этом основании оправдывать свою борьбу с ним. В поединке необходимо некоторое уважение к противнику, с которым стало тесно жить на свете. Должно это быть и в поединке народов. Да и

неправдоподобно, чтобы мы были во всех отношениях лучше немцев и чтобы враги наши были такими уж низкими злодеями и воля их целиком была отдана неправде и злу. Так не бывает», – утверждает философ [1, с. 204].

Действительно, исторический контекст того времени не предполагал объективной оценки противника, поэтому происходило, в известной степени, «расчеловечивание» немецкой нации. Однако социально-политические процессы, происходящие в самой России, привели к неожиданному для властей результату. Печальный исторический итог существования Российской Империи всем известен.

В наше время, спустя более столетия, вызывают тревогу умонастроения в определенной части российского общества. Подчас пропаганда уступает место здравому смыслу, в умах современников царят легкомысленные настроения, основанные на ложном и опасном чувстве собственной отстраненности от трагичности войны. Нельзя забывать, что СВО и предшествовавший ей конфликт 2014 года имеют четкие признаки гражданской войны.

Показательно, что выход из экзистенциального кризиса войны Н. Бердяев находит в гражданском мужестве и нравственной честности, в решимости взять на себя ответственность за зло войны и сохранить твердость в отстаивании ценностей. По сути, Н. Бердяев предвосхитил рассуждения Ж.-П. Сартра, который в труде «Экзистенциализм – это гуманизм» подчеркивал: «Экзистенциализм делает каждого человека собственником того, что он есть и возлагает на него полную ответственность за его существование. Но когда мы говорим, что человек ответственен за себя, то это не значит, что он отвечает только за свою собственную личность. Он отвечает за всех людей» [3, с. 439].

Таким образом, обозначив неизбежность войны как движущей силы масштабных социально-политических и культурно-исторических процессов, осознав трагизм самого феномена войны, Н. Бердяев попытался преодолеть экзистенциальный кризис в русском сознании переходом к нравственности высшего порядка: «Война есть вина, но она также есть и искупление вины. В ней несправедная, грешная, злая жизнь возносится на крест».

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Судьба России. – Москва: АСТ, 2023. – 382 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Философия права. – Москва: Азбука-Аттикус, 2023. – 476 с.
3. Сартр Ж.-П. Тошнота. – Москва: Республика, 1994. – 495 с.

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «НАЦИЯ» И «ЭТНОС» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭТНОГРАФИИ

Ретинский С. Г.

ФГБОУ ВО «Донецкий национальный технический университет», г. Донецк, РФ
artur.lenskiy@mail.ru

Введение. Одной из главных проблем философии является поиск субъекта социокультурного развития. Производной от этой проблемы служит такой насущный вопрос: могут ли быть субъектами исторического процесса социальные общности. Вот уже более двух веков существует проблема нации как социальной общности, её природы и исторического развития. Во время становления современных европейских государств возникли первые научные исследования, в которых проработаны различные подходы к изучению нации, не утратившие своего значения по настоящее время. Актуальность темы исследования заключается в поиске новых принципов и методов изучения становления нации как субъекта.

Цель исследования – дальнейшая разработка проблемы субъектности нации, которая во многом связана с неопределённостью понятия «нация» и попытками подменить его понятием «этнос».

Основная часть. В дореволюционной России теоретическое исследование сущности нации находилось в зачаточном состоянии. В конце XIX в. русские этнографы исследовали в основном такие понятия, как «род», «семья», «община» [1, с. 46]. Различные подходы к пониманию природы нации и этноса возникли уже в СССР, начиная со второй половины XX в. Главными действующими лицами были Л.Н. Гумилёв и Ю.В. Бромлей, которые создали соперничающие теории.

Советская этнография рассматривала нации и этносы как объективную данность. Так, Л.Н. Гумилёв считал, что для обозначения сообществ, из которых состоит всё человечество, лучше всего подходит понятие «этнос» [2, с. 10]. Один этнос отличается от другого «своеобразным стереотипом поведения». Структура такого поведения предполагает связь между индивидами, общение индивида с коллективом, взаимоотношение внутриэтнических групп как между собой, так и с этносом. Система поведенческих навыков передаётся из поколения в поколение посредством сигнальной наследственности, т.е. через условный рефлекс подражания. С помощью этого механизма в этносе у младшего поколения формируются неповторимый комплекс поведенческих навыков, который включает в себя вкусы, манеры, обычаи, привычки и т.д.

По Л.Н. Гумилёву, естественным продуктом этногенеза является обособление наций [3, с. 499]. Если этнос и институт государства

совпадают, то можно наблюдать нации современного типа. Такие совпадения были редкими в древности и стали характерны для XIX-XX вв. [3, с. 83].

В Западной Европе процесс формирования наций начался в Средневековье. Например, этническое название «французы» впервые документально зафиксировано уже в IX в., но тогда ещё не существовало единого этноса. Только спустя тысячелетие образовался этнос, который принято считать французской нацией [2, с. 19]. Л.Н. Гумилёв обращал внимание, что слово «нацио» (от лат. *natio* – рождение) эквивалентно термину «этнос», а не современному понятию «нация». Современные нации возникли при капитализме, а до этого они могли так называться, но по существу были этносами [2, с. 90].

Принято считать, что великороссы появились в XIV в. [3, с. 364]. Однако процесс формирования великорусской нации начался лишь в XVII в., а завершился с развитием промышленного капитализма в середине XIX в. [1, с. 56]. Другие нации России формировались медленно, т.к. находились в менее благоприятных условиях. К ним относились азербайджанцы, армяне, белорусы, грузины, латыши, литовцы, татары Поволжья, украинцы, эстонцы [1, с. 57].

Если Л.Н. Гумилёв рассматривал этнос как природный феномен, место, развитием, которого является уникальное сочетание ландшафтов, то Ю.В. Бромлей, напротив, стремился дать ему социальную интерпретацию. Отличительной особенностью этноса от других социальных общностей являются очень прочные связи и отношения, которые сохраняются в разнообразных формах организации общества.

Ю.В. Бромлей ввёл разграничение этноса в узком смысле (этникос) и этноса в широком смысле (этносоциальный организм). Этникосы представляют собой исторически сложившейся на определённой территории устойчивые совокупности людей, которые обладают общими языком, культурой и психикой, а также самосознанием [4, с. 27]. Они обусловлены социально-экономическими явлениями и не существуют вне социальных институтов. При этом сочетание этнических и социальных свойств зависит от так называемых пространственных параметров этникоса, т.е. от компактного или, напротив, рассеянного размещения этносов [4, с. 31].

Под этносоциальным организмом Ю.В. Бромлей понимал некую взаимосвязь этнических образований с социальными организмами, которые представляют собой территориально-политические общности. Последние образуют в первобытном обществе племена, в классовом – государства. Этносоциальный организм обладает этнической, территориальной, экономической, социальной и политической общностью, но его основными компонентами являются этнические и социально-экономические факторы. Этносоциальный организм непременно включает

в себя ту часть этникоса, которая размещена на территории политического образования и представляет собой социально-экономическую целостность.

Относительная консервативность этнических явлений и определённая самостоятельность этнических свойств обуславливает сохранение этникоса в течение сравнительно длительного времени. В качестве примера Ю.В. Бромлей приводил польский этникос, который существовал (и продолжает существовать) при феодализме, капитализме и социализме. Такому пониманию этникоса соответствует термин «национальность». Что касается этносоциального организма, то особый характер ему придает принадлежность к формации. В связи с этим племя, народность, буржуазную и социалистическую нации следует рассматривать как историко-стадиальные типы этносоциальных общностей [4, с. 32]. Исходя из этого, можно предположить, что этникос и этносоциальный организм соотносятся между собой как национальность и нация [5, с. 70-71].

Ктó (или чтó) превращает этнос в субъект исторического процесса? В концепции Л.Н. Гумилева – пассионарии, наделённые избыточной энергией, а в концепции Ю.В. Бромлея – самосознание, под которым подразумеваются передовые представители этноса, принимающие активное участие в его формировании и ведущие за собой других людей.

Заключение. На наш взгляд, обе концепции имеют определённые недостатки, поэтому не отражают сущности нации и этноса. Если рассматривать их только как природные явления, то они не могут быть субъектами истории. В свою очередь, раздвоенное представление об исследуемых понятиях нарушает их целостность. С нашей точки зрения, нацию следует рассматривать не как продукт этногенеза или один из типов этносоциальных общностей, а как устойчивую экономическую общность. Кроме того, исследования проблемы субъекта исторического процесса непременно должны затрагивать проблему субстанции общественно-исторического развития, образующей всеобщую форму социальной связи. Без этого невозможно решить проблему субъекта истории в целом и проблему субъектности наций в частности.

Список литературы

1. Современные этнические процессы в СССР / Под. ред. Ю. В. Бромлея; Институт этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая. – Москва: Наука, 1975. – 543 с.
2. Гумилев Л. Н. География этноса в исторический период / Л. Н. Гумилев. – Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1990. – 279 с.
3. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилев. – Санкт-Петербург: Кристалл, 2001. – 639 с.
4. Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории) / Ю. В. Бромлей. – Москва: Наука, 1981 – 390 с.
5. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса / Ю. В. Бромлей. – Москва: Наука, 1983. – 414 с.

ФИЛОСОФСКИЙ ФРОНТ ДОНБАССА: «СЛОВО» И «ДЕЛО» А.Ю. КОРОБОВА-ЛАТЫНЦЕВА

Савушкина М. А., канд. филос. наук

ФГКВОУ «Михайловская военная артиллерийская академия», г. Санкт-Петербург, РФ
kr_m@mail.ru

Русская философия всегда отличалась аутентичной, экзистенциальной, миссионерской онтологией, в темах и текстах тесно связанной с исторической судьбой Отечества.

В гибридной войне Запада против российской культурной субъектности и традиционной ментальности неоднократно осуществлялись попытки *«американизировать»* современную русскую философию, спровоцировать необратимый прагматический поворот в исследованиях отечественных философов и разорвать цепочку исторической преемственности представлений о личной ответственности философа, его потребности активного социального участия в военно-исторических событиях. 90-е гг. прошлого века стали примером того, как быстро были отброшены концепции советской философии и реформированы на основе пиетета перед западной гуманитарной наукой как сам процесс научного философствования, так и способы преподавания философии как учебной дисциплины. Специальная военная операция потребовала от философского сообщества консолидации, переосмысления продвигаемых ценностей и поиска направлений дальнейшего пути развития, поскольку Победа на полях сражений всегда обеспечивается не только военно-материальным базисом, но и требует идеологического сплочения всего общества вокруг воюющей армии и государства.

А.Ю. Коробов-Латынцев – уникальный философ, предвосхитивший время и осознавший, что Донбасс стал таким местом в мире, где идет борьба не просто за территориальные границы, а происходит величайшее в современной истории цивилизационное столкновение постмодернистски-западного и традиционно-российского менталитетов. Он стал первым представителем гуманитарной интеллигенции XXI века, который своим жизненным примером и философскими текстами «повернул» современную русскую философию в сторону актуализации проблемы поиска *собственного языка*, не похожего на западный структуралистский, постмодернистский, техношаманистский дискурсы.

В контексте того, что современное российское научное философствование за постсоветский период развития страны сформировалось в непосредственной зависимости от массива англоязычных текстов и тем, международных баз научной индексации и

предпочтений в изучении и цитировании преимущественно представителей англоязычной философской мысли, – последовательная работа А. Коробова-Латынцева в формировании цельной концепции русской военной философии от её истоков к современности [1], может быть трактована как «*философское сражение*» с насаждаемой западной идеологией.

А. Скворцов в рецензии на книгу «Философ и война. О русской военной философии» отмечает, что А. Коробов-Латынцев в своей философской теории осмысления войны сквозь призму истории русской философии, отказывается как от однозначно пацифистского ракурса, так и от резко милитаристского, тем самым «на языке философии он стремится выразить оригинальный русский взгляд на войну» [2, с. 159].

Первостепенным постулатом военно-философской концепции А. Коробова-Латынцева является наследующее философии Гераклита представление о том, что «война заботила философов всех времен, и как верховный принцип – и как неизбывный элемент этого бытия» [3, с. 41]. Анализируя исторический путь русской философии, философ приходит к выводу, что русских философов всегда отличала мировоззренческая позиция активного участника, а не внешнего пассивного наблюдателя военно-исторических процессов. В своем жизненном пути мыслитель сам следует обозначенным им философским идеологемам, поскольку в настоящее время А. Коробов-Латынцев возглавляет научно-исследовательский отдел Донецкого высшего общевойскового командного училища и является офицером.

Философия А. Коробова-Латынцева – не пропаганда милитаризма, он не воспекает войну, а скорее признает её трагическую имманентность человеческому бытию как таковому. И в этой необходимости отстаивать свои границы в вечной вражде между разными типами культур, менталитетов и мировоззренческих систем, залогом победы может быть только недопустимость полумер и двойных стандартов в осознании человеком своего долга в отношении родной земли и ощущения им неразрывной духовной связи с Отечеством.

Экзистенциальное измерение войны по-новому раскрывает сущность и предназначение философского знания, поскольку философствование каждому человеку позволяет *соучаствовать* в войне и, тем самым, формировать психологический и ментальный «щит», обеспечивающий боеспособность государства. Очевидно, что современная цифровая культура, вовлекающая человека в процессы бесконечных гибридных, ментальных, когнитивных, информационных и психологических войн, опосредованных безграничным потенциалом Интернета как пространства, позволяющего осуществлять глобальную коммуникацию – трансформирует миссию философии. Современный философ не может отстраниться от необходимости активного участия в конвенциональных и не

конвенциональных военных конфликтах: «война как ситуация экзистенциального напряжения естественным образом делает запрос на философскую рефлексию» [4, с. 136].

Цифровое бытие человека, воспринимающего боевые действия, гибель военнослужащих и бои на линии боевого соприкосновения через оптику современных цифровых гаджетов, требует постоянного когнитивного напряжения и необходимости почти ежесекундно осуществлять практику верификации потока различной информации, фактически моментально попадающей с линии боевого соприкосновения в Интернет. Информационная пресыщенность огрубляет восприятие трагических событий и может породить душевное безразличие интернет-пользователя к происходящему в зоне боевых действий. Поэтому важной гуманистической миссией представляется факт того, что в период СВО А.Коробов-Латынцев организует просветительскую философскую деятельность в Интернете и социальных сетях, направленную как на популяризацию русской военной философии, так и на повышение информационной культуры и когнитивного иммунитета пользователей, находящихся за пределами зоны боевых действий.

В настоящее время в России складывается новый социальный порядок, предполагающий формирование социального слоя элитариев, преданных ценности военного, научного, культурного и, в том числе, философского служения Отечеству. Личный пример А. Коробова-Латынцева как офицера, философа, педагога и наставника оставляет надежду, что современная российская философия мобилизуется и внесет свой вклад в сохранение субъектности российской культуры в глобальном гибридном противостоянии социокультурных миров.

Список литературы

1. Коробов-Латынцев, А.Ю. Философ и война. О русской военной философии / А. Ю. Коробов-Латынцев –М.: Русская философия, 2020.– 320 с.
2. Скворцов, А.А. Отзыв о книге А.Ю. Коробов-Латынцев. Философ и война. О русской военной философии (М.: Русская философия, 2020) / А. А. Скворцов// Философские науки. –2020. –Т. 63. –№ 11. –С. 158–159.
3. Коробов-Латынцев, А.Ю. Экзистенциал войны в русской философии / А.Ю. Коробов-Латынцев // Гуманитарные проблемы военного дела. – 2019. –№ 3 (20). – С. 41–46.
4. Коробов-Латынцев, А.Ю. Воевание как упражнение в философии / А.Ю. Коробов-Латынцев // Донецкие чтения 2021: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Матер. VI международной научной конференции (Донецк, 26-27 октября 2021 г.). –Донецк: ДонНУ, 2021. – С. 136–139.

ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ НА «ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ЛИНИЯХ РАЗЛОМА»

Ситнова И. В., канд. социол. наук

ФГБУН «Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН»,
г. Москва, РФ
sitnova.irina@Gmail.com

Введение в проблему исследования. Процесс всеобщей глобализации и современные культурологические проблемы современного российского общества в ситуации проведения СВО усилили внимание к вопросам социокультурной идентичности. В статье показаны особенности культурных контактов на цивилизационных линиях разлома, обусловленные возникновением напряжённости на этих «линиях».

Концептуалогические основания исследования и их обсуждение можно свести к трём пунктам:

Во-первых, культурные ресурсы цивилизаций, наличие общих черт объективного порядка, таких как язык, история, религия, обычаи, институты, позволили определить цивилизацию как культурную общность высшего ранга, как самый широкий уровень культурной идентичности людей [1, с. 36]. В настоящее время, по мнению С. Хантингтона, в мире существуют семь-восемь крупных цивилизаций. Именно «линии разлома» между этими цивилизациями, являются театром глобальных столкновений, поскольку представители разных цивилизаций по-разному смотрят на некоторые фундаментально-философские понятия и явления [1, с. 124]. По словам С. Хантингтона, войны вдоль линий разломов актуализируют цивилизационные идентичности участников конфликта [1, с. 474]. Можно с уверенностью утверждать, что в ситуации проведения Специальной Военной Операции, линиями разлома стали территории бывшей Украины, где Запад «умело распоряжается своими экономическими и военными ресурсами, применяет политику кнута и пряника, укрепляя своё единство» [1, с. 350], и где Россия бросила вызов «способности Запада следовать такой стратегии» [1, с. 351].

Во-вторых, английские кросс-культурные психологи А. Фэрнхем, и С. Бонкер [А. Фэрнхем, и С. Бонкер «Культурный шок»] рассматривали проблемы адаптации личности к иноэтнической среде и, предложили модель культурной аккомодации. В рамках данной модели ими выделена типология индивидуальных реакций на воздействие второй культуры и предложено четыре возможных результата межкультурных контактов для индивидов, находящихся на разломах культур: перебежчики или переходный тип, шовинисты, маргиналы и посредники. К перебежчикам А. Фэрнхем и С. Бонкер относят индивидов, которые в ситуации контакта

отвергают собственную культуру и принимают новую как более высоко-статусную. Шовинисты при вступлении в контакт с другой культурой начинают отвергать ее влияние как чуждое и возвращаться к собственной культуре, становясь шовинистами. Маргиналы колеблются между двумя культурами, не принимая ни одну из них. Посредники проявляют способность синтезировать свои различные культурные идентичности и становятся бескультурными или мультикультурными личностями. Основная идея состоит в том, что этническая идентичность становится переменной, которая подвергается изменению под влиянием второй культуры. При ино-культурном влиянии человек может принимать его или противостоять ему. Эта типология ставит новый вопрос о том, почему некоторые индивиды становятся маргиналами, а другие – шовинистами, что определяет поведение индивида в ситуации взаимодействия с другой культурой?

В-третьих, для анализа трансформаций этнопсихологических характеристик более адекватной является модель двух измерений [Ullah, 1985, 1987], которая полагает, что индивид одновременно может идентифицировать себя с двумя этническими общностями. В зависимости от степени интенсивности выделяют четыре типа этнической идентичности: биэтническая идентичность, моноэтническая идентичность с чужой этнической группой, маргинальная этническая идентичность. Данная модель в качестве конструктивного выхода из конфликта идентификаций рассматривается бикультурная компетентность (когнитивная сложность, креативность, адаптивность к среде), когда человек обладает психологическими особенностями обеих групп, осознает своё сходство с ними. В связи с этим в научный оборот вводятся этнопсихологические феномены: этническая вариативность личности и актуальный этнопсихологический статус личности (АЭСЛ) [2], которые определяют степень выраженности и знак этнической идентификации, содержание и направленность авто- и гетеростериятипов, уровень этнической толерантности, возможные трансформации в мотивационно-смысловой сфере, которые возникают при взаимодействии с представителями других этнических групп при решении конфликтных ситуаций в ино-культурной среде. Е.И. Шлягина и Э.Ц. Данзанова [3] выделяет пять типов АЭПС: маргиналы (кризис культурной идентичности), националы (кризис региональной-идентичности), монокультуралы (культурная толерантность) и этноиндефферентные (этнокультурная выхолащенность).

Можно утверждать, что личностные особенности являются важнейшими характеристиками при развитии этнической идентичности личности, а значит при формировании ценностных ориентаций, эмоционально-волевого выбора и мотивационного вектора развития личности. К сожалению, в отечественной этнопсихологии эти психологические феномены не становились предметом специальных

исследований, а если затрагивались, то в связи с изучением других этнопсихологических феноменов.

Список литературы

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: Изд-во АСТ, 2017.
2. Шлягина Е.И. Методы исследования этнической толерантности личности / Стефаненко Т.Г., Шлягина Е.И., Еникополов С.Н. // Методы этнопсихологического исследования. – М.: Изд-во Московского университета, 1993. – С. 28-54.
3. Шлягина Е.И, Данзанова Э.У. Зависимость актуального этнопсихологического статуса личности от ее характерологических черт // Этническая психология и общество / под ред. Лебедевой Н.М. – М.: Старый сад, 1997. – С. 347-355.

УДК 340

ФИЛОСОФСКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ЭФФЕКТИВНОЙ МОДЕЛИ ПРАВОВОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Тимофеев В. А., канд. филос. наук, доц.
Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) ФГБОУ ВО «Ростовский
государственный экономический университет (РИНХ)», г. Таганрог, РФ
nikab1ru@mail.ru

В современном мире трудности с социализацией подростков являются фундаментальными причинами противозаконного, аддиктивного поведения. Важным аспектом так же можно выделить и проблемы в семье, конфликты с родственниками, в частности. Некоторые исследователи связывают рост преступности среди детей и подростков со снижением благополучия в семье, как социального, так и финансового. Вопросы регулирования социальных отношений с течением времени приобретают все большее значение.

Очевидно, что существуют материальные и интеллектуальные затраты при создании, изменении и совершенствовании правовой, нормативной и организационной базы, которая сможет адекватно и своевременно реагировать на возникающие трудности, связанные с процессами взросления детей. Ситуация с внедрением ювенальных судов в правоприменительную практику не ясна, так как остался ряд вопросов, связанных с их обеспечением, перспективы их развития остаются неопределенными.

Учёные часто высказывают мнение о целесообразности установления рамок ночной зоны с 22 часов вечера до 6 часов утра по местному времени во всех регионах Российской Федерации, а также предложение признать эту временную зону своеобразным «комендантским

часом» для несовершеннолетних в части установления административной ответственности за нарушение этого правила. Конечно, такое отношение небезосновательно, ведь в некоторых районах подростковая преступность остается бесконтрольной, и эти проблемы необходимо решать кардинально. Статистика преступности подтверждает, что большинство преступлений происходит ночью, когда полиция и лица, ответственные за воспитание несовершеннолетних, находятся вне зоны доступа.

При решении любого вопроса, затрагивающего права ребенка, необходимо помнить, что дети являются высшей ценностью любого государства. Если права детей нарушаются, необходимо принять все меры для их защиты. Первым шагом в защите нарушенных прав несовершеннолетних должны стать их законные представители (родители, опекуны), а если эти лица отказываются это сделать, то за их защиту должно взяться государство в лице органа опеки, прокурора и суда.

Школы несут ответственность за обеспечение безопасной и надежной рабочей и учебной среды для всех учащихся, сотрудников, подрядчиков и посетителей. Ограничение возникновения и последствий преступной деятельности, даже незначительной, оказывает положительное влияние на восприятие школы как безопасного места и может улучшить общее состояние здоровья и благополучия школьного сообщества.

Эффективное внедрение мер безопасности может также способствовать развитию почетного места школьного сообщества, что еще больше укрепляет общую структуру безопасности школы. Разнообразие учебных программ может снизить уровень преступности, например, те, которые обучают навыкам самоконтроля или социальной компетентности с использованием когнитивно-поведенческих или поведенческих методов обучения. Политика и практика управления школьной дисциплиной также важны. Школы, в которых правила четко сформулированы, справедливы и последовательно соблюдаются, и в которых учащиеся участвуют в создании механизмов для уменьшения плохого поведения, испытывают меньше беспорядка.

Необходимо отметить работу Национального центра информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и сети Интернет, которая способствовала разработке профилактических материалов в формате объяснительной журналистики. Данная мера позволяет рассказать и объяснить интернет-пользователям о нормах законодательства, системе поведения при обнаружении противоправного контента. Вся информация публикуется на официальной странице в социальной сети «ВКонтакте», это обусловлено популярностью социальной сети среди подростков.

С целью пресечения возможного привлечения обучающейся молодежи в радикальные группы во всех образовательных учреждениях в течение года на регулярной основе проводятся классные часы и

родительские собрания, основной темой которых являются вопросы профилактики участия детей и подростков в деструктивных движениях, выявление признаков оказания влияния на подростков и др. Охват обучающихся – 100%

В муниципальных образованиях более 61 % (692 человека) педагогов- психологов имеют базовое высшее психологическое образование, также более 30 % (340 человек) педагогов-психологов прошли дополнительную профессиональную переподготовку.

За последние пять лет курсы повышения квалификации прошли 849 педагогов- психологов (73%), из них по темам сопровождения детей «группы риска» – 503 человека (59% от общего количества повысивших квалификацию).

По результатам анализа состояния и эффективности деятельности школьных психологов в муниципальных образованиях области выявлена потребность в повышении квалификации 308 педагогов-психологов, в том числе в обучении 654 специалистов по дополнительным образовательным программам по вопросам, касающимся сопровождения детей «группы риска».

По фактам совершения тяжких и особо тяжких, многоэпизодных преступлений, совершенных с участием несовершеннолетних проведены служебные проверки, по результатам которых выявлены упущения 14 сотрудников органов внутренних дел области, которые привлечены к дисциплинарной ответственности.

Анализируя причины противоправного поведения несовершеннолетних можно сказать, что на несовершеннолетних, совершивших преступления оказывает воздействие такие обстоятельства, как условия жизни и деятельность подростка, проживание подростка в неблагополучных, либо неполных семьях, где родители заняты на работе, устраивают свою личную жизнь и в результате чего дети предоставлены самим себе; отрицательное влияние окружения и интернет пространства.

Одной из действенных мер, способной оказывать влияние на процесс исправления несовершеннолетних и оздоровление неблагополучной обстановки в семье – является организация индивидуально-профилактической работы и вовлечение детей в организацию досуга и трудоустройства.

Во всех общеобразовательных учреждениях проводится систематическая информационно-просветительская работа, изучение положений закона осуществляется в рамках классных часов, круглых столов, акций, заседаний советов профилактики, дней большой профилактики, родительских собраний и всеобучей, в ходе «Часа Директора». Информация о нормах областного закона размещается на информационных стендах и сайтах общеобразовательных учреждений, фасадах зданий.

«Цифровая эпоха» устанавливает свои правила и заставляет людей адаптироваться к новой ситуации работы с информационными технологиями. Сейчас трудно найти людей, чья деятельность прямо или косвенно не зависит от использования интернета.

Таким образом, почти все молодые люди сталкиваются с проблемой социальной и правовой защиты в Интернете. Поэтому всем пользователям не только полезно, но и необходимо знать о своих правах и обязанностях в Интернете, независимо от того, знают они о них или нет.

Список литературы

1. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/documents/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html> (дата обращения: 16.09.2023).
2. Отчёт об исполнении комплексного плана мероприятий «Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Ростовской области на 2021 – 2023 годы» в 2021 году [Электронный ресурс]. URL: <https://www.donland.ru/result-report/1354/> (дата обращения: 16.09.2023).

УДК 02.15.61

ФИЛОСОФИЯ ТРАНСВЕРСАЛЬНОСТИ В ОБУЧЕНИИ СОЦИАЛЬНОСТИ VS ПСЕВДООБРАЗОВАННОСТЬ

Троицкая Е. М., д-р филос. наук, проф.

ФГБОУ ВО «Азовский государственный педагогический университет»,

г. Бердянск, РФ

trromano@yandex.ru

Главным ориентиром движения человечества, которое желает видеть себя в перспективе свободы, справедливости и безопасности, как известно, является культура движения человечества в его индивидуальной личностной презентации к миру, единству и благополучию. Сегодня в этих процессах научная мысль, во-первых, фиксирует приоритетную самоценность единства в существовании и индивидов, и сообществ; во-вторых, необходимость гуманитарного стандарта в измерении всех совершаемых деяний, ибо стихийное развитие «глобализация» закончила; в-третьих, понимание, что успех человечества зависит не от научно-технических достижений самих по себе, а от воспитания человека, направляемого мудростью на сохранение жизни в единении, солидарности и этике природы.

Решить столь сложные проблемы невозможно без утверждения адекватного времени и пространству мировоззрения, которое должно быть соревновательным механизмом разных систем ценностных ориентаций (не

ценностей, антиподом которых, с точки зрения философии, есть ничто), а именно ориентаций, что предполагают сохранение и усиление. Совершенно очевидно, что обществу необходимы научно-образовательные проекты обустройства мира на основе общих предельных ценностных смыслов, которые философы называют фундаментальными социальными константами, «ответственными» за цивилизованное настоящее и будущее цивилизационной системы отношений. Никто ж из людей не будет отрицать существование фундаментальных физических констант (человек не может жить без воды, пищи и т.п.), ибо само наличие жизни отрицает произвольные значения этих констант. Точно так и социальность отрицает любое устройство общества, ставящее под сомнение соблюдение социальных констант [1].

Они будут складываться из разных источников, обеспечивающих единство. Это и экософия, и этика ненасилия, и интегральная антропология, и космизм, и социальная синергетика, и экуменизм, и многое другое. Сложно в этом плане переоценить значение образования и подходов к измерению, оцениванию и формированию компетентностей будущих специалистов, особенно если речь идет о новых формах образовательных программ, о новых группах компетенций, о ключевых трансверсальных компетенциях и моделях их реализации [2; 3 и другие].

Эти компетенции артикулируются широкой основой навыков, нацеленной на встречу с такими вызовами, как новейшие технические достижения, трансдисциплинарный характер научного знания, интеркультурная коммуникация мира и единства. Неслучайно Т.М. Ковалева предлагает полную типологию специфических навыков: «hardskills» – это компетентности, необходимые человеку в жизни в условиях современной технологической среды; «softskills» – это необходимые человеку социальные компетентности (навыки групповой и коллективной работы, коммуникативные навыки и т.д.), то есть все те компетентности, которые позволяют человеку комфортно существовать среди других людей, и, наконец, «selfskills» – это, прежде всего, компетентности организации самого себя, позволяющие человеку удерживать в любых проблемных ситуациях собственную позицию, самоопределяться и действовать в этом неопределенном мире; то, что французский мыслитель Мишель Фуко, продолжая европейскую традицию, называл «заботой о себе» [2, с. 18-19].

Действительно, культура мира и созидания не может быть сформирована на основе только узкоспециальных компетентностей или какого-то блока трансверсальных компетентностей. Это будет псевдообразование. ЮНЕСКО определила перечень трансверсальных компетенций в 4-х блоках:

1) критическое, рефлексивное и инновационное мышление (креативность, предприимчивость, изобретательность, навыки применения

знаний, аналитичность, обоснованное принятие решений, концептуальность);

2) интер-персональные навыки (презентационные и коммуникационные навыки, лидерство, организационные навыки, работа в команде, сотрудничество, инициатива, коммуникабельность, коллегиальность); 3) интра-персональные навыки (самодисциплина, энтузиазм, настойчивость, самомотивация, сопереживание (эмпатия), честность, целенаправленность); 4) глобальное гражданство и этика природы (осведомлённость, толерантность, открытость, уважение разнообразия, интеркультурное понимание, способность развязывать конфликты, гражданское / политическое участие, уважение окружающей среды) [4 и другие]. Поскольку каждый блок завершался словосочетанием «и другие», то вполне логично в реальном образовательном процессе допустить дополнения. Так, опыт нашей работы стал основой для переноса смысла «уважение окружающей среды» (4 блок) в часть его названия «этика природы», в блок 1 добавить «рефлексивное мышление», концептуализация и другие позиции, которые обозначены как программные результаты обучения.

Перспективы исследования связаны с концептуализацией процесса формирования трансверсальных компетенций на основе прагматического подхода в культурно-образовательном пространстве будущих специалистов.

Список литературы

1. Ильин В.В. Социальная онтология. Философия: Университетский курс / Под общ. ред. проф. С.А. Лебедева. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003. – 528 с. – С. 308-367.
2. Ковалева Т. М. «Selfskills» и современное педагогическое образование / Сборник материалов XIV Международной научно-практической конференции (XXVI Всероссийской научно-практической конференции). Тьюторство в открытом образовательном пространстве: педагогическое образование как становящаяся антропопрактика. 26 октября – 27 октября 2021 г. М.: ДПК Пресс, 2021. – 350 с. – С.16-22.
3. Кононова В. А. Трансверсальность: эволюция термина через призму корпусов и других контекстов // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2020. – Т. 12, выпуск 2. – С. 34–42. doi 10.17072/2073-6681-2020-2-34-42.
4. Care E., Luo R. Assessment of Transversal Competences. Policy and Practice in Asia-Pacific Region. Bangkok: UNESCO Bangkok, 2016. – 50 p.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ И ГЕОФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ РУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ ЮГО-ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЕЙ РОССИИ

Целик Т. В., канд. филос. наук, доц.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

t.tselik@donnu.ru

Что считать историей? Сколько времени должно пройти, чтобы современность превратилась в прошлое и стала историей с точки зрения методологии исторической науки? «Мы – свидетели исторического события», «история творится на наших глазах», – такие и подобные фразы, публицистические клише, иногда лозунги, как нам думается, актуализируют целый ряд научных проблем: от вопросов кто эти *мы*, почему эта общность «мы» возникла, до вопроса, как нам сохранить *нас* и не исчезнуть в водовороте процессов исторических трансформаций. Донбасс, в широком смысле слова, т. е. как историческое название нынешних Донецкой и Луганской Народных Республик, вместе с еще двумя областями юга России отмечает первую годовщину вхождения в состав Российской Федерации в качестве полноправных субъектов большого государства и возвращения на историческую Родину. Этот факт, являющийся знаменательным событием для *нас* и огромным инфоповодом для противоборствующей стороны, с неизбежностью обостряет не только идеологическое противостояние, но и военные действия. Если учесть, сколько сделано публикаций-фальсификатов об украинских истоках русской государственности, где тон задан М. Грушевским («Украина-Русь»), об агрессивной имперской политике русских царей и советской власти, которые угнетали украинцев, сколько спекуляций было и есть на тему украинских претензий на области Дона и Кубани (так называемый «малиновый клин»), то актуальность темы социокультурной идентичности и экзистенциального выбора Донбасса и двух областей Новороссии становится не только обоснованной, но и будет оставаться приоритетной для теоретических исследований и обобщений еще на длительный период времени.

Автор неоднократно обращалась в своих публикациях к проблеме социокультурной идентичности [3], а также предпринимала попытку создания собственной модели становления православно-славянской цивилизации на основе концептов «Софии» [5] и «Русская земля», что, с нашей точки зрения, позволило сформировать собственно русское цивилизационное пространство. Так же автор предлагала рассмотрение русской философии как геофилософии [4], т. е. не только в духовно-

культурном аспекте, но и в пространственно-временном. В данном докладе будет представлена попытка соединения этих авторских подходов для анализа социокультурной идентичности южных и юго-западных областей России, включенных в состав Российской империи, начиная с XVII-XVIII вв., когда впервые был оформлен и частично реализовался так называемый «греческий проект» на примере только одной структурно-территориальной единицы русской цивилизации – исторической Новороссии.

Опираясь на идею Ж. Делеза и Ф. Гваттари о факторе детерриторизации культуры при возникновении философии в античном мире, где, благодаря связи колоний и метрополий, встречи коренных жителей и чужеземцев, становилось возможным усвоение новой составляющей [1, с.113], устанавливался диалог-диспут, что вело к новым смыслам, считаем, что именно в таком геофилософском аспекте стоит рассматривать становление социокультурной идентичности и русской цивилизации в целом, и общности исторической Новороссии на бывших землях Дикого поля. Кратко и схематично этот пространственно-временной континуум можно представить, как последовательное движение византийско-православно-славянской цивилизации на восток на первом и втором этапах, и движение на юго-запад на третьем, но уже как цивилизации русской.

Первый этап (движение на восток) – из Константинополя через Балканы и славянские земли в V-XI вв., где церковно-славянский язык и идея «Софии Премудрости Божией» как квинтэссенция православного мировидения были факторами новой идентичности, воплотившейся в построенных храмах Софии, ставшими центрами православия на огромных просторах расселения южных и восточных славян. Второй этап XII-XVII вв. с вектором движения на северо-восток закрепил православие, как доминантный фактор идентичности, формирования уже других общностей в рамках государственных образований Древней Руси, складывающихся из славянских, угро-финских, скандинавских и тюркских этносов, где наследие Домонгольской Руси воспринималось, как своя «античность», образно говоря. Именно историческая память («преданья старины глубокой»), православная духовная основа мировоззрения, опирающаяся на христианский гуманизм святоотеческой традиции, и сложившийся к тому времени собственный пантеон святости способствовали сохранению цивилизационной идентичности общностей, оказавшихся включенными в цивилизационную модель латинского/католического Запада, т. е. в западноевропейскую субцивилизацию через экспансию Речи Посполитой, начиная с Кревской унии (1385 г.). Последним в ряду Софийских соборов, как маркеров движения на Восток этого периода, стал возведенный Софийско-Успенский кафедральный собор в Тобольске (в 1622 г. деревянный, с 1686 г. каменный). На третьем этапе становления уже русской православной цивилизации XVIII-XIX вв., когда движение на

восток достигло предела с выходом на естественные границы Евразии и включением в состав Российской империи многочисленных этносов и народов Сибири и Дальнего Востока, приоритетным направлением развития государства стало юго-западное направление.

Экономические и политические интересы государства, реализованные в ходе военных действий против Османской Порты, не смогли бы полностью осуществиться без освоения территорий Северного Причерноморья, т. е. без фундаментального социального освоения Новороссии. Как нам думается, успех этой госполитики XVIII в. основывался на четком понимании духовных оснований мировоззренческого единства православно-византийского цивилизационного наследия, так как переселенцами на неосвоенные земли Дикого Поля стали народы, попавшие под турецкое владычество после падения Константинополя или жившие в Крымском ханстве: греки, валахи, сербы, болгары, армяне. Именно они, наряду с переселенцами из правобережного Поднепровья и Малороссии, в первую очередь казачьего сословия, составили новую общность подданных Российской империи, административную единицу, получившую название Новороссии (от Северного Причерноморья и Предкавказья, включая Херсонскую, Екатеринославскую, Таврическую, Бессарабскую, Черноморскую, Ставропольскую губернии, Кубанскую область и Область Войска Донского). Примечательно, что южный Донбасс конца XIX – начала XX вв. был включен территориально именно в состав Войска Донского, а граница между Войском Донским и Войском Запорожским проходила по р. Кальмиус, т. е. по центру современного Донецка.

Б. Андерсон ввел понятие «воображаемой общности» в процессе нациогенеза, где наряду с экономическими, политическими и административно-управленческими факторами, рассматриваются так же духовные и языковые, наличие образованной элиты, т. е. факторы культурного единства в широком смысле. Именно такая общность сложилась в Новороссии, не только в силу целенаправленных усилий и действий государственного механизма, но во многом благодаря ценностным началам, выработанным православием на основе святоотеческой традиции, и глубоко усвоенным в России. Профессор А. Н. Ужанков проводил специальное исследование древнерусских текстов с целью нахождения аналогов или синонимов этнониму «русский». Его вывод засвидетельствовал наличие только одного такого термина – это «православный». А отечественные евразийцы, писавшие о цивилизационном единстве многонациональной страны, выделили принципиальное, отличное от западного мировосприятия, понимание человека в православной русской традиции – целостность и единство соборного сознания, общее согласие, единогласие с другими людьми (П. Н. Савицкий) [2].

Эти мировоззренческие доминанты и идеалы действительно позволили сформировать целостную общность на юго-западе России, при этом были сохранены своеобразие каждого, из живших на этих землях этносов, с закреплением компактного проживания соответствующих групп вплоть до современности, специфика сословных укладов – казачество, поликонфессиональность и т. д. Сложилась полиэтническая общность русских как представителей одной цивилизации.

Таким образом, можем ответить на поставленные в начале доклада вопросы: «мы» – общность, исторически включенная в русскую цивилизацию и вернувшаяся в ее состав, еще раз сделавшая свой выбор в пользу России, творящая историю здесь и сейчас ради сохранения собственной идентичности.

Список литературы

1. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Пер. с фр. и послесл. С.Н. Зенкина. – М.: Институт экспериментальной социологии, Спб.: Алетейя, 1998. – 288 с.
2. Савицкий П.Н. Евразийская концепция русской истории. Русские среди народов Евразии. Основы геополитики России // Классика геополитики, XX век: Сборник (Сост. К. Королев). – Сб. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – С. 665-700.
3. Целик Т. В. Культурная идентичность и цивилизационный процесс: философско-теоретическое и историческое осмысление // Диалог культур в эпоху глобальных рисков: материалы междунар. науч. конф. и X науч.-теор. Семинара «Инновационные стратегии в современной социальной философии», Минск, 17-18 мая 2016 г. / науч.-ред совет: А.В. Данильченко [и др.]. – Минск: РИВШ, 2016. – С. 73-76.
4. Целик Т. В. Русская идея как геофилософия // Восьмой Российский Философский Конгресс – «Философия в полицентричном мире». Секции (I). Сборник научных статей М.: РФО-ИФРАН-МГУ. Издательство “Логос”, ООО «Новые печатные технологии» (Москва), 2020. – С. 861–864
5. Целик Т. В. Концепт «Софії» як цивілізаційний чинник у східного слов'янства // Філософія у сучасному соціумі: Матеріали міжнародної наукової конференції 24-26 квітня 2013 року, Донецький національний університет, м. Донецьк. – Донецьк : ДонНУ, 2013. – Т. II. – С. 51-56.

ВОДНАЯ СТИХИЯ И «НЕУТОЛИМАЯ ТОСКА ЧАСТНОГО БЫТИЯ» В ЛИРИКЕ НОВОКРЕСТЬЯНСКИХ ПОЭТОВ

Чернов А. А.

ФГБОУ ВО «Луганский государственный аграрный университет
имени К. Е. Ворошилова», г. Луганск, РФ
anruss@mail.ru

Введение. Поэзия Серебряного века вобрала в себя многие идеи русской религиозной философии. Своеобразно воспринимают философы В. С. Соловьева новокрестьянские поэты С. Есенин, Н. Клюев, С. Клычков и др. Их поэтика основана на художественном обращении к традициям русского фольклора, она отражает мифологическое мировоззрение русского крестьянства. В поэзии новокрестьян философы В. С. Соловьева приобретают русский народный колорит.

Цель нашей работы – изучение философы всеединства в мифопоэтике новокрестьянских поэтов на примере образа водного пространства.

Основная часть. В поэзии новокрестьян природа является одной из главных тем, она выступает выразителем красоты Родины, вместе с тем отражая психологическое состояние лирического героя. При этом отдельные образы природы в поэзии новокрестьян наполняются философским смыслом, характерным для поэтики русского символизма.

В. С. Соловьев дал философское обоснование явлений и объектов живой и неживой природы в своей статье «Красота в природе» (1889). Красоту в окружающем мире он трактует как проявление абсолютного всеединства, которому противостоит безобразное (хаос).

Одним из проявлений прекрасного в неорганической природе выступает красота водного пространства. Согласно Соловьеву, вода выступает связующим звеном между землей и небом, она свободна от косности твердой материи: «В воде материальная стихия впервые освобождается от своей косности и непроницаемой твердости. Этот текучий элемент есть связь неба и земли, и такое его значение наглядно является в картине затихшего моря... Еще яснее этот характер водяной красоты в гладком зеркале озера или реки» [1, с. 32].

Движение воды, согласно представлениям философа, нужно понимать как «движение частных сил и положений, объединенных в индивидуальном целом» [1, с. 33]. В этой «игре» (термин Соловьева) движущихся масс воды выражается признак идеального бытия. При этом онтологический смысл текущей воды сопряжен с эстетическим, поскольку

водный поток «выражает неутолимую тоску частного бытия, отделенного от абсолютного всеединства» [1, с. 33].

Бурное море, волны, шторм трактуются Соловьевым как проявления хаоса, они символизируют «мятежную жизнь». При этом философ указывает, что хаос (безобразие) выступает необходимым фоном «всякой земной красоты». Это и обосновывает эстетическую ценность стихийных проявлений в природе.

В. С. Соловьев выразил свою трактовку явлений неживой природы не только в философских трактатах, но и в поэзии. Эти произведения широко публиковались в российской печати начала XX века и были хорошо известны молодым поэтам, выходцам из крестьянской среды.

Новокрестьянские поэты часто обращаются к образам водной стихии. Это отражает сложившуюся традицию в русском фольклоре и отечественной пейзажной лирике. Однако у поэтов-новокрестьян образы рек, озер и морей приобретают специфические черты, указывающие на их символическое значение.

Так, Николай Клюев в стихотворении «Как по реченьке-реке...» (1913) создаёт мифопоэтический образ реки, по которой плывёт некий «удалой рыбак». Челнок рыбака предстаёт гротескно: «Парус – облако, весло – / Лебединое крыло» [2, с. 59]. Рыболовная снасть рыбака – «подмережник» (старинная рыболовная снасть мерёжа) названа «жемчугом», в неё пойманы два сига. Иносказательность повествования подчеркивает указание на то, что один из сегов «рыбаку заочный сын». Река предстаёт матерью, тоскующей по сыновьям и стремящейся потопить челнок рыбака. Клюев создаёт авторский миф, разворачивающий историю о противостоянии человека (рыбака) и природы (реки).

Водная стихия иначе предстаёт у Сергея Клычкова. В ранних стихотворениях, относящихся к началу 1910-х годов, поэт наделяет моря, реки и ручьи символическим смыслом. Так, в стихотворении «Образ Троеручицы...» (1910) «море синее» выступает символом «мятежной жизни», юности, молодости. В стихотворении «Детство» (1910-1913) дана идиллическая картина затерянного в дремучих лесах дома, у крыльца которого «ручей гремучий».

В стихотворениях Клычкова «Половодье», «Садко», «Девятый вал», написанных в 1910-1914 годах, река персонифицирована в образе некой царевны (прекрасной красавицы-девы), спящей на дне. Водная глубина хранит «жемчуга» (сокровенное знание), которое жаждут заполучить многие, но получают лишь достойные. В стихотворении «В нашей роще есть хоромы...» (1914-1918) речной туман и река оберегают от посторонних деву Дубравну, в которой угадываются черты Софии. В стихотворении «Я устал от хулы и коварства...» (1928-29) река Дубна выступает в роли пограничья между миром этим, погрязшим в пороках, и чистым иномирьем. Иномирье для лирического героя остаётся

недоступным, поскольку «Ещё мной не промолвлено слово, / Что, как молот, сбивает оковы / И, как ключ, отпирает замки» [3, 140]. Как видим, образ реки в мифопоэтике Клычкова теснейшим образом связан с образом Софии. Слово – средоточие знания (жемчуг) может позволить приблизиться к Софии, преодолеть «неутолимую тоску частного бытия».

В ранней лирике Сергея Есенина неоднократно используется образ реки или ручья. В ряде стихотворений поэт наделяет речные волны и водную гладь символическим значением. Так, в стихотворении «Подражание песне» (1910) вода в пруду выступает своеобразной границей между явным и чудесным. В стихотворении «Зашумели над затоном тростники...» (1914) речная волна сопричастна судьбе девушки, отказывается нести её венки и будто готовит (пророчит) близкую смерть. Впрочем, эти образы ещё недостаточно конкретны.

Подлинное единство лирического героя с окружающей природой предстаёт в есенинском стихотворении «Я пастух, мои палаты...» (1914). Лирический герой (пастух) воспринимает окружающие поля и леса как святыню, храм всего живущего на Земле. Чувство родства с живыми существами наделяет его пониманием языка животных. Лирический герой настолько проникнут святостью живой природы, что молится на «алы зори» и причащается у ручья [4, с. 93]. Отметим, что тема единства человека и природы станет одной из главных в творчестве зрелого Есенина.

Зеркальная гладь пруда в стихотворении Есенина «Ночь и поле, и крик петухов...» (1917) становится путём к прошлому, давно отжитому. Отраженный в пруду дом предстаёт «смолкшим колоколом» [4, с. 111], как бы взывая к экзистенциально переживаемой «озёрной тоске» Руси из другого, написанного годом ранее, стихотворения «Запели тесаные дроги...» [4, с. 117]. Чувство Родины – это не только понимание языка зверей и птиц, не только причащение у ручья, но и острая сопричастность прошлому и настоящему своего народа.

Заключение. Поэты-новокрестьяне в лирике 1910-20-х годов в художественной форме воплотили философу всеединства В. С. Соловьева. Одной из форм выражения всеединства в поэзии стал образ водных объектов (река, озеро, пруд).

Список литературы

1. Соловьев В. С. Красота в природе / В. С. Соловьев. Смысл любви. – М.: РИПОЛ классик, 2022. – С. 5-71. – ISBN 978-5-386-14563-7
2. Клюев Н. А. Стихотворения и поэмы / Н. А. Клюев. – Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1986. – 256 с.
3. Клычков С. А. «Я прожил жизнь свою, колдуя...»: Избранные сочинения / С. А. Клычков. – М.: Водолей, 2016. – 848 с. – ISBN 978-5-91763-313-8
4. Есенин С. А. Собрание сочинений. В 6-ти томах. Т. 1. Стихотворения (1910-1925) / С. А. Есенин. – М.: Художественная литература, 1977. – 430 с.

РОДИНА БОЛЬШЕ ЧЕМ МЕСТО РОЖДЕНИЯ ИЛИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Чикаева Т.А., канд. филос. наук, доц.

УВО «Московский художественно-промышленный институт», г. Москва, РФ
umoi@rambler.ru

Введение. В основе многих социокультурных процессов, которые идут в настоящее время, лежит кризис ценностной системы общества потребления и мультикультурализма. Явной становится потребность в формировании новой системы целей и ценностей, которая может стать основой формирования такого миропорядка, когда каждый народ будет иметь возможность сохранить и приумножить свой творческий потенциал. Решение этой задачи требует понимания объективного содержания ключевых мировоззренческих категорий, поскольку ложное их толкование приводит к искаженному пониманию ситуации и возможных путей её разрешения. Одной из категорий, которая требует внимательного рассмотрения и уточнения своей дефиниции, является категория «Родина». Включение или нет Родины в систему ценностей личности предопределяет её отношение к внутренним и внешним процессам, идущим в своей стране и за её пределами. События последних лет убеждают в том, что оценка обстановки в мире как исключительно мирной и доброжелательной со стороны всех стран далека от действительности, космополитический проект играет разрушительную роль. Вместе с тем, как свидетельствуют примеры из практики, существует вероятность того, что категория «Родина» будет использоваться для решения частных политико-идеологических задач, далеких от объективных целей развития и совершенствования культуры личности или социальной группы.

Цель настоящего исследования состоит в проведении анализа одного из методологических подходов к дефиниции категории «Родина», оценке его рационального зерна, попытке определения содержания исследуемого понятия.

Основная часть. Категория «Родина» на протяжении десятилетий являлась объектом исследования учёных разных специальностей. В педагогике воспитание любви к Родине, патриотизма рассматривается как ключевая задача образовательного процесса. Процветание Родины провозглашается важнейшим элементом политологических и культурологических теорий. Соответствующие исследования проводят лингвисты, филологи, историки, философы. Для многих дефиниция Родины представляется очевидной, хорошо исследованной, а новые открытия могут лежать только в области изучения связей Родины и

личности, методики патриотического воспитания, особенностей образов Родины, формируемых и актуализируемых в разных национальных культурах. Однако, на наш взгляд, анализ наиболее распространённой дефиниции категории «Родина» указывает на то, что вопрос о том, что есть Родина, пока нельзя считать решённым. Наш вывод основывается на следующих тезисах.

В основу наиболее распространённой дефиниции категории «Родина» положены два утверждения: Родина – это место, территория, земля, здесь родился человек, впервые прозвучала идея, появился какой-либо объект природы или творчества. Так, в словаре Д. Н. Ушакова Родина рассматривается как места зарождения, происхождения чего-либо [4, с. 1370]. Сходную дефиницию предлагает «Новейший большой толковый словарь русского языка» [3, с. 1126]. Внимание акцентируется на таких качествах Родины, как всеобщность, то есть связь с материальными, духовными и социальными объектами, первичность по отношению к ним, конкретность, объективность присутствия. В соответствии с данной дефиницией категории «Родина» будет тождественна категория «Родная земля». Она успешно противостоит конструктивизму, доказывая то, что можно как рассказать о своей Родине, так и показать её. Предложенная дефиниция объясняет, почему Родина ассоциируется в индивидуальном и коллективном сознании с природными ландшафтами, почему Родная земля приобретает статус святыни, защита которой превыше жизни.

Вместе с тем, указанный пространственно-порождающий подход вызывает следующие вопросы. Во-первых, если Родина – это место, территория, то какова связь Родины и государства? Должен ли человек направлять усилия на поддержку государства, расположенного на земле, которая является его Родиной, независимо от реализуемой этим государством политики? Во-вторых, каковы границы Родины, насколько большую территорию следует считать своей Родиной? Родина – это село, город, регион, страна или нечто большее? В чём отличие малой и большой Родины? В-третьих, является ли факт рождения достаточным основанием для того, чтобы считать то или иное место своей Родиной? Например, С. Н. Артановский указывает на то, что человек может родиться в месте временного пребывания своих родителей, но его Родиной следует считать место, где они проживают постоянно [1, с. 6]. В-четвёртых, как определить, где место происхождения той или иной мысли, идеи, если их носители мобильны, и нередко идея становится доступной обсуждению и рассмотрению благодаря усилиям нескольких личностей, которые могут проживать в разных местах? В-пятых, святость земли допускает или нет активную деятельность человека по её преобразованию, благоустройству? Возможна ли для нравственной личности смена места жительства или следует поступать строго в соответствии с пословицей, согласно которой человек должен реализовывать свой творческий потенциал в месте своего

рождения? Сложно объяснить, следуя логике пространственно-порождающего подхода то, как складывается и актуализируется сложная система образов Родины, как можно сохранить связь с Родиной, пребывая за границей, почему возможен ложный патриотизм. Еще одним аргументом против признания пространственно-порождающего подхода, безусловно верным для построения дефиниции категории «Родина», является исторический опыт расширения границ пространства Родины в русском менталитете; то, что, встречаясь на просторах России, люди идентифицируют себя как москвичей, рязанцев, луганчан, а за границей указывают на свою связь уже с Россией. Можно назвать и другие вопросы, которые заставляют задуматься о том, что Родину нельзя отождествлять только с конкретным местом, территорией. Всякий материальный объект ограничен во времени и пространстве, он лишён статуса субъекта, может быть только условием чего-либо, фактором, который надо принимать во внимание. Вместе с тем, даже в устойчивых высказываниях, таких как «Родина воспитала», «Родина дала», прослеживается восприятие Родины как личности, субъекта.

Онтология, бытие Родины, следовательно, отлично от бытия материальных объектов. Наши логические выводы, подкреплённые тезисами мыслителей прошлого и настоящего, результатами социологических опросов, позволяют сделать вывод о том, что Родина – это источник бытия, духовная субстанция, наделяющая человека и социальную группу особым творческим потенциалом, позволяющим сохранять связи между поколениями и приумножать духовно-нравственные ценности народов, обустривая свою жизнь и помогая в этом другим. Функции, которые выполняет Родина, также указывают на то, что её бытие духовно [5, с. 48-67]. Как духовная субстанция Родина доступна восприятию через свои образы. Образ возникает, формируется в сознании человека на основе данных органов чувств и воображения. Наблюдая природу родной земли, общаясь с людьми, которые трудятся на ней и прославляют её, принимая посильное участие в совершенствовании жизни на своей земле, человек формирует образ своей Родины в своём сознании. Родина начинает осознаваться как нечто реальное, конкретное, а не просто умозрительное понятие, общая идея, которую можно заменить другой. Стоит обратить внимание на сообщения Н. М. Карамзина о том, что, по свидетельствам медиков XIX века, воздух родных мест оказывает на человека целебное воздействие [2, с. 195], следовательно, имеет существенную связь с местом рождения и проживания человека, с пространством, где впервые появился какой-либо материальный объект или была оглашена идея.

Заключение. Наше исследование позволяет указать на то, что Родина не тождественна месту на карте, пространству. Её содержание более глубокое, а образы более разнообразны. Но, соприкасаясь с родными

местами, человек лучше и полнее осознаёт свою Родину, связь с предками, понимает их цели и ценности. Политические перипетии последних десятилетий внесли целый ряд корректировок в карту мира, в результате которых народы оказались разделёнными, а большие группы людей попали под власть враждебных им структур. Но внутренняя связь с Родиной как духовной субстанции, святыней своих предков сохраняется, поэтому и идёт борьба за освобождение своей земли, своей святыни от античеловеческого управления ею, за то, чтобы у людей была возможность развиваться духовно и материально.

Список литературы

1. Артановский С. Н. Понятие Родины: современные модификации / С. Н. Артановский // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусства, 2012. – № 3. – С. 6-10.
2. Карамзин Н. М. О любви к Отечеству и народной гордости / Н. М. Карамзин. – М.: Институт русской цивилизации, 2013. – 736 с.
3. Новейший большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», М.: «РИПОЛ классик», 2008. – 1536 с.
4. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. – В 4 т. – Т. 3. – М.: Астрель: АСТ, 2000. – 1424 с.
5. Чикаева Т. А. Родина. Патриотизм (социально-философское исследование) / Т. А. Чикаева. – М.: МХПИ, 2019. – 124 с.

УДК 124.1:128

АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА СВОБОДЫ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Шатохина Н. П., канд. филос. наук

ГОУ ВПО «Донбасская академия строительства и архитектуры»,

г. Макеевка, РФ

shatohina-85@mail.ru

В современном обществе проблема свободы приобрела совершенно иной статус. Это не значит, что она потеряла свою актуальность или стала менее важной. Скорее всего, данный факт говорит о модификации феномена, его адаптации к изменениям как внешним, так и внутриличностным. Среди современных исследователей, которые осмысливают проблему свободы в рамках новаторских философских теорий, можно назвать М.И. Бобневу, Б.Х. Бчажкова, И.А. Ватель, М.Д. Гвишиани, А.М. Гендина, А.С. Готта, В.Е. Давидович, Ф.И. Ерешко, Э.В. Ильенкова, Б.М. Кедрова, И.С. Кона, В.И. Кремьянского, Л.А. Леонтьева, С.Я. Лурье, А.Н. Макову, А.А. Мерзлякова, А.Д. Сахарова,

П.И. Симуш, В.А. Тишкова, А.Б. Толстого, В.С. Тюхтина, Э.М. Чудинова, М.П. Яценко. Все они анализируют феномен свободы с позиции социального явления, определяющего личностный выбор, позволяющего самоутверждаться в мире кризисов и виртуализированного общения. Однако этого недостаточно для того, чтобы объективно сформулировать основные факторы реализации свободы воли в сложном и многомерном пространстве современного социального вакуума. Достаточно важно проанализировать основные особенности феномена свободы в масштабах современного социума. Это подтверждает и Н.В. Давыдов: «Стоит сказать, что для современного общества проблема свободы – это серьезная и важная проблема. Проблема, которая касается всего человечества и нашей страны в частности» [1, с. 280].

В настоящем формально только закон ограничивает свободу индивида, но так ли это на самом деле фактически? В своей статье «Феномен отчуждения в эпоху глобализации» Е.В. Кунышова пишет: «Современная эпоха показывает, что человек отчужден от природы, от общества и самого себя. Однако он обладает большей свободой, чем в прежние времена» [3, с. 85]. Но можно ли считать свободой состояние духовной деградации, в которой пребывает современное общество, исповедующее свободу без границ? Безусловно, не стоит отрицать моральный долг и этические нормы, они «как бы» присутствуют, но о них помнит далеко не каждый.

Искусственный интеллект становится непосредственным носителем информации и участником виртуального общения. Возникают так называемые «компенсаторные агенты», которые, вступая во взаимодействие с живым человеком, тем самым влияют на его мышление, культуру, быт. Индивид перестает оценивать события объективно, на его личностное мнение влияет виртуальная реальность, он ограничен в своих оценках и суждениях о чем-либо.

Интернет завладевает личностным пространством человека, претендует на его независимость. Одновременно поступающий поток информации, несистематизированный и неупорядоченный, лишает возможности критически подойти к оценке достоверности источников, поскольку невозможно установить природу их возникновения. Методистами даже разрабатываются новые курсы, внедряемые в учебную программу будущих специалистов. Так, в кратком курсе лекций «Основы мировоззренческой безопасности в условиях глобализации» В.А. Ефимова, Е.В. Солонько, М.В. Величко, созданном с целью научения основным механизмам психологической защиты, находим: «В жизни общества возможны ситуации, когда человек реализует цели анонимного оператора, который воздействует на человека опосредованно через внешнюю среду, например, посредством СМИ. В последнем случае он теряет свойство субъектности и становится объектом манипуляции» [2, с. 7]. Западные

философы прошлого столетия, в связи с возникновением острых вопросов техногенного влияния, ввели в научную терминологию понятие «массовый человек». Уже в самом этом определении выразилось критическое отношение ученых к современному индивиду потребления, к его способности противостоять машине, искусственному интеллекту. Свобода, которая предоставляется индивиду в виртуальном мире, не есть подлинная свобода, она является результатом информатизации социума, вхождения в мир симулякров. Опасность такого рода свободы заключается, прежде всего, в возникновении стереотипов мышления при оценке общественных явлений.

В современном виртуализированном обществе, где надуманное фактически переплетается с реальным, угроза утопического мышления особенно очевидна. Среди молодежи стихийно возникают движения, ориентированные только на информационно-виртуализированные контакты, заменяющие живое общение. Истинная свобода подменяется иллюзией свободы, что в итоге ведет к разочарованию и сложностям в идентификации собственного Я. В этой связи уместно процитировать В.Ю. Опрышко, который пишет: «Человек теперь не только не зеркало, отражающее природу, но он и не прожектор, высвечивающий объект, не изобретатель, придумывающий машину, или писатель сочиняющий роман. Он – приемник, получающий, регистрирующий, манифестирующий где-то образующиеся результаты» [5, с. 54].

Извечная, как и само представление о свободе, проблема выбора также видоизменяется в соответствии с актуализирующимися тенденциями общественных устоев. Что касается проблемы нравственного долга и возникающих при этом ограничений свободы, то уместно было бы отметить, что сейчас прежние убеждения относительно этического долга существуют скорее в теории, чем на практике. Хотя, как отмечает М.Г. Курбанов: «Свободное существование человека зарождается тогда, когда у него есть возможность "заботы о себе" и себе подобных» [4, с. 101]. Но моральная ответственность имеет достаточно противоречивый характер. Так, проблемы свободы находят свое выражение в современном социуме, однако не всегда глубоко осознаются и анализируются как существенно-важные и значимые.

Выходит, что проблема исследования феномена свободы, несмотря на все свои модификации и видоизменения, не теряет значимости для постижения личности. В современном социуме проблемы свободы и формы её выражения остаются теми же, однако меняются представления о данном феномене. Двумя основными аспектами, требующими пристального внимания в рамках изучения современной социальной реальности, на наш взгляд, являются виртуализация с её глобальными темпами распространения в пространстве и отчужденность современного индивида от природы и общества, в которой многие видят угрозу самому существованию человечества. Анализ проблемы свободы в данных

направлениях может расширить представления о ней и дать новое понимание, отличное от классической парадигмы.

Список литературы

1. Давыдов Н. В. Проблемы феномена свободы в современном обществе / Н. В. Давыдов // *Философия в XXI веке: вызовы, ценности, перспективы: Сборник научных статей.* – Екатеринбург: Издательско-полиграфическое предприятие Макс-Инфо, 2016. – С. 280-284.
2. Ефимов В.А. Основы мировоззренческой безопасности в условиях глобализации: краткий курс лекций / В.А. Ефимов, И.В. Солонько, М.В. Величко. – СПб.: СПбГАУ, 2013. – 92 с.
3. Куняшова Е.В. Феномен отчуждения в эпоху глобализации / Е.В. Куняшова // *Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история.* – Новосибирск: СибАК, 2016. – № 6-7 (57). – Ч.1. – С. 81-85.
4. Курбанов М.Г. Онтологические основы познания человека / М.Г. Курбанов // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* – Тамбов, Грамота, 2012. – № 5 (19). – Ч. I. – С. 98-102.
5. Опрышко В.Ю. Методология исследования культурной динамики эпохи постмодерна / В.Ю. Опрышко // *Філософські дослідження.* – 2014. – № 21 – С.50-58.

УДК 141.82

К ВОПРОСУ О ПРАКТИЧЕСКОЙ ПРИМЕНИМОСТИ ТЕОРИИ ХАНТИНГТОНА

Шульга Д. П., д-р ист. наук

Сибирский институт управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
г. Новосибирск, РФ
alkaddafa@gmail.com

Введение. Вторая половина XX в. стала временем возникновения ряда социально-философских концепций, с разных точек зрения объясняющих историко-политический процесс. Достаточно большой популярностью в отечественной науке и публицистике пользуется цивилизационизм, нередко в варианте С. Хантингтона. Но можно ли рассматривать современный мир как арену «столкновения цивилизаций»?

Основная часть. Для ответа на этот вопрос необходимо рассмотреть, так ли чётко определены цивилизации у С. Хантингтона. Главная проблема дефиниций здесь – принципиальное принятие субъективного элемента. «Цивилизация, таким образом, – наивысшая культурная общность людей и самый широкий уровень культурной идентификации, помимо того, что отличает человека от других

биологических видов. Она определяется как общими объективными элементами, такими как язык, история, религия, обычаи, социальные институты, так и субъективной самоидентификацией людей» [2, с. 51]. Естественно, что в условиях идейного плюрализма и многонациональных государств подобное определение оставляет огромный простор для вариаций внутри конкретного общества. В современной России коммунист-атеист и православный монархист могут диаметрально противоположно воспринимать себя с точки зрения истории (точнее, взгляда на ее законы, «героев» и «злодеев»), религии и отношения к социальным институтам. При этом, например, оба могут оказаться сторонниками выхода из состава Украины Крыма, ЛНР и ДНР (с последующим вступлением в состав РФ). С ними в одном окопе могут находиться мусульманин с Кавказа и бурятский буддист. Являются ли они представителями одной цивилизации? Или же общность действий представляет собой некую «конвергентную эволюцию», которая, при внешнем сходстве, не означает родственности¹? Как показывает опыт гражданской войны в России и вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве, вчерашние союзники и противники могут подчас весьма причудливо меняться местами. Российский опыт здесь не является уникальным. В ходе описания С. Хантингтоном конфронтации католиков, православных и мусульман в Боснии [2, с. 460] совершенно игнорируется пример Фикрета Абдича, который создал в 1993–1995 гг. вполне жизнеспособную Западную Боснию и оказывал содействие Республике Сербской и Сербской Краине. Между тем, данный пример показывает, что самоощущение элит, равно как и их видение пути достижения выгод, способно весьма серьёзно изменять, казалось бы, заданный цивилизацией сценарий.

Ряд приводимых С. Хантингтоном исторических примеров выглядит весьма спорным. Например, «кровь, язык, религия, стиль жизни – вот что было общего у греков и что отличало их от персов и других не-греков» [2, с. 49]. Однако даже в классический период существовали эллинские монархии (Эпир, Боспорское царство, Македония) и долговременные тирании (Сиракузы, ряд полисов Малой Азии), разительно отличавшиеся от демократических Афин. В эпоху эллинизма образовался ряд обширных царств, культура которых являла собой смешение греческих и местных элементов (переднеазиатских у Селевкидов², египетских у Птолемея,

¹ Так, в ходе восстания туарегов в северных районах Мали (2012 г.) сначала исламистские группировки и Народное движение за освобождение Азавада (отчасти, каддафистского толка) выступили как союзники. Однако после победы над силами центра практически сразу размежевались и вступили в вооружённую конфронтацию.

² Принадлежность Парфии к миру эллинизма является предметом дискуссий, в которой видный антиковед О.Л. Габелко доказывает возможность отнесения данного государства к эллинистическому кругу [3, с. 202].

индийский и среднеазиатских в Греко-Бактрии³). Это уже не говоря о том, что на личном уровне виднейшие деятели афинской демократии находили себя при дворе Ахеменидов (яркий пример – изгнанный из Аттики в 471 г. до н.э. Фемистокл). Из данных примеров мы видим, что даже в античности цивилизационная картина была куда сложнее и синкретичнее, чем может показаться на первый взгляд. К XXI в. новые средства коммуникации лишь ускорили культурную диффузию⁴.

Наиболее подробно у С. Хантингтона описаны западная и исламская цивилизации. Можем ли мы в 2023 г. говорить об их внутреннем единстве? Как ни странно, внешне все выглядит достаточно монолитно. Страны НАТО, фактически и являющие собой «западный мир», выступили с единой позицией по вопросу СВО на Украине, поставляя Киеву оружие. Значительная часть мусульманских стран (от шиитов до умеренных ваххабитов) заняли иную позицию, варьирующуюся от прямых поставок вооружений России (Иран) до согласования действий с Москвой в рамках ОПЕК+ (Саудовская Аравия). Однако на поверку происходящее куда лучше объясняется разделением мира по принципу «ядро»-«полупериферия»-«периферия», предложенное Э. Валлерстайном⁵ [1, с. 220]. Ожидающая расширения организация БРИКС на настоящий момент, если верить логике С. Хантингтона, представляет пять различных цивилизаций, что отнюдь не мешает ее жизнеспособности.

Нет полного единства и в «западной цивилизации»⁶. Вполне католическая и европейская Венгрия на данный момент превращается в региональный центр силы, претендующий на роль центра принятия решений. Это продемонстрировали встречи в конце августа 2023 г. в

³ Яркий пример – текст «Вопросы Милинды», представляющий собой запись беседы индо-греческого царя Менандра I (правил с 165 по 130 гг. до н.э.) и буддийского монаха Нагасены.

⁴ О чём подробно писал М. Маклюэн с его концепцией «всемирной деревни».

⁵ Несколько иначе (куда более тенденциозно, но с похожим посылом) данную мысль о разделении мира согласно роли в глобальной экономике сформулировал Мао Цзэдун, говоря о «трёх мирах». В своей беседе с президентом Замбии К.Д. Каундой руководитель КНР в 1974 г. сказал: «По-моему, США и СССР образуют первый мир. Промежуточные силы, например, Япония, Европа и Канада, принадлежат ко второму миру. Мы же с вами относимся к третьему миру. В третьем мире многочисленное население. Азия, за исключением Японии, принадлежит к третьему миру. Вся Африка относится к третьему миру, к третьему миру относится и Латинская Америка».

⁶ Один из проблемных моментов в концепции С. Хантингтона – фактическое объединение мусульман от Африки до Бенгалии в одну общность при одновременном разделении христиан как минимум на три: латиноамериканскую, православную и западноевропейско-североамериканскую. При этом внятного разделения на католиков и протестантов мыслитель не делает. С одной стороны, в силу секуляризации в ряде стран Европы это как будто объяснимо. С другой же не вполне ясно, почему Иберийский полуостров в цивилизационном плане вдруг оказался отделённым от своих бывших колоний (говорящих на испанском и португальском), а Великобритания – нет.

Будапеште, куда пригласили, среди прочих, руководителей Турции, Туркменистана и Сербии (Россию представлял президент Татарстана Р.Н. Минниханов). В. Орбан, с одной стороны, заявляет о традиционных христианских ценностях, а с другой – выстраивает курс страны так, как это выгодно экономически, невзирая на «самый широкий уровень культурной идентификации».

Заключение. Увлечение цивилизационизмом, на наш взгляд, связано с «поиском себя» интеллектуалами различных регионов и эпох. Для объективного историко-философского анализа данному направлению не хватает чётко измеряемых оснований. Если марксизм предлагает достаточно логичное соотношение базиса и надстройки, где за основу берется экономический уклад и уровень хозяйственного развития, то выкладки С. Хантингтона и его соратников часто опираются на субъективное и изменчивое самосознание, которое может меняться на личном уровне в течение жизни. Срок в поколение здесь имеет уже решающее значение⁷. На столь шаткой и переменчивой основе сложно выстроить непротиворечивое учение. К тому же детальное изучение древних и современных культур указывает нам, что цивилизации выглядят монолитными лишь «с высоты птичьего полёта». При приближении становится ясно, что, за редким исключением, «линии разлома» не так уж чётко очерчены, и слишком много зависит от сиюминутных устремлений элит и пропаганды.

Список литературы

1. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение / пер. Н. Тюкиной. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. – 248 с.
2. Хантингтон С. Столкновение цивилизации / пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М.: АСТ. 2003. – 603 с.
3. Габелко О.Л., Рунг Э.В. Рецензия на: А. С. Балахванцев. Политическая история ранней Парфии. – М.: Институт востоковедения РАН, 2017. – 192 с., ил // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2019. – № 3. – С. 196-205.

⁷ В начале 80-х гг. в СССР обществом вполне воспринимался тезис о «советском народе», в то время как спустя всего десятилетие вспыхнули межэтнические (напр., грузино-абхазский), межрелигиозные (напр., армяно-азербайджанский) и идеологические (приднестровский) конфликты.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Личность в жизненных ситуациях: развитие и становление

УДК 159.9

ВНУТРЕННЯЯ МОТИВАЦИЯ КАК НЕОБХОДИМЫЙ АСПЕКТ ЛИЧНОСТНОГО РОСТА

Андрюшкова Н. П.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
andruchkova@rambler.ru

Введение. Личностный рост — это популярное понятие, широко используемое в современной психологии. Оно тесно и органично связано с саморазвитием. Саморазвитие теряет свой смысл, если оно не сопровождается или каждый его акт не завершается личностным ростом. В то же время, несмотря на кажущуюся простоту и очевидность, понятие личностного роста является достаточно широким и неопределенным. Все, что делает человека лучше, совершеннее, так или иначе, характеризует его личностный рост. А под этим «все» могут скрываться различные психологические феномены.

Что же такое личностный рост? В разных психологических школах и направлениях он рассматривается по-разному, в зависимости от теоретических представлений о мире и роли человека в этом мире.

В психоанализе — это тенденция к индивидуализации или обретению самости, понимаемые как движение к большей свободе (К. Юнг); движение от центрирования на себе и целях личностного превосходства к задачам конструктивного овладения средой, понимаемым как движение к совершенству (А. Адлер). В гештальтпсихологии переход от опоры на среду к опоре на себя и саморегуляцию (Ф. Перлз). В гуманистической психологии личностный рост означает приобретение все большей автономии, независимости личности, стремления к зрелости и психологическому здоровью (К. Роджерс) или последовательному удовлетворению высших потребностей (А. Маслоу).

Основная часть. Такое явление как личностный рост может происходить бессознательно, либо же быть осознанным и указывать на готовность и мотивацию к участию в процессе роста. Следует отметить, что без внутренней мотивации развитие и стремление к личностному росту невозможно. Действительно, мотивация — это динамический процесс, который стимулирует и поддерживает на определенном уровне

поведенческую активность индивида. Она охватывает систему побудительных факторов (потребности, мотивы, цели, намерения и т. п.). Чем выше уровень мотивации, чем больше факторов (мотивов) побуждают человека к деятельности, тем больше усилий он должен прилагать [1]. Индивидуальные мотивы участия в росте могут различаться. Рост может быть обусловлен:

- восстановлением после травматического опыта, что достаточно широко обсуждается в литературе, касающейся посттравматического роста [2];
- изменениями жизненных обстоятельств (поворотный момент в жизни);
- активным поиском терапевтической помощи или консультаций для решения психологических проблем [3];
- позитивным влиятельным событием, например, знакомство с влиятельным человеком (значимым другим) [4];
- желанием конгруэнтности, которое К. Роджерс описывает как стремление к тому, чтобы образ самого себя больше соответствовал реальному восприятию себя [2].

Как только человек готов заниматься своим личностным ростом и позволяет этому процессу развиваться, активизируется «тенденция к актуализации», которую К. Роджерс описывает как естественное стремление к росту [2]. Однако личностный рост не является данностью. Хотя это может быть естественным процессом, это не необходимость для личности, и, следовательно, личностного роста можно избежать или отвергнуть, потому что у человека нет мотивации заниматься этим ростом. Прежде чем процесс начнется, человек может быть отчужден от своего опыта и не желать заниматься анализом. Индивидуум может оставаться на этой «предростовой» стадии неподвижности и ригидности, при этом он может не брать ответственность за свои действия или за то, как сложилась его жизнь, и он может не заниматься своим развитием и не пытаться понять себя. Это приводит к ощущению дистанции от себя, особенно от своего психологического и социального бытия.

Заключение. Таким образом, личностный рост — это емкое понятие, характеризующее все изменения, которые происходят в личности и под влиянием среды, жизненных факторов, и под влиянием собственной инициативы, которую проявляет человек в ходе целенаправленного и сознательного изменения себя. Следовательно, личностный рост — это явление, которое требует активной работы личности, и даже при благоприятных условиях не произойдет само собой, а только по средствам осознанной работы.

Список литературы

1. Бюндюгова, Т. В. Психология личностного и профессионального роста / Т. В. Бюндюгова. — Таганрог : РГСУ. Изд-ль А.Н. Ступин, 2012. — 81 с.

2. Tedeschi, R. G. Posttraumatic growth : Theory, research, and applications / R.G. Tedeschi. — Routledge, 2018. — 264 p.
3. Kaufman, S. B. Transcend : The new science of self-actualization / S. B. Kaufman. — Penguin, 2021. — 432 p.
4. Roepke, A. M. Gains without pains? Growth after positive events. / A. M. Roepke // The Journal of Positive Psychology. — 2013. —8(4). — P. 280–291.

УДК 159.942

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА СОТРУДНИКОВ ПАТРУЛЬНО-ПОСТОВОЙ СЛУЖБЫ

Атрохова Т. В., канд. психол. наук, доц., *Мирзоева С. Ч.*
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина»,
г. Москва, РФ
t.v.atrokhova@yandex.ru

Введение. Специалисту профессий типа «человек-человек» для обеспечения эффективности профессионального общения с коллегами и различными категориями граждан необходимо обладать способностями дифференцировать и впоследствии регулировать собственные эмоции, а также осознавать и в последующем влиять на эмоциональное состояние других людей.

Проблема эмоционального интеллекта, как способности человека распознавать чужие эмоции, осознавать стремление и замысел, мотивацию и потребности других людей и свои собственные, имеет первостепенное значение по отношению к сотрудникам органов внутренних дел. Их профессиональная деятельность предполагает наличие базовых навыков в области психологии общения, поскольку это позволяет сотруднику не только выстроить коммуникацию с представителями различных социальных слоев, но и помогает решить служебные задачи в экстремальных условиях, начиная с тех, что представляют опасность для жизни и здоровья, заканчивая теми, которые насыщены негативными эмоциями, провокациями и возможностью конфликта.

Сотрудники патрульно-постовой службы находятся в постоянном взаимодействии с участниками дорожного движения. Это означает, что выполнение ими должностных обязанностей тесно связано с умением быстро распознавать эмоции и чувства водителя с целью объективной оценки его состояния и принятия решения о необходимости проведения необходимых мероприятий (остановка, медицинское освидетельствование и т. д.). Кроме этого, сотруднику ППС необходимо обладать способностями к дифференцированию и регулированию собственных эмоций, поскольку эффективность выполнения профессиональной

деятельностью напрямую связана как с умением скрывать эмоции, так и проявлять их в нужный момент взаимодействия с участниками дорожного движения.

Эмоциональный интеллект — это профессионально важное качество сотрудника патрульно-постовой службы, состоящее из совокупности компонентов (эмоциональная осведомленность, управление эмоциями, самомотивация, эмпатия, управление эмоциями других людей).

Цель. Целью нашего исследования стало изучение особенностей эмоционального интеллекта у сотрудников ППС, получившим образование в ведомственном вузе МВД и у сотрудников, окончивших гражданский вуз по направлению «юриспруденция».

Основная часть. Выборку исследования составили 30 сотрудников патрульно-постовой службы 9-го отдела полиции по городу Москве. Возраст 25-35 лет, стаж службы в ведомстве от 5 до 9 лет. Для эмпирического исследования была использована методика Н. Холла «Эмоциональный интеллект». В качестве статистического критерия был использован U-критерий Манна-Уитни.

Результаты исследования компонентов эмоционального интеллекта у респондентов с профильным образованием МВД (ведомственным высшим) и с базовым высшим образованием (гражданским высшим) представлены в таблице.

Таблица

Средние значения показателей эмоционального интеллекта у сотрудников ППС

Шкала	Ведомственное высшее	Гражданское высшее
1. Эмоциональная осведомленность	25,80	25,67
2. Управление эмоциями	22,33	23,93
3. Самомотивация	25,33	23,27
4. Эмпатия	26,20	25,13
5. Управление эмоциями других	26,00	25,67

Согласно данным, представленным в таблице, 100% респондентов (30 человек) имеют высокий уровень по шкале «Эмоциональная осведомленность». Это означает, что о своем внутреннем состоянии максимально осведомлены как сотрудники, окончившие ведомственный вуз МВД, так и сотрудники, окончившие гражданские вузы. По шкале «Управление своими эмоциями» высокий уровень обнаружен у 97% (29 человек). Средний уровень имеют 3% респондентов (1 человек). Все респонденты имеют достаточно высокую эмоциональную отходчивость, а также способны произвольно управлять своими эмоциями. По шкале «Самомотивация» высокий уровень по данному показателю наблюдается у 100% респондентов (30 человек). Респонденты способны к управлению своим поведением за счет управления эмоциями. По шкале «Эмпатия»

высокий уровень обнаружен у 100% респондентов (30 человек). Респонденты способны сопереживать текущему эмоциональному состоянию других людей. По шкале «Управление эмоциями других» высокий результат наблюдается у 100% респондентов, что составляет 30 человек. Выражается в способности воздействия на эмоции других.

По результатам исследования статистически значимые различия в интегративном уровне развития эмоционального интеллекта у сотрудников с высшим ведомственным и высшим гражданским образованием отсутствуют. Респонденты обладают высоким уровнем развития эмоционального интеллекта, независимо от образования. Люди, с высоким уровнем эмоционального интеллекта способны идентифицировать и осознать свои собственные эмоции, различать степень их интенсивности, а также управлять ими. Сотрудники ППС способны определять эмоциональное состояние участника дорожного движения, спрогнозировать какие эмоции у человека могут вызвать его слова или действия, а также помочь собеседнику справиться с неприятными эмоциями, в том числе для того, чтобы предотвратить возникновение конфликтной ситуации.

По результатам проведенного эмпирического исследования можно сформулировать следующий вывод. У сотрудников ППС с высшим ведомственным образованием и высшим гражданским образованием нет различий в общем уровне развития эмоционального интеллекта, так и в уровне развития отдельных его компонентов. Это может быть связано с наличием профессиональной психологической подготовки как в ведомственных, так и в гражданских вузах. Кроме этого, студенты, обучающиеся по направлениям «Обеспечение законности и правопорядка», «Юриспруденция» чаще всего проходят учебную и производственную практику в учреждениях МВД, независимо от принадлежности.

Заключение. Таким образом, уровень развития эмоционального интеллекта, необходимый и достаточный для успешного осуществления деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения не зависит от принадлежности учебного заведения к системе МВД.

Список литературы

1. Андреева, И. Методика Н. Холла оценки «эмоционального интеллекта» (опросник EQ) [Электронный ресурс] // Эмоциональный интеллект. Сайт психолога Ирины Андреевой. — URL: <https://andreeva.by/metodika-ocenki-emocionalnogo-intellekta-oprosnik-eq-n-xolla.html>.
2. Гоулман, Д. Эмоциональный интеллект / пер. с англ. А. П. Исаевой. — Москва : Аст, Владимир: ВКТ, 2009. — 478 с.
3. Гоулман, Д. Эмоциональное лидерство: искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта / Д. Гоулман, Р. Бояцис, Э. Макки. — Москва : Альпина Бизнес Букс, 2008. — 301 с.

4. Социальный и эмоциональный интеллект : от процессов к измерениям / под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. — Москва : Ин-т психологии РАН, 2009. — 349 с. — (Интеграция академической и университетской психологии / Российская акад. н., Ин-т психологии).; ISBN 978-5-9270-0153-8.

УДК 159.9

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ НАРУШЕНИЯ ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ У ПОДРОСТКОВ

Белов И. В., Николаев Е. Л., д-р мед. наук, проф.
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И. Н Ульянова»,
г. Чебоксары, РФ
Vi1993v@mail.ru

Подростковый возраст является периодом повышенного риска для формирования неконструктивных способов взаимодействия с окружающей действительностью в связи с физическим, когнитивными и психологическими изменениями, которые осложняют развитие в этом возрасте.

Пищевое поведение является одним из базовых способов взаимодействия с миром. Сложность заключается в том, что любые витальные потребности для человека приобретают не только биологический, но также культурный, социальный и психологический смысл и опосредуются жизненным опытом [1].

Нарушение пищевого поведения — это комплекс симптомов, возникновение которых связано с поведенческими, эмоциональными, межличностными и социальными факторами. В категорию нарушений пищевого поведения принято относить анорексию, булимию и неутонченные расстройства, но данные расстройства не исчерпывают всех явлений пищевого поведения [1].

На формирование особенностей пищевого поведения в большей степени влияют специфика детско-родительских отношений, самооценка и социально-культурные условия (социальные идеалы красоты и отношения к еде). Причем детско-родительские отношения являются одним из наиболее сильных факторов развития нарушений пищевого поведения и влияют на специфику его протекания на всех этапах психологического развития. Помимо этих факторов можно выделить еще и другие, не имеющие такой силы, но играющие роль в нарушении пищевого поведения (генетическая предрасположенность, микрофлора ЖКТ, пол) [5].

Уже в психоаналитических теориях было отмечено что, одной из основных форм взаимодействия ребенка с миром (на самых ранних этапах

жизни) является пищевое поведение, с удовлетворением потребности в пище связаны и другие психические функции. В одном процессе «слиты» различные функции, одной из основных является чувство принятия или непринятия окружающими. Депривация потребности в пище, может приводить к формированию чувства непринятия и отчужденности, в свою очередь чувство непринятия может формировать отвержение пищи. Установка же родителей на «закармливание» ребенка и срочное удовлетворение его потребностей в пище, может приводить к трудностям дифференцировки ребенком своих потребностей и выбору стратегии «заедания» для удовлетворения различных по значению потребностей.

Многими исследователями было отмечена взаимосвязь самооценки и образа тела, где самооценка может являться предиктором нарушений пищевого поведения. Общая характеристика эмоционального отношения к ребенку в семье (принятие-отвержение) является основой для формирования Я-концепции ребенка, в структуру которой входит образ собственного тела. Эмоциональное неприятие родителями ребенка, желание, чтобы он соответствовал определенным представлениям, является предпосылкой для формирования неадекватного образа собственного тела и развития нарушений пищевого поведения [2].

В дальнейшем в подростковом возрасте эта проблема приобретает немного новый смысл. Подростковый возраст является важной ступенью на пути к социализации, в этот период подросток начинает интегрироваться в различные социальные группы, а социальные стандарты начинают играть все большую роль. В таком случае образ Я-идеального может задаваться уже самим обществом через СМИ или как элемент групповой идентичности. Конфликт в таком случае будет возникать между образом реального тела и образом сформированном как социальный идеал [3].

В дальнейшем, следуя логике психического развития, ребенок переходит от своей эгоцентрической установки к дальнейшей социализации и взаимодействию с другими людьми. В таком случае большое значение начинают играть поведение, отношение к пище и сформированные пищевые привычки в близком кругу людей (дошкольный возраст), а в будущем отношение к пищевому поведению, телесные стандарты, сформированные в социуме (школа, друзья). Так дети дошкольного возраста «отлично» копируют пищевое поведение и отношение к пище у своих родителей или самых близких людей. Соответственно таким детям нарушения в пищевом поведении могут передаваться через родителей или близких.

Новая ступень социализации предполагает расширения поля социального взаимодействия, вхождение и идентификация ребенка с различными социальными группами (одноклассники, друзья по секциям и кружкам, друзья и т. д). При этом сохраняются старые особенности взаимодействия с людьми, сформировавшиеся в семье ранее. Отношения в

семье в таком случае выступают как прообраз взаимодействия со всеми другими людьми и социальными группами. Так, например, подростки с несформированной Я-концепцией, в которой не совпадает образ реального и идеального тела, подвержены неадекватному влиянию социальных стандартов красоты, принятых в обществе или в группе с которой идентифицирует себя подросток. Желание быть похожими на своих «кумиров», без учета физиологических особенностей своего организма может приводить к анорексии, искусственному вызыванию рвоты, отсроченному пищевому поведению [2; 4].

Пищевое поведение является сложным и многокомпонентным процессом, на который влияют биологические, социально-культурные и психологические предпосылки. Таким образом, психологическими предпосылками к нарушениям пищевого поведения являются специфика детско-родительских отношений. В свою очередь эта специфика влияет на сформированность и адекватность самооценки, в частности образ собственного тела и влияет на подверженность влиянию социальных стандартов красоты и отношения к пищевому поведению.

Специфической особенностью пищевого поведения в подростковом возрасте является включение пищевого поведения в более широкий круг социальных взаимоотношений. Пищевое поведение может выступать как групповая идентичность, усиливается влияние социальных стандартов красоты и массы тела.

Список литературы

1. Бесараб, В.В. Виды нарушений пищевого поведения у подростков [Электронный ресурс] / В.В. Бесараб ; Аллея Науки. — 2021. — №6(57). — С.10.
2. Ерохина, Е.А. Образ тела и отношение к своему телу у подростков : семейные и социокультурные факторы влияния (по материалам зарубежных исследований) [Электронный ресурс] / Е.А. Ерохина, Е.В. Филиппова ; Современная зарубежная психология. — 2019. — Т.8. № 4. — С. 57 — 68.
3. Иванов, Д. В. Образ тела у подростков с нарушениями пищевого поведения [Электронный ресурс] / Д.В. Иванов, А. А. Хохрина ; Гос. Ун-т. Управ. : Вестник университета.— 2019. — №6. — С. 198 — 204.
4. A Potential Cause and Treatment of Eating Disorder — Social Media : Proceedings of the 2022 3rd International Conference on Mental Health, Education and Human Development (MHEHD 2022) / Nancy Yi Qi Chen, Shiqi Ren. // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. — 2023. — Vol.670. — P. 4.
5. Risk factors for eating disorders : findings from a rapid review / Sarah Barakat, Siân A. McLean, Emma Bryant, Anvi Le, Peta Marks. // Journal of Eating Disorders. — 2023. — Vol.11. — P. 31.

ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПОДРОСТКОВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Белюсова Е. В.

ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный медицинский университет»,
г. Новосибирск, РФ
liza-belousova12@mail.ru

Введение. На сегодняшний день в психолого-медико-педагогической практике вопросы исследования девиантного поведения подростков вызывают устойчивый интерес. Данный интерес обусловлен современной картиной социальных поведенческих паттернов у подрастающего поколения, которое ярко демонстрирует отклоняющееся — от норм и принципов человеческого бытия — формы. Раннее распознавание девиаций несовершеннолетних, так же, как и ранняя профилактика, являются необходимой основой для целенаправленного формирования общего «завтра», в котором предстает личность с социально-значимым и социально-одобряемым вектором жизнедеятельности. Краткий очерк, представленный в данной статье, позволит взглянуть на природу не нормотипичных, в социальном плане, проявлений жизненной активности индивида, факторы развития и виды девиаций.

Основная часть. Термин «девиантное поведение» ввел в научный оборот Я. И. Гилинский, который понимал его как поступки, действия, не соответствующие «официально установленным» или «фактически сложившимся» в данном обществе нормам и ожиданиям. Автор отмечает двоякость влияния девиантного поведения на развитие общества: некоторые из них стимулируют прогресс (одаренность, гениальность), а другие способствуют деструктивным процессам (зависимое и преступное поведение, суицидальные наклонности, нарциссизм, агрессия) [3].

С. А. Беличева подчеркивает, что отклоняющееся поведение является результатом неблагоприятного социального развития, нарушений социализации, возникающих на разных возрастных этапах [1]. Данная формулировка определяет один из основополагающих критериев отклоняющегося поведения в социально-психологическом контексте — нарушения социализации. Степень риска формирования девиации находится в прямой зависимости от специфики условий социального развития подростка, от особенностей адаптации к окружающей, зачастую неблагоприятной, среде. Девиантное поведение — это дезадаптивная форма существования индивида в системе социальных связей, приносящая ущерб как самой личности, так и окружающим людям.

Однако факторы девиантного поведения не ограничиваются социальными рамками, их можно сгруппировать следующим образом:

1) биологические предпосылки — это нежелательные физиологические и анатомические особенности организма;

2) психологические — это психопатологии и акцентуации характера;

3) социально-психологические факторы — дефекты школьного, семейного воспитания;

4) личностные — активно-избирательное отношение индивида к предпочитаемой среде общения, личные ценностные ориентации и способности к саморегулированию своего поведения;

5) социальные — определяются социально-экономическими условиями существования общества [2].

Пубертат является кризисной фазой становления человека, т. к. он находится в пограничном состоянии: уже не ребенок, но еще не взрослый. Гормональные изменения, активизация межличностных отношений со сверстниками, возникновение ценностно-смысловых, экзистенциальных барьеров общения со взрослыми, неумение справляться с возникающими трудностями конструктивными способами могут приводить к негативном мышлению и пессимистическому восприятию внешнего мира и себя [6].

Л. Б. Шнейдер выделяет конкретные причины отклоняющегося поведения несовершеннолетних: стремление получить сильные впечатления, повышенная возбудимость, несформированность навыков контроля, неблагополучная ситуация в семье, стремление к независимости, пренебрежение со стороны сверстников, отрицательная оценка со стороны, влияние улицы и др. [7].

В подростковый период не разрешенные на предыдущих и усиленные на данном этапе развития трудности социализации могут стимулировать проблемное поведение, проявляющееся в разных формах. Существует большое количество классификаций девиантного поведения. Рассмотрим типологию Е.В. Змановской, которая выделяет три основные группы:

1) антисоциальное (делинквентное) — включает любые действия или бездействия, запрещенные законодательством: хулиганство, кражи, грабежи, вандализм, разрушение имущества, поджоги, физическое насилие, торговля наркотиками;

2) асоциальное (аморальное) — уходы из дома, бродяжничество, школьные прогулы или отказ от обучения, ложь, граффити, субкультуральные девиации (сленг, шрамирование, татуировки), агрессивное поведение, сексуальные девиации (беспорядочные половые связи, проституция, соращение, вуайеризм, гомосексуализм, эксгибиционизм), вовлеченность в азартные игры на деньги, бродяжничество, иждивенчество;

3) аутодеструктивное (саморазрушительное) — суицидальное поведение, пищевая зависимость, химическая зависимость, фанатическое

поведение, виктимное поведение, занятие экстремальными видами спорта [4].

Аддикции занимают особое место в системе актуальных в подростковой среде видов девиации, поэтому его можно выделить в самостоятельный раздел, требующий углубленного изучения со стороны специалистов различного профиля. Согласно Ц. П. Короленко, аддиктивное поведение — одна из форм деструктивного поведения, которая выражается в стремлении к уходу от реальности путем изменения своего психического состояния, посредством приема некоторых веществ или постоянной фиксации внимания на определенных предметах или активностях, что сопровождается развитием интенсивных эмоций [5]. В настоящее время перспективным направлением в психолого-педагогической практике является исследование и профилактика виртуальной зависимости подростков, а также альтернативных способов курения, компьютерной игровой аддикции.

Заключение. Девиантные формы поведения свидетельствуют о нарушенной адаптации индивида к изменяющимся условиям микро- и макросреды, являются защитным механизмом психики, стремящейся минимизировать стрессовые воздействия окружающего мира. Подростки особенно ярко демонстрируют протест против социальных норм по многим причинам: для привлечения внимания взрослых, как способ ухода от проблем, как тактику удовлетворения потребности при невозможности использования социально-одобряемого образца поведения, для определения личностных границ, поиска себя, проявления собственного уникального «Я» и др. Все виды девиации, вне зависимости от специфики реализации, деструктивно влияют на адаптационные способности индивида, искажают восприятие реальности, негативно сказываются на физическом и психическом здоровье, не позволяют человеку стать полноценным деятелем, субъектом собственной жизни, а загоняют в условия ограниченности, несвободы от самого себя. Девиантность в подростковом возрасте указывает не только на наличие препятствий для благоприятной социализации «здесь и сейчас», но и на проблемы развития в младшем школьном, дошкольном периоде, а также в младенческом и перинатальном. Именно поэтому причины отклоняющегося поведения кроются в тесной связи множества факторов, формирующих сознание человека.

Список литературы

1. Беличева, С. А. Основы превентивной психологии / С. А. Беличева. — Москва : Социальное здоровье России, 1994. — 224 с.
2. Визель, Т.Г. Девиантное поведение подростков : теории и эксперименты / Т.Г. Визель, Л.В. Сенкевич, В.А. Янышева, А.К. Железнова. — Тула, 2007. — 341 с.
3. Гишинский, Я.И. Девиантность и социальный контроль в России (XIX-XX вв.): тенденции и социологическое осмысление / Я.И. Гишинский. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2000. — 384 с.

4. Змановская, Е.В. Девиантология: Психология отклоняющегося поведения: учеб. пособие для студ. высш. учеб. завед. / Е.В. Змановская. — Москва : Академия, 2004. — 288 с.
5. Короленко, Ц. П. Психосоциальная аддиктология / Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриева. — Новосибирск : Издательство «Олсиб», 2001. — 251с.
6. Стуканов, В.Г. Педагогическая профилактика девиантного поведения несовершеннолетних / В. Г. Стуканов ; учреждение образования «Акад. М-внутри. дел Респ. Беларусь». — Минск : Академия МВД, 2019. — 146 с.
7. Шнейдер, Л.Б. Девиантное поведение детей и подростков / Л.Б. Шнейдер. — Москва : Академический Проект; Трикста, 2005. — 336 с.

УДК 159.9

ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТНЫХ МЕХАНИЗМОВ, СОВЛАДАНИЯ И СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ У ЛЮДЕЙ С ПАТОЛОГИЯМИ СЕРДЕЧНО-СОСУДИСТОЙ СИСТЕМЫ

Будик С. А., Устинова Н. В., канд. психол. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
sofiyabudik@gmail.com

На сегодняшний день, стресс представляет собой значимую проблему для исследования в связи с его существенным влиянием на здоровье и поведение человека. Стресс — это психическое состояние человека, которое появляется как ответная реакция на различные экстремальные воздействия. Он представляет собой целостный ответ организма и личности на экстремальные влияния или на повышенную нагрузку [1]. При негативном воздействии внешней среды, человек на бессознательном уровне использует защитные механизмы, которые предотвращают внутренний конфликт и ограждают психику от травмирующего влияния [3]. Совладающее поведение, в отличие от защитных механизмов, является осознанной стратегией борьбы со стрессом и представляет собой целенаправленное действие, которое позволяет человеку преодолеть стресс или проблемную жизненную ситуацию приемами, соответствующими личностным характеристикам и ситуации, посредством осознанных стратегий действия [2].

Актуальность выбранной темы исследования обусловлена тем, что люди, имеющие сердечно-сосудистые патологии, являются особо уязвимыми перед наполненным стрессом окружающим миром. Действие стрессоров может усугубить состояние больных и рано или поздно привести к инвалидизации и смерти. Понимание особенностей совладающего поведения и защитных механизмов может позволить людям с сердечно-сосудистыми патологиями лучше и эффективнее бороться со стрессом.

В отечественной психологии особенности кардиологических больных изучали В.Н. Ильина, Е.А. Григорьева, В.В. Николаева, Е.И. Ионова,

И.В. Алдушина, В.П. Зайцев и др. Однако, в настоящее время в недостаточной степени изученными остаются особенности защитных механизмов и совладающего поведения больных и их связь со стрессоустойчивостью.

Целью нашего исследования является выявление связи защитных механизмов и совладания со стрессоустойчивостью у больных с сердечно-сосудистыми патологиями.

Исследование проводилось в городской больнице № 2 города Макеевки Донецкой Народной Республики. В исследовании приняло участие 45 больных с сердечно-сосудистыми патологиями в возрасте от 30 до 75 лет. В качестве диагностического инструментария был использован тест-опросник механизмов психологической защиты «Индекс жизненного стиля» Р. Плутчика, опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса и С. Фолкмана. С целью выявления особенностей стрессоустойчивости использовались: методика «Определение стрессоустойчивости и социальной адаптации» Т. Холмса и Р. Раге, тест самооценки стрессоустойчивости С. Коухена и Г. Виллиансона и тест на стрессоустойчивость К. Шнайера.

По результатам опросника «Индекс жизненного стиля» было выявлено, что чаще всего испытуемые используют такие механизмы психологической защиты, как отрицание (27%) и гиперкомпенсацию (22%). Это говорит о том, что информация, которая тревожит и может привести к конфликту, не воспринимается больными, а также о том, что они стараются предотвращать выражение неприятных или неприемлемых для них мыслей, чувств или поступков путем преувеличенного развития противоположных стремлений.

Проанализировав полученные результаты опросника «Способы совладающего поведения», можно сказать, что испытуемые чаще всего используют такие копинг-стратегии, как дистанцирование (22%) и конфронтацию (20%). Это свидетельствует о том, что они пытаются преодолеть негативные переживания за счет субъективного снижения их значимости и степени эмоциональной вовлеченности в них, а также разрешения проблемы за счет не всегда целенаправленной поведенческой активности.

Анализ результатов диагностики по методике «Определение стрессоустойчивости и социальной адаптации» показал, что больше половины больных (64 %) имеют низкую степень сопротивляемости стрессу. У них выражена эмоциональность и импульсивность, они вынуждены тратить большое количество энергии и ресурсов на борьбу с негативными психологическими состояниями, возникающими в процессе стресса.

Результаты по тесту самооценки стрессоустойчивости и тесту на стрессоустойчивость показали, что большинство испытуемых (65%) плохо

справляются с трудностями и стрессом в повседневной жизни. Они тяжело приспосабливаются к новой обстановке и чувствительны к негативному действию стрессогенных факторов. Преобладающий уровень стрессоустойчивости больных низкий. Следовательно, они часто теряют самоконтроль в стрессовой ситуации и не умеют владеть собой.

С помощью коэффициента корреляции Пирсона мы выявили прямую значимую на 5% уровне связь между уровнем сопротивляемости стрессу и защитными механизмами отрицание ($r=0,32$, $p\leq 0,05$) и проекция ($r=0,32$, $p\leq 0,05$). Связь на 1% уровне выявлена с вытеснением ($r=0,39$, $p\leq 0,01$), регрессией ($r=0,40$, $p\leq 0,01$), компенсацией ($r=0,45$, $p\leq 0,01$), замещением ($r=0,38$, $p\leq 0,01$) и реактивным образованием ($r=0,38$, $p\leq 0,01$).

Также исследование показало, что диагностируемые больные, имеющие высокий уровень стрессоустойчивости, чаще используют дистанцирование, конфронтацию и принятие ответственности, как стратегии совладающего поведения. Однако, учитывая небольшое количество испытуемых с высоким уровнем стрессоустойчивости, данное утверждение требует дополнительной проверки в ходе дальнейших исследований.

Таким образом, результат корреляционного анализа показал, что больные пытаются оградить себя от воздействия стрессовых событий, игнорируя их значимость и негативное влияние. Они стараются избегать стрессовых ситуаций, чтобы не испытывать состояние тревоги и дискомфорта. Испытуемые активно устраняют что-либо из своего сознания, путем немотивированного игнорирования или забывания. Со стрессом они могут справляться путем преувеличенного развития противоположных стремлений. Больным с сердечно-сосудистыми патологиями присуще сдерживание чувства печали, горя по поводу реальной или мнимой потери, утраты, недостатка. Также испытуемые снимают свое напряжение, обращая агрессию на более слабый одушевленный или неодушевленный объект, или на самого себя.

Научная новизна исследования заключается в расширении представлений о связях между уровнем стрессоустойчивости, копинг-стратегиями и механизмами психологических защит. Полученные результаты исследования могут быть использованы для профилактической, коррекционной и реабилитационной работы с людьми, имеющими сердечно-сосудистые патологии.

Список литературы

1. Бодров В. А. Когнитивные процессы и психологический стресс // Психологический журнал. – № 4. – 1996. — 331с.
2. Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения в разные периоды жизни: монография / Т. Л. Крюкова. – Кострома : КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. — 296 с.
3. Романова Е.С. Механизмы психологической защиты. Генезис. Функционирование. Диагностика / Е.С. Романова, Л.Р. Гребенников. — Мытищи: Изд-во «Талант», 1990. — 144 с.

ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЕ НАПРЯЖЕНИЕ ЖЕНЩИН В ДОРОДОВЫЙ И ПОСЛЕРОДОВЫЙ ПЕРИОДЫ

Вальтер О. С., Ковальчишина Н. И., канд. психол. наук, доц.
Филиал Российского государственного социального университета,
г. Минск, Республика Беларусь
natkov4@mail.ru

Введение. Гармоничное состояние психоэмоциональной сферы женщин в дородовый и послеродовый периоды можно назвать одним из главных факторов благоприятного течения беременности, полноценного развития внутриутробного плода и его своевременное рождение в соответствии срокам.

Вопросы эмоциональной сферы женщин в период беременности и после рождения ребенка всегда были актуальными для исследователей в различной научной сфере, поскольку это касается в первую очередь репродуктивной функции женщин, а также позволяет регулировать демографическую ситуацию в стране.

Цель статьи. Рассмотреть особенности психоэмоционального напряжения женщин в дородовый и послеродовый периоды.

Основная часть. Проблема тревожности беременных, особенно в третьем триместре изучалась многими авторами (В.И. Брутман, И.В. Добрякова, В.Н. Прохоров, М.С. Радионова, Г.Г. Филиппова, И.Ю. Хамитова и др.). Послеродовому периоду у женщин посвящены работы таких исследователей, как З.А. Ахмедова, Т.В. Бабичева, М.С. Денисова, А.А. Прибытков, А.А. Рагимова и др.

В.Н. Прохоров, например, отмечает, что все беременные подвержены психоэмоциональному напряжению. Это выражается, прежде всего, в частой смене настроения, затруднении внимания, проявлении различных вегетативных реакций, беспокойстве по пустякам, бессоннице и т. п. [2].

Так одной из особенностей третьего триместра является проявление нетерпения [1]. Будущие мамы могут жаловаться на то, что уже поскорее хотят родить, им надоело так долго ждать появления своего малыша, наблюдается усталость от своего состояния, необходимости его контроля, ряда ограничений, которые требует беременность. Безусловно, многие женщины испытывают нестабильное эмоциональное состояние: то плачут, то смеются. Однако следует отметить, что «к концу беременности чаще всего ослаблены страх родов, осознание своей некомпетентности, снижается напряжение всех остальных проблем» [4, с. 87].

Важно отметить и тот факт, что женщина, которая в этот период активно готовится к родам, читает соответствующую литературу,

подбирает гардероб, обустривает место в доме для малыша, имеет положительную динамику всей беременности, понимая для себя ценность ожидаемого ребенка. Если же активность беременной не связана с ребенком, то может наблюдаться неблагоприятная динамика [4].

В послеродовой период у женщин также наблюдается некоторая нервозность, раздражительность, что, скорее всего, связано с новыми обязанностями, изменениями привычного ритма жизни, отсутствием возможности полноценного отдыха, повышенным уровнем ответственности за малыша. Подобные состояния женщин, естественно, могут приводить к послеродовой депрессии [3].

С целью выявления особенностей психоэмоционального напряжения женщин в дородовый и послеродовой периоды в сентябре 2023 г. нами проведено эмпирическое исследование. В исследовании приняли участие 17 беременных женщин (3-й триместр) — 1-я группа и 18 женщин, уже родивших (1-3 месяца после рождения ребёнка) — 2-я группа, из г. Москва, в возрасте 20-35 лет.

На первом этапе исследования нами изучался уровень тревожности респондентов, для чего использовалась шкала тревоги Ч.Д. Спилбергера в адаптации Ю.Л. Ханина (рисунок).

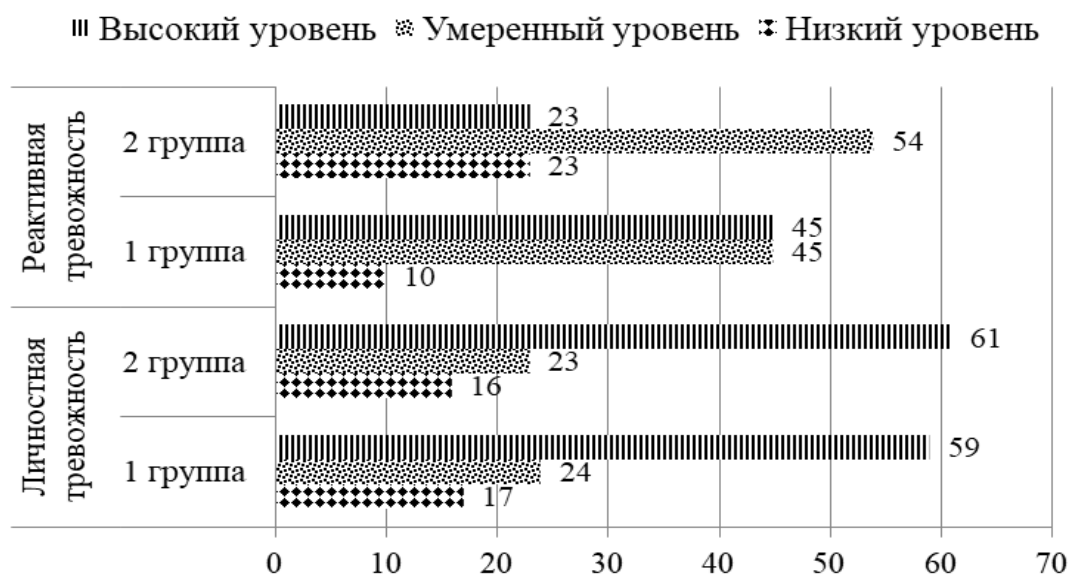

Рис. Выраженность тревожности у женщин в дородовый и послеродовой периоды по методике Спилберга-Ханина, в %

Как видим, на рисунке, уровни личностной тревожности в первой и второй группах практически идентичны, но содержание тревоги отличается. Это может быть связано с тем, что будущие мамочки (1-я группа) находятся в состоянии некоторой усталости от своего положения, ожидании рождения ребенка, желании поскорее родить.

Женщины, которые родили (2-ая группа) волнуются, прежде всего, о своем ребенке. Они, безусловно, переживают свое новое

психоэмоциональное состояние, как на физиологическом, так и на психологическом уровнях, но внешняя ситуация несколько изменилась.

Высокий уровень ситуационной тревожности у женщин второй группы (23%) почти в два раза меньше, чем в первой группе (45%). Возможно, такой результат связан с тем, что рождение ребенка состоялось, и женщина погрузилась в приятные хлопоты о нем. А в первой группе еще присутствует ситуация ожидания, поэтому у них уровень ситуативной тревоги повышенный.

Далее нами изучалось самочувствие, настроение и степень активности респондентов по методике САН В.А. Доскина. Полученные результаты свидетельствуют о том, что в 3-ем триместре беременности у большинства респондентов (61%) показатель самочувствия низкий, активность умеренно снижается, настроение — в средних значениях. Можно констатировать, что осознание состояния беременности является большим эмоциональным стрессом для женщин.

После рождения ребенка, самочувствие женщин также нестабильно, у большинства (66%) наблюдается снижение настроения, выявлены его резкие перепады: от радости до грусти и т. д. Как показывают исследования многих авторов, ощущение подавленности, тревожности, раздражительности в первые дни после родов встречаются у многих женщин, что связано с изменением гормонального фона и переживанием новых обстоятельств в жизни [2].

Заключение. Психоэмоциональное напряжение женщин в дородовой и послеродовой периоды характеризуется нестабильностью. Беременность и послеродовой период для женщины является серьезным испытанием. Поэтому для женщин важна обстановка в семье: родные люди должны бережно и спокойно относиться к ней, помогать с ребенком в первые дни его жизни, быть терпеливыми и внимательными. В случае, когда женщина не может справиться со своим состоянием, необходимо обращаться к специалистам.

Список литературы

1. Голубых, А.И. Эмоциональные особенности беременных женщин и отношение к будущему ребенку и супругу / А.И. Голубых, С.С. Савеньшева // Научные исследования выпускников факультета психологии СПбГУ. — 2014. — № 2. — С. 72-78.
2. Добряков, И.В. Перинатальная психология / И.В. Добряков. — Санкт-Петербург : Питер, 2010. — 272 с.
3. Кулешова, К.В. Эмпирическое исследование факторов психологического неблагополучия беременной женщины / К.В. Кулешова // Ж. «Психология и психотехника». — 2012. — № 1 (40). — С. 85-92.
4. Макарова, Т.В. Особенности тревожности и страхов у женщин в разных триместрах беременности / Т.В. Макарова // Молодой ученый. — 2022. — № 45 (440). — С. 335-338.

ПОНЯТИЕ РЕСУРСА И ЕГО ВЗАИМОСВЯЗЬ С СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКОЙ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

Гнутова А. О.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
nasya-gnutova@mail.ru

Современная действительность предъявляет к человеку высокие требования, связанные с необходимостью решения существенного количества различных задач, которые находятся в разных плоскостях жизнедеятельности. Социо-экономические и военные преобразования, которые характерны для последних лет, порождают стрессоры различного рода, и выступают факторами, которые негативно влияют на психику человека. В связи с этим, актуальными выступают вопросы эффективного совладания со стрессом, требующего от индивидуума мобилизации всевозможных внутренних ресурсов.

Ресурсы, в данном контексте, — система внутренних и внешних условий, которые способствуют устойчивости индивидуума в стрессогенных ситуациях. «Ресурсы выступают теми физическими и духовными возможностями человека, мобилизация которых обеспечивает выполнение его программы и способов (стратегий) поведения для предупреждения или купирования стресса» [4, с. 84–87].

Несмотря на то, что в зарубежной психологии проблема ресурсов исследуется более 40 лет, область изучения лишь расширяется: это копинг-поведение, психология спорта, психология стресса, коучинг, психология управления и др. Ресурс в таких работах трактуется как фактор адаптации человека к окружающей среде.

В отечественной психологии в числе первых к исследованию ресурсов индивидуума приступил Б.Г. Ананьев, полагая, что в будущем возможно создать «...общую модель резервов и ресурсов личности, которые проявляют себя в самых различных направлениях в зависимости от реального процесса взаимодействия человека с жизненными условиями внешнего мира и от структуры личности самого человека» [4].

Водопьянова Н.Е. рассматривает психологические ресурсы как внутренние и внешние переменные, которые способствуют психологической устойчивости в стрессогенных ситуациях; как эмоциональные, мотивационно-волевые, когнитивные и поведенческие конструкторы, которые человек актуализирует для приспособления к стрессогенным (стрессовым) профессиональным и бытовым ситуациям; как инструменты, которые используются для трансформации взаимодействия стрессогенной ситуации [1, с. 83-84].

Таким образом, мы можем предположить, что личностные ресурсы выступают предикторами показателей благополучия личности, предпосылками достижения положительных эмоциональных состояний (счастья, удовлетворенности жизнью и др.) и, как следствие, увеличения качества жизни.

Качество жизни — это одна из важнейших составляющих нашего существования. Оно включает в себя различные аспекты, от материального достатка до уровня здоровья и благополучия.

В последние годы к вопросу изучения качества жизни активно возрождается интерес в зарубежной и российской науке (К.А. Абульханова-Славская, Г.М. Головина, Е.Е. Давыдова, А.А. Давыдов, А.Л. Журавлев, Г.М. Зараковский, Т.Н. Ионова, А.А. Новик, Т.Н. Савченко, В.А. Хащенко, Р. Кантор, R.M. Lindsey, А. Мишелл). Анализ научной литературы показал, что преобладают два главных направления исследования качества жизни: исследование объективного (Д. Белл, Дж. Форрестер и др.) и субъективного (Ф. Конверс, А. Кэмпбелл, У. Роджерс и др.) качества жизни. Они ориентируются на исследование качества жизни общества в целом, и отдельной личности [3].

В рамках субъективного подхода сформировалось психологическое направление в изучении качества жизни (А.В. Баранова, Г.Н. Головина, В.И. Кулайкин, В.А. Непомнящая, Е.Ю. Рубанова, Т.Н. Савченко, Е.А. Угланова и др.), в соответствии с которым истинное значение качества жизни отражено в субъективных переживаниях индивида, формирующиеся на базе его жизненного опыта, уровня культурного, интеллектуального и эмоционального развития.

Субъективная оценка качества жизни, субъективного благополучия проявляется в восприятии и отношении личности к сложностям и изменениям в жизни, определяет душевное и моральное удовлетворение собственной жизнью, даже в том случае, когда объективные характеристики говорят об обратном [2].

Также в последние годы все чаще применяется подход к изучению субъективного качества жизни на базе системы взглядов психологических отношений (А.В. Баранова, Л.И. Вассерман, В.А. Непомнящая, Е.А. Угланова и др.).

Но что определяет субъективную оценку качества жизни? Здесь как раз-таки важную роль играет понятие ресурса.

Субъективная оценка качества жизни зависит от того, насколько успешно человек использует свои ресурсы. Если внутренних ресурсов достаточно — уверенности в себе, способности к адаптации и совладанию со стрессом — то человек с большей вероятностью будем считать свою жизнь качественной и благополучной.

Исследования в этой области показывают, что наличие внутренних ресурсов у человека имеет прямую связь с его оценкой качества жизни.

Чем больше ресурсов, тем выше субъективное качество жизни, тем меньше уровень стресса и больше психологическое благополучие [5, с. 228-234.].

«Ресурсность» — это способность мобилизовать свои внутренние ресурсы для преодоления трудностей. Когда достаточно резерва ресурсов, мы легче справляемся со стрессом, находим пути решения проблем и достигаем желаемых результатов. Чем больше внутренних ресурсов у личности, тем выше ее благополучие и уровень оценки качества жизни. Поэтому развитие и поддержка внутренних ресурсов являются важными аспектами заботы о себе и своем благополучии. Неконтролируемый стресс, отсутствие возможности мобилизации ресурсов и недостаток социальной поддержки — все это может отрицательно сказаться на субъективном качестве жизни личности.

Таким образом, понятие ресурса и его взаимосвязь с субъективной оценкой качества жизни являются важными аспектами для понимания благополучия личности. Расширение базы исследований в этой области помогут выявить факторы, которые влияют на субъективное качество жизни, а также найти пути всестороннего решения проблем, связанных с ограниченностью личностных ресурсов.

Список литературы

1. Александрова, Л.А. О составляющих жизнестойкости личности как основе ее психологической безопасности в современном мире / Л.А. Александрова // Известия Таганрогского государственного радиотехнического университета. — 2005. — Т. 51. — № 7. — С. 83-84.
2. Баранова, А. В. Восприятие и оценка качества жизни / А.В. Баранова, В.А. Хашченко // Экономическая психология : современные проблемы и перспектива развития : материалы ежегод. Всерос. науч.-практ. конф. — СПб., 2002. — 233 с.
3. Головина, Г.М., Савченко Т.Н. Субъективное качество жизни: подходы, методы оценки, прикладные исследования: монография / Г.М. Головина, Т.Н. Савченко. — Москва : Изд-во Ин-та психологии РАН, 2006. — 111 с.
4. Калашникова, С.А. Личностные ресурсы как интегральная характеристика личности / С.А. Калашникова // Молодой ученый. — 2011. — № 8, т. 2. — С. 84–87. — URL: <https://moluch.ru/archive/31/3534/> (дата обращения: 28.09.2023).
5. Полушкина, И.В. Социально-психологические детерминанты восприятия качества жизни безработными / И.В. Полушкина // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. — Тамбов, 2009. — Вып. 6 (74). — С. 228-234.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕЖИВАНИЯ ЖЕНСКОГО ОДИНОЧЕСТВА И ЕГО ВЗАИМОСВЯЗЬ С СЕМЕЙНЫМ СТАТУСОМ

Гончар Ю. А., Гордеева А. В., канд. психол. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
yuliya-gonchar@list.ru, a.gordeeva@donnu.ru

Введение. В периоды социально-экономических изменений в обществе возникают процессы взаимного отчуждения и увеличение числа одиноких людей. Поэтому проблема одиночества является одной из самых сложных психологических проблем современности.

В целом, одиночество определяется как психическое состояние человека, отражающее переживание своей отдельности, субъективной невозможности или нежелания чувствовать адекватный отклик, принятие и признание себя другими людьми [1].

Еще с античных времен было сделано множество попыток построения научной теории одиночества, однако это имеет сложности, поскольку феномен одиночества представляет собой глобальное, сущностное, социально обусловленное явление с недостаточно четкими критериальными признаками [2].

На возникновение одиночества влияют также личностные факторы, исследование которых позволяет расширить целостное представление об изучаемом феномене.

В связи с этим становится актуальным рассмотрение женского одиночества, возникновение которого обусловлено появлением социального давления на женщин среднего возраста, которое предписывает им определенное гендерное поведение.

Цель данного исследования — изучение особенностей переживания одиночества у женщин с различным семейным статусом.

Основная часть. Эмпирическую базу исследования составили женщины возрастом от 25 до 65 лет с различным семейным статусом (замужние и незамужние). Всего в исследовании приняли участие 57 респондентов, из них: 27 — замужние, 30 — незамужние женщины. Выборку составили представительницы различных профессий с разным уровнем образования и семейным статусом.

Для реализации исследования были использованы следующие методики: «Методика диагностики уровня субъективного ощущения одиночества» Д. Рассела и М. Фергюсона, «Обновленный Оксфордский опросник счастья (ОИ)», ассоциативная методика «Одиночество-это...».

Сравнение уровня субъективного ощущения одиночества результатов двух выборок выявил значимые различия: у замужних женщин

уровень субъективного переживания одиночества выше, чем у незамужних.

Ассоциативная методика «Одиночество — это...» позволила проанализировать состояния и переживания, связанные с одиночеством, у женщин с разным семейным статусом. Обработка и анализ результатов данной методики был осуществлен с помощью метода контент-анализа. Были выделены 10 категорий, отражающих общие переживания одиночества женщин. На рис. 1 и рис. 2 приведены распределения ответов в каждой группе, указаны лишь те категории, по которым были получены ответы.

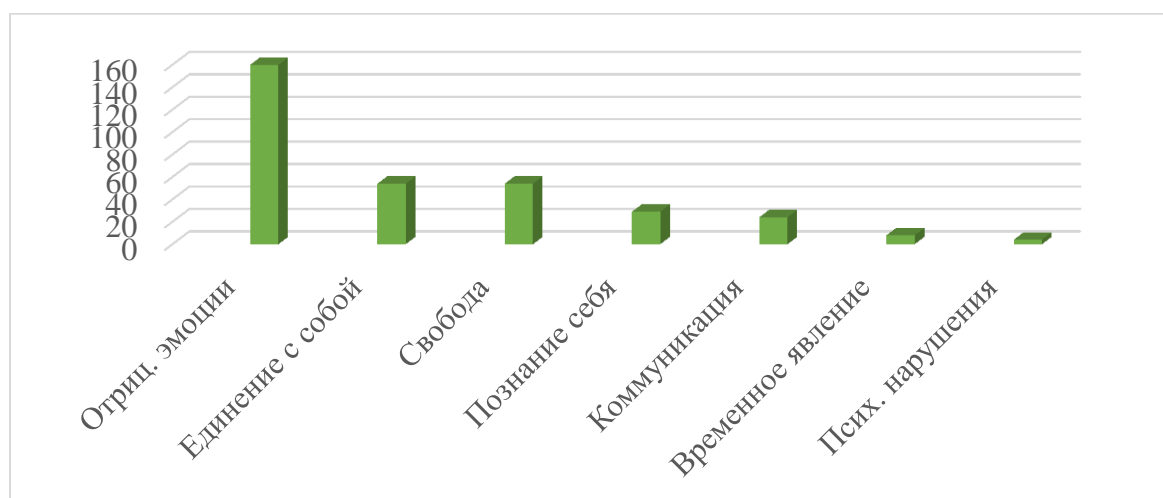

Рис. 1. Распределение количества понятий по выделенным категориям методики «Одиночество-это...» у замужних женщин

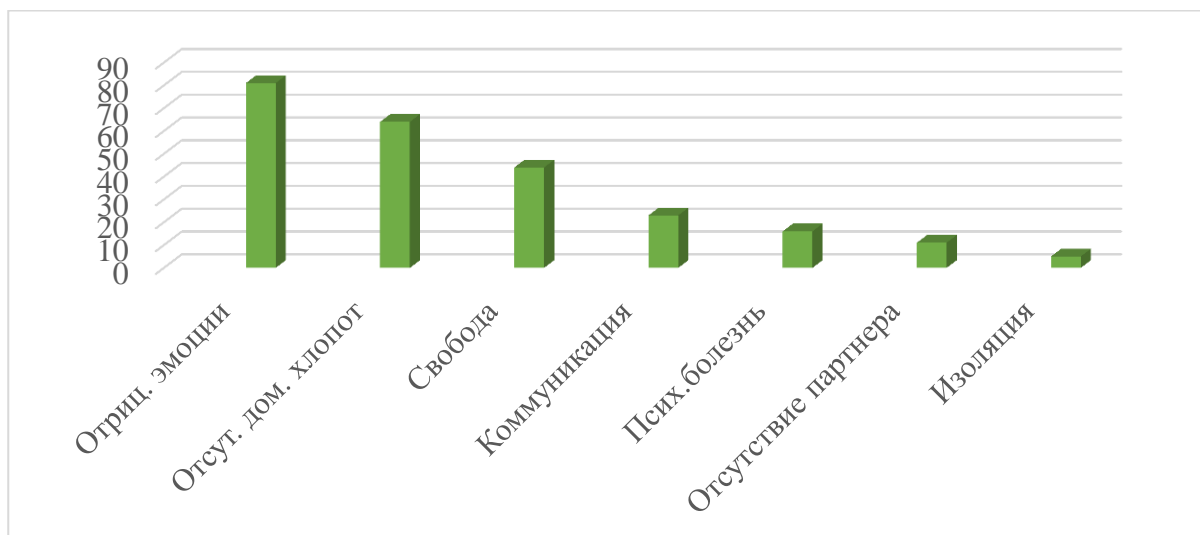

Рис. 2. Распределение количества понятий по выделенным категориям методики «Одиночество-это...» у незамужних женщин

Как видно из рис. 1, наибольшее количество дескрипторов набрала категория «отрицательные эмоции». То есть для замужних женщин чувство одиночества, в большинстве своем, носит негативную

эмоциональную окраску. Однако, данное чувство воспринимается также как возможность посвятить время себе, при этом делая самостоятельный и осознанный выбор.

Для незамужних женщин чувство одиночества является в большей степени негативным и трудно переживаемым чувством. В то же время оно переживается как возможность не заниматься домашними делами, уклоняться от таких домашних обязанностей, как приготовление еды, финансовые затраты и т. п. Вместе с тем, одиночество воспринимается и как свобода действий, свобода выбора.

В результате диагностики уровня счастья были получены следующие результаты: у незамужних женщин уровень счастья значимо выше, чем у замужних.

Однако, как показал корреляционный анализ, у замужних и незамужних женщин отсутствует взаимосвязь между уровнем переживания одиночества и счастья. Таким образом, если женщина одинока и не замужем, то она не обязательно будет несчастлива.

Заключение. Таким образом, уровень субъективного переживания одиночества у замужних женщин выше, чем у незамужних. Для замужних и незамужних женщин данное чувство носит негативный эмоциональный окрас и является трудно переносимым чувством, но одновременно оно ассоциируется у них и с чувством свободы, независимости, выбора. Исследуя уровень счастья, было обнаружено, что незамужние женщины чувствуют себя более счастливыми, их жизнь наполнена положительными эмоциями и они полностью ею удовлетворены, в отличие от замужних женщин. Данные результаты говорят о том, что гипотеза о взаимосвязи уровня счастья и субъективного переживания одиночества не подтвердилась, однако это дает право выдвинуть предположение о том, что на уровень переживания одиночества у женщин могут оказывать влияние другие психологические особенности.

Список литературы

1. Корчагина, С.Г. Психология одиночества / С.Г. Корчагина ; Дизайн и верстка ООО «Багира-2». — Москва : Московский психологосоциальный институт, 2008. — 228 с. — ISBN 978-5-9770-0076-5.
2. Кузнецов, О.Н. Психология и психопатология одиночества / О.Н. Кузнецов, В.И. Лебедев ; Издание на русском языке, оцифровка, «Книга по Требованию». — Москва : Книга по Требованию, 1972. — 336 с. — ISBN 978-5-458-38898-6.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ЛИЧНОСТИ, ВЫЗВАННЫЕ СТРАХОМ СМЕРТИ

Ильиных Н. А., канд. психол. наук, *Муталланова Г. Р.*

ФКОУ ВО «Академия права и управления федеральной службы исполнения наказаний», г. Рязань, РФ
ilinykh1983@mail.ru

Введение. Человек в современном обществе задумывается не только о решении вопросов в точных науках, но и прикладывает усилия в изучении значения человеческой жизни, хода ее развития и становления. Безусловно, каждый из нас задумывался о смерти, но не каждый готов погружаться в эти вопросы. Страх неизвестности и конечности существования, порождает игнорирование этого понятия. Одни избегают обсуждения данной темы, так как не видят практической пользы в этом, считая, что решения в данных вопросах никогда не будут известны человечеству. Другие бездействуют, для того чтобы не усугублять страх перед смертью. Но смерть одно из ключевых понятий в его существовании, так как является одной из стадий жизни человека, ведь там, где есть начало, обязательно наступает конец. Точным в данном контексте будет выражение древнегреческого философа Эпикура: «Умение хорошо жить и хорошо умереть — это одна и та же наука» [3].

Цель исследования — актуализировать знания о психологических изменениях личности под воздействием страха, в том числе страха перед смертью, обосновать особенности изменений когнитивных и ценностных ориентиров, вызванных страхом смерти.

Основная часть. С раннего детства мы учимся подчинять своей воле мысли о смерти, но несмотря на это, они все же преследует человека на протяжении всей его жизни. Зигмунд Фрейд в своих лекциях по введению в психоанализ немало внимания уделил вопросам страха, разделив его на реальный и невротический. Невротический страх сопровождается аффектами, в то время как реальный страх, для человека вполне понятен и рационален. Он является инстинктивной реакцией самосохранения на восприятие внешней опасности, одной из частых защитных реакций является отрицание. В этом и заключается парадокс, одной из главных задач развития человека на протяжении всего его пребывания на земле является постоянное преодоление страха уничтожения, но смерть в данном виде является неким катализатором, направляющим человека, подталкивающим не стоять на месте, самосовершенствоваться, преодолевать вершины и ставить для себя, казалось бы, непреодолимые цели.

Л. Алексеева выделяет четыре уровня переживания страха смерти:

1. Соматический уровень. Человек в первую очередь начинает переживать о появлении в скорейшем времени боли, физического видоизменения, каких-то телесных страданий. Основной вопрос, который здесь возникает: «Что происходит с телом, когда человек умирает?».

2. Личностный уровень. На данном этапе появляется страх, связанный с нереализацией своих жизненных позиций, возможным появлением чувства ущербности и несостоятельности.

3. Социальный уровень. Основным вопросом на данном уровне становится: «Что происходит в отношениях с теми, кто остается и кто уходит?», то есть человек уже начинает задумываться о своем ближнем окружении, а точнее о невозможности продолжения прежних взаимоотношений.

4. Духовный уровень. На данном уровне для человека становится важным найти ответ на вопрос: «В чем смысл умирания, смерти, бессмертия?». У него возникают мысли безысходности, что он исчезнет бесследно.

Духовный уровень страха присущ в основном лицам с низким уровнем депрессии, истерии. Напротив, личностный уровень переживания боязни смерти положительно коррелирует с депрессией, повышенным уровнем тревожности, неуверенности в себе [1, с. 93].

Данные переживания скорее относятся к разряду людей, которые лично не имели отношения со смертью. Если рассматривать на примере онкологических больных, да и в целом на людях, имеющих тяжело-излечимые болезни, то увидим некую закономерность. Смерть в данном случае подталкивает людей пересмотреть свои жизненные ориентиры, взгляды на многие ценности, которым человек придавал огромное значение, и на фоне сложившихся обстоятельств старые ценности отходят на второй план и перестают требовать к себе такого внимания. Конечно, для этого нужно преодолеть возникший экзистенциальный кризис. Постоянная прямая борьба со смертью позволяет воспринимать возникшие обстоятельства как данности и получить в результате проработанный опыт преодоления кризисных экзистенциальных потребностей [2, с. 2]. Также одним из немногих рычагов воздействия в преодолении страха смерти является прямое столкновение с собственной смертью. В данном контексте речь не идет о необходимости умышленного причинения вреда, нет напротив, человек может переосмыслить свои жизненные ориентиры и при столкновении со смертью близкого человека. Посредством воображения человек переносит на себя ощущения этого страдающего человека. Но процесс воображения включается только лишь ради того, чтобы человек представил себе, какие чувства он бы испытывал, находясь в подобной ситуации. То есть механизм воображения предупреждает об ощущениях, которые родились бы в нас, а не которые испытываются страдающим человеком [4, с. 6].

На рубеже XX века общество приходит к пониманию, что необходимо информировать умирающего в его находящейся ситуации, в данном периоде уже на первый план выходит прекращение игнорирования, замалчивания и табуирования смерти. В своей книге «Жизнь после жизни» Раймонд Моуди описывает одиннадцать четко различных фаз, от произнесения врачебного вердикта о наступившей смерти до возвращения к жизни. Смерть заставила каждого пересмотреть отношение к жизни, все эти люди высказывали одну и ту же мысль: они больше не боятся смерти [5].

Заключение. У большинства людей заложено представление о продолжительности жизни, то есть люди умирают, когда они к этому готовы. Страх смерти возникает в большинстве случаев от неумения использовать время и пользоваться своим потенциалом. Лицам, для которых жизнь представляется полным смыслом, смерть уже не кажется чем-то страшным, а наоборот воспринимается как осмысленное событие. Тогда напрашивается вывод, что человеку необходимо постоянно развивать себя, для того чтобы отгородить от вопросов неизбежности смерти.

Список литературы

1. Ильин, Е. П. Психология страха : учеб. пособие — Санкт-Петербург : Питер, 2017. — 261 с. — ISBN 978-5-496-02944-5.
2. Ивашкина, М. Г. «Диалог со Смертью» как способ преодоления экзистенциального кризиса у онкологических больных / М.Г. Ивашкина, В.И. Есаулов. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dialog-so-smertyu-kak-sposob-preodoleniya-ekzistentsialnogo-krizisa-u-onkologicheskikh-bolnyh> (дата обращения 28.09.2023).
3. Ялом, И. Д. Дар психотерапии / И.Д. Ялом. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с. — ISBN 978-5-04-122821-7.
4. Смит, Адам Теория нравственных чувств — Москва : Изд-во АСТ, 2022. — 512 с. — ISBN 978-5-17-150903-3
5. Рязанцев, С. Танатология — наука о смерти / С. Рязанцев. — Изд-во Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 1994. — 463 с. — ISBN 5-85-084-004-8

ПОВЕДЕНЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ УСТАНОВОК СТУДЕНТОВ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ

Кацера А. А., канд. психол. наук, доц., *Лип М. М.*
ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого», г. Тула, РФ
katsero@list.ru

В современных условиях изменения многих устоявшихся ранее взглядов на инклюзию и систему образования лиц с проблемами в развитии, в которой реализуются важные социально-экономические и личностно-профессиональные функции, исследование социально-психологических установок личности имеет чрезвычайное значение в сфере профориентации студентов с инвалидностью.

Анализ работ ведущих ученых — Д.Н. Узнадзе, Ш.Н. Чхартишвили, А.Н. Леонтьева, П.Н. Шихирева, В.М. Мясичева, Л.И. Божович, В.А. Ядова, А.Г. Асмолова, О.Ф. Потемкиной — позволил выделить компоненты (параметры изучения) социальной установки (табл. 1).

Таблица 1

Изучаемые параметры социальной установки (СУ)

Изучаемый параметр	Содержание
1. Когнитивный компонент СУ	убеждения, представления, мнения, все когнитивные, образованные в результате познания социального объекта.
2. Аффективный компонент СУ	положительные или отрицательные эмоции, чувства и переживания, связанные с объектом установки.
3. Поведенческий компонент СУ	непосредственное поведение (некоторые реальные, уже осуществленные действия), а также интенции, которые могут включать в себя различные ожидания, стремления, замыслы, планы действий, т. е. все, что намеревается сделать человек.

Целью данного исследования стало выявление сущности поведенческого компонента социальных установок как важного компонента в процессе получения личностью профессионального образования. Обследуемую группу составили студенты с нарушениями интеллекта, а также лица с нарушениями эмоционально-волевой сферы и поведения. Исследовательской базой явилось Государственное профессиональное образовательное учреждение Тульской области «Тульский техникум социальных технологий» (ГПОУ ТО «ТТСТ»). В выборку вышли 14 обучающихся.

Определено, что на практике используются различные подходы к исследованию становления профессиональной мотивации, при этом

достаточно широко применяется методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере О.Ф. Потемкиной. Под понятием «социально–психологические установки» чаще всего понимается состояние психологической готовности, которое формируется на основе личностного опыта и оказывает непосредственное влияние на возможные реакции человек, а «установка» рассматривается не как отношение к чему-либо или кому-либо, а как готовность к определенному действию, поступку в конкретной ситуации [2].

Групповые значения, полученные в результате диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере, представлены на рисунке.

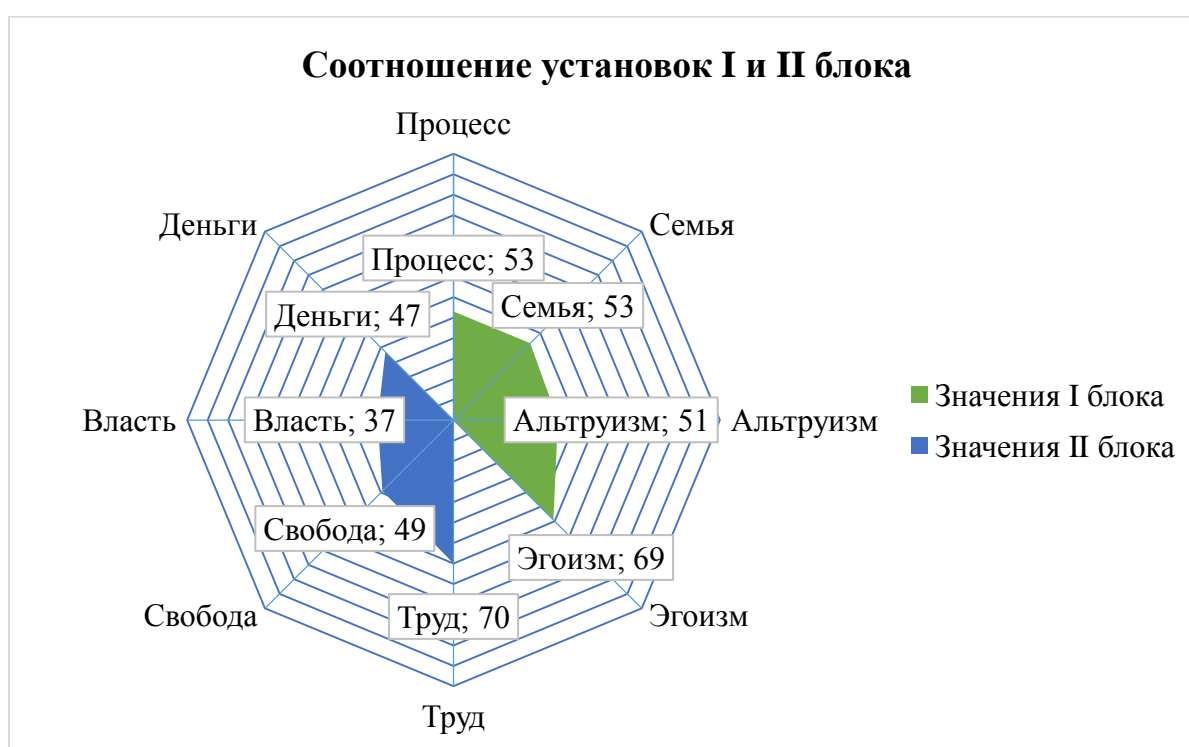

Рис. Обобщенные результаты диагностики социально-психологических установок студентов с инвалидностью

Анализ результатов свидетельствует о преимущественно сбалансированных, средних значениях установок первого блока («процесс-семья», «альтруизм-эгоизм»). Второй блок («труд-деньги», «свобода-власть») отражает некоторую дисгармонию между установками.

В таблице 2 показано процентное соотношение по каждой изучаемой установке.

Иерархия установок I блока выглядит следующим образом: эгоизм (53%), альтруизм (39,2%), процесс (40,7%) и семья (40,7%); иерархия установок II блока: труд (53,8%), свобода (37,6%), деньги (36,1%) и власть (28,4%). Анализируя полученные данные, следует отметить, что установки

«труд», «эгоизм», «альтруизм», «процесс», «семья» имеют приближенное к среднему процентное отношение, тогда как «свобода», «деньги» и «власть» отличаются более низким значением.

Таблица 2

Процентное соотношение социально-психологических установок студентов с инвалидностью

Наименование установки	Фактическое количество баллов	Максимальное количество баллов	Процентное отношение
Процесс	53	130	40,7%
Семья	53	130	40,7%
Альтруизм	51	130	39,2%
Эгоизм	69	130	53%
Труд	70	130	53,8%
Свобода	49	130	37,6%
Власть	37	130	28,4%
Деньги	47	130	36,1%

Таким образом, были выявлены особенности сущности поведенческого компонента социальных установок как важного компонента профессионализации обучающихся лиц с инвалидностью, лиц с ОВЗ. Мы полагаем, что сформированность социальных установок может быть повышена посредством создания и реализации модели психологического сопровождения [1], включающей в себя разработку и реализацию диагностической и коррекционно-развивающей программ, с последующей оценкой их эффективности.

Список литературы

1. Лир, М.М. Ценность здоровья и формирование установки на интересную работу у обучающихся с ОВЗ и инвалидностью / М.М. Лир, А.А. Кацера // Актуальные вопросы науки и образования : сборник научных трудов Межвузовской научно-практической конференции (с международным участием) (г. Ульяновск, 20 апреля 2023 г.) [Электронный ресурс]. Ульяновск : ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И.Н. Ульянова», 2023. — С. 658-664.
2. Шевандрин, Н.И. Психодиагностика, коррекция и развитие личности / Н.И. Шевандрин. — Москва : Владос, 2001. — 401 с.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СЕПАРАЦИИ ОТ РОДИТЕЛЕЙ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ

Козлова В. Е., Киселёва И. В.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
vika_kozlova_2019@mail.ru, i.kiseleva@donnu.ru

Введение. Процесс сепарации понимается в психологической науке как отделение ребенка от матери, а затем и от обоих родителей. Он является целым жизненным этапом и связан с предъявлением индивидуальных требований к миру. Данный процесс переживается каждым, ведь без изменений не происходит развитие и взросление личности [1]. Но длительность и результат сепарации отличается у разных людей.

Проблема сепарации от родителей раскрывается в трудах как отечественных (Е.П. Белинская, А.Л. Венгер, А.А. Дитюк, М.В. Ермолаева, Л.В. Лебедева, А.Н. Леонтьев, А.В. Петровский, Т.Ю. Рубченко, Е.Е. Сапогова, Г.В. Солдатова, А.Н. Татарко, Н.Е. Харламенкова), так и зарубежных (П. Блос, Р. Джосельсон, М. Малер, Дж. Хоффман) исследователей [2].

Студенчество считается переходным этапом между периодами детства и взрослости. При этом студенты нередко находятся в состоянии полной или частичной зависимости от родителей, которые поддерживают их в период обучения, когда основные силы и время уходят на освоение будущей профессии. Данные условия позволяют изучить процесс сепарации взрослеющих детей от родителей [3].

В современных исследованиях психологическую сепарацию изучают во взаимосвязи с феноменом социально-психологической адаптации личности. Это связано с тем, что оба явления имеют родственные свойства и связаны со способностью человека ставить перед собой цели и достигать их. Кроме того, сепарация позволяет делать это, ориентируясь на внутреннюю систему ценностей [5].

Цель данного исследования заключается в изучении взаимосвязи психологической сепарации от родителей и социально-психологической адаптации студентов.

Объектом выступают феномены психологической сепарации и социально-психологической адаптации. Предмет — взаимосвязь психологической сепарации от родителей и социально-психологической адаптации личности у студентов.

Гипотеза исследования: существует взаимосвязь психологической сепарации от родителей и социально-психологической адаптации личности.

Методы исследования: «Опросник психологической сепарации» (PSI) Дж. Хоффмана в адаптации В. П. Дзукаева, Т. Ю. Садовникова, методика PARI «Тест-опросник изучения родительских установок» в адаптации Т.В. Нищерет, «Опросник социально-психологической адаптации» К. Роджерса и Р. Даймонда, «Методика адаптивные стратегии поведения» Н.Н. Мельниковой.

Выборка исследования состояла из 80 человек, из которых 40 студентов (20 девушек, 20 юношей) в возрасте 20-21 года и 40 их матерей, возраст которых в среднем составил 46 лет.

Основная часть. В ходе исследования были получены следующие результаты. Психологическая сепарация от родителей связана с качеством социальной адаптации личности. Было выявлено, что и у девушек, и у юношей одними из ведущих показателей являются «Функциональная независимость от матери» и «Функциональная независимость от отца». Данные результаты могут свидетельствовать о стремлении детей к материальной сепарации от своих родителей. Они стремятся обеспечить себя жильем, едой и одеждой. Низкие значения преобладают у девушек и юношей по шкале «Конфликтологическая независимость от отца». Это связано с отсутствием неразрешенных противоречий с отцом.

Отношение матерей к девушкам преимущественно основывается на стремлении жертвовать собой и своими интересами в сторону дочерей, наличие развитой способности словами описывать свои переживания, чувства, мысли, стремление к развитию ребенка и вмешательство в личное пространство ребенка. Отношение матерей к сыновьям отличается наличием высокого авторитета матери, которая часто бывает излишне строга, но в то же время может описать свои переживания и эмоции словами, не имея желания обидеть ребенка.

У студентов также зафиксирован преобладающий высокий уровень самопринятия, что говорит об осознании молодыми людьми своих сильных и слабых сторон, реалистичной оценки своих талантов и способностей, наличие у них чувства удовлетворения собой, несмотря на недостатки и независимо от прошлого поведения и выбора. Относительно низкие показатели преобладают в стремлении к доминированию.

Как у юношей, так и у девушек преобладает пассивная самопрезентация, что указывает на стремление молодых людей самоутвердиться и отстоять свое «Я» за счет упрямой демонстрации своей позиции, в которой часто отсутствует активность, направленная на изменение ситуации. Она сопровождается ригидностью принципов и упрямством.

Относительно низкие показатели активного изменения себя преобладали у студентов обоих полов, что сопровождается слабым стремлением к изменению себя: своего восприятия ситуации, системы своих потребностей и ценностей, адекватных форм поведения и реагирования с целью преобразования среды в менее фрустрирующую.

В результате корреляционного анализа психологической сепарации и социально-психологической адаптации были выявлены следующие закономерности у девушек-студенток. Стратегия поведения «Активное изменение себя» связана с таким видом адаптации, как «Интегральный показатель эмоциональной комфортности» ($r=0,67$; $p\leq 0,05$). Большой эмоциональный комфорт испытывают те студентки, которые работают над собой и своим поведением. Интегральный показатель адаптации связан с обратной зависимостью со стратегией пассивной самопрезентации ($r=-0,44$; $p\leq 0,05$). Это предполагает, что девушки, предпочитающие пассивную самопрезентацию, хуже адаптируются.

У юношей-студентов были выявлены следующие закономерности. Интегральный показатель адаптированности прямо связан с активным изменением себя ($r=0,51$; $p\leq 0,05$), а также имеет обратную зависимость со стратегией ухода из среды ($r=-0,40$; $p\leq 0,05$). Нерешенным остается вопрос о том, низкая адаптация ведет к поиску новой среды или неадаптивная стратегия ухода приводит к более низкой адаптации. Также данная стратегия связана обратной зависимостью с уровнем эмоциональной комфортности ($r=-0,47$; $p\leq 0,05$). Более низкую эмоциональную комфортность имеют и юноши-студенты со стратегией пассивного ожидания внешних изменений ($r=-0,42$; $p\leq 0,05$).

Заключение. Выдвинутая нами гипотеза о существовании взаимосвязи между психологической сепарацией от родителей и социально-психологической адаптацией личности студентов подтвердилась.

Дальнейшие исследования в данной области могут заключаться в изучении динамики сепарационных процессов в онтогенезе (от подросткового возраста до зрелости), а также особенностей сепарации в неполных семьях. Интересны формы и способы сепарации, а также их связь с личностными особенностями. Кроме того, феномен психологической сепарации можно изучать в контексте дружеских и рабочих отношений, а также в связи с утратой близких.

Список литературы

1. Божович, Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л.И. Божович. — Санкт-Петербург : Питер, 2022. — 400 с.
2. Петровский, В. А. Деятельностное опосредствование межличностных отношений : феномены, сущность / В.А. Петровский // Социальная психология и общество. — 2011. — №1. — С. 5-16.
3. Налчаджян, А. А. Психологическая адаптация: механизмы и стратегии / А. А. Налчаджян. — Москва : Эксмо, 2010. — 368 с.
4. Зубова, Л. В. Взаимосвязь психологической сепарации и адаптации, асоциальные проявления личности студента / Л. В. Зубова, О. С. Тронь, И. Г. Щеглова // Вестник ОГУ. — 2022. — №1 (233). — С. 16-23.

ОСОБЕННОСТИ ВРЕМЕННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ПОДРОСТКОВ, ПОПАВШИХ В ТРУДНУЮ ЖИЗНЕННУЮ СИТУАЦИЮ

Кольчик Е. Ю., канд. психол. наук, доц.

ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет
имени Февзи Якубова», г.Симферополь, РФ
egyptshore@yandex.ru

Введение. Реалии современного общества имеют свою специфику, которая характеризуется высокой степенью неопределенности, нестабильностью и изменчивостью. Указанные особенности предъявляют особые требования к современной личности, которая сталкивается с необходимостью строить своё будущее с опорой на нечёткие, расплывчатые ориентиры. Общая тенденция социума к росту нестабильности создает прецедент к тому, что все больше людей оказываются в трудной жизненной ситуации по причинам, мало зависящим от них самих. Термин «трудная жизненная ситуация» закреплён в российском законодательстве и понимается как сочетание обстоятельств, существенно ухудшающих жизнь человека, которые он не способен преодолеть самостоятельно. Такие ситуации характеризуются ещё большей неопределенностью и создают существенные трудности в построении образа своего будущего. В связи с этим, особый интерес представляет изучение таких характеристик личности, как уровень толерантности к неопределённости и вектор временной перспективы, позволяющие принимать решения в нестабильных условиях, сопряженных с высоким уровнем риска. Временная перспектива и её значимость для личности рассматривалась в работах Ф. Зимбардо, Ж. Нюттена, Л. Франкла, А. А. Кроника и других исследователей, где понималась как динамическое базовое свойство человеческого существования [1; 3]. Ф. Зимбардо подходил к пониманию временной перспективы как основополагающему фактору организации и построения образа будущего личностью, которая выводит на первый план прошлое, настоящее или будущее. Ж. Нюттен акцентировал внимание на мотивационном аспекте временной перспективы, который позволял выстраивать в относительно отдалённой перспективе отдельные события, относящиеся к жизни личности [3]. Л. Франкл говорил о том, что прошлое формирует определённые ценности для настоящего и будущего, чем в значительной степени его и определяет. А.В. Михальский говорил о проблематизации будущего как важнейшего его конструкта и говорил о том, что успешное планирование отдалённой перспективы во многом определяется тем,

насколько хорошо человек способен действовать в ситуации неопределённости, поскольку будущее всегда не определено [2]. В связи с вышесказанным, **целью** данного исследования является изучение особенностей временной перспективы и уровня толерантности подростков, находящихся в трудной жизненной ситуации.

Основная часть. В исследовании приняли участие 80 детей подросткового возраста (13-15 лет), проходивших оздоровление на базе «Артека». В первую группу вошли 40 подростков, находящихся в трудной жизненной ситуации, прибывших с территорий Украины, во вторую — 40 подростков с территории Крыма, оздоровившихся по путевкам. Респондентам было предложено заполнить психодиагностические материалы по шкале толерантности к неопределенности МакЛейна (адаптация Е.Н. Осина) и шкале «Временные направленности» (Е.А. Головаха, А.А. Кроник). Полученные результаты представлены на рисунке.

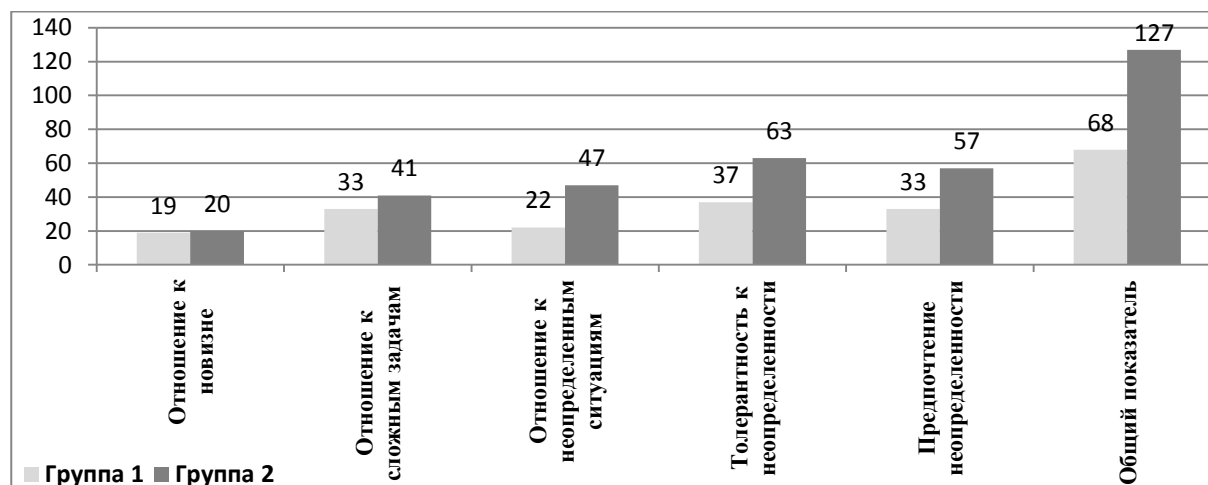

Рис. Толерантность к неопределенности в выборках

На рисунке представлено соотношение показателей толерантности к неопределенности в выборках. По шкале «Предпочтение неопределенности» среднее значение в группе 1 — 33; в группе 2 — 57. Общий показатель толерантности (при максимальном 133) в выборках распределился следующим образом: 68 — в группе 1; 127 — в группе 2. Наименьшая толерантность выявлена у подростков, оказавшихся в трудной жизненной ситуации — 68.

Выявленные различия подтверждены статистически при помощи математического критерия Манна-Уитни. Результаты статистического анализа представлены в табл.1.

Итак, получается, что по всем шкалам, кроме шкалы «отношение к новизне» ($p > 0,1$) обнаружилось различия на уровне значимости $p < 0,05$ и $p < 0,001$.

Таблица 1

Толерантность к неопределенности в выборках

Шкала	Гр. 1	Гр. 2	Эмпирич. знач.	Уров. знач.
Отношение к новизне	19	20	2,48	$p > 0,1$
Отношение к сложным задачам	33	41	4,886	$p < 0,05$
Отношение к неопределен. ситуац.	22	47	5,45	$p < 0,001$
Толерантность к неопределенности	37	63	5,27	$p < 0,05$
Предпочтение неопределенности	33	57	4,93	$p < 0,05$
Общий показатель	68	127	6,73	$p < 0,001$

Примечание: * – различия статистически достоверны ($p \leq 0,05$, $p \leq 0,001$)

Из табл.1 видно, что у подростков в группе 2 толерантность к неопределенности достоверно выше. Проанализировав показатели по отдельным субшкалам, мы убедились в том, что эта особенность проявляется за счет таких показателей, как «толерантность к неопределенности» ($p < 0,05$), «отношение к неопределенным ситуациям» ($p < 0,001$), «отношение к сложным задачам» ($p < 0,05$) и «предпочтение неопределенности» ($p < 0,05$).

Толерантность к неопределенности является одним из условий психического здоровья, адаптивности и гибкости специалистов помогающих профессий, дает возможность поработать с трудной проблемой, даже при возникновении неожиданных обстоятельств, применяя поиск нового решения.

Отличия между выборками максимально сглажены по шкале «отношение к новизне», что указывает на общую тенденцию стремиться к познанию и обретению новых знаний ($p > 0,1$).

Результаты анализа по шкале «Временные направленности» (Е.А. Головаха, А.А. Кроник) показали следующее: прошлым живут в первой группе 50% подростков, во второй — 10%. Настоящее является доминирующей временной перспективой для 38% подростков во второй группе и лишь для 20% в первой группе. Живут будущим 30% подростков в первой группе, 52% подростка во второй группе.

Результаты соотношения, полученные в обеих выборках, сведены в табл. 2. Там же представим итоги математического сравнительного анализа при помощи критерия Фишера. Данный критерий применяется для сравнения процентных долей в выборках.

Таблица 2

Особенности временной направленности в выборках

Шкалы	Гр. 1	Гр. 2	Эмпирич. знач. критерия Фишера	Уров. значимости
прошлое	50%	10%	$\varphi_{\text{эмп.}} = 3,000$	$p < 0,001$
настоящее	20%	38%	$\varphi_{\text{эмп.}} = 2,134$	$p = 0,0164$ $p \leq 0,05$
будущее	30%	52%	$\varphi_{\text{эмп.}} = 2,799$	$p < 0,001$

Заключение. Результаты проведенного исследования показали, что подростков, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, отличает низкая

направленность в будущее, относительно низкий уровень толерантности к неопределённости на фоне более выраженных направленности в прошлое, ощущения беспомощности, незащищенности со стороны социума, безысходности, неспособности контролировать ситуации, враждебности, сниженной самооценки, стремления к избеганию трудностей, реакции самозащиты, ожидания неприятностей.

Список литературы

1. Нюттен, Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / под ред. Д.А. Леонтьева. — Москва : Смысл, 2004. — 608 с.
2. Михальский, А. В. Психология конструирования будущего / А.В. Михальский. — Москва : МГППУ, 2014. — 192 с.
3. Зимбардо, Ф. Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь / Ф. Зимбардо, Дж. Бойд. — Санкт-Петербург : Речь, 2010. — 352 с.

УДК 159.9

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ

Магомед-Эминов М. Ш., д-р психол. наук
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова», г. Москва, РФ
m_sh_m@mail.ru

Перманентные глобальные вызовы современного мира забрасывают конкретного человека и его общество в экстремальную, экстраординарную ситуацию. Предельная ситуация существования радикально трансформирует природное бытие человеческого индивида и культурное бытие личности в их связях и отношениях, что требует деконструкции психического и субъекта, личности, кому оно присуще для человекомерной, личностно-ориентированной трактовки экстремального бытия человека. К экстремальной ситуации можно подойти двояко: натуралистически — со стороны природного человека, естественно-научной эпистемологии, то есть «снизу» в теоретико-методологическом значении. С другой стороны, двигаясь от принципа историзма, общественно-исторической обусловленности человека, средоточия человеческого в человеке — личности, то есть «сверху» — от социокультурной обусловленности.

Традиционно феномен экстремальности рассматривается из первой, натуралистической, парадигмы. Она исходит из медицинских подходов, особенно из теории травмы и т. д., отталкивается от биологического

общего адаптационного синдрома или стресс-синдрома и узко-психологической трактовки в терминах когнитивных, эмоциональных, поведенческих нарушений и изменений, которые при определенных условиях перерастают в травматические стрессовые расстройства — ПТСР, комплексное ПТСР, расстройство адаптации, пролонгированное расстройство горя и т.д. Эта парадигма является негативистской и стимульно-реактивно ориентированной в трактовке психологических последствий, акцентированной на последствиях чрезвычайных ситуаций, катастроф и бедствий.

В фокусе нашего научного исследования и практики находится индивидуально-личностное бытие конкретного человека, закономерности психической жизни которого не сводятся к природным и социальным закономерностям чрезвычайных ситуаций. Отметим, что всякий стимул, стрессовое воздействие, является предметом, на который направлена деятельность, и с которой обращается личность в смысловой работе с той или иной смысловой позиции: становления жертвой, становления уцелевшим, становления самооценности жизни и работы самотрансценденции жизни — выхода в высшие духовные измерения. Чтобы реализовать эти идеи, мы, отталкиваясь от первого подхода, осуществили сдвиг к культурно-историческому, деятельностно-смысловому пониманию трансформации личности, бытия человеческой индивидуальности в переходах повседневного и неповседневного существования, в диалектике которых и создаются феномены экстремального бытия. В рамках НИР, построенной на этой теоретико-методологической основе и практике, в 1989 году была создана Психологическая служба Союза ветеранов Афганистана, в 1990 году — проблемная лаборатория по изучению личности в экстремальной стрессовой жизненной ситуации, в 2004 году — кафедра экстремальной психологии и психологической помощи, реорганизованная в 2016 году в кафедру психологической помощи и ресоциализации.

В этом деятельностно-смысловом подходе мы учитывали, что травма, подобно двуликому Янусу, имеет не только негативный лик деструкции, разрушения, травмы, дистресса, утраты, горя, но за негативным ликом открывается оборотная сторона — экзистенциального испытания, личностной стойкости и мужества, духовного роста, культурных практик заботы о Другом, не забывая заботы о себе, постэкстремального роста и трансгрессивной мотивации личности. Для теоретико-методологического обоснования и научно-психологической концептуализации этой сверхприродной, трансвитальной, социокультурной, духовной сферы человеческого бытия и практики в психологическом и мета-психологическом горизонте мы предложили новое прочтение принципа историзма психического, особо сделав акцент на следующем. Понимание человеческой психики, личности, субъектности в

«субстанции» деятельности, или имманентно деятельности, деконструируется на основе положения: человеческий индивид, выполняя деятельность - жизнедеятельность, процессы жизни, индивидуальное бытие в предметном мире, обращается, работает с собственной человеческой реальностью — собственной деятельностью, событием жизни, бытия, собственной субъективностью, решая задачи на смысл, на жизнь, на бытие. В более конкретном плане мы отстаиваем деконструктивный тезис о том, что деятельность субъекта — внутренняя и внешняя — опосредствована психической смысловой работой, в которой выражается работа личности над собой и над Другим (другим Я и Я Другого). Эта смысловая работа осуществляется из трех взаимосвязанных фундаментальных смысловых горизонтов: 1) жизневосхождения, жизнеутверждения; 2) жизнеосуществления, жизнесохранения; 3) жизнепадения, жизнеотрицания (К. Маркс, Ф. Ницше, З. Фрейд, Г.Зиммель). Развивая это философско-методологическое и общетеоретическое положение, укажем: травма не только ранит тело — физическое, психическое, социальное, культурное, духовное, вызывая к врачеванию гибкими, флексибельными, инструментами, но и открывает человеческого индивида в предельном бытии, в бытии-на-пределе, в практике, рекурсивной работе личности над своей предельной человеческой ситуацией, событием жизни, бытия, отправляясь из трех горизонтов смысловой работы личности: 1) расстройства, страдания; 2) стойкости, мужества; 3) духовного роста, трансгрессии.

Для реализации психологической помощи ветеранам войны в рамках Психологической службы союза ветеранов Афганистана, мы предложили формальную классификацию психологических трансформаций последствий экстремальной ситуации, прежде всего, выделив три: негативные, нейтральные, позитивные. В содержательном плане они уточняются в дифференциации: расстройство, стойкость и рост. При уточнении на основе феномена испытания мы имеем такую дифференциацию: расстройство — страдание, стойкость — мужество, духовный рост — трансгрессия. Имеется также классификация на основе адаптации и развития, в таком виде: дезадаптация — адаптация — рост (в том числе, посттравматический рост). Психологические последствия у уцелевшего, в данном случае, ветерана локальных конфликтов, войн, которые возникают после возвращения, также мы дифференцировали на три: 1) проблемы дезадаптации и расстройства, 2) проблема социально-психологической адаптации и ресоциализации, 3) проблемы психического развития и роста личности [2–4].

Различные формы трансформации личности, не сводимые только к негативным последствиям, в том числе, ПТСР и другим расстройствам травмы и стресса, приводят к несовпадающим психологическим последствиям и требуют различных форм психологической работы с

уцелевшим: 1) работы по преодолению и трансформации психотравматического базиса — военного Эго, травматической или экстремальной идентичности; 2) работы по социально-психологической адаптации и ресоциализации личности; 3) работы по психологическому и духовному росту личности и практики самореализации и заботы о себе и о Другом [1, 2].

Таким образом, мы осуществили научный сдвиг в понимании экстремального бытия человека от негативной психологии травмы и стресса к позитивной онтологии Поступка.

Список литературы

1. Магомед-Эминов, М.Ш. Позитивная психология человека / М.Ш. Магомед-Эминов // В 2-х т. — Москва : ПАРФ, 2007.
2. Магомед-Эминов, М.Ш. Трансформация личности / М.Ш. Магомед-Эминов. — Москва : Психоаналитическая ассоциация, 1998. — 496 с.
3. Новые аспекты психотерапии посттравматического стресса. Методические рекомендации / М.Ш. Магомед-Эминов, Г.И. Кадук и др. — Харьков, 1990. — 36 с.
4. Новые аспекты психотерапии посттравматического стресса. Методические рекомендации. 2-е изд, дополн. и исправл. / М. Ш. Магомед-Эминов и др. — Москва : Инсайт, 2004. — 200 с.

УДК-159.9

АРТ-ТЕРАПИЯ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ САМОСОЗНАНИЯ ОДАРЕННЫХ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

Мохова Ю. А.

ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет», г. Омск, РФ
romazanart@mail.ru

Проблема одаренности вновь обрела свою актуальность в связи с появлением президентской программы «Дети России», в которой одним из приоритетных направлений государственной политики обозначена работа с одаренными детьми. При этом общеизвестный факт утраты одаренности с возрастом делает особо актуальной проблему сохранения и развития детской одаренности, преемственности данного феномена в зрелом возрасте. Ведь творческий и интеллектуальный потенциал именно взрослых людей рассматривают как мощный естественный ресурс развития общества.

В отечественной психологии проблема развития одаренных детей и подростков нашла свое отражение в работах Н.С. Лейтеса, Б.М. Теплова, В.С. Юркевич, В.Н. Дружинина, А.И. Савенкова, В.Т. Кудрявцева, Л.И. Ларионовой и др.

Однако, несмотря на современное понимание одаренности как системного качества психики, определяющего возможность выдающихся достижений человека и детерминированного взаимодействием когнитивных, личностных и социальных факторов, большинство исследователей, решая проблему развития и преемственности одаренности, все же акцентируют внимание лишь на интеллектуальных и творческих способностях данной категории детей. Мы же, учитывая тот факт, что развитие большинства одаренных детей характеризуется дисгармоничностью, проявляющейся в когнитивно-личностной диссинхронии, полагаем, что особого внимания заслуживают именно личность и самосознание одаренных детей, без адекватного уровня развития которых нельзя достичь самореализации независимо от того, насколько выдающимися способностями обладает индивид.

В современной науке существует огромное множество толкований феномена самосознания. В контексте нашего исследования, интегрируя различные точки зрения, мы определяем самосознание как инструмент самоосуществления и самореализации человека и полагаем, что только адекватное развитие самосознания позволяет успешно адаптироваться к социальным условиям, находить оптимальные пути развития способностей, а также способствует реализации жизненного проекта в соответствии с сущностью каждого конкретного человека. Среди многообразия функций самосознания особого внимания, на наш взгляд, заслуживают познание и усовершенствование себя; смыслопорождение; регулирование социальных отношений и, что особенно актуально для одаренных людей, установление симметрии между процессами индивидуализации и социализации [1], позволяющей ощущать непротиворечивость личности и ее гармоничное существование в обществе.

Традиционным для отечественной психологии является рассмотрение проблемы развития самосознания в контексте более общей проблемы развития личности. Тем самым подчеркивается социальная природа и значимость данного феномена.

Однако одаренные дети в силу специфичности социальной ситуации развития, определяемой в большей степени, господствующей в обществе «взрослоцентрической» моделью детской одаренности [2], оказываются не включенными в систему межличностных отношений, общения со сверстниками, в игру, являющимися важнейшими факторами развития самосознания на ранних этапах онтогенеза. Как следствие, самосознание одаренных детей нередко характеризуется такими особенностями как: негативная «Я»-концепция, дисгармоничная искаженная самооценка, низкая степень самопринятия и самопонимания, отсутствие идентификации с собственной личностью (а только лишь с собственными достижениями), недостаточный уровень самоконтроля эмоциональных состояний и поведения.

Обозначенные выше особенности самосознания находят свое выражение в конфликтном межличностном общении одаренных детей со сверстниками, в позиции аутсайдера группы, в неуверенности в себе и даже чувстве «гонимости», в переживании эмоционального отвержения и чувстве одиночества, склонности к депрессии, в интолерантности по отношению к недостаткам других, в агрессии и асоциальных формах поведения. Все это оказывает тормозящее воздействие на развитие способностей, затрудняет процесс социальной адаптации и нередко приводит к трагическим событиям в их судьбах.

Все вышесказанное обостряет необходимость развивающего и даже коррекционно-развивающего воздействия на самосознание одаренных детей и подростков. В качестве одного из таких средств мы рассматриваем арт-терапию, которая завоевывает все большую популярность в сфере образования. В научно-педагогической интерпретации арт-терапия понимается как забота об эмоциональном самочувствии и психологическом здоровье личности, группы и коллектива средствами художественной деятельности [3].

Перечисляя широкий спектр показаний для проведения арт-терапевтической работы в образовательных учреждениях, Л.Д. Лебедева указывает и те, что обозначены нами выше в качестве особенностей самосознания и личностного функционирования одаренных детей (негативная «Я»-концепция, низкая самооценка, повышенная тревожность и др.). При этом арт-терапия, обладающая инсайт-ориентированным характером, недирективным способом успешно справляется с ними.

Так, арт-терапия, как и другие направления экспрессивной терапии является процессом самоисследования, основанного на скрытых энергетических ресурсах человека и мобилизации творческого потенциала [3]. Творчество же, являясь универсальным фактором развития самосознания, оказывает психогигиеническое, гармонизирующее воздействие и способствует глубокому самоосмыслению, изменению стереотипов поведения, повышению стрессоустойчивости и адаптационных способностей одаренных детей и подростков.

Через символические образы, экспрессию, визуальную и вербальную коммуникацию арт-терапия способствует самопознанию, формированию внутреннего мира, самопринятию, самоидентификации и постижению своей сущности. Все это особенно актуально для одаренных детей, которые, как правило, живут в соответствии с амбициями и стандартами своих родителей и педагогов, при этом нередко испытывая трудности с осознанием своих собственных потребностей, желаний, своего «Я» в целом.

Характерный для арт-терапевтической сессии положительный эмоциональный настрой участников группы, повышает уровень их сплоченности, облегчает процесс коммуникации, позволяет создать отношения взаимного принятия и эмпатии, которые чужды одаренным

детям в повседневной жизни. И, что самое важное, способствует включенности одаренных детей в реальные межличностные отношения, являющиеся мощным фактором развития самосознания и лучшим источником получения адекватной информации о самом себе.

В процессе арт-терапевтической сессии через самопознание, движение от неуверенности в себе к самодостаточности, через изменение мироощущения и интеграцию своего внутреннего «Я» с внешней реальностью формируется позитивная жизненная перспектива [3], столь актуальная для одаренных подростков, которых из-за социоадаптивных трудностей и суицидальных попыток нередко относят к группе риска.

Необходимо отметить, что арт-терапевтические упражнения позволяют безопасным и социально приемлемым путем разряжать разрушительные и саморазрушительные тенденции, в частности агрессию и интолерантность [3], приносящие немало трудностей одаренным детям как в семье, так и в рамках образовательных учреждений. А также способствуют развитию самоконтроля и улучшают социальное функционирование одаренных детей и подростков, что, в свою очередь, обеспечивает формирование позитивной «Я»-концепции и адекватной самооценки.

Таким образом, в арт-терапевтическом процессе «работают» сразу несколько факторов (межличностное общение, психологический климат группы, творчество) и механизмов (рефлексия, идентификация, воображение) развития самосознания, причем развивающее воздействие осуществляется недирективным способом и основано на мобилизации скрытых ресурсов человека. Вот почему данное направление экспрессивной терапии рассматривается нами как универсальное средство развития самосознания одаренных детей и подростков.

Список литературы

1. Кайгородов, Б.В. Самопонимание : миф или реальность [Текст] / Б.В. Кайгородов — Москва: московский психолого-социальный институт, 2000. — 184 с.
2. Кудрявцев, В.Т. Рецензия к статье Ю.Д. Бабаевой [Текст] / В.Т. Кудрявцев // Одаренный ребенок. — 2004. — № 5. — С.47- 65.
3. Лебедева, Л.Д. Практика арт-терапии : подходы, диагностика, система занятий [Текст] / Л.Д. Лебедева. — Санкт-Петербург : Речь, 2005. — 256 с.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К ПОНЯТИЮ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ЛИЧНОСТИ В ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Набатова С. В.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
sofya.nabatova@yandex.ru

Субъективное благополучие является фундаментальной человеческой проблемой. Ещё в VI в. до н.э. греческие исследователи использовали термин «eudaemonia», означающий состояние, когда человек процветает или живёт хорошо (Leahey, 2000). Интерес к психологическому (субъективному) благополучию сохраняется и по сей день в рамках различных методологий (например, Diener, Eunkook, Lucas, & Smith, 1999; Любомирский, Sheldon, & Schkade, 2005) [3]. В частности, DeNeve and Cooper (1998) показали, что личность является одним из главных предикторов субъективного благополучия, что подчёркивает важность использования понятия «личность» для понимания категории «психологическое благополучие» [7].

Дэвидсон (2005) представил теорию о нервных субстратах благополучия. Он предположил, что изучение функционирования миндалин, префронтальной коры, гиппокампа и передней поясной извилины позволит объяснить природу психологического благополучия и аффективного стиля [2].

Наиболее распространённым результатом в области исследования благополучия является связь между коммуникабельностью, экстраверсией и положительным аффектом (Eid, Riemann, Angleitner, & Borkenau, 2003). Так, люди, как правило, ощущают себя более счастливыми в социальных ситуациях (Pavot, Diener & Fujita, 1990), а поскольку экстраверты проводят больше времени в обществе (Watson, Clark, McIntyre & Hamaker, 1992), они должны быть счастливее. Также экстраверсия, как правило, оказывает положительное влияние на романтические отношения, отношения со сверстниками и с семьёй, тогда как нейротизм часто является негативным предиктором (C. Anderson, John, Keltner, & Kring, 2001; Belsky, Jaffee, Caspi, Moffit & Silva, 2003; Donnellan, Larsen-Rife & Conger, 2005; Watson, Hubbard & Wiese, 2000a) [1]. Следовательно, было высказано предположение, что экстраверты имеют более удовлетворяющие социальные взаимодействия, что приводит к более высокому уровню «счастья» (Argyle & Lu, 1990a; Hills, Argyle & Reeves, 2000).

Любомирский и соавт. (2005) занимались изучением того, как долго сохраняется «заданное значение» счастья, из чего следует, что

субъективное благополучие в долгосрочной перспективе имеет тенденцию быть стабильным. Способность фокусироваться на позитивной информации может способствовать выработке когнитивных стратегий, повышающих уровень психологического благополучия личности. Lyubomirsky, Tucker (1998) обнаружили, что, хотя счастливые индивидуумы переживают практически те же жизненные события, что и несчастливые, они видят их в более выгодном свете. Теория диспозиционного (или врождённого) оптимизма (Scheier, Carver, 1985) также предполагает, что когнитивные процессы влияют на психологическое благополучие. Эти авторы предложили модель, в которой когнитивные процессы влияют на поведение, а поведение оказывает влияние на внешние обстоятельства и уровень благополучия. Они считают, что оптимизм представляет собой генерализованную тенденцию ожидать благоприятного исхода в жизненных ситуациях. Отсюда следует, что люди, верящие в то, что их действия приведут к благоприятному результату, упорны в своих действиях, в то время как люди, считающие, что их действия ни к чему не приведут, — не прилагают усилий к достижению целей, которые они ставили. Эти же авторы в последующих работах показали, что оптимисты поддерживают высокие уровни психологического благополучия даже в стрессовых ситуациях [4].

Также Nes et al. (2006) указали, что долгосрочная стабильность субъективного благополучия может отражать стабильные и наследуемые черты личности, такие как нейротизм и экстраверсия [5; 7].

Динер и Лукас (1999) определили субъективное благополучие как определённую оценку жизни человека. Она включает в себя как познавательные суждения об удовлетворённости жизнью, так и эмоциональные оценки собственного состояния. При этом предложенные категории субъективного благополучия не являются полностью эквивалентными, т.к. различаются по уровню аффективного, временного и когнитивного измерения (Okun, Stock, & Covey, 1982) [7].

Некоторые исследователи обнаружили значительные различия между аффектом и счастьем (удовлетворённостью) (Diener & Diener, 1996; Steel & Ones, 2002; Veenhoven, 1994; HM Weiss, 2002). Этим объясняется существование таких различных понятий, как удовлетворённость жизнью, счастье, аффект и качество жизни. Как отметили Ким-Прието, Динер, Тамир, Сколлон и Динер (2005), ни одна из концепций субъективного благополучия не должна считаться окончательной и безоговорочной, однако при этом каждая из них может потенциально нести в себе уникальную и важную информацию об изучаемой категории [3].

В некоторых исследованиях (Averill & More, 1993) удовлетворённость жизнью и счастье (как аффективная форма «высшего блага») рассматриваются как критерий устойчивости субъективного благополучия.

П. Стил, Дж. Шмидт и Й. Шульц утверждают, что нейротизм, экстраверсия, удовлетворённость и добросовестность в значительной степени связаны с субъективным благополучием. При этом открытость новому опыту исследователи связывали с переживанием счастья, а сознательность — с качеством жизни. Также ими было установлено, что возраст может влиять на уровень нейротизма личности и положительно влиять на качество отношений (данные показатели несколько выше у молодых людей) [7].

Таким образом, анализ английских научных источников позволил выявить три основные тенденции в определении психологического благополучия личности. Первую тенденцию условно назовём биологическим подходом, в рамках которого исследователи описывают физиологические и генетически заданные предпосылки благополучия. Вторую — условно философским подходом, в котором исследователи рассматривают субъективное благополучие через категории высшего блага, счастья и удовлетворённости жизнью. Третью же тенденцию можно описать как психологическую, т.к. исследования, относящиеся к данному подходу, посвящены изучению взаимосвязи психологического благополучия и индивидуально-психологических черт личности (экстраверсия — интроверсия, нейротизм и т. д.).

Список литературы

1. Anderson C., John O. P., Keltner D., & Krings A. M. Who attains social status? Effects of personality and physical attractiveness in social groups, *Journal of Personality and Social Psychology*, 81, 2001. — P. 116-132.
2. Cloninger C. R. Biology of personality dimensions. *Current Opinion in Psychiatry*, 2000. — P. 611-616.
3. Diener E., Lucas R. R. Personality and subjective well-being. In E. Kahneman, E. Diener, & N. Schwarz (Eds.), *Well-being: The foundations of hedonic psychology*, New York: Russell Sage Foundation, 1999. — P. 213-229.
4. Lyubomirsky S., Tucker K. L., Caldwell N. D., Berg K. Why Ruminators Are Poor Problem Solvers: Clues from the Phenomenology of Dysphoric Rumination. *Journal of Personality and Social Psychology*, 77, 1999. — P. 1041-1060.
5. Lykken D., Tellegen A. Happiness is a stochastic phenomenon, *Psychological Science*, 7, 1996. — P. 186-189.
6. McCrae R. R., Costa P. T. Social desirability scales: More substance than style. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 51, 1983. — P. 882-888.
7. Steel P., Schmidt J., Shultz J. Refining the Relationship Between Personality and Subjective Well-Being, *Psychological Bulletin*, Vol. 134, No. 1, 2008. — P. 138-161.

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ И УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ В ГЕТЕРОГЕННОЙ СРЕДЕ

Панфилова А. М., Тимофеев К. А.,

Гладких С. Н., канд. техн. наук, доц.

ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого», г. Великий Новгород, РФ

gl_svetlana53@mail.ru

Введение. Социальная активность является важным аспектом личностного развития подростка-школьника. Посредством социальной активности происходит его социализация, которая является одним из ключевых элементов социальной адаптации в современном обществе.

В работе представлено как теоретическое исследование литературных источников по данной теме, так и результаты социологического исследования, проведенного на определенной выборке подростков-школьников.

Целью работы является выявление психолого-педагогических условий, которые необходимы для эффективного развития социальной активности подростков.

Основная часть. Тенденция к изучению проблематики факторов и условий, влияющих на социальную активность у школьников в подростковом возрасте, неуклонно растет. Автор [1] под «социальной активностью» понимает: «сознательную и целенаправленную деятельность личности и ее целостно социально-психологические качества, которые, будучи диалектически взаимообусловлены, определяют и характеризуют степень или меру персонального воздействия субъекта на предмет, процессы и явления окружающей действительности».

Предлагается и следующее определение социальной активности: «устойчивая стратегия социального поведения, проявляющаяся в сознательной установке на социально одобряемое поведение и социально значимую деятельность, освоение взрослых социальных ролей, позволяющих им успешно адаптироваться в социуме, осуществлять его преобразование, а также самосовершенствоваться на основе интересов и ценностей общества» [2].

Термин «социальная активность» мы используем в трактовке как: проявление себя в деятельности и взаимодействия индивидов или групп в рамках образовательного процесса, где осуществляется передача и приобретение знаний, навыков, ценностей и социальных норм. Она включает в себя различные формы взаимодействия, такие как общение, сотрудничество, совместная работа, коллективные мероприятия и другие

способы социальной активности, которые способствуют развитию социальных и эмоциональных навыков, формированию социальной идентичности, укреплению социальных связей и построению гармоничных отношений в образовательной среде.

В основе нашего исследования лежит понятие о гетерогенности образовательной среды, которое определяется как «комплексное многогранное явление, рассматриваемое в контексте условий развития образовательных систем: социокультурных, политических, экономических, институциональных и др.» [3].

Мы предлагаем следующее определение гетерогенной среды: «среда, в которой обучающиеся имеют различные уровни знаний, навыков, интересов и потребностей. Такая среда предполагает наличие разнообразных учеников с различными особенностями, а также многообразие форм и методов обучения».

Нами было проведено социологическое исследование, в котором приняли участие 92 человека. Им было предложено ответить на ряд вопросов. Респондентами (50% — представители женского пола, 50% — мужского пола) являлись подростки-школьники, учащиеся 8-х (40,5%), и 9-х (59,5%) классов гуманитарного профиля.

Результаты исследования показали, что в подавляющем большинстве, представители 8 класса принудительно участвуют в мероприятиях. В 9 же классе тенденция меняется и добровольное участие насчитывается у половины учащихся. Одной из интерпретаций данных расхождений может служить: корреляция поведения школьника и авторитет формального лидера в образовательном процессе, пример, классный руководитель. Еще одной интерпретацией может служить уровень возлагаемой ответственности на себя, который мы зафиксировали у представителей 9 класса.

Как показывает проведенное исследование, основными причинами участия в мероприятиях являются: возможность самовыражения; возможность развить личностные качества; внешние стимулы (грамоты, портфолио). Остальные же причины являются вторичными и находятся на периферии. Однако четверть респондентов склоняются к тому, что они хотели бы участвовать, но не имеют возможности, по следующим причинам: личная загруженность, забитый график, другие приоритеты, тема мероприятий не интересна.

Эмпирическое исследование также показало, что в качестве причин высокой незаинтересованности можно выделить: формализацию проводимых мероприятий, халатное отношение к их качеству, чрезмерное количество проводимых мероприятий, а также отсутствие внешних стимулов и внутренних мотивов, подталкивающих к участию.

Для развития социальной активности у подростков необходимо создание условий и анализ факторов, которые способствуют развитию и мотивации их на активное участие в социальной жизни:

1. *Фактор среды*: необходимо создание мест, где подростки могут проводить досуг, организовывать встречи и собрания, работать над индивидуальными и групповыми проектами.

2. *Развитие социально-психологической культуры*: участие в социальной жизни должно восприниматься как норма поведения, школа должна поддерживать инициативу учащихся, поощрять ее.

3. *Проведение тренингов и мероприятий*: школы должны способствовать развитию личностных качеств, таких как, самоорганизация, ответственность, умение работы в команде, коммуникативных навыков.

4. *Система поддержки инициатив*: необходимо создание таких условий, которые способствуют стимулированию социальной активности у подростков, включающие такие стимулы, как: награды, поощрения, возможности участия в конкурсах и мероприятиях. Важным аспектом является фактор поддержки и понимания, отклик в попытках участия в социальной жизни.

Заключение. Представлены результаты исследования уровня социальной активности у подростков-школьников, выявлены условия и детерминирующие факторы, при внедрении которых, мы склонны полагать, повысится уровень социальной активности школьников, что положительно скажется на степени осознанности и ответственности у учеников. В результате проведенного нами исследования предложены практические рекомендации для стимулирования активностей у подростков в образовательном процессе и за его пределами.

Список литературы

1. Коган, В.З. *Общественная активность личности как социально-психологическая проблема*: Автореф. дис. к. психол. наук.- Москва : Изд-во ин-та философии. — 1970. — 19 с.
2. Иванова, Л. К., Колесов, И. В. *Социальная активность подростков: сущность и содержание* / Л. К. Иванова, И. В. Колесов // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус — 2015. — №1 (25). — С.54-62. — ISBN 1810-231X. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-aktivnost-podrostkov-suschnost-i-soderzhanie> (дата обращения: 11.05.2023).
3. Саввинов, В. М. *Влияние гетерогенности среды на развитие территориальных образовательных систем* / В. М. Саввинов // Вестник Северо-восточного федерального университета им. М. К. Амосова. Серия: Педагогика. Психология. Философия. — 2020. — № 4(20). — С. 39-49. — ISSN: 2587-5604.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ РЕЧЕВОЙ ПРОДУКЦИИ ЛИЧНОСТИ, СКЛОННОЙ К НЕВРОТИЧЕСКИМ ДИСПОЗИЦИЯМ

Покотилов Е. Г., Вильдгрубе С. А., канд. психол. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
wielhescholar@gmail.com

Введение. Одним из существенных инструментов в работе психотерапевта является умение вести психотерапевтический диалог, который предполагает обретение психотерапевтом способности к поддержанию диалогической позиции: соблюдению последовательности внутри цепочки целого терапевтического диалога, умению выдерживать диалогическое напряжение (негативный эмоциональный фон, длинные паузы и др.). Данная идея нашла своё место в теории диалога М.М. Бахтина, который отмечал, что «внутренний мир — это одна из возможностей сказать о своём состоянии другому человеку, реализуемая через язык» [1].

В свою очередь речь личности с невротическими диспозициями (НД) потенциально может содержать в себе определённые психолингвистические корреляты, выражающие специфические аффективно обусловленные и нередко ригидно фиксированные лингвистические конструкции. Психотерапевт, выполняя роль посредника между внутренним и внешним миром личности, в большей степени направляет внимание не только на то, что говорит клиент, но в то же время на то, как он это делает. Стоит отметить, что психодиагностическая беседа — инструмент в ранней диагностике психических заболеваний, а обретение данного навыка, ведения беседы, является критерием высокого профессионализма психотерапевта.

Основная часть. Единицей речевого общения по Бахтину является высказывание, которое имеет своё предметно смысловое содержание и одновременно содержит эмоциональное отношение говорящего к предмету высказывания, передаваемое интонационной экспрессией [1].

В то же же время некоторые высказывания являются смыслообразующими в плане приближения к пониманию проблемы, другие же не отражают смысл [3]. Выделение смыслов клиента в его высказываниях является одним из основных навыков для работы психотерапевта. Терапевт должен быть внимателен к семантически и синтаксически неправильно построенным фразам, паузам, акцентам и интонированию речи и параречи (вздохи, всхлипы), это представляет

особую сложность, особенно в начале профессионального становления психотерапевта.

В данном исследовании приняло участие 12 респондентов в возрасте от 22 до 36 лет, 6 из которых с психологическим статусом «личность с невротическими диспозициями» и 6 человек без такого статуса. Одним из базовых методов в процессе проведения психоконсультативной сессии стал ассоциативный эксперимент. Клиенту предлагалось составить небольшой рассказ на предъявляемый стимул. В данном случае был использован материал Тематического апперцептивного теста (ТАТ) в сокращённой форме [2].

Для анализа речевой продукции (текста) был выбран комплексный подход, содержащий как лингвистические, так и психологические параметры. Речь респондентов анализировалась на трех уровнях: уровне перцепции (в частности, при предъявлении стимула был выбран уточняющий вопрос о том, что видит перед собой респондент); уровне эмоциональной оценки или отношения к изображенному (какие чувства респондент испытывает к увиденному), связи увиденного с личным опытом (как связано увиденное с жизнью респондента). Для разрешения поставленных исследовательских задач, а именно создания рекомендаций для специалистов в вопросах диагностики психических заболеваний (умение выделять речевые маркеры, понимание латентных интенций клиента), были выбраны следующие параметры анализа речи: «конгруэнтность — не конгруэнтность» данной реакции на стимул; «уникальность — типичность» реакции; «оценочно-экспрессивный» параметр; тема [2].

В данной статье будут приведены результаты исследуемого параметра «тема». Тема в ассоциативном эксперименте, с одной стороны задается стимулом, например, если предъявить человеку слово «смерть», то вероятно тема его рассуждения будет абстрактно-философской (смерть как философская концепция), а с другой стороны имеет валентность на интерпретацию. Одной из задач стало изучение тематической соотнесенности описаний. Для этого, во-первых, был определён ряд тем, а во-вторых, проанализированы и сравнены описания людей с НД и людей без НД.

Сравнительный анализ тем был сопоставлен на основании ассоциативных описаний изображений. Определение темы текста было произведено на основании исследования тема-рематической структуры.

Принцип статистического анализа состоял в том, что каждая ассоциация, данная на стимул, была отнесена к определенной теме (общее количество ассоциаций у респондентов с НД — 36, у респондентов без НД — 36) после чего было подсчитано количество реакций и выделены темы, преобладающие у каждой из групп респондентов. Полученные данные представлены в виде таблицы.

Сравнительный анализ частоты встречаемости тем в описаниях респондентов

Тема	Респонденты с НД	Респонденты
Личная	0,53	0,79 (3)
Сексуальная	0,59 (3)	0,52
Семейная	0,82 (2)	0,76
Социальная	0,35	0,83 (2)
Абстрактно-философская	0,59 (3)	0,28
Религиозно-мистическая	0,35	0,52
Не выражено	1,82 (1)	1,17 (1)

Анализируя полученные результаты, стоит сказать, что в описаниях респондентов с НД в процессе психологической сессии зачастую на первый план будет выходить тема семейных отношений. Нередко у людей с НД бывают проблемы в семейных отношениях. Наличие детской психотравмы, как базовой, при формировании данной структурной организации приводит к повышенной тревожности в теме близкородственных контактов. Они могут беспокоиться о чувствах, испытываемых к ним их родителями, о том, что они недостаточно хороши для своих близких. Для респондентов без НД тема семейных отношений не является базовой в их дискурсе, гораздо чаще, люди, функционирующие на доневротическом уровне, будут обсуждать темы, связанные со своим социальным статусом или говорить на тему личных, как правило, романтических отношений. Одним из значимых различий в выборе тем в процессе психоконсультации является наличие абстрактно-философских размышлений у людей с НД — они более сенситивны в отношении к своему Я, более задаются вопросами, носящими экзистенциальный характер. В свою очередь, личность без НД может задаваться подобными вопросами, однако в преломлении религии.

Заключение. Таким образом, в данной статье были приведены данные из психологического исследования, изучающего особенности речевой продукции личностей, склонных к невротическим диспозициям, в процессе психоконсультативной сессии. Важно отметить тот факт, что речевая диагностика является с одной стороны одним из самых доступных методов в процессе психоконсультации, а с другой — требует особых умений психотерапевта, которые могут быть сформированы только в процессе обучения речевой психодиагностике.

Список литературы

1. Бахтин, М.М. Собрание сочинений в 7 томах. Том 3 / М.М. Бахтин. — Москва : Русское слово, 1996. — ISBN 5-89216-010-6.
2. Леонтьев, Д.А. Тематический апперцептивный тест / Д.А. Леонтьев // 2-е изд. — Москва : Смысл, 2000. — 254 с.
3. Lacan J. Fonction et champ de la parole et du langage en psychanalyse. La psychanalyse, n. 1, 1956, Sur la parole et le langage, pages 81-166.

СТРАТЕГИИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ СТУДЕНТАМИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Репенко М. С., Устинова Н. В., канд. психол. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
mari_r8@mail.ru

Введение. Одной из основных характеристик современного мира является состояние неопределенности и нестабильности общества в политической, экономической и социальной сфере, что требует от человека большей самостоятельности и ответственности при принятии решений. Ситуация неопределенности создает пространство, где существует множество вариантов развития событий, перед которыми человек зачастую теряется [1]. Нарастание неопределенности во всех сферах жизни человека оказывает непосредственное влияние на уровень его психологического благополучия.

Зарубежные и отечественные исследователи уделяют большое внимание изучению процесса принятия решения в условиях неопределенности и факторов (как личностных, так и ситуационных), оказывающих на него влияние. Некоторые исследователи рассматривают личностные особенности как доминирующие в процессе принятия решения (Дж. Пэйн, Дж. Бэтмен, Г. Олпорт, В. А. Ядов). В то же время, многие авторы указывают на большую роль ситуационных факторов в усложнении процесса принятия решения (Д. Янг, Д. Халл, Дж. Форгас, Т.В. Корнилова). В связи с этим, можно признать возможным совместное влияние личностных и ситуационных особенностей на принятие решения [2]. Однако открытым остается вопрос о том, какая группа особенностей оказывает приоритетное влияние. Таким образом, исследование особенностей принятия решения в условиях неопределенности является актуальным вопросом современной психологии.

Основная часть. В процессе исследования нами было выдвинуто предположение, что предпосылками принятия решения в условиях неопределенности являются: эмоциональное состояние, уровень тревожности и уровень эмоционального интеллекта.

Нами было проведено эмпирическое исследование особенностей принятия решения в условиях неопределенности. В исследовании приняли участие 40 студентов психологических специальностей (37 девушек и 3 юноши) г. Донецка в возрасте 19 — 21 года.

Для проведения исследования были использованы: Опросник «Шкала позитивного аффекта и негативного аффекта» Д. Уотсона, Л. Кларк, А. Теллегена (в адаптации Е.Н. Осина); Шкала тревожности Спилбергера-

Ханина; Задача «Дилемма заключенного»; Тест эмоционального интеллекта Д.В. Люсина. Эмпирические данные были обработаны методами математической статистики (непараметрический U-критерий Манна-Уитни, коэффициент корреляции Пирсона).

На первом этапе исследования была проведена диагностика уровня тревожности и эмоционального состояния испытуемых. Затем испытуемым была предъявлена задача «Дилемма заключенного», в которой им, действуя без ограничений во времени от лица первого заключенного, необходимо было выбрать один из четырех возможных исходов. После решения задачи испытуемым было предложено пройти тест эмоционального интеллекта. По результатам прохождения задачи «Дилемма заключенного» выборка была разделена на две группы в зависимости от выбранной стратегии межличностного взаимодействия (сотрудничество или соперничество).

Анализ результатов прохождения задачи «Дилемма заключенного» выявил, что 23 студента выбрали стратегию сотрудничества (вариант «хранить молчание»), при этом 17 из них считают, что второй заключенный тоже выберет эту стратегию; 17 — стратегию соперничества (вариант «дать показания»), при этом они считают, что второй заключенный тоже выберет эту стратегию. Среднее время принятия решения составило 83 секунды.

Анализ результатов опросника «Шкала позитивного аффекта и негативного аффекта» Д. Уотсона, Л. Кларк, А. Теллегена (в адаптации Е.Н. Осина) выявил средний уровень субъективно переживаемой вовлеченности (значение позитивного аффекта составляет 31 балл, негативного — 25,7 балла), что может свидетельствовать о нейтральном эмоциональном состоянии испытуемых [3].

Анализ результатов шкалы тревожности Спилбергера-Ханина выявил высокий среднегрупповой уровень как личностной (48 баллов), так и ситуативной (46 баллов) тревожности, что свидетельствует о повышенном уровне тревожности у большинства студентов. С одной стороны, повышенный уровень тревожности может мобилизовать испытуемого, с другой стороны, данный показатель может повысить уровень напряжения и неуверенности.

В результате диагностики по тесту эмоционального интеллекта Д.В. Люсина было выявлено, что среднегрупповые значения межличностного эмоционального интеллекта (3,88 станайна), внутриличностного эмоционального интеллекта (3,85 станайна), шкалы «понимание эмоций» (3,9 станайна), шкалы «управление эмоциями» (3,88 станайна) соответствуют среднему уровню развития способности к пониманию своих и чужих эмоций и управлению ими.

В результате проведенного корреляционного анализа данных были выделены следующие особенности.

По шкалам теста эмоционального интеллекта была выявлена прямая связь между управлением эмоциями и позитивным аффектом ($r=0,36$; $p \leq 0,05$). Также была выявлена обратная связь между:

1) внутриличностным эмоциональным интеллектом и такими показателями: негативный аффект ($r=-0,53$; $p\leq 0,01$), ситуативная тревожность ($r=-0,59$; $p\leq 0,01$), личностная тревожность ($r=-0,57$; $p\leq 0,01$);

2) управлением эмоциями и такими показателями: негативный аффект ($r=-0,53$; $p\leq 0,05$), ситуативная тревожность ($r=-0,54$; $p\leq 0,05$), личностная тревожность ($r=-0,58$; $p\leq 0,05$);

3) пониманием эмоций и ситуативной тревожностью ($r=-0,44$; $p\leq 0,01$).

Также была выявлена прямая связь на 1% уровне между негативным аффектом и такими показателями: ситуативная тревожность ($r=0,78$; $p\leq 0,01$), личностная тревожность ($r=0,75$; $p\leq 0,01$); обратная связь между позитивным аффектом и такими показателями: ситуативная тревожность ($r=-0,57$; $p\leq 0,01$), личностная тревожность ($r=-0,61$; $p\leq 0,01$).

В результате использования статистического непараметрического U-критерия Манна-Уитни были выявлены следующие статистически значимые различия между уровнями выраженности показателей в рассматриваемых подгруппах: негативный аффект ($U=84$; $p\leq 0,01$), ситуативная тревожность ($U=76$; $p\leq 0,01$), внутриличностный эмоциональный интеллект ($U=62$; $p\leq 0,01$), понимание эмоций ($U=110$; $p\leq 0,05$), управление эмоциями ($U=86$; $p\leq 0,01$). Таким образом, выявлены достоверные различия в подгруппах в зависимости от выбора стратегии межличностного взаимодействия по ситуационным (эмоциональное состояние, уровень ситуативной тревожности) и личностным (уровень эмоционального интеллекта) особенностям.

На основании полученных результатов была разработана тренинговая программа, направленная на развитие личностных навыков эффективного принятия решения в условиях неопределенности. Программа предусматривает проведение цикла занятий (14 занятий с периодичностью 1–2 раза в неделю) продолжительностью по 2 часа. Основными задачами программы являются: осмысление собственного понимания феномена неопределенности, формирование эмоциональной устойчивости к ситуациям неопределенности и риска, обучение приемам саморегуляции.

Заключение. Проведенный анализ показал, что предпосылками принятия решения в условиях неопределенности являются: эмоциональное состояние, уровень тревожности и уровень эмоционального интеллекта, что подтверждает предположение исследования.

На основании полученных результатов была разработана тренинговая программа, направленная на развитие личностных навыков эффективного принятия решения в условиях неопределенности.

Список литературы

1. Вотинцева, Т. С. Взаимосвязь уровня толерантности к неопределенности и психологического благополучия личности / Т. С. Вотинцева, В. Р. Петренко // Педагогика и психология образования. — 2016. — №4. — С. 145-149.

2. Корнилова, Т. В. Принцип неопределенности в психологии выбора и риска / Т. В. Корнилова // Психологические исследования. — 2015. — Т. 8, № 40. — DOI: 10.54359/ps.v8i40.553.
3. Осин, Е. Н. Измерение позитивных и негативных эмоций : разработка русскоязычного аналога методики PANAS / Е. Н. Осин // Психология. Журнал ВШЭ. — 2012. — Т. 9, № 4. — С. 91–110.

УДК 159.99

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ К БРАКУ И САМОАКТУАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В ПЕРИОД РАННЕЙ ЗРЕЛОСТИ

Рогозина М. Ю., канд. пед. наук, доц.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
muysan@mail.ru

Введение. В моменты социальных перемен существенно возрастает роль семьи в поддержании психологического здоровья человека, интеграции личности в меняющийся социум, сохранении моральных и культурных ценностей общества. Однако, в настоящее время, результаты статистических исследований свидетельствуют о значительном увеличении роста разводов, особенно в молодых семьях. Это явление связывают с психологической неготовностью молодых людей к вступлению в брак и к самостоятельной семейной жизни.

Несмотря на то, что взаимосвязь между самоактуализацией и психологической готовностью к браку в настоящий момент остается практически не изученной, существует ряд исследований, которые указывают на связь между самоактуализацией личности и качествами, необходимыми для создания крепких и долгосрочных отношений в браке, а также на связь между самоактуализацией и степенью удовлетворенности супругов своим браком. Эти данные обусловили выбор проблемы исследования: изучения связи между психологической готовностью к браку и самоактуализацией личности.

Целью работы являлось эмпирическое исследование взаимосвязи психологической готовности к браку и самоактуализации личности в период ранней зрелости. Данное эмпирическое исследование проводилось в рамках научного руководства по написанию магистерской диссертации (магистрант Пюра Д.А.).

Основная часть. Готовность личности к брачно-семейным отношениям Зритнева Е.П. определяет как социально-психологическое образование, интегрирующее принятие ценностей социального института

семьи, личностный смысл знаний и умений в области психологии семейных отношений, рационального ведения домашнего хозяйства, семейной педагогики, межличностного общения в семье [2].

Следует отметить достаточно широкую вариативность разработанных в психологической литературе подходов к рассмотрению структуры готовности к браку. При этом, практически все авторы сходятся к необходимости выделения непосредственно психологической готовности супругов к браку и к определению ее структуры. Зудилина И.Ю. определяет психологическую готовность к браку как характеристику, интегрирующую знания, умения, навыки, качества и мотивы личности, которые обеспечивают построение отношений супругов в браке [2]. Дубровина И.В. считает, что психологическая готовность к супружеству отражает понимание и осознание личностью своих ролей, обязательств в браке, принятие ответственности как будущего родителя [1].

Учитывая работы различных авторов, в данном исследовании психологическая готовность к браку рассматривалась как интегративная структура, содержащая следующие элементы: систему знаний и представлений об особенностях семейной жизни, взаимоотношениях членов семьи, а также о своих обязанностях и функциях в семье и готовность их выполнять; адекватную брачную мотивацию; ценностные ориентации и установки в отношении семейной жизни; ролевые ожидания и притязания в браке; перцептивно-интерактивную компетентность, то есть умение личности адекватно воспринимать своего партнёра и взаимодействовать с ним в процессе общения.

Исследование проводилось на базе ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет». Выборку составили 115 человек: 75 женщин и 40 мужчин. Для проведения исследования нами была выбрана возрастная категория ранней зрелости, так как данный период развития личности предполагает формирование близости с любимым человеком и, следовательно, является наиболее оптимальным для вступления в брак и создания собственной семьи. Для достижения цели работы были использованы следующие психодиагностические методики: методика «Самоактуализационный тест» (САТ), методика «Тест-карта оценки готовности к семейной жизни» И.Ф. Юнда, методика «Ролевые ожидания и притязания в браке» (РОП), методика «Шкала социального самоконтроля» (ШСС) М. Снайдера, методика «Мотивационная готовность к браку» С.В. Жолудевой, методика «Измерение установок в супружеской паре» (Ю.Е. Алешина, Л.Я. Гозман и Е.М. Дубовская).

В результате эмпирического исследования было доказано, что мужчины имеют более высокий уровень самоактуализации, чем женщины, относительно способности открыто выражать свои чувства; для женщин свойственны более высокие притязания в сфере внешней привлекательности и более высокая значимость данной сферы в целом,

чем для мужчин; также женщины, в отличие от мужчин, предъявляют более высокие требования относительно хозяйственно-бытовых и родительско-воспитательных обязанностей их будущих супругов, но при этом сами имеют менее выраженные притязания относительно своих обязанностей по воспитанию детей, чем у мужчин.

Испытуемые с высоким уровнем самоактуализации имеют более высокий уровень готовности выполнять семейные функции, у них более сформирована система представлений о семейной жизни; они обладают более высокой социальной приспособленностью, то есть способны адекватно воспринимать своего партнёра и взаимодействовать с ним; у них сформированы отдельные установки и ценности относительно семейной жизни, позволяющие строить равноправные супружеские отношения, способствующие саморазвитию супругов, учитывающие их потребности и позволяющие открыто обсуждать возникающие проблемы.

Женщины с более высоким уровнем самоактуализации имеют более выраженные профессиональные потребности, но при этом не ставят высоких требований относительно профессиональных достижений их будущих супругов, также они менее ориентированы на собственное активное участие в ведении домашнего хозяйства.

Мужчины с более высоким уровнем самоактуализации, наоборот, предъявляют более высокие требования относительно профессиональной реализации их будущей жены и менее требовательны к ней в хозяйственно-бытовом плане, имея при этом более высокие притязания к себе в ведении домашнего хозяйства, а также они менее ориентированы на исполнение своего социального долга по сравнению с получением удовольствия.

Заключение. Таким образом, можно сделать следующие обобщения. Между компонентами психологической готовности к браку и самоактуализацией личности действительно существует взаимосвязь, которая проявляется в следующем: более высокий уровень самоактуализации личности предполагает более высокую степень сформированности таких компонентов психологической готовности к браку как готовность выполнять семейные функции, социальная приспособленность, положительные установки в семейной жизни.

Взаимосвязь между изучаемыми явлениями имеет свои особенности относительно женщин и мужчин: чем выше уровень самоактуализации женщин, тем выше их притязания и ниже ожидания в сфере социальной активности, а также ниже притязания в хозяйственно-бытовой сфере; чем выше уровень самоактуализации мужчин, тем выше их ролевые ожидания в сфере социальной активности, ниже ролевые ожидания и выше притязания в хозяйственно-бытовой сфере, а также ниже ориентация на исполнение социального долга.

Список литературы

1. Дубровина, И.В. Проблемы психологической подготовки молодежи к семейной жизни / И.В. Дубровина // Вопросы психологии. — 1981. — №4. — С. 146 — 151.
2. Зритнева, Е.И. Формирование готовности старшеклассников к браку и семейной жизни: специальность 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования»: автореферат дисс. ... кандидата педагогических наук / Зритнева Елена Игоревна; Учреждение образования «Сев.-Кавк. гос. техн. ун-т». — Ставрополь, 2000. — 19 с.
3. Зудилина, И.Ю. Формирование психологической готовности студентов к брачным отношениям: специальность 19.00.07 «Педагогическая психология»: автореферат дисс. ... к. пс. н. / Зудилина Ирина Юрьевна; Учреждение образования «Сам. гос. пед. ун-т». — Самара, 2008. — 24 с.

УДК 159.92

К ПРОБЛЕМЕ ДИНАМИКИ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Руденко С. В., канд. психол. наук, доц.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

Rudenko_SV@mail.ru

Постановка проблемы. Понятием неопределенности в широком смысле этого слова чаще всего обозначают состояние, когда человек чего-то не знает, в чем-то не уверен, не имеет четкого плана действий или с трудом прогнозирует возможные варианты развития событий. В любом случае, неопределенность ситуации часто выступает как один из стрессообразующих факторов. При этом неопределенность обстановки предполагает затруднение работы сенсорных систем (неопределенность физической среды), усложняет обработку информации на когнитивном уровне, может вносить путаницу в коммуникацию ввиду неоднозначности поступающей информации, ее недостатка или избытка (неопределенность социально-психологической среды).

Для жителей Донецкой Народной Республики проблема неопределенности, к сожалению, не потеряла своей актуальности и сегодня. Уже прошел практически год с тех пор, как вопрос политической неопределенности потерял свою значимость, однако же военная обстановка остается по-прежнему нестабильной. Мы предполагаем, что пережитые этапы относительного затишья и интенсивные обстрелы, лавина разнообразной и неоднозначной информации, накапливающиеся бытовые, материальные и социальные неразрешенные проблемы будут сказываться на особенностях временной перспективы личности. Сказанное позволяет нам обозначить целью данного исследования изучение динамики временной перспективы студентов в условиях неопределенности.

Основная часть. Проблема изучения временной перспективы, изначально поднятая в психологии Л. Франком, нашла свое отражение в исследованиях ряда психологов. Среди них — К.А. Абульханова-Славская, Е.И. Головаха, А.А. Кроник, Д.А. Леонтьев, Ж. Нюттен, К. Левин, Ф. Зимбардо и др. Традиционно заявленное понятие рассматривается как обозначающее взаимообусловленность и взаимосвязь прошлого, настоящего и будущего в сознании и поведении личности. Другими словами, временная перспектива рассматривается как система представлений субъекта о своём психологическом прошлом и психологическом будущем, существующих в конкретный момент времени. На эту систему представлений оказывает серьезное влияние окружающая обстановка и социум [2]. Так, Е.И. Головаха и А.А. Кроник характеризуют субъективное чувство возраста человека с точки зрения событийного подхода. Это чувство у разных людей может быть представлено в разной мере. Чувство возраста авторами анализировалось с точки зрения субъективной наполненности событиями. Между этими событиями устанавливаются связи, которые могут описывать личность в целом или же отдельный временной локус. К.А. Абульханова-Славская для обозначения исследуемого феномена использует понятие временной транспективы. Автор рассматривает ее как способность чувственно-деятельного освоения человеком времени, связанную с прогнозированием и организацией событий в результате их анализа с точки зрения будущего. Соответственно, во временной транспективе отображается связь перспективных и ретроспективных моментов индивидуального бытия личности, особенности «сквозного видения» из настоящего в прошлое и будущее [2, 4]. Близкой точки зрения придерживаются К. Левин, по мнению которого временная перспектива содержит будущее и прошлое, реальный и идеальный план жизни в плане конкретного момента. Ж. Нюттен заявляет мотивационный подход к анализу временной перспективы. Данный феномен он рассматривает как временное измерение поведенческого мира, описывающее способность человека ставить и осуществлять отдаленные во времени цели. По мнению автора, временную перспективу целесообразно изучать как пространство формирования когнитивно переработанной мотивации деятельности личности [2, 3]. В представлении Ф. Зимбардо временная перспектива выступает и как процесс, с помощью которого течение жизни интегрируется в категории времени, и как часто неосознанное отношение человека ко времени. В структуре временной перспективы автор выделяет следующие компоненты, выступающие взаимно независимыми: негативное прошлое, позитивное прошлое, фаталистическое настоящее, гедонистическое настоящее, будущее [1].

На наш взгляд, неопределенность окружающей обстановки может находить свое отражение как в специфике, так и в динамике временной перспективы личности. Это обусловило выделение в качестве предмета

исследования динамики временной перспективы студентов в условиях неопределенности.

С целью выявления динамики временной перспективы студентов в условиях неопределенности была сформирована выборка, в которую вошли 202 студента 2-3 курсов, осваивающих программу бакалавриата/специалитета по отдельным направлениям ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк. Среди них 93 психолога, 35 специалистов в сфере психологии служебной деятельности, 74 филолога (профиль: Зарубежная филология) и лингвиста (профиль: Перевод и переводоведение). Исследование проводилось на протяжении 2019-2023 гг. В данной работе представлены результаты сопоставления данных, полученных в 2019 и 2023 годах соответственно. Изучение особенностей временной перспективы проводилось с использованием методики изучения временной перспективы Ф. Зимбардо и методики «Семантический дифференциал времени» Л.И. Вассермана, Е.А. Трифионовой, К.Р. Червинской. Полученные данные затем обрабатывались с помощью как первичной статистики, так и непараметрического критерия Т-Вилкоксона. Однако использование данного критерия не показало значимых различий между показателями, полученными в разные годы. Поэтому на настоящий момент мы можем говорить лишь о намечающихся тенденциях к изменению восприятия временной перспективы, основываясь на данных первичной статистики.

Остановимся на наиболее значимых результатах исследования. Обратимся к особенностям временной перспективы студентов, выявленным с помощью методики Ф. Зимбардо В сравнении с результатами прошлых лет (см. по [4]), следует отметить небольшое снижение практически всех показателей временной перспективы. Данное снижение не является статистически значимым, однако позволяет говорить о некоторых общих тенденциях. Находясь в пределах средних, показатели гедонистического настоящего, будущего и позитивного прошлого несколько превышают аналогичные данные по показателям фаталистического настоящего и негативного прошлого. Можно говорить о наличии у обследуемых выраженных целей и планов на будущее; достаточный уровень принятия собственного прошлого, при котором любой опыт рассматривается как способствующий развитию и приведший к нынешнему состоянию; восприятие настоящего с гедонистической позиции, позиции удовольствия. Последняя тенденция несколько настораживает, так как при таком восприятии настоящего оно видится оторванным от прошлого и будущего. Возможно, такой взгляд как раз обусловлен нынешней нестабильной обстановкой и отражает стремление человека жить «здесь и теперь. При этом показатели по указанным шкалам не выходят за пределы средне-высоких. Результаты по остальным шкалам, хотя и остаются в пределах средних, несколько ниже. Обследуемые в целом не склонны воспринимать свое настоящее как фаталистическое и предопределенное. Скорее,

указанное время видится в значительной степени зависящим от воли личности. Прошлое же характеризуется преимущественно положительным отношением к прожитым жизненным моментам.

Исследование также показало наличие некоторых отличий среди профессиональных групп студентов. У студентов-филологов и лингвистов в целом более высокие показатели, нежели у психологов и специалистов в сфере психологии служебной деятельности. При этом у последней категории лиц показатели в целом также несколько выше, чем у психологов широкого профиля подготовки. Поскольку все данные находятся в пределах средних значений, а также отсутствуют статистически значимые различия по результатам между группами обследуемых, мы можем считать данные отличия несущественными.

Перейдем к результатам применения методики семантического дифференциала времени Л.И. Вассермана, Е.А. Трифионовой, К.Р. Червинской. При сохранении уже обозначенной тенденции к снижению показателей можно отметить ряд особенностей восприятия прошлого, настоящего и будущего студентами разных направлений подготовки в динамике.

Так, показатели восприятия настоящего времени у студентов-филологов, лингвистов (2019 и 2023 гг.) и специалистов в области психологии служебной деятельности (2019 г.) находятся в пределах средне-высоких, показатели же остальных групп обследуемых существенно ниже, особенно это касается студентов-психологов. Это позволяет характеризовать восприятие студентами настоящего времени как непонятного, неритмичного, прерывистого и необратимого. В сравнении с данным фактором, результаты по факторам ощущения времени и активности времени существенно выше. Отмечается некоторая тревожность, печаль и относительно пессимистическое отношение к настоящему времени. На наш взгляд, описанное представление студентов о своем настоящем может быть отражением и следствием нынешней нестабильной военной обстановки.

Показатели восприятия обследуемыми прошедшего времени существенно выше; общая же тенденция распределения результатов по группам студентов аналогична рассмотренной выше: самые высокие показатели у филологов и лингвистов (2019 и 2023 гг.) и психологов служебной деятельности (2019 г.); у остальных групп — ниже. Фактор структуры времени, оставаясь достаточно выраженным, набрал меньше всего баллов по сравнению с другими факторами. Это позволяет говорить о восприятии студентами прошедшего времени как достаточно напряженного, плотного, активного, стремительного и изменчивого. Также прошедшее время преимущественно воспринимается студентами как реальное, близкое и открытое.

Восприятие студентами будущего времени получило максимальные показатели, полученные в сравнении с оценкой настоящего и прошедшего

времени. Устремленность в будущее, наличие целей и планов, позитивное восприятие и высокая значимость будущего характеризуют практически всех обследуемых. При этом данная тенденция традиционно более выражена у студентов-лингвистов и филологов (2019 и 2023 гг.), а также у будущих специалистов в сфере психологии служебной деятельности (2019 г.). Будущее выступает как достаточно реальное и близкое, о чем можно судить по показателям фактора ощущаемости времени. Также можно отметить, что у обследуемых имеются достаточно определенные планы в отношении будущего, что позволяет предположить наличие серьезного мотивационного потенциала и положительного эмоционального настроя на будущее.

Заключение. Завершая анализ динамики временной перспективы студентов в условиях нестабильности, отметим, что представленные данные показывают общую тенденцию к снижению показателей. Существенных различий в оценке временной перспективы студентами разных направлений подготовки и в разные годы не выявлено. Однако отмечены в целом несколько более высокие показатели у студентов-филологов и лингвистов (2019-2023 гг.), а также специалистов в области психологии служебной деятельности (2019 г.). Перспективой дальнейшей работы в данном направлении является усовершенствование теоретико-методологической базы, существенное увеличение выборки обследуемых и охват большего количества временных промежутков.

Список литературы

1. Зимбардо, Ф. Парадокс времени: новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь / Ф. Зимбардо, Дж. Бойд. — Москва : Речь, 2010. — 352 с. — ISBN: 978-5-9268-0900-5.
2. Купчигина, И. М. Теоретические подходы к изучению структуры временной перспективы в психолого-педагогических исследованиях / И. М. Купчигина, К. М. Недбаева // Молодой ученый. — 2017. — № 48 (182). — С. 156-158. — URL: <https://moluch.ru/archive/182/46852/> (дата обращения: 31.08.2023).
3. Нюттен, Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / Ж. Нюттен / под ред. Д.А. Леонтьева. — Москва : Смысл, 2004. — 608 с. — ISBN: 5-89357-151-7
4. Руденко, С.В. Динамика временной перспективы в условиях нестабильной военно-политической ситуации / С.В. Руденко // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2023. - № 1. — 137 с. — С. 99-106. — URL: https://donnu.ru/public/journals/files/Vestnik_DonNU_D_2023_N1.pdf (дата обращения: 31.08.2023).

ГЛОТТОГЕНЕЗ В КОНТЕКСТЕ КАРТЕЗИАНСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ (ПРЕОДОЛЕНИЕ РУБИКОНА ЯЗЫКА)

Панков В. Е.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный медицинский университет
имени М. Горького», г. Донецк, РФ
parkovvalery@rambler.ru

Введение. Е.Н. Пановым обоснован парадокс глоттогенеза, как невозможности преодоления «Рубикона Языка» путем градуальной (дарвиновской) эволюции систем животной коммуникации (СКЖ). Однако, преодолеть указанный выше парадокс возможно на основе утверждений Ю.М. Лотмана и У. Эко об интеллекте, как семиотической двухкодовой структуре коммуникации, отличной от однокодовых СКЖ [1, 2], для чего необходимо при моделировании глоттогенеза увеличить до двух количество кодов и агентов коммуникации вместо одного в СКЖ [1, 2].

Основная часть. Чтобы преодолеть «Рубикон Язык» необходимо представить упомянутую коммуникативную двухкодовую семиотику в виде аутокоммуникации самого индивидуума по типу феномена эгоцентрической речи (ЭР) [3]. Схема такой аутокоммуникации может быть применена для разрешения интермодального конфликта (подобного тому который наблюдается у Трикстера) аллоцентрического и эгоцентрического операторов экологической навигации, возникшего в результате формирования вида *homo sapiens* [1, 2, 4]. Суть возникшего интермодального конфликта топологий навигационных операторов, весьма ярко и выпукло описано в мифе о Вакджункаге (Трикстере), соответствуя экстрацеребральной феноменологии онтогенеза в фазе громкой ЭР и семиотической модели интеллекта, с как минимум двухкодовой речевой системой, предполагающей интермодальное решение конфликта на основе внешней коммуникации. Архетип Трикстера сводится к его максимально выраженной дезинтеграции и недифференцированности, вплоть до резко выраженного трансвестизма и асоциальности, что невероятно точно передает тенденции в современных западных сообществах в эпоху второго демографического перехода. Исследования, проведенные автором в семиотическом контексте в отношении фактора риска аутизма [3, 5], позволяют рассматривать проблематику этих расстройств коммуникации (социализации) у детей в онтогенезе как модельные относительно генезиса коммуникации и социализации в филогенезе (антропогенезе) [1-4]. Такая методологическая позиция может быть фундирована исследованиями ЭР Ж. Пиаже и Л.С. Выготского. Разнесение семиотических структур языка в билингвальной и распределенной гендерной системе патриархальной

семьи в нашем исследовании расстройств аутистического спектра фундировалось функциональной мозговой асимметрией (ФМА), когда мужчины, как правило, имели левополушарный профиль ФМА, а женщины — преимущественно правополушарный ФМА. Но такая дуальная система гендерной специфики распределения языка обуславливалась достаточно значимым субстанциальным разделением во временной характеристике кодирования деятельности полушарных структур мозга: сукцессивного левого и симультанного правого. Нейрофизиологическое объяснение такого распределения может лежать в области реципрокных взаимоотношений полушарий с наличием в семье лиц с альтернативным способом навигации (эгоцентрического, преимущественно у мужчин или (и) аллоцентрического — у женщин), оптимизируя этим навигационную адаптацию коллектива семьи в целом в условиях окружающего мира. Моделирование процесса преодоления «Рубикона Языка» должно учитывать ряд последовательных этапов:

1. На первом этапе оператор (агент) эгоцентрической навигации, имеющий у обезьян в качестве высшего уровня пространственного контроля локомоции топографический модус, модифицируется до модуса топологического у *homo sapiens*. Формирование такого топологического уровня контроля локомоции может происходить в контексте эволюционной парадигмы дарвиновского отбора, как частного модуса умвельтной адаптации (идиоадаптации) эгоцентрической локомоции. При этом речь идет не о коммуникативном модусе (языке) — цели естественного отбора, а об узком и частном — локомоторном, что полностью соответствует нишевой (умвельтной) специализации приматов. В дальнейшем эта локальная локомоторная идиоадаптация приматов — топологически модифицированная эгоцентрическая навигация выявит свою онтологию в модусе ароморфоза, субстанцируя этот тип навигации как базовый у *homo sapiens*, но уже в модусе коммуникативного агента, или *cogito* Р. Декарта.

2. На втором этапе возникает ситуация коммуникативного интермодального взаимодействия уже двух топологических операторов: аллоцентрического и эгоцентрического из-за пересечения (в силу упомянутой топологичности обоих) их когнитивных полей, которые впервые и только у человека большей частью своих площадей начинают совпадать, создавая различные интерференциальные, конфликтные, конкурентные, фузийные и диспаратные взаимодействия, обуславливая неотложную необходимость их координации. Иллюстративной моделью такого первичного интермодального взаимодействия кинестетических навигаций может служить архетип Трикстера, представляя собой ценность модели первичного акта аутокоммуникации или ЭР на этапе праязыка. Такого рода координации интермодального взаимодействия не могут быть обеспечены дополнительной нейронной интеграцией в рамках,

существующих нейросетей. Единственным вариантом разрешения столь глобального интермодального конфликта навигационных систем является механизм встраивания в систему их координации новой семиотической модальности, отличной от первых двух как по способу генерации сигнала, так и по его восприятию. Тем более что обе системы навигации имеют доступ и к генерации, и к восприятию акустического сигнала. Также удовлетворяется первичное фундаментальное требование семиотической коммуникации столь различных систем навигации: симультанный принцип организации топологического оператора эгоцентрической локомоции, который не способен воспринимать продолжительный акустический (сукцессивный) сигнал, что может быть преодолено краткостью звучания «фонемы» [1].

Заключение. Знак в этой системе человеческого праязыка должен при всей своей фонематической краткости носить все функции предложения, в котором само звучание представляет собой глагольную форму действия, а субъект и объект этого действия еще даны в своей полной неразличимости, если не сказать больше, в полной своей неотличимости и невыявленности. Символизм знака здесь погружен обоими своими краями в онтологию агентов субъектности и объектности, как топологических операторов навигации, а в силу краткости его еще невозможно «преломить» наподобие древнегреческого симболон, что, однако, не лишает его функции порождающей модели последующего модуся языка, как длительности [1].

Список литературы

1. Папков, В. Е. Модель глоттогенеза в контексте семиотики эгоцентрической речи и расстройств гендерной идентификации у детей [Текст] / В. Е. Папков // Медико-социальные проблемы семьи. — 2023. — Т. 28, № 3. — С. 48-57.
2. Папков, В. Е. Семиотика гендера и семьи в контексте распределенной системы экологической навигации [Текст] / В. Е. Папков // Медико-социальные проблемы семьи. — 2023. — Т. 28, № 3. — С. 58-68.
3. Папков, В. Е. Эгоцентрическая речь в контексте расстройств аутистического спектра [Текст] / В. Е. Папков // Личностные и ситуационные детерминанты поведения и деятельности человека: Материалы Международной научно-практической конференции. — Донецк: ДонНУ, 2022. — С. 283-289.
4. Папков, В. Е. Эволюционно-экологические аспекты когнитивного оператора опорно-двигательной системы человека [Текст] / В. Е. Папков // Медико-социальные проблемы семьи. — 2023. — Т. 28, № 1. — С. 78-87.
5. Папков, В. Е. Коморбидность расстройств аутистического спектра и гендерной идентичности как психогигиеническая проблема экологической (umwelt) навигации [Текст] / В.Е. Папков // Вестник гигиены и эпидемиологии. — 2023. — Т. 27, № 2. — С. 86–97.

СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Соседко В. В., Духавнева А. В., д-р пед. наук, доц.
ЧОУ ВО «Южный университет (ИУБиП)», г. Ростов-на-Дону, РФ
vikasosed@icloud.com; duhavneva@mail.ru

Актуальность. Становление личности дошкольника остается актуальной и важной проблемой в современном мире. Именно в этот период идет основное формирование и развитие личности.

Цели и задачи работы:

1) изучить особенности и этапы формирования личности дошкольного возраста;

2) выявить роль семьи в формировании личности дошкольника.

Становление ребенка как личности начинается с 2-3 лет жизни, начинает формироваться индивидуальность, но формирование личности на этом не заканчивается и продолжает развиваться примерно до 20 лет.

Становление личности подразумевает развитие познавательных процессов и нравственных качеств, формирование мировоззрения и самосознания, развитие самостоятельности в деятельности и социальной активности. Это не полный перечень тех особенностей, которые характеризуют личность человека, но они являются главными движущими силами формирования личности ребенка. Перечисленные составляющие закладываются в дошкольном возрасте. Как и говорилось выше, активным стартом считается 3-летний возраст, когда начинается кризис 3-х лет и пробуждается «самостоятельное Я».

К началу школьного обучения формирование личности преодолевает 2 важных этапа, способствующих развитию основных возрастных особенностей: 1) этап становления самостоятельности; 2) этап формирования личностной инициативности.

Непосредственно в дошкольный период начинают формироваться основные особенности личности, которые оказывают влияние на дальнейшее развитие ребёнка:

1) формирование базовых черт характера (в этот период закладываются основы характера ребёнка — его устойчивые, долгосрочные черты, определяющие стиль поведения и отношения к окружающему миру);

2) развитие социальных навыков: дети учатся взаимодействовать с другими, развивать эмпатию, понимание эмоций, участвовать в играх и конфликтах, осваивать правила поведения в обществе;

3) формирование самосознания и самооценки: ребёнок начинает осознавать себя как индивида, анализировать свои поступки, качества, что формирует его самооценку и внутреннюю уверенность;

4) развитие когнитивных процессов: происходит активное развитие мышления, памяти, внимания, воображения и речи, что формирует основы познавательных способностей и интеллектуального потенциала;

5) установка на будущее обучение: создание интереса к обучению, развитие умений обучаться и осваивать новые знания, что становится основой для успешного адаптирования к школьной среде;

6) формирование основных моральных ценностей: важной задачей является воспитание нравственности, этических принципов, адекватного понимания норм и правил поведения в обществе;

7) развитие творческого потенциала: способствование формированию творческих способностей, воображения, фантазии и креативности;

8) формирование основ здорового образа жизни: введение в здоровый образ жизни, правильное питание, физические упражнения, что способствует формированию здоровьесберегающих привычек.

Все эти аспекты важны для полноценного развития ребёнка и формирования его личности в дошкольный период.

Становление личности тесно связано с воспитанием родителей, так как почти все время ребенок проводит с ними, все особенности формирования тесно связаны и зависят от родителей. Семья играет ключевую роль в формировании личности дошкольника. В этом возрасте дети осваивают основные ценности, нормы поведения и социальные навыки через взаимодействие с семьей. Родители являются первыми учителями, формируя у ребенка основы моральных и культурных ценностей. Семейная атмосфера и взаимоотношения влияют на эмоциональное и психологическое благополучие ребенка, а также на его уровень уверенности и самооценки. Взаимодействие с братьями, сестрами и родителями помогает развивать навыки коммуникации и социализации, так как дошкольник проводит все основное время с семьей и берет пример с окружающих его людей.

Список литературы

1. Анкудинова, Н.Е. О развитии самосознания у детей / Н.Е. Анкудинова. — Москва // Психология дошкольника : хрестоматия : для студентов средних педагогических заведений / Сост. Г.А. Урунтаева. — Москва : Академия, 1997. — С. 260-271.
2. Божович, Л. И. Этапы формирования личности в онтогенезе (I) // Божович Л. И. Проблемы формирования личности : Избранные психологические труды. / Под ред. Д. И. Фельдштейна. — Издание 2-е, стереотипное. — Москва : Издательство «Институт практической психологии», Воронеж : НПО «МОДЭК» 1997. — С. 193-212. — URL: <https://psychlib.ru/inc/absid.php?absid=63117>.
3. Божович, Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л. И. Божович. — Москва [и др.] : Питер, 2008. — 398 с.; ISBN 978-5-91180-846-4
4. Валлон, А. Психическое развитие ребенка [Текст] : [Пер. с фр.] / [Вступ. статья к. философ. наук Л. И. Анцыферовой] ; Акад. пед. наук СССР. — Москва : Просвещение, 1967. — 196 с.

5. Дедусенко В.С. Психологические особенности межличностных отношений в эпоху цифровизации [Электронный ресурс] // Интеллектуальные ресурсы — региональному развитию, 2022. № 1. — С.82-85. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48288510> (дата обращения: 26.09.2023)
6. Тронь Е.А. Влияние дистанционного обучения на психику ребенка [Электронный ресурс] // Интеллектуальные ресурсы — региональному развитию, 2022. № 1. — С. 147-151. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48288523> (дата обращения: 26.09.2023)

УДК 159.9

ПРОЯВЛЕНИЕ САМОЭФФЕКТИВНОСТИ У СТУДЕНТОВ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

Ярмыш И. А., канд. психол. наук, доц.
ФБГОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
yarmyshia@mail.ru

Введение. В настоящее время психологи отмечают, что самоэффективность выступает внутренним ресурсом личности, ведущим фактором успешности личности в различных сферах жизнедеятельности. Понятие «самоэффективность» стало активно исследоваться как в зарубежной психологии, так и отечественной наряду с такими категориями как «личностный рост», «саморазвитие», «самореализация».

Основная часть. В западной психологии самоэффективность рассматривается как своеобразный когнитивный механизм, позволяющий личности провести анализ своих возможностей для выполнения определенной деятельности. Процесс самоэффективности рассматривается как формирование компетентности, внутренней мотивации личности, самооценки. В отечественной психологии самоэффективность отражает совокупность «стержневых» личностных особенностей, характеризует зрелую личность, способную к успешной деятельности. Процесс самоэффективности характеризуется как самоактуализация, личностная зрелость, уверенность в себе, вера в способность выполнять определенные профессиональные действия. Самоэффективность рассматривается как составляющая личностного потенциала, как компонент самосознания и метакачество человека [1,2]. При этом оба направления сходятся во мнении, что самоэффективность может рассматриваться через жизнестойкость, локус контроля, базисные убеждения, самооценку и самооценочные отношения.

В современной отечественной психологии исследования самоэффективности носят, как правило, фрагментарный характер. Поэтому самоэффективность становится сегодня предметом специального исследования в психологии личности. Также, в последние годы наблюдается

расширение границ в исследовании самооффективности, которые охватывают разные возраста — от подросткового до взрослого — и различные сферы жизни: профессиональная деятельность, общение, учение. Отметим, что самооффективность в юношеском возрасте выступает основой формирования жизненной стратегии и определяет линию профессионального развития [3]. Все вышесказанное и обусловило цель исследования.

Целью исследования стало изучение самооффективности студентов-психологов служебной деятельности на разных этапах обучения в ВУЗе.

Объект исследования: самооффективность как психологический феномен.

Предмет исследования: самооффективность студентов-психологов на разных этапах обучения в ВУЗе.

В исследовании приняли участие студенты направления «Психология служебной деятельности» ДонГУ. Выборка представлена 44 участниками: из них 22 студента 2 курса — возрастной диапазон 18-19 лет (средний возраст 18,5 лет); а также 22 студента 4-5 курсов по возрасту 21-23 лет (средний возраст 22 года).

В качестве инструментария нами был сформирован следующий пакет **методик**: «Шкала самооффективности» Д. Маддукса и М. Шерера в адаптации А. В. Бояринцевой и Р. Л. Кричевского — направлена на определение уровня субъективной оценки испытуемым своего потенциала в сфере предметной деятельности и в сфере общения, которым он может реально воспользоваться [4]. «Опросник самоотношения» В. В. Столина, С. Р. Пантелеева — направлен на выявление уровня самоотношения испытуемого к самому себе [5]. Опросник «Уровень субъективного контроля» Е. Ф. Бажина, Е. А. Голынкиной, А. М. Эткинда — направлен на исследование локуса контроля в следующих областях: контроль в ситуациях достижения, в ситуациях неудачи, в области производственных и семейных отношений, в области здоровья. «Шкала базисных убеждений» Р. Янова-Булмана в адаптации М. А. Падун, А. В. Котельниковой — направлена на диагностику базовых убеждений как в отношении самого себя, так и в отношении окружающего мира [6].

Результаты и обсуждение. В ходе исследования установлено, что у студентов второго курса высокий уровень *самооффективности в области предметной деятельности* ($t=2,21$; $p\leq 0,05$) и низкий уровень *коммуникативной самооффективности* ($t=2,16$; $p\leq 0,05$). По мере обучения в вузе к старшему (пятому) курсу увеличивается общий индекс и индекс деятельности ($M=28,88$ и $M=38,84$ соответственно), и социальной самооффективности ($M=9,68$ и $M=12,04$ соответственно), повышаются показатели настойчивости и самоконтроля.

Сравнительный анализ индивидуальных особенностей *субъективного контроля* (локус контроля) в рамках различных ситуаций, показал отсутствие значимых различий: вне зависимости от курса обучения, наиболее

выраженным является уровень интернальности в области межличностных, производственных отношений и в области достижений. Это указывает на то, что при внутреннем локусе контроле самооэффективность будут выше в случае успеха и иметь низкие показатели в случае неудачи.

Показано, что самооэффективность определяется не только спецификой будущей профессиональной деятельности студентов, но самооценочными отношениями и самооценкой, которая включена в процесс оценки компетенций, связанных с деятельностью и поведением. Сравнительный анализ показал, что у студентов пятого курса значимо выражены показатели *глобального самоотношения* ($t=4,67$; $p\leq 0,01$); *самоуважения* ($t=3,92$; $p\leq 0,01$), *аутосимпатии* ($t=2,95$; $p\leq 0,01$) — для них характерны благоприятное отношение к собственному «Я» и ощущение собственной ценности; вера в свои силы, способности, энергию, самостоятельность, оценку своих возможностей; отношение к себе как к уверенному, самостоятельному, волевому и надежному человеку, которому есть за что себя уважать.

Установлено сходство по шкале *ожидаемого отношения от других* показатели которой выражены на низком уровне в двух группах — у студентов отмечается низкая потребность в положительном к себе отношении со стороны окружающих и социальной оценке.

Выявлены особенности базисных убеждений студентов на разных этапах обучения в вузе: начальном и итоговом. Среди базовых убеждений студентов второго курса высокого уровня достигают благосклонность мира, контролируемость мира. Ряд показателей оказался на среднем уровне — это ценность собственного «Я», убежденность в справедливости мира. Полученный результат объясняется романтическими представлениями о жизни и идеализированным мировоззрением, выражена убежденность в доброте людей, характерно убеждение о контролируемости мира.

Среди базовых убеждений студентов пятого курса высокого уровня достигает контролируемость мира. Ряд показателей оказался на среднем уровне — это ценность собственного «Я», убежденность в справедливости мира и убежденность в том, что в жизни часто способствует удача. Однако, сохраняя убежденность о контролируемости мира, у студентов пятого курса начинает формироваться убеждение, что все происходящее в жизни человека подчинено принципу случайности и неопределенности. Кроме этого, для студентов характерно убеждение, что им во всем везет в жизни.

Выявлены значимые различия в показателях базового убеждения «Образ Я» ($t=2,7$; $p\leq 0,01$) — к пятому курсу отмечается положительная динамика убежденности в ценности собственного «Я». Студенты становятся увереннее в себе, ориентируются на преобладание положительных черт характера и хороших поступков при оценке собственной личности, высоко оценивают свою индивидуальность и способность распоряжаться жизнью.

Заключение. Таким образом, результаты исследования позволили получить данные, касающиеся самооэффективности студентов-психологов

служебной деятельности на разных этапах обучения в ВУЗе. Выявлен ряд особенностей в проявлении самооффективности, а именно: развитые представления о необходимых знаниях и умениях, о способах организации и осуществления собственной деятельности, необходимой для достижения определенной цели. В основном студенты проявляют уверенность в том, что они компетентны в общении, способны конструктивно решать вопросы коммуникативного характера, склонны к компромиссным решениям. При этом характерным является низкая потребность в оценке со стороны других. Установлено, что параметры самооффективности личности студента развиваются в процессе обучения в вузе. Проявление самооффективности студентов-психологов служебной деятельности на разных этапах обучения в ВУЗе имеет линейную динамику и определяется личностными особенностями. Полученные данные позволят создать психолого-педагогические условия для развития личностных ресурсов и инструментов будущей профессиональной деятельности у студентов психологов служебной деятельности в процессе обучения.

Список литературы

1. Леонтьев, Д. А. Психология свободы : к постановке проблемы самодетерминации личности / Д. А. Леонтьев // Психологический журнал. — 2000. — Т. 21. — № 1. — С. 15-25.
2. Селезнева, Е.В. Самооффективность как акмеологический инвариант профессионализма кадров управления / Е. В. Селезнева / Акмеология. — 2016. — №4. — С. 113-123.
3. Погорелов, А. А. Психологические особенности проявления самооффективности в юношеском возрасте / А. А. Погорелов // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. — 2012. — № 3. — С. 125-131.
4. Бояринцева, А. В. Тест на самооффективность / А. В. Бояринцева // Психология развития конкурентоспособной личности / Л. М. Митина. — Москва : Изд. Моск. психолого-социального ин-та; Воронеж : Изд. НПО «МОДЕК», 2003. — С. 217-219.
5. Столин, В.В. Опросник самоотношения / В.В. Столин, С.Р. Пантелеев // Практикум по психодиагностике: Психодиагностические материалы. — Москва, 1988. — С. 123-130.
6. Реан, А. А. Практическая психодиагностика личности: Учеб. пособ. / А. А. Реан. — Санкт-Петербург; Изд-во СПб ун-та, 2001. — 224 с.

Человек в системе социальных отношений

УДК 159.923.2

ПРЕДИКТОРЫ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ СОТРУДНИКОВ СТРОИТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Ангелина Э. А., канд. филос. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
adjon@yandex.ru

Введение. Современная социально-экономическая ситуация кардинально изменила подход к управлению человеческими ресурсами. Переменчивость в экономике и политике, последствия мер безопасности, принятых в 2020 году в связи с возникновением новой коронавирусной инфекции, ситуация, сложившаяся в связи с проведением Российской Федерацией специальной военной операции на Украине в 2022 году и др., без сомнений, подводят организации к необходимости постоянной адаптации персонала к новым вызовам социально-экономического характера. Это обусловлено рядом факторов: санкции, нарушение привычной логистики поставок материалов, их задержка или отмена, изменение интересов и покупательской способности целевой аудитории. Эти факторы ощутимо влияют не только на уровень продаж, экономическое состояние организации, но и вызывают психологическую нестабильность, эмоциональную напряженность каждого работника, оказывают прямое воздействие на него, побуждая адаптироваться к этим изменениям [5].

Цель данного исследования заключается в ответе на вопрос — каковы же предикторы социально-психологической адаптации сотрудников строительной организации в современных социально-экономических условиях?

Основная часть. На основании выделенных специалистами А.Г. Маклаковым [1], А. А. Налчаджяном [2], Р. В. Рывкиной [3], С. Р. Чарышевой [4] причинах, влияющих на социально-психологическую адаптацию, отметим, что единая точка зрения на данную проблему отсутствует, как отсутствуют и исследования предикторов социально-психологической адаптации сотрудников строительной организации.

В исследовании применялись: опросник для оценки уровня социально-психологической адаптации работника предприятия Р.Х. Исмаилова; индивидуально-типологический опросник Л.Н. Собчик; опросник «Копинг-стратегии» Р. Лазаруса, С. Фолкмана в адаптации Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтяк, М.С. Замышляевой; опросник поведения и переживаний, связанных с работой — АVЕМ У. Шааршмидта и А. Фишера в адаптации Т. Ронгинской.

В выборку данного исследования вошли работники организации ООО ТехноПроектСтрой различных отделов, всего 52 человека. Из них 40 мужчин и 12 женщин. Все сотрудники имеют высшее образование. Возрастной диапазон — от 30 до 55 лет, средний возраст — 41 г., 8 мес. Стаж работы в организации от 6 до 16 лет.

При анализе результатов по *опроснику оценки уровня социально-психологической адаптации* выборка была разделена на две группы: экспериментальную (сотрудники с низким уровнем адаптации — 18 человек) и контрольную (сотрудники с высоким и выраженным уровнем адаптации — 34 человека).

При оценке достоверности различий в уровне социально-психологической адаптации между экспериментальной и контрольной группами, были обнаружены различия по шкалам «Удовлетворенность своим положением» ($U_{эмп}=55,0$ при $p \leq 0,01$), «Отношение к труду» ($U_{эмп}=78,0$ при $p \leq 0,01$), «Удовлетворенность собой на работе» ($U_{эмп}=97,5$ при $p \leq 0,01$), общему показателю адаптации ($U_{эмп}=96,3$ при $p \leq 0,01$), «Отношения между рабочими» ($U_{эмп}=218,4$ при $p \leq 0,05$) и «Отношение к малой группе» ($U_{эмп}=320,0$ при $p \leq 0,05$). Таким образом, сотрудники экспериментальной и контрольной групп различаются по различным критериям и по общему уровню адаптации.

При анализе результатов по *индивидуально-типологическому опроснику* в экспериментальной и контрольной группах были обнаружены различия по шкалам: «Спонтанность» ($U_{эмп}=162,5$ при $p \leq 0,01$), «Агрессивность» ($U_{эмп}=114,5$ при $p \leq 0,01$), «Ригидность» ($U_{эмп}=203,5$ при $p \leq 0,05$), «Сенситивность» ($U_{эмп}=503,5$ при $p \leq 0,05$) и «Тревожность» ($U_{эмп}=459,0$ при $p \leq 0,05$). Таким образом, сотрудникам с разным уровнем социально-психологической адаптации присущи различная выраженность индивидуально-типологических особенностей.

Анализируя результаты по *опроснику копинг-стратегий* в экспериментальной и контрольной группах были обнаружены различия по шкалам: «Бегство-избегание» ($U_{эмп}=43,5$ при $p \leq 0,01$), «Планирование решения проблемы» ($U_{эмп}=58,3$ при $p \leq 0,01$), «Дистанцирование» ($U_{эмп}=195,0$ при $p \leq 0,05$), «Самоконтроль» ($U_{эмп}=189,1$ при $p \leq 0,05$). Таким образом, у испытуемых с высоким и выраженным уровнем адаптации (контрольная группа) наиболее выраженным является проблемно-ориентированный, конструктивный копинг. У испытуемых с низким уровнем адаптации (экспериментальная группа) — эмоционально-ориентированный, неконструктивный копинг.

При анализе результатов по *опроснику поведения и переживаний, связанных с работой — AVEM* в экспериментальной и контрольной группах были установлены статистически значимые различия: в *сфере профессиональной активности* по шкалам «Профессиональные притязания» ($U_{эмп}=97,5$ при $p \leq 0,01$), «Готовность к энергетическим

затратам» ($U_{эмп}=197$ при $p \leq 0,05$); в сфере психологической устойчивости — по шкалам «Тенденция к отказу в случае неудачи» ($U_{эмп}=108,4$ при $p \leq 0,01$) и «Активная стратегия решения проблем» ($U_{эмп}=203,1$ при $p \leq 0,05$).

При определении предикторов социально-психологической адаптации сотрудников строительной организации был проведен корреляционный анализ с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена. Так, были обнаружены: значимые отрицательные связи ригидности с удовлетворенностью трудом ($r_s = -0,398$ при $p \leq 0,01$), удовлетворенностью собой на работе ($r_s = -0,333$ при $p \leq 0,01$), а также с общим уровнем адаптации ($r_s = -0,295$ при $p \leq 0,05$); значимые положительные связи сенситивности с отношениями между рабочими ($r_s = 0,305$ при $p \leq 0,05$) и с отношением к малой группе ($r_s = 0,311$ при $p \leq 0,05$); значимые отрицательные связи тревожности с удовлетворенностью своим положением ($r_s = 0,359$ при $p \leq 0,01$), удовлетворенностью собой на работе ($r_s = 0,367$ при $p \leq 0,01$) и с общим уровнем адаптации ($r_s = 0,302$ при $p \leq 0,05$).

Далее нами был проведен корреляционный анализ показателей социально-психологической адаптации и предпочитаемых копинг-стратегий респондентов. Нами были обнаружены: значимая отрицательная связь между конфронтацией и отношениями между рабочими ($r_s = -0,358$ при $p \leq 0,01$); значимые отрицательные связи между дистанцированием и отношением к объединению ($r_s = -0,400$ при $p \leq 0,01$), отношением к труду ($r_s = -0,380$ при $p \leq 0,01$), общим уровнем адаптации ($r_s = -0,295$ при $p \leq 0,05$); значимая отрицательная связь между бегством-избеганием и отношением к труду (удовлетворенностью работой) ($r_s = -0,358$ при $p \leq 0,01$); значимые положительные связи между решением проблем и удовлетворенностью своим положением ($r_s = 0,387$ при $p \leq 0,01$), удовлетворенностью собой на работе ($r_s = 0,398$ при $p \leq 0,01$) и общим уровнем адаптации ($r_s = 0,405$ при $p \leq 0,05$); значимые положительные связи между положительной переоценкой и удовлетворенностью своим положением ($r_s = 0,280$ при $p \leq 0,05$) и общим уровнем адаптации ($r_s = 0,297$ при $p \leq 0,05$).

При проведении корреляционного анализа показателей социально-психологической адаптации и особенностей поведения и переживаний, связанных с работой, были обнаружены: значимая положительная связь между профессиональными притязаниями и удовлетворенностью своим положением ($r_s = 0,321$ при $p \leq 0,05$); значимые отрицательные связи между отказом от борьбы при неудаче и удовлетворенностью работой ($r_s = -0,402$ при $p \leq 0,01$) и общим уровнем адаптации ($r_s = -0,397$ при $p \leq 0,05$).

Заключение. Таким образом, подтверждено, что предикторами социально-психологической адаптации сотрудников строительной организации являются: индивидуально-типологические особенности (ригидность), копинг-стратегии самоконтроля и положительной переоценки, удовлетворенность содержанием и условиями труда.

Список литературы

1. Маклаков, А. Г. Формирование адаптационного потенциала личности и его развитие в процессе обучения в вузе / А.Г. Маклаков, А.А. Сидорова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, Вып. 5, № 4, 2011. — С. 41–51.
2. Налчаджян, А. А. Психологическая адаптация: механизмы и стратегии / А. А. Налчаджян. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Эксмо, 2010. — 368 с.
3. Рывкина, Р. В. Образ жизни населения России : социальные последствия реформ 90-х годов / Р. В. Рывкина // Социол. исслед. 2001. № 4. — С. 32–39.
4. Чарышева, С. Р. Социально-психологические факторы стабильности персонала организации в условиях социально-экономического кризиса : автореферат дис. ... кандидата психологических наук : 19.00.05 / Чарышева Софья Рашидовна ; [Место защиты: Гос. ун-т упр.]. — Москва, 2010. — 26 с.
5. Шульга, Н. В. Социально-психологические факторы отношения сотрудников к изменениям в организации / Н. В. Шульга. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2021. — № 25 (367). — С. 504-506. — URL: <https://moluch.ru/archive/367/82475/> (дата обращения: 22.09.2022).

УДК 159.99

К ВОПРОСУ О РОЛИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УПРАВЛЕНИИ КОНФЛИКТОМ

Аристова И. Л., канд. психол. наук, доц.,

Аристов М. А., Ким А. А.

ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет»,

г. Владивосток, РФ

aristova.il@dyfu.ru; aristov.mal@students.dyfu.ru; kim.aaleksand@students.dyfu.ru

Исследования эмоционального интеллекта и эмоций и их роли в нашей жизни, в том числе в профессиональной сфере, прочно вошли в психологическую науку. В последние годы зарубежные исследователи все активнее используют эти конструкты для поисков способов урегулирования конфликтов в организационном пространстве. Так Bodtke и Jameson базируясь на идее, что конфликт и эмоции неразрывно связаны, утверждают, что быть в конфликте — значит быть эмоционально заряженным [1]. А как только мы признаем, что эмоции являются основой любого конфликта, вопрос о том, как эмоции влияют на управление конфликтом, становится центральным. В указанной работе авторы описывают компоненты эмоционального опыта, такие как вербальное и невербальное поведение, физиологический аспект и когнитивную составляющую, а также влияние процесса социального конструирования на формирование эмоционального отклика, и показывают возможный вклад этих элементов в возникновение и развитие конфликта. При этом они считают, что когнитивная составляющая в виде оценки ситуации

играет центральную роль в организационном конфликте, что согласуется с теоретическими воззрениями С. Шехтера на процесс возникновения эмоций. Действительно, осознание ситуации как конфликтной уже сопровождается эмоциональным окрашиванием. И с этого момента эмоциональные состояния оказываются включенными в динамику любого конфликта, что влияет на его протекание и исход. Осознание конфликтной ситуации и эмоциональная составляющая могут привести к конфликтному поведению сторон. Подобное действие может быть направлено на то, чтобы прямо или косвенно блокировать цели, намерения и достижение определенных потребностей противоположенной стороны. В свою очередь, эмоции стимулируют конфликтное поведение, что может привести к дестабилизации и эскалации конфликта.

В других исследованиях установлено [2], что независимо от типа организационного конфликта все эмоции, проявляемые в результате конфликта, оказывают негативное воздействие на участников. Кроме того, зафиксирована связь отрицательной эмоциональности с плохой работой в группе и низким уровнем удовлетворенности участников. Показано, что в организации группы, в которых нормальным считается конфликт цели, а не конфликт отношений, являются наиболее эффективными.

Еще одно направление исследований связано с изучением роли эмоций и эмоционального интеллекта в переговорном процессе и в практике медиации. В переговорах эмоции могут играть положительную или отрицательную роль. В ходе переговоров решение о том, соглашаться или нет, частично зависит от эмоциональных факторов. В целом положительные эмоции повышают вероятность того, что стороны достигнут своих инструментальных целей. Результаты исследований позволяют говорить, что положительные эмоции способствуют решению проблем, творчеству, уважению мнения других и даже улучшению когнитивных способностей. Переговорщики в хорошем настроении, как правило, больше удовлетворены взаимодействием, используют менее агрессивную тактику и достигают более интегративных результатов. В одном из исследований процесса медиации было опрошено 250 медиаторов относительно используемых стратегий. Среди наиболее часто используемых на практике стратегий две напрямую были связаны с эмоциями. Это такие стратегии как перефразирование эмоций, озвученных участниками, и стратегия проверки возможных чувств участников в соответствии с тем, что участники подразумевали [3].

Особый интерес представляют результаты исследования эмоционального интеллекта и поведения участников организационного конфликта, выполненного Remi Ayoko с коллегами [4]. Отдельно проверялась связь эмпатии с конфликтом задач и конфликтом отношений в организации. Получена отрицательная корреляция эмпатии и конфликта, направленного на задачу. Авторы считают возможным интерпретировать это следующим образом — при выраженной эмпатии члены команды

больше озабочены отношениями, а это не способствует нахождению решения конфликта в плоскости задачи. Конфликт отношений также отрицательно связан с уровнем эмпатии. Возможное объяснение заключается в том, что существующая в команде атмосфера, когда члены не могут (нет свободы) выражать свои эмоции, приводит к росту напряженности в отношениях. Ими также получен парадоксальный на первый взгляд результат, показывающий, что эмпатия позитивно коррелирует с длительностью организационного конфликта. В целом результаты свидетельствуют о неоднозначной роли эмоционального интеллекта и эмпатии в развитии организационного конфликта и позволяют менеджеру учитывать специфику конфликта в организации и психологические особенности участников при управлении конфликтом.

Результаты отдельных исследований позволяют говорить о культурных различиях в восприятии внутригруппового конфликта и в выборе предпочитаемой стратегии управления конфликтом [5]. Эти многочисленные данные позволяют взглянуть на проблему управления организационным конфликтом несколько иначе и обратиться к изучению психологических факторов, влияющих на организационный конфликт и способы его урегулирования. В планируемом исследовании предполагается изучить, влияет ли эмоциональный интеллект и эмпатия как личностная характеристика работников на восприятие организационного конфликта и предпочитаемый способ управления.

Таким образом, в научной литературе по управлению конфликтом произошел определенный сдвиг интереса в область психологического пространства и присутствует осознание, что урегулирование конфликта подразумевает под собой и управление эмоциональным состоянием, что эмоции могут быть не только побочным эффектом конфликта, а определенное эмоциональное сопровождение может присутствовать на каждом этапе конфликта будь то усиление негативно эмоционального отношения, «образ врага», или переход в открытую эмоционально-агрессивную стычку. Соответственно, эмоции могут определять то, как стороны воспринимают и понимают разногласие, что может сказаться на самом протекании конфликта и выбираемом способе управления.

Список литературы

1. Bodtker, A.M., Jameson, J.K. (2001). Emotion in Conflict Formation and Its Transformation Application to Organizational Conflict Management the International Journal of Conflict Management 2001, Vol.12, No.3, pp.259-275.
2. Jehn, K.A. (1997). A Qualitative Analysis of Conflict Types and Dimensions in Organizational Groups. Administrative Science Quarterly, 42, pp. 530-557.
3. Charkoudian L., De Ritis C., Buck R., Wilson C.L. (2009). Mediation by Any Other Name Would Smell as Sweet—or Would It? The Struggle to Define Mediation and Its Various Approaches Conflict Resolution Quarterly, vol. 26, no. 3, Spring 2009 Wiley Periodicals, Inc. and the Association for Conflict Resolution pp.293-316.

4. Ayoko, Oluremi B., Callan, Victor J., and Härtel, Charmine E. J. (2008). The Influence of Team Emotional Intelligence Climate on Conflict and Team Members' Reactions to Conflict. *Small Group Research* 39 (2) pp.121-149.
5. Murayama, A., Carey S. Ryan, C.S., Shimizu, H., Kuribayashi, K., and Miura, A. (2015). Cultural Differences in Perceptions of Intragroup Conflict and Preferred Conflict-Management Behavior: A Scenario Experiment. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2015, Vol. 46(1) pp.88 –100.

УДК 159.95(075.8)

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ПОДРОСТКОВОЙ МОДЫ В ОДЕЖДЕ

Вилюзжанина Т. А., канд. психол. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
vilyuzhanina@mail.ru

Введение. Феномен моды вызывает неиссякаемый интерес у представителей различных гуманитарных наук и сфер жизни — социологии, педагогики, маркетинга, рекламы, психологии. Анализ психологических исследований моды показывает, что мода — многогранный феномен: это и коммуникативное средство, и способ приобщения к социальным нормам и ценностям, инструмент социализации, источник престижа, канал взаимодействия, прием самопрезентации и многое другое [4].

Н.В. Калинина рассматривает моду в качестве адаптационных ресурсов молодежи, поскольку она дает возможность переживания благополучия и собственной социальной значимости, что имеет важное значения для социальной адаптации [2]. М.И. Килошенко отмечает, что мода «определяет характер человека как в плане его взаимодействия с предметным миром, так в плане взаимодействия с социальной средой, с самим собой» [3, с. 42].

Все это определяет привлекательность моды для исследователей. Однако подростковая мода пока изучена явно недостаточно.

Основная часть. Особое значение мода имеет в подростковом возрасте.

Противоречивость подросткового возраста, своеобразная маргинальность (К. Левин), связанная с промежуточностью этого периода, переходом от детства к взрослости, находит выражение в следовании подростком моде, что помогает им в решении проблем взросления. Так, модная тенденция в одежде unisex — способ избавиться от страха, связанного с телесными изменениями, сексуальными переживаниями. Чтобы преодолеть этот страх, подростки скрывают его за «бесполой» одеждой.

Такие типичные характеристики подростков, как неустойчивость самооценки, чувство неуверенности, тревожности, чрезмерная

чувствительность к чужому мнению, уязвимость и ранимость, ощущение, что он находится в центре внимания («на сцене»), приводят к тому, что подросток, создавая собственный модный образ, может выглядеть вызывающе, странно, шокирующе («Кошмар!» — скажут взрослые, «Вау!» — скажут подростки).

Протест против устаревших норм старшего поколения может вылиться у подростков в приверженность к антимоды (протест против моды). Антимода как социально-культурное явление встречается в современной подростковой среде в виде треш-моды (рванина в одежде, состаренные и неряшливые вещи в стиле гранж, бомж-стайл или бохо), когда создается образ, предельно похожий на бездомных бродяг и других маргинальных личностей [1].

Большинство подростков активно интересуется модой, следует ее последним течениям, соблюдает некий «дресс-код». Но подростки в вопросе выбора одежды, как правило, руководствуются двумя противоречивыми принципами: с одной стороны, ими движет желание быть как все (отсюда однотипная одежда), с другой — выделиться из общей массы (здесь не последнюю роль играют аксессуары: разные заколки для волос, яркие носки, ремни, нашивки и значки, банданы и шейные платки и т. д.)

Создатели подростковых популярных брендов убеждены, что одежда для тинейджеров должна быть модной, стильной и многофункциональной.

Проведя анализ исследований феномена моды, мы сочли возможным выделить функции моды в одежде применительно к подростковому возрасту.

Функция самопрезентации. Подростковый период — это возраст не только социализации, но и индивидуализации. Мода способствует поиску и утверждению уникального и неповторимого образа Я, становлению эго-идентичности. Для подростка важно выделиться, заявить о себе. С помощью модной одежды можно формировать позитивное впечатление о себе, усилить свою привлекательность в глазах окружающих, подчеркнуть свою оригинальность, уникальность, самовыражаться и самоутверждаться.

Одна из очевидных функций — *инновационная*. Мода позволяет подростку реализовать потребность в новых впечатлениях, уйти от унылой повседневности. Подростки предрасположены к экспериментированию с собственной внешностью, склонны к эпатажному, необычному.

Престижная функция. Обладание вещами из коллекций одежды масс-маркета: Mango, Zara, H&M, Gloria Jeans, Orby, Kiabi и La Redoute или их репликами (реплика — точная копия оригинальной вещи, на которой находится логотип популярного бренда) — знак богатства, высокой оценки и уважения в обществе, известности. Мода становится индикатором социального положения, статуса.

Можно выделить *защитно-компенсаторную функцию*. Так, мода помогает подростку скрыть те или иные особенности, реальные или мнимые недостатки внешности, «обезличиться», раствориться или, напротив, укрепить свое «Я». Например, оверсайз в подростковой моде — худи и

свитшоты — маскируют проблемы с весом и позволяют чувствовать себя комфортно, а предметы одежды с провокационными принтами делают возможным изживание страхов.

Ценностно-ориентационная функция подростковой моды заключается в возможности изменений не только во внешности, но и в области ценностей и смыслов. Например, вещи со слоганами отражают то, что значимо для подростка, является девизом. Разобравшись, почему подросток одевается тем или иным образом, можно лучше понять, что он за человек, что его волнует, что важно и значимо.

Референтная функция. Поскольку подростки делятся на различные социальные группы, определенный стиль одежды – это знак принадлежности к определенной социальной группе. Подростки используют моду, чтобы найти свою социальную группу и поддерживать дружеские отношения.

Утилитарная функция. Подростки жаждут свободы, поэтому выбирают удобную одежду, которая будет создавать ощущение комфорта, не ограничивая движения. Это свободная, комфортная, удобная одежда без чрезмерного декора, которую можно сочетать с любыми аксессуарами и подбирать под свое настроение, стиль, увлечения.

Энергичность, динамичность, современность — это все про подростковую моду в одежде. Каждый подросток посредством моды может знакомиться с окружающим его миром, учиться преодолевать собственные страхи, конструировать собственное Я, раскрывать свои творческие способности, ценить свою и уважать чужую индивидуальность и, главное, чувствовать себя свободным. Как говорится, «свобода снаружи поддерживает свободу внутри».

Заключение. Таким образом, приобщение подростков к моде связано с характеристиками возраста и помогает решить в определенной мере ряд задач развития данного возрастного периода: усвоение социальных норм и ценностей; включение в систему отношений с другими людьми, культурой; поиск референтной группы; стремление выразить свою индивидуальность.

Список литературы

1. Баевская, А.Е. Подростковая мода XXI века: поиск нового языка проектирования / А.Е. Баевская, Г.В. Першукевич, Г.В. Толмачёва // Научный журнал «Костюмология». — 2020. — №1. — URL: <https://kostumologiya.ru/PDF/08IVKL120.pdf> (дата обращения: 05.09.2023).
2. Калинина, Н.В. Мода в контексте адаптационных ресурсов личности современной молодежи / Н.В. Калинина // Наука. Мысль. — 2017. — № 2. — URL: wwenews.esrae.ru/53-687.
3. Килишенко, М. И. Психология моды. Учебное пособие / М. И. Килишенко. — Санкт-Петербург : Речь, 2014. — 372 с. — ISBN: 9785496004428.
4. Плешков, А.Н. Социально-экономические факторы формирования моды в молодежной среде: теоретический анализ / А.Н. Плешков // Научный альманах. — 2017. — № 2–2 (28). — С. 357–360.

ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ ДОБРОВОЛЬНО БЕЗДЕТНЫХ СЕМЕЙ

Волошина А. А., Устинова Н. В., канд. психол. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
artyukh98@inbox.ru

Введение. Согласно теоретическим позициям, выработанным по отношению к семье в отечественной психологии, социальная потребность в семье без детей ниже, чем в семьях с детьми (Гребенников И. В., Антонов А. И., Трапезникова Т. М. и др.). В научных трудах выдвигаются положения, что семья без детей не выполняет репродуктивной и воспитательной функций, не удовлетворяет потребность общества в физическом и духовном воспроизводстве (Харчев А. Г.) [1]. Однако, данное положение семьи без детей, как предмета научного исследования, не в полной мере согласовывается с настоящим положением такой семьи в обществе [2]. Тенденция откладывать рождение детей всё более распространяется в современном мире. Это связано, зачастую, с экономическим положением семьи. По данным, приведенным в исследовании Зацепина В. И., лишь один процент бездетных семей являлись бездетными по медико-биологическим причинам, остальная часть являлась таковой из-за отсутствия желания иметь детей. Таким образом, семья без детей перестает быть исключением из правил [3].

Основная часть. В результате анализа научных исследований по изучаемой проблеме было выдвинуто предположение, что существуют различия в жизненных ценностях семей без детей и семей с детьми.

Цель исследования — определить особенности жизненных ценностей супругов в семьях без детей.

Выборку исследования составили 80 человек. Из них 20 супружеских пар с детьми и 20 добровольно бездетных супружеских пар в возрасте от 25 до 35 лет. В исследовании принимали участие семьи, состоящие в браке не менее 5 лет.

С целью выявления изучаемых особенностей была использована методика «Морфологический тест жизненных ценностей» (МТЖЦ) Сопов В. Ф., Карпушина Л. В., позволяющая изучить мотивационно-ценностную структуру личности. Основным диагностическим конструктом МТЖЦ являются терминальные ценности. Под термином «ценность» авторы методики представили отношение субъекта к явлению, жизненному факту, объекту и субъекту и признание его как имеющего «жизненную важность».

Сравнительный анализ жизненных ценностей (рис. 1) показал, что различными для женщин двух исследуемых групп являются следующие

ценности: развитие себя, ценность более значима для женщин из семей без детей ($\mu=49$), чем для женщин из семей с детьми ($\mu=31$). Сравнительный анализ показателей с помощью критерия Манна-Уитни показал значимые различия ($U=0$; $p\leq 0,01$). Ценность активные социальные контакты в большей степени выражена у женщин из семей с детьми ($\mu=54$), чем у женщин из семей без детей ($\mu=48$), ($U=0$; $p\leq 0,01$). Ценность достижения, более значима для женщин из семей без детей ($\mu=54$), чем для женщин из семей с детьми ($\mu=35$), ($U=0$; $p\leq 0,01$). Ценность сохранение собственной индивидуальности в большей степени выражена у женщин из семей без детей ($\mu=52$), чем у женщин из семей с детьми ($\mu=35$), ($U=0$; $p\leq 0,01$).

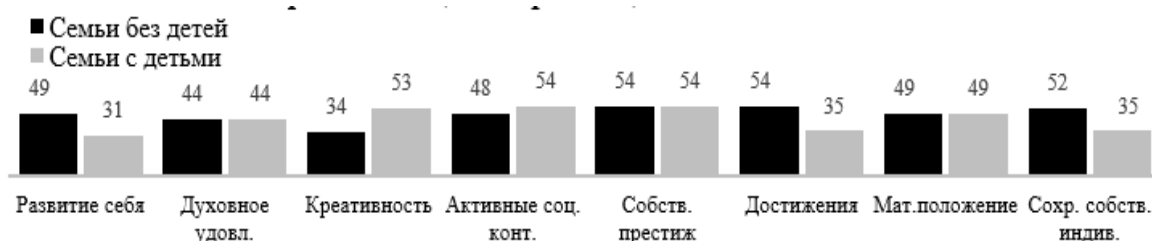

Рис.1. Сравнение жизненных ценностей испытуемых женщин двух групп

Сравнительный анализ жизненных ценностей (рис. 2) показал, что различными для мужчин двух исследуемых групп являются: ценность активные социальные контакты, которая более значима для мужчин из семей без детей ($\mu=47$), чем для мужчин из семей с детьми ($\mu=44$), ($U=0$; $p\leq 0,01$). Ценность достижения в большей степени выражена у мужчин из семей без детей ($\mu=54$), чем у мужчин из семей с детьми ($\mu=38$), ($U=0$; $p\leq 0,01$). Ценность сохранение собственной индивидуальности более значима для мужчин из семей без детей ($\mu=51$) и менее для мужчин из семей с детьми ($\mu=35$), ($U=0$; $p\leq 0,01$).

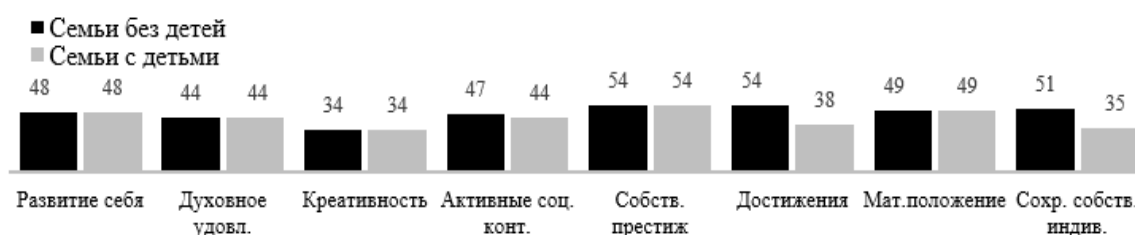

Рис.2. Сравнение жизненных ценностей испытуемых мужчин двух групп

В результате исследования (рис. 3) было выявлено, что согласованными ценностями внутри семей без детей являются: духовное удовлетворение, креативность, собственный престиж, достижения, материальное положение. Остальные ценности у супругов выражены в разной степени: ценность развитие себя в большей степени выражена у женщин ($\mu=49$), чем у мужчин ($\mu=48$), ($U=72$; $p\leq 0,01$). Ценность активные социальные контакты более значима для женщин ($\mu=48$) и менее для мужчин ($\mu=47$), ($U=107,5$; $p\leq 0,01$). Ценность сохранение собственной индивидуальности

индивидуальности в большей степени выражена у женщин ($\mu=52$), чем у мужчин ($\mu=51$), ($U=110$; $p\leq 0,01$).

Рис.3. Сравнение жизненных ценностей внутри семей без детей

Сравнительный анализ результатов (рис. 4) показал, что согласованными ценностями внутри семей с детьми являются: сохранение собственной индивидуальности, духовное удовлетворение и материальное положение, остальные ценности у мужчин и женщин в семьях с детьми имеют различия: ценность развитие себя менее значима для женщин ($\mu=31$) и более для мужчин ($\mu=48$), ($U=0$; $p\leq 0,01$). Ценность креативность в большей степени выражена у женщин ($\mu=53$), чем у мужчин ($\mu=34$), ($U=0$; $p\leq 0,01$). Ценность достижения менее значима для женщин ($\mu=35$), чем для мужчин ($\mu=38$), ($U=3,5$; $p\leq 0,01$).

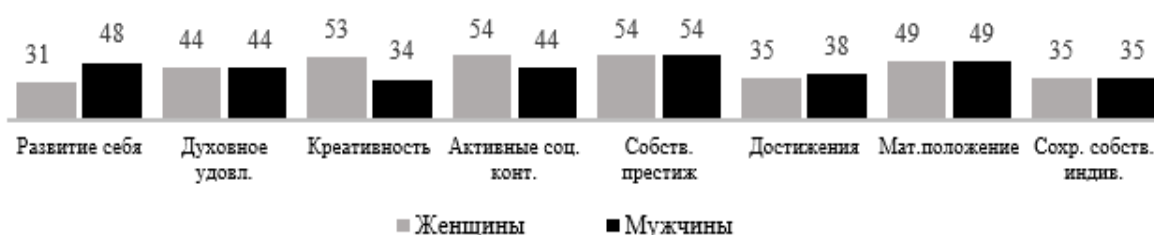

Рис.4. Сравнение жизненных ценностей внутри семей с детьми

Заключение. Проведенное исследование показало, что существуют различия в жизненных ценностях супругов исследуемых групп. Для двух исследуемых групп согласованными являются различные группы жизненных ценностей. При этом у группы семей без детей было выявлено меньше расхождений в согласованности ценностей, чем в группе семей с детьми. Полученные данные позволяют учитывать специфику жизненных ценностей в различных типах семей при построении психологической работы с супругами.

Список литературы

1. Андреева, Т. В. Социальная психология семейных отношений / Т. В. Андреева. — Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2006. — 244 с. — ISBN 978-5-288-04376-5.
2. Векилова, С. А. Психология семьи : учеб. и практикум для вузов / С. А. Векилова. — Москва : Юрайт, 2017. — 308 с. — ISBN: 978-5-9916-6285-7.
3. Ковалев, С. В. Психология современной семьи / С. В. Ковалев. — Москва : Просвещение, 1988. — 208 с. — ISBN 5-09-000427-7.

ЛИЧНОСТНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ СРЕДЕ

Джерелиевская М. А., канд. психол. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова», г. Москва, РФ
madj@mail.ru

Введение. В статье обсуждаются личностные трансформации, особенности которых связываются с результатами воздействия конкретного социокультурного контекста: идеологии, образа жизни, экономическими и другими изменениями. Личностные особенности, представления о мире, ценностно-смысловые составляющие, имеющие непосредственное выражение в Я образе, формируются под воздействием актуального опыта взаимодействия с окружающей средой — информационным обществом, которое трансформирует традиционные способы взаимодействия с миром.

Цель — показать влияние социокультурного контекста на личностные трансформации.

Основная часть. Социокультурные и личностные трансформации, обусловленные развитием информационных технологий, базируются на особом типе мировоззрения информационного общества — постмодернизме, основой которого является плюрализм, предлагающий широчайшие возможности выбора, но одновременно приводящий к утрате устойчивых ценностно-смысловых координат и, в результате к разрушению традиций и моральных норм. В итоге окружающий мир и системы взаимодействия в нём обретают мозаичный, мультикультурный характер. Гетерогенность, многомерность и неопределённость современности затрагивают все аспекты жизни человека.

Однако принцип плюрализма, лежащий в основе постмодернизма, разрушая ценностные вертикали, порождает серьезную проблему выбора, так как декларируемый принцип равнозначности всех возможных альтернатив обесмысливает выбор вовсе. И если все альтернативы равнозначны, то стирается множество сущностных граней — между добром и злом, между «быть и иметь», между реальностью и виртуальностью, реальным поступком и его симуляцией. В частности, «исчезает грань между мужественностью и женственностью, гендерные различия обесцениваются, позиционируются как несущественные и ненужные. А отсутствие ключевых моделей и критериев идентификации с представителями своего пола, приводят к трудностям самоидентификации в целом, размытости образа Я» [2, с. 327].

Указанные утверждения находят также иллюстрации в нашем исследовании, посвящённом изучению содержательных аспектов и

диагностических возможностей шкал Миннесотского многофазного личностного опросника (версия ММИЛ Ф.Б. Березина). При сравнении усреднённых профилей молодых мужчин и женщин (данные, получены на независимых выборках) в 1977, и позже — в 2009 и 2014 годах, обнаружилось принципиальные личностные и поведенческие трансформации, что, несомненно детерминируется социокультурным контекстом. Гендерные различия, обнаруженные нами в 1977 году, показали, что женщины принципиально отличались от мужчин эмоциональной чувствительностью, сентиментальностью, мягкостью, а мужчины — уверенностью, активностью. Жизнь людей (на тот момент ещё Советского Союза) была достаточно предсказуема, и, в большинстве случаев выстраивалась по заранее ясному сценарию, выбор которого ограничивался идеологически и социально. А отсутствие плюрализма и уверенность в «завтрашнем дне», опирающаяся на ожидания прогресса, поддерживали социальную и психологическую стабильность.

Начиная с кризиса 90-х, при котором большинство населения России столкнулось с серьёзнейшими материальными затруднениями и утратой привычного уклада жизни и, нередко невозможностью решать элементарные вопросы выживания: необходимостью работать без выходных на нескольких работах чтобы «прокормить семью» и расплатиться с долгами. Расцвет криминала, беспорядочная торговля и другой «беспредел» в недавно ещё стабильном и предсказуемом сообществе вызывали у людей страхи быть обманутым, брошенным на произвол судьбы, и даже убитым. Но принципиальным моментом было то, что стали разрушаться идеалы и вера в прогресс. Постепенно принцип плюрализма, предполагающий равнозначность всех возможных альтернатив и вседозволенность все ярче высвечивался в социокультурном пространстве.

Параллельно с потерей чётких ориентиров практически во всех областях жизни, начинает разрушаться традиционная идентификация, в том числе и в проявлении мужественности-женственности. Во внутреннем самоощущении преобладает социальное отчуждение, убеждённости в неспособности контролировать события собственной жизни, растерянность, сомнение, фиксация на проблемах, избегание ответственности и острое переживание недостижимости желаемого, блокирующее активные действия и неудовлетворённость собой [1].

Социальную реальность «двухтысячных» в России можно охарактеризовать тем, что многие адаптировались к длительным трудностям, неожиданным и постоянным нововведениям, а культ потребления, прагматизм, проникли во все сферы жизни. И то, что ещё недавно с точки зрения социальных норм воспринималось как невозможное и отвергаемое, например - однополые браки, транссексуализм, и т. д., стало вполне обыденным явлением. Наиболее яркими результатами, в полученных нами данных в 2009 году было то, что шкала социальной

желательности, отражающая стремление представить себя с позиции социально желательных норм в более выгодном свете, практически «не работала». Иными словами, большинство респондентов отрицало значимость следования нормативным и моральным требованиям. Кроме того, обнаружилось, что у мужчин повысился уровень тревоги, аутизация, уровень конформизма, трудности в принятии решений. У женщин появилась выраженная непринуждённость и уверенность в себе, активность, предприимчивость, экстраверсия при наличии необычных мыслей, доминантность и гетероагрессия. Эти результаты наглядно показывают, что мужчины становятся более феминными, женщины — маскулинными, относительно периода 1977 года [3]. Аналогичные результаты, но на меньшей выборке были получены и в 2014 году, когда указанные социально-экономические и психологические тенденции проявлялись все ярче на фоне активной цифровизации жизни. А результаты, полученные нами в 2022 году, как раз после освобождения от «всеобщей самоизоляции» показали, существенные изменения, касающиеся нарастания шизоидности при обилии формальных контактов и явном увеличении импульсивности в поведении. Это свидетельствует о том, что неспособность чувствовать другого увеличивается, что приводит к освоению реальности не через смысловой контекст, а через информационный, увеличению “психологической дистанции” между собой, социумом и обращением во внутренний мир, к отчуждённости, холодности, эмоциональной нечувствительности. Поведение становится более эксцентричным. А жажда близости сочетается с ощущением постоянной угрозы поглощения другими. Наблюдается игнорирование конвенциональных общественных ожиданий и отсутствие чёткого представления о том, как вести себя в той или иной ситуации.

Заключение. В итоге социализация в расколотом, мозаичном, неопределённом мире продуцирует такой же мозаичный образ Я и дисгармоничные дезадаптивные личностные трансформации.

Список литературы

1. Визгина, А.В. Возрастные особенности переживания ценностных конфликтов / А.В. Визгина, М.А. Джерелиевская // Вопросы психологии. — 2017. — №6 — С. 30–42.
2. Джерелиевская, М.А. Личность в эпоху перемен: *mobilis in mobili* : Материалы международной научно-практической конференции 17–18 декабря 2018 / Под ред. Е.Ю. Патяевой, Е.И. Шлягиной. — Москва : Смысл, 2018. — С.327-329.
3. Dzherelievskaya M.A., Vizgina A.V., Pantileev S. R., Yashina L. L. A substantial psychometric analysis of the scales of the Minnesota Multiphasic Personality inventory: f. B. Berezin’s version, the MMil // Psychology in Russia: State of the Art. Volume 7, Issue 1, 2014 С.105-121.

ОБРАЗ ПЕДАГОГА КАК ОБРАЗЕЦ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ОБУЧАЮЩИМИСЯ

Иванченко В. Я., канд. экон. наук

ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли
им. Михаила Туган-Барановского», г. Донецк, РФ

vikuc2763@mail.ru

Введение. Профессиональная компетентность педагога имеет много составляющих, поэтому важным качеством современного преподавателя является мобильность, способность адаптироваться к происходящим в обществе изменениям. Компетентность в области взаимодействия, межличностная и имиджевая компетентность базируются на знаниях о природе социальных влияний. Важными профессиональными качествами педагога являются развитая эмпатия и рефлексия, умение устанавливать и поддерживать контакты, мастерство преподнести себя, свою личность, владение определенными межличностными ресурсами.

Цель: рассмотреть возможность повышения эффективности педагогической деятельности благодаря правильно созданному профессиональному образу.

Основная часть. Внешность педагога имеет первостепенное значение, поскольку выполняет специфическую роль эталона для подражания, следовательно, облик преподавателя должен стремиться к идеалу. Создание безупречного образа педагога — актуальная задача современности, вызывающая массу споров.

Стереотипный образ учителя базируется на сложившемся в массовом сознании представлении, что представитель данной профессии обязан выглядеть классически, считается, что одеваться ультрамодно педагог не имеет права, иначе внимание учащихся будет сосредоточено на его внешности, а не на учебном предмете [2, с.10-14].

Представляется, что преподаватель своим внешним видом должен расположить к себе обучающихся, коллег и родительскую общественность. Для этого необходимо гармонично сочетать хорошие знания своего предмета, богатый внутренний мир, любовь к своей профессии и к воспитанникам, чувство стиля.

Образ педагога передает определенные личностные характеристики и призван оказывать эмоционально-психологическое воздействие на окружающих. Секрет профессионального успеха преподавателя непосредственно зависит от внешнего обаяния и контакта с аудиторией. Поэтому не последнюю роль играет уверенность и высокая самооценка, позитивный настрой, ответственность, желание меняться в соответствии с велениями времени, умение разумно рисковать [1].

Одежда как визитная карточка преподавателя несет большую эмоционально-психологическую нагрузку, поэтому, если наблюдается неаккуратность, обучающие не воспринимают такого педагога всерьез. Более того, возможны нелюбезные комментарии и злобные шутки в адрес безвкусного человека. Встает вопрос: чему он может научить?

Невыразительная внешность педагога может стать толчком для поиска незрелой молодежью более ярких примеров для подражания. Желание самовыражения становится для некоторых подростков основополагающим и в поисках самоидентификации и самоопределения толкает их к представителям молодежных субкультур, которые порой возводят до сакральности.

В среде молодежных субкультур подрастающее поколение получает возможность свободы самовыражения, отторжения от традиционных рамок и стереотипов.

Современная история знает множество молодежных субкультур, каждая из которых обладает своей уникальностью. Подростков привлекает эпатажность. Ставка делается на маргинальность и необычный внешний вид, подтверждающий протест против обыденного.

Так, кумиром близким к божеству для радикально настроенной молодежи начала 80-х годов XX века стала амбициозная Вивьен Вествуд, презентовавшая миру разрушивший привычные стереотипы вид адептов панк-течения: разорванные джинсы, оторванные рукава курток, наличие кожаных и латексных вставок, декоративных шипов, большого количества нашивок и английских булавок и пр. Деконструктивизм предложенной коллекции используется в модных коллекциях до сегодняшнего дня.

Переосмысление действительности, стремление к независимости, желание выразить свою индивидуальность, создавая что-то новое и уникальное характерно для всех молодежных субкультур [4, с. 120-125].

Например, хипстерская субкультура умело сочетает модные тенденции и винтажную одежду. Субкультура готов с бледными лицами, черной помадой и тяжелым макияжем вокруг глаз, темными или ярко окрашенными волосами, ассоциирующаяся с мистической эстетикой, в одежде использует элементы эльфийского или викторианского стиля. Реперы останавливают свой выбор на брюках-джоггерах, толстовках, футболках. Стиль VSCO girls при минимальном макияже выбирают футболки oversize, джинсы «мом», спортивные брюки или шорты, а также худи. Для представителей E-boys/E-girls субкультуры характерны яркий макияж, черная подводка для глаз, черно-белая одежда с яркими принтами и брендowymi логотипами, а также серьги. Мода Южной Кореи и образы К-поп-звезд вдохновили приверженцев К-поп субкультуры использовать красочную одежду с аксессуарами и яркий макияж. Представители стритчувства, вдохновленные мотивами улиц, выражают себя через граффити, стрит-арт. Геймеры предпочитают компьютерные игры.

Сегодня огромное количество молодежных субкультур: веб-панки, косплееры, ролевики, анимешники, винишки-тян, антифа, оффники, скейтеры, сноубордисты, экофутуристы, мертвые инсайдеры, эмо, мечтатели и др.

Главное для представителей любой субкультуры — самовыражение, отторжение от общепринятого, протест. В любой стране есть молодые люди, желающие показать свою непричастность к обществу, поэтому важно, начиная со школьной скамьи, показать подросткам другие положительные примеры своей самоидентичности.

Подросткам свойственно перенимать моральные ценности, привычки и манеры поведения у своего окружения. Кроме того, они объединяются в группы, обособливаются, стараясь проводить больше времени с теми, чьи взгляды на жизнь им наиболее близки. Благодаря этому формируются субкультуры, объединенные общими вкусами, ценностями, интересами, взглядами, стремлениями или идеями [3, с.84].

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о необходимости разработки стиля российского учителя — стильного, модного, современного. Модная одежда не подорвет достоинство или авторитет педагога, все зависит от внутренних достоинств преподавателя, умения себя преподнести.

Педагог, который одет чисто и со вкусом прививает эти же качества ученикам, воспитывает в них эстетические чувства.

Заключение. Внешняя привлекательность — существенная составляющая образа педагогического работника, вызывающая уважение, расположение, доверие. Учащиеся разных возрастов, как правило, берут пример с успешных, выделяющихся харизмой людей. Умение красиво и стильно одеваться в значительной мере облегчает взаимопонимание педагога с учащимися. Важно, чтобы у них перед глазами каждый день был образ модного и образованного педагога.

Список литературы

1. Захарова, С.Н. Имидж педагога как составляющая профессиональной компетентности / С.Н. Захарова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2016. — № 5.1 (109.1). — С. 16-18. — URL: <https://moluch.ru/archive/109/26316/> (дата обращения: 28.09.2023).
2. Калюжный, А.А. Психология формирования имиджа учителя. — Москва : Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2004. — 222 с.
3. Ромашина, С.Я. Культура дидактического коммуникативного воздействия педагога. — Москва : УРАО, 2005 — 172 с.
4. Слюсаревский, Н.Н. Субкультура как объект исследования // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2002. — № 3. — С.117–127.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КЛИМАТА У СТУДЕНТОВ ВУЗА

Козай И. А., Шукишина Л. В., д-р филос. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»,
г. Москва, РФ
anthrophob@inbox.ru

Введение. В данной статье представлен теоретический анализ и результаты исследования социально-психологического климата у студентов вуза.

Цель исследования — изучение особенностей социально-психологического климата у студентов.

Основная часть. Социально-психологический климат влияет на обучение и развитие студентов. Так, положительная атмосфера в учебной группе способствует активному участию, мотивации и успеху студентов, а неблагоприятный климат может приводить к конфликтам, поведенческим проблемам и низкой успеваемости.

На современном этапе психологической науки и практики такие понятия, как: социально-психологический, психологический, морально-психологический и нравственно-психологический климат отражают особенности взаимоотношений в коллективе.

Наиболее часто употребляемым в науке остается понятие социально-психологический климат (СПК). Несмотря на то, что в отечественной психологии наметилось несколько подходов к пониманию природы социально-психологического климата, этим термином чаще всего обозначаются устойчивые настроения и суждения, отражающие социальные условия жизнедеятельности коллектива [1].

Социально-психологический климат группы можно определить как «состояние коллектива, которое обусловлено особенностями жизнедеятельности группы. Это состояние представляет собой специфическое соединение психологического, социального и умственного направлений, взаимоотношений, расположений, эмоций и суждений членов группы» [2]. Все это — отдельные компоненты социально-психологического климата.

Таким образом, социально-психологический климат понимается нами, как комплексная характеристика группы, отражающая психологическое состояние группы, а также особенности взаимодействия ее участников.

С целью изучения особенностей социально-психологического климата у студентов, нами было проведено эмпирическое исследование на основе теста «Оценка социально-психологического климата» О.С. Михайлюка и А.Ю. Шалыто [3]. В исследовании приняли участие 36 студентов высших учебных заведений в возрасте от 18 до 28 лет, средний возраст составил 19 лет. Результаты исследования приведены на рисунке.

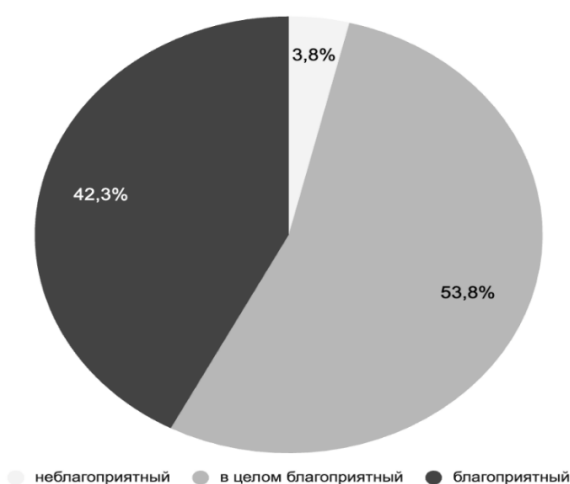

Рисунок. Результаты модифицированной экспресс-методики по изучению социально-психологического климата

На рисунке мы видим, что у 4% респондентов представлен неблагоприятный социально-психологический климат, большинство (54%) опрошенных отмечают, что социально-психологический климат в целом благоприятный, 42% отмечают, что климат в группе благоприятный. Это может указывать на то, что внутригрупповые отношения и динамика являются позитивными и поддерживающими.

Данные результаты говорят о том, что большинство студентов ощущают благоприятный социально-психологический климат в группе, но все же есть небольшая доля респондентов, которые испытывают негативные аспекты внутригрупповых отношений. Это может указывать на наличие проблем в группе, которые могут быть связаны с конфликтами, недоверием, напряженностью и другими негативными аспектами.

Заключение. Создание благоприятного социально-психологического климата способствует социальной интеграции и сотрудничеству в обществе. Он способствует созданию доверия, толерантности и справедливости, что важно для развития гармоничных отношений между людьми различных культур, рас и социальных групп.

Важно принимать меры для улучшения социально-психологического климата и решения проблем, чтобы создать поддерживающую и продуктивную среду для всех участников группы.

Список литературы

1. Бобб, А.Е. Социально-психологический климат в коллективе/ А.Е. Бобб // Экономика и социум. — 2014. — № 1. — С. 262–264.
2. Казакова, О.И. Гармонизация социально-психологического климата в коллективе / О.И. Казакова // Проблемы и перспективы развития образования в России. — 2016. — № 38. — С. 70–74.
3. Михалюк, О.С. Оценка социально-психологического климата : сайт / О.С. Михалюк, А.Ю. Шалыто. — URL: <https://psylist.net/praktikum/00056.htm> (дата обращения: 26.09.2023).

4. Никомарова, Л.В., Булей Н.В. Социально-психологический климат в организации / Л.В. Никомарова, Н.В. Булей // Материалы Ивановских чтений. — 2017. — № 2. — С. 138–144.

УДК 159.9

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА РАННИХ ЭТАПАХ ОНТОГЕНЕЗА

Коротаева А. И., канд. психол. наук, доц.

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского» г. Ярославль, РФ
tiger77706@mail.ru

Введение. Гендерная идентичность — это термин, используемый для обозначения внутренней идентификации человека с тем, чтобы быть мужчиной или женщиной. В отличие от половой или полоролевой идентичности, гендерная идентичность сосредоточена на представлении о себе, а не на влечении к другим. Однако в литературе ее часто отождествляют с полоролевой идентичностью, гендерная идентичность представляет собой отдельную конструкцию. Гендерная идентичность включает в себя нечто большее, чем знание, она включает в себя внутреннее знание и внешнее выражение представлений человека о своем поле. Преобладающее мнение заключалось в том, что гендерная идентичность находится внутри человека, хотя более поздние взгляды оспаривают это предположение, утверждая, что гендерная идентичность создается в контексте взаимодействий, социальных структур и культурных ожиданий.

Основная часть. Исследования гендерной идентичности также были сосредоточены на последствиях развития гендерной идентичности, которая согласуется с генетическим полом человека или отличается от него. Преобладало мнение, что у типичных детей процесс развития ощущения себя девочкой или мальчиком проходит три этапа. Во-первых, примерно в возрасте 2–3 лет дети учатся обозначать себя и других по признаку пола. Во-вторых, 3–4-летние дети начинают понимать стабильность пола с течением времени. В-третьих, к 4–5 годам дети осознают, что пол — это постоянный аспект личности, который не меняется в зависимости от ситуации. По мере того, как у детей развивается чувство половой идентичности, они часто проявляют повышенное внимание к лицам своего пола и мотивированы быть похожими на представителей своего пола. Гендерная схема — предрасположенность воспринимать мир через призму гендера, рассматривать гендеры как полярные противоположности, классифицировать варианты поведения с точки зрения гендерной уместности, а также принимать стереотипные

атрибуты своего пола и избегать атрибутов другого пола. Межгрупповая предвзятость — это склонность видеть собственный пол (свою группа) более благоприятным, чем другой (например, как более дружелюбный и умный, менее скучный и ленивый). Этот компонент включает тенденции преувеличивать различия между полами и гомогенизировать другой пол. Иногда это коррелирует на уровне тенденции с гендерной удовлетворенностью и ощущаемым давлением гендерного соответствия. Гендерная центральность — это феномен, когда ребенок привязывается к полу как к аспекту своей идентичности. Чтобы измерить это, детей можно попросить оценить важность того, чтобы быть девочкой или мальчиком, по сравнению с другими их идентичностями (например, школьник, спортсмен, сын/дочь). Это не связано с другими показателями гендерной идентичности для девочек, но для мальчиков умеренно отрицательно коррелирует с ощущением типичности другого пола и умеренно положительно коррелирует с гендерной удовлетворенностью, а также с ощущаемым давлением для гендерного соответствия. Гендерная самокатегоризация относится к обозначению себя как мальчика или девочки. Для большинства детей это влечет за собой простое бинарное решение, соответствующее их анатомии. Это самая ранняя развивающаяся форма гендерной идентичности, которую иногда называют базовой гендерной идентичностью. Почти все дети правильно называют себя к 3 годам, а к 6 годам большинство из них «сохраняют» пол или осознают, что их пол остается неизменным, несмотря на поверхностные изменения в одежде, длине волос и т. д. Остальные параметры гендерной идентичности фиксируют индивидуальные различия среди детей данного пола, изучаются среди детей старшего возраста и находятся в центре внимания нашего обзора. Гендерная фрустрация проявляется в переживании чувства несправедливости и тревоги из-за того, что определенные действия запрещены, потому что они считаются (самим или другими) более подходящими для другого пола, чем для своего собственного. На детскую гендерную идентичность влияют непосредственные условия развития и формирования ребенка (например, если ребенок единственная девочка/мальчик в большой группе противоположного пола, его могут дразнить за гендерное несоответствие. Такие временные влияния не являются основным предметом обзора, хотя предполагается, что на то, как дети справляются с такими временными колебаниями своей гендерной идентичности, могут влиять более стабильные компоненты их гендерной идентичности. Биологический пол как самовосприятие определенного атрибута гендерного типа, который может быть результатом или способствовать одной или нескольким формам гендерной идентичности (например, гендерная удовлетворенность).

Заключение. Гендерная идентичность относится к самооценке когнитивных конструкций, а не к объективным оценкам гендерных качеств детей. Гендерная идентичность ребенка отличается от его гендерных

стереотипов. Гендерные стереотипы — это представления о различиях полов, гендерные стереотипы могут выступать компонентами гендерной идентичности. Представляется возможным разделить аспекты гендерной идентичности на две категории — те, которые основаны на восприятии детьми различий между полами, и те, которые основаны на восприятии детьми различий между детьми данного пола. Их можно назвать, соответственно, между полами и внутригендерный формы гендерной идентичности. Три формы гендерной идентичности основаны на восприятии детьми различий между полами: гендерная удовлетворенность, ощущение необходимости гендерной дифференциации и межгрупповая предвзятость. Эти межгендерные формы гендерной идентичности проявляются уже в дошкольном возрасте и могут быть результатом отмеченных ранее межгрупповых когниций (преувеличение различий между полами, предпочтительное отношение к своей группе, обесценивание и гомогенизация чужой группы). Эти познания и формы идентичности, которые они вызывают, являются довольно нормативными для дошкольников и могут выполнять эволюционную функцию, ориентируя детей на однополую группу сверстников как на коллектив, по образцу которого они должны строиться. Так, они могут способствовать выраженной половой сегрегации, которая характеризует детские социальные группы в течение следующего десятилетия и облегчает приобретение ими гендернотипического поведения. Межгрупповая предвзятость и ощущаемое давление в пользу гендерной дифференциации имеют тенденцию к снижению в течение школьных лет. Однако гендерная удовлетворенность, как правило, остается высокой. Учитывая разнообразие детей по темпераментам, интересам, способностям, возможностям и т. д., подход гендерная идентичность к гендерной идентичности вряд ли будет реалистичным или желательным. Разрешение детям преследовать свои собственные интересы - даже если они сильно гендерно типизированы – вероятно, более оправдано, если дети учатся уважать каждый гендерный коллектив, а также разнообразие внутри каждого коллектива.

Список литературы

1. Бем, С. Линзы гендера / С. Бэм. — URL: https://docs.google.com/gview?url=https://www.phantastike.com/social_psychology/linzy_gender/doc/ (дата обращения: 02.09.2023).
2. Клещина, И.С. Гендерная психология / И.С. Клещина. — URL: https://bookap.info/genpsy/avtorov_gendemaya_psihologiya_2009/gl7.shtml (дата обращения: 01.09.2023).
3. Корнеева, Е.Н. Содержание учебно-методических комплексов как средство конструирования гендерной идентичности младших школьников / Е.Н. Корнеева, А.И. Коротаева // Ярославский педагогический вестник. 2015. №1. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?edn=todbxt> (дата обращения: 01.09.2023)

ВЫРАЖЕННОСТЬ ВИДОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ У ЮНОШЕЙ С ВЫСОКОЙ ПРЕДСТАВЛЕННОСТЬЮ ЧЕРТ «ТЕМНОЙ ТРИАДЫ»

Могилевская В. Ю., Лунгу О. В.

ГОУ ВО «Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко»,
г. Тирасполь, ПМР
kanz@spsu.ru

Конкурентность и стремление к успешности в общении способствуют изменению динамики взаимодействия между юношами, увеличению манипуляций для достижения целей, что может привести к психологическому насилию. Вместе с тем, наблюдается рост нежелательных качеств личности, которые с одной стороны могут ухудшить коммуникацию, с другой, позволяют их носителю становиться более уверенным в себе и чувствовать себя успешнее других.

«Темная триада» объединяет макиавеллизм, неклинический нарциссизм и неклиническую психопатию. Эти черты характеризуются недоброжелательностью, эгоцентризмом, склонностью к обману и манипуляциям, и указывают на злонамеренные и негативные особенности личности, которые могут наносить вред окружающим [3, с. 16].

Р. Кристи и Ф. Гейс представили понятие макиавеллизма как личностной черты, основанной на убеждении индивида в возможности манипулировать людьми во время общения с ними и способности использовать конкретные навыки манипуляции [2, с. 1].

Современные исследователи определяют нарциссизм как психическое расстройство, которое приводит к нарушению самоидентификации личности. Данный феномен может рассматриваться как устойчивое состояние, возникающее при нарушении регуляции представлений о себе, а также как личностная черта, проявляющаяся в грандиозности собственной личности [1, с. 18].

В настоящее время психопатия рассматривается как особое состояние личности, которое характеризуется различными чертами, такими как отсутствие эмоциональной реакции и асоциальное поведение [2, с. 18].

Психологическое насилие представляет собой способ управления путем критики, вызывания чувства стыда и манипулирования. Его главная цель заключается в том, чтобы контролировать жертву, путем ослабления ее самооценки и подрыва доверия к своему восприятию реальности [5, с. 358].

Психологическое насилие многообразно, а некоторые его виды требуют особого рассмотрения, как наиболее значимые:

1. Газлайтинг представляет собой форму психологического насилия, основная задача которого — заставить человека сомневаться в адекватности своего восприятия окружающей действительности [4, с. 412].

2. Неглект — это вид психологического насилия, проявляющийся в нежелании или неспособности уважать потребности, чувства и желания партнера [5, с. 359].

3. Висхолдинг — манипуляция, при которой важная для человека тема игнорируется, переводится в шутку и используется против него [5, с. 358].

4. Триангуляция — тактика, используемая для манипулирования взаимодействием между двумя людьми, которые не общаются друг с другом напрямую [5, с. 360].

5. Гостинг — это резкое прекращение отношений без объяснения причин [5, с. 361].

Их последствиями в юношеском возрасте могут выступать хроническая депрессия, тревожность и диссоциация.

Дизайн нашей работы включал исследование представленности черт «Темной триады» у юношей и последующее описание наиболее выраженных у них видов психологического насилия с помощью методики «Короткий опросник Темной триады (SD3)» и разработанной нами анкеты. Выборку составили 250 юношей.

Результаты диагностики представлены в таблице.

Таблица

Выраженность преобладающих видов психологического насилия у юношей с высокой представленностью черт «Темной триады», в %

<i>Вид насилия</i> <i>Черты «Темной триады»</i>	<i>Газлайт-инг</i>	<i>Неглект</i>	<i>Гостинг</i>	<i>Висхолдинг</i>	<i>Триангуляция</i>
Макиавеллизм	18	12	23	41	6
Неклинический нарциссизм	28	13	8	28	23
Неклиническая психопатия	15	15	11	38	21
Сочетание макиавеллизма и неклинического нарциссизма	57	0	0	0	43
Сочетание макиавеллизма и неклинической психопатии	25	4	17	37	17
Сочетание неклинического нарциссизма и неклинической психопатии	18	12	21	37	12
Сочетание макиавеллизма, неклинического нарциссизма и неклинической психопатии	24	20	18	20	18

Данные в таблице говорят, что респондентам с высокой выраженностью макиавеллизма (41%), неклинической психопатией (37%), сочетания макиавеллизма и неклинической психопатии (37%), а также сочетания неклинического нарциссизма и неклинической психопатии

(37%) характерно использовать висхолдинг, который характеризуется молчанием и игнорированием в отношениях.

Юноши с высокой выраженностью неклинического нарциссизма предпочитают газлайтинг (28%) и висхолдинг (28%). Для них характерны искажение чужой действительности через молчание и игнорирование.

Опрошенные с высокой представленностью сочетания макиавеллизма и неклинического нарциссизма (57%) и высокой выраженностью сочетания макиавеллизма, неклинического нарциссизма и неклинической психопатии (24%) чаще всего используют газлайтинг с целью заставить человека сомневаться в своей реальности.

Для подтверждения полученных выводов нами был проведен математико-статистический анализ с помощью критерия χ^2 -Пирсона. Значение = 0,171 показало, что существует прямая положительная связь между газлайтингом и чертами «Темной триады».

Результаты приведенного эмпирического исследования могут быть полезны при организации психопросветительской, психопрофилактической и коррекционно-развивающей работы с лицами юношеского возраста, направленной на решение вопросов, связанных с применением психологического насилия.

Список литературы

1. Егорова, М. С. Адаптация Короткого опросника Темной триады / М. С. Егорова, М. А. Ситникова, О. В. Паршикова. — Текст : электронный // Психологические исследования : электронный научный журнал. — 2015. — Т.8. — №43. — С. 1. — URL: <http://psystudy.ru>
2. Знаков, В. В. Макиавеллизм : психологическое свойство личности и методика его исследования / В. В. Знаков. — Текст : непосредственный // Психологический журнал. — 2000. — Т.21. — №5. — С. 16-22.
3. Лунгу, О.В. Психологические особенности манипулятивного общения у юношей (на примере газлайтинга) / О.В. Лунгу, В.Ю. Могилевская. — Текст : непосредственный // Студенческая наука Подмоскoвьe : Сборник материалов Международной научной конференции молодых ученых. — Орехово-Зуево : ГГТУ, 2022.— С. 412–417. — ISBN 978-5-87471-433-8
4. Могилевская, В.Ю. Исследование преобладающих видов психологического насилия у юношей / В.Ю. Могилевская, О.В. Лунгу. — Текст : непосредственный // Студенческая наука Подмоскoвьe : Сборник материалов Международной научной конференции молодых ученых. — Орехово-Зуево : ГГТУ, 2023. — С. 358-364. — ISBN 978-5-87471-433-8
5. Могилевская, В.Ю. Исследование выраженности личностных черт «Темной триады» у юношей / В.Ю. Могилевская, О.В. Лунгу. — Текст : непосредственный // Сборник материалов XI Всероссийская научно-практическая конференция «Общество и личность : проблемы гуманизации в эпоху цивилизационного кризиса». — Ставрополь : СКСИ, 2023. — С. 90-95.

О СООТНОШЕНИИ И ТИПОВ НЕГАТИВНЫХ ОТКЛОНЕНИЙ В ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕВИАЦИИ

Ондар Д.-С. М., Попов И. А., канд. ист. наук, доц.,

Щеглов А. Ф., канд. филос. наук, доц.

ФГКВООУ ВО «Военная академия материально-технического обеспечения
(филиал г. Омск)», г. Омск, РФ

otiu@mil.ru

Введение. Социальное отклонение — уход индивида или группы от выполнения общепринятых норм и правил. Наряду с положительными отклонениями, особенно важное значение имеют отрицательные или негативные девиации, так как они деструктивно влияют на стабильность и ход общественных процессов. Интересным представляется соотношение непроступных девиаций и отклонений делинквентной, преступной направленности, так как граница между ними весьма подвижна.

Цель статьи — раскрыть механизм формирования ценностей и норм, обосновать зависимость изменения границы между преступными и непроступными социальными отклонениями от ценностных установок общества.

Основная часть. В теории социальных отклонений последние трактуются весьма вариативно. В рамках статьи речь идет именно и только лишь о негативных социальных отклонениях как уходе от соблюдения социальных норм, ведущих к дестабилизации общественных процессов. Однако, прежде чем подвергнуть научному анализу соотношение таких отклонений, как непроступные и делинквентные, нам необходимо уяснить природу и сущность исходного понятия — социальной нормы.

Социальная норма — принятая в обществе поведенческая установка, которая, как правило, закрепляется моралью, традициями, а также законом. В ценностно-нормативной системе она выступает своеобразной «охранницей» самой основополагающей ценности. Последняя понимается как значимость вещи (явления, события), выражающаяся в ее способности удовлетворять потребность, формировать на основе стремления к ее достижению цель деятельности, идеал, к которому стремится субъект. Ценность также способствует выбору отношений к миру и людям» [1].

Потребность-же может определяться как внутренняя необходимость системы во внешних ресурсах для поддержания ее в стабильном состоянии, а применительно к человеку как биосоциальной системе — как «свойство человека испытывать объективно-субъективную необходимость в материальных и социально-духовных благах для своего существования и развития» [2].

Ценностно-нормативная система общества находится в состоянии постоянной трансформации. Это, в свою очередь, обусловлено трансформацией общественных процессов, а, в широком смысле слова, — самого бытия мира: непредвиденными изменениями, внедрением новых технологий, инструментов, приемов. Так, например, пандемия коронавируса как угроза организму человека, вызвала необходимость физической изоляции людей, и, как следствие, изменения норм и правил поведения людей, в том числе и моральных. А самооценку человека, возросшая на фоне депопуляции, активировала процесс увеличения степени защищенности детей путем введения моральных норм в отношении коммуникаций с ними, а также ужесточения наказания за покушения на детство и права детей.

Подобные процессы наблюдаются и в военном деле. Так, практика оказания медпомощи в зоне СВО показала: сегодня, в связи с преобладанием осколочных ранений, в экипировку солдата стали внедряться две медицинские аптечки: «первого и второго эшелонов». Задача первой — самостоятельно остановить кровопотерю, так как именно она в большинстве случаев приводит раненого к смерти. Вторая аптечка применяется уже позже, после оказания первой помощи. Таким образом, возросшая ценность самосохранения жизни в современном бою с преобладанием возможных осколочных ранений повлекла за собой необходимость изменений в экипировке бойца. Как следствие, ценность средств медицинской помощи в экипировке значимо возросла.

Что же касается социальных девиаций, то здесь отмечается широкая вариативность в их типологиях и видах. В первую очередь такая вариативность отмечалась применительно к отрицательным социальным отклонениям, так как именно они, по мнению Я. И. Гилинского, дезорганизуют социальную систему [3]. В конце прошлого века конфликтологи предлагали все разнообразие социальных отклонений негативной направленности разделять на преступные или криминальные, делинквентные или допреступные и аморальные или безнравственные. При этом делинквентность разными авторами понималась по-разному: от юридически наказуемых деяний до мелких антиобщественных действий.

И сегодня нет единого подхода к классификации социальных отклонений, негативных прежде всего [4]. Однако, для нас важен сам механизм формирования норм и отклонений, а также — границ между видами последних.

Для понимания нормообразования обратимся к ценностно-нормативной системе общества. В ее основе лежат потребности. Они представляют собой внешнюю, по отношению к человеку, среду, элементы которой ему необходимы для существования, то есть человек испытывает в них нужду. Потребности, в свою очередь, находят выражение в интересе. Он есть социально-психологическое выражение потребности и выступает

побудительным мотивом человеческой активности. Так, например, считал Гельвеций [5].

Потребности, выраженные в интересах и оформленные в ценностях, защищают нормы — сложившиеся правила протекания социальных процессов. Именно нормы определяют право субъекта социального действия декларировать ценность предмета потребления и отграничивают посягательства другого на это право. В том числе — с помощью механизма санкций. Однако нормы подвергаются воздействию путем игнорирования, отклонения от их соблюдения. Следовательно, нормы и отклонения от них находятся в корреляционном взаимодействии друг с другом. При этом, сами нормы зависят изначально от потребностей.

Заключение. Таким образом, изменение границы между видами негативных отклонений от норм, непроступных, делинквентных и преступных, обусловлены изменением значимости «предметов» потребления, повышением или, наоборот, снижением их актуальности в различных исторических периодах, ситуациях протекания общественных процессов.

Список литературы

1. Лакоба, В.А. «Ценность» как междисциплинарная категория / В.А. Лакоба // Современные гуманитарные исследования. Современные гуманитарные исследования. 2009. № 3 (28). — С. 164-166. — URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_12906892_92151315.pdf (дата обращения: 24.09.2023).
2. Трифонов, Е.В. Высшие потребности в системе потребностей человека / Е.В. Трифонов // Znanstvena Misel. 2021. № 57 (57). — С. 10-13. — URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46444127_63678872.pdf (дата обращения: 20.09.2023).
3. Гишинский, Я.И. Девиантология : социология девиантности и социального контроля / Я.И. Гишинский // Феноменология и профилактика девиантного поведения : материалы Всероссийской научно-практической конференции, 19-20 октября 2007 г. — Краснодар : Краснодар. Ун-т МВД России, 2008. — С. 43-46.
4. Майсак, Н.В. Матрица социальных девиаций : классификация типов и видов девиантного поведения / Майсак Н.В. // Современные проблемы науки и образования. 2010. № 4. — С. 78-86. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15242463> (дата обращения: 21.09.2023).
5. Протопопова, Н.И. Диалектика категории «Интерес» на этапе становления буржуазных общественно-экономических отношений в Европе / Н.И. Протопопова // Вестник ТГУ. 2008. №2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dialektika-kategorii-interes-na-etape-stanovleniya-burzhuznyh-obschestvenno-ekonomicheskikh-otnosheniy-v-evrope> (дата обращения: 21.09.2023).

**ПРОБЛЕМА АДАПТАЦИИ В ТРУДАХ Г. СПЕНСЕРА,
Э. ДЮРКГЕЙМА, М. ВЕБЕРА**

Пацукевич О. В.

УО «Белорусская государственная сельскохозяйственная академия»,
г. Горки, Республика Беларусь
Minol80@mail.ru

Введение. В настоящее время особую значимость для научного анализа жизнедеятельности человека в условиях современного социума имеет тематика, раскрывающая различные аспекты его адаптации.

В современном научном мире понятие адаптации приобрело междисциплинарный статус, позволяющий ему осуществить экспликацию на многие отрасли знания (биология, психология, экология, медицина, социология, философия), и каждая из них придает ему особое значение. Однако динамика цифровых трансформаций в различных сферах жизни актуализирует интерес психологов и социологов к анализу адаптации как особого социального явления. Особое внимание они уделяют особенностям взаимодействия человека и меняющейся социальной среды, артикулируемые в рамках адаптационного процесса.

Целью настоящей статьи является обзор концептуальных подходов классиков научной мысли к анализу социальной адаптации и разработка целостного концепта, позволяющего всесторонне рассмотреть и конкретизировать данное понятие.

Изначально возникнув как биологическая категория, и в большей степени, связанное с эволюционной идеей, понятие «адаптация» считается не только междисциплинарным, но и весьма сложным, требующим достаточно осторожного и рафинированного обращения с ним [4].

В научный оборот термин «адаптация», что в переводе с латинского означает «приспособление», был введен в 1865 г. немецким физиологом Г. Аубертом. Вскоре ученые обратили внимание на социальный аспект адаптации и занялись его изучением. В таком формате впервые к данной проблеме научный интерес проявил основоположник теории органицизма и эволюционизма Г. Спенсер. В качестве значимого фактора эволюции им определялся естественный отбор, в процессе которого выживают наиболее приспособленные (адаптированные) к среде индивиды. Более того, ученый рассматривал общество по аналогии с живым организмом, состоящем из органов, выполняющих определенные функции. В этом аспекте Г. Спенсер определял адаптацию как одну из функций организма для достижения стадии равновесия с окружающей средой. В предложенной Г. Спенсером «теории равновесия» адаптация понималась как устойчивое уравнивание организма (индивида) со средой (социумом), в

результате чего происходит усложнение общественного устройства, повышение его «функциональности» [3].

В своих научных трудах Э. Дюркгейм представляет адаптацию как процесс приспособления индивида к существующим в обществе социальным нормам и правилам. На индивидуальном уровне адаптация выражается в принятии человеком господствующей общественной морали, осознании своего «долга» перед обществом, что проявляется в его мыслях, целях, деяниях. На уровне всего общества адаптация выражается прежде всего в наличии самих норм. Квинтэссенция адаптации заключается в существовании общественной морали, разделяемой всеми членами общества. Нормы первичны, позитивны, человек и его индивидуальное сознание — вторичны. Функционально адаптация человека представляет собой процесс усвоения, «интериоризации» существующих норм.

Ученый считает, что в состоянии аномии, подразумевающей дезорганизационное состояние общества и возникающей в период резких социальных изменений, люди должны адаптироваться к новым социальным условиям. Однако, по мнению Э. Дюркгейма, в ситуации апатии, подразумевающей разложение существующей в данный момент нормативно-ценностной системы, потенциальная способность человека к адаптации снижается. Это, в свою очередь, проявляется в росте отклоняющегося поведения и суицидов. Поэтому кардинально изменяющаяся социальная среда и непрерывное внутреннее стремление человека к развитию относятся к числу постоянных источников адаптации [2].

Таким образом, в понимании Э. Дюркгейма социальная адаптация означает интериоризацию, т. е. усвоение индивидом социальных норм. К сожалению, нормативная модель общества далеко не идеальна и не является достаточным методологическим основанием для раскрытия теории социальной адаптации.

Ограниченность позитивизма была успешно преодолена другим не менее известным представителем научной мысли М. Вебером. В рамках своей концепции рациональности он обосновал социальную детерминацию поведения человека. По мнению М. Вебера, в основе деятельности человека лежит субъективное побуждение, а назначением его конкретных действий является достижение цели, а количество возможных способов этого велико. Ученый объяснял нормативное поведение человека его высоким уровнем рациональности. Это значит, достижение цели гарантируется существованием тех же самых социальных норм при известном заранее уровне затрат, но так происходит не всегда.

По мнению М. Вебера, сумма всех сил, направленных на достижение цели, и времени, потраченного в процессе ее достижения, является показателем благополучия и успешности социальной адаптации. Другими словами, чем выше скорость достижения цели, тем успешнее процесс адаптации.

Критерием адаптации является рациональность, эффективность в достижении целей. М. Вебер продемонстрировал единство индивидуального и группового уровней адаптации, обозначив их естественные противоречия. Вариативность норм, моделей поведения, способов достижения целей побуждают человека к активным творческим действиям. Человек в процессе собственной адаптации оценивает, видоизменяет, развивает социальные нормы.

По мнению М. Вебера, каждый человек стремится «рационализировать» свою деятельность, снизив собственные затраты в сравнении с общественно принятыми, и получив в итоге определенные преимущества. Вместе с тем, М. Вебер указывал на возможность одновременного существования нескольких взаимопротиворечащих друг другу норм. Благодаря данному подходу подчеркивается значимость индивида в процессе формирования норм. В итоге, в реальности оказывается так, что наиболее адаптирован человек «рациональный», а не «нормативный», хотя считается «нормативный» человек достаточно «рациональным». М. Вебер указывает на первичность человека (хотя и относительную) и вторичность социума, что очень важно для понимания социальной адаптации [1].

М. Вебер утверждал, что социальная адаптация является механизмом социального прогресса. Он не был согласен с тем, что адаптацию индивида формируют социальные нормы. Он был уверен в том, что, адаптируясь, индивид их формирует, изменяет, стимулирует их развитие, а, следовательно, в процессе своей адаптации индивид является катализатором социального прогресса [1].

Заключение. Таким образом, ученые Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, М. Вебер впервые изучили и проанализировали социальный аспект адаптации. По сути, именно они заложили основы теории социальной адаптации. Несомненно, заслуга ученых в том, что именно они определили общие закономерности социальной адаптации, а также характер, содержание, темпы и типы адаптации. Более того, особое внимание Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, М. Вебер уделили вопросам изучения социальных механизмов, критериев и показателей адаптации.

Список литературы

1. Вебер, М. О некоторых категориях понимающей социологии. Избранные произведения / М. Вебер // Пер. с немецкого. Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайденко. — Москва : Прогресс, 1990. — 808 с.
2. Дюркгейм, Э. Самоубийство : социологический этюд / Э. Дюркгейм; пер. с фр. А. Н. Ильинского. — Москва : Мысль, 1994. — 399 с.
3. Спенсер, Г. Основные начала: пер. с англ. / Г. Спенсер. — Санкт-Петербург : Изд. Л. Ф. Пантелеева, 1897. — 4, IV, 467 с.
4. Урманцев, Ю.А. Природа адаптации / Ю.А. Урманцев // Вопросы философии. — 1998. — № 12. — С. 21-36.

ТЕОРИЯ ТУННЕЛЕЙ РЕАЛЬНОСТИ КАК ПРИЧИНА МЕЖЛИЧНОСТНЫХ КОНФЛИКТОВ

Перфилова А. А., Пачина Н. Н., д-р психол. наук, проф.
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный технический университет», г. Липецк, РФ
perfilova_2003@bk.ru

Введение. Межличностные конфликты — частое явление во взаимоотношении индивидов, с которым сталкивался каждый человек, побывав его участником или невольным свидетелем. Поводы для противостояния могут быть различны, однако редко выявляются глубинные причины конфликтов, что может затруднять путь их решения.

Цель доклада — обоснование влияния теории туннелей реальности на межличностные конфликты.

Основные цели доклада: 1) рассмотреть понятие межличностного конфликта, его поводы и виды; 2) изложить суть теории туннелей реальности; 3) объяснить причину возникновения конфликтов на основе теории тоннелей и подобрать пути решения.

Основная часть. В процессе межличностных отношений зачастую происходит столкновение индивидов в процессе их взаимодействия. Подобное противостояние называют межличностным конфликтом. Они могут возникать могут по самым разнообразным причинам. Другими словами, межличностные конфликты — это конфронтация индивидов из-за различных целей, интересов и притязаний, которые не могут быть совместимы.

Для возникновения межличностных конфликтов могут иметься самые разные поводы: неудовлетворенность имеющимся количеством благ и ценностей — отсутствие некоторых благ может вызывать у человека состояние фрустрации, которое заставляет его всеми силами восполнить недостающее; взаимные интересы — попытка достижения общей цели разными методами закладывается в основу конфронтации; ценностные вопросы — различие установок и взглядов на мир также может выступать поводом межличностного конфликта; поведение индивида — стереотипное мнение о невоспитанности индивида, которое возникает за счет обладания недостаточной информацией о манерах; проблемы в общении — недостаточный уровень коммунибельности как следствие, вылившееся в противостояния индивидов; личность одного из участников конфликта — некоторые индивидуальные черты одного из индивидов могут вызвать неприязнь со стороны других людей [1].

Межличностные конфликты включают в свои особенности индивидуальные наклонности конфликтующих, в связи с чем трудно определить их схожие черты и различия. Однако выделяют несколько

типов межличностных конфликтов: 1) ценностные ориентиры — различия взглядов людей на мир в вопросах религии, политики и прочего. Не всегда перерастают в конфликт, но при определенных условиях могут привести к открытой конфронтации; 2) межличностный конфликт интересов — достижение одной и той же цели или противоречие в пути ее достижения. Относится к конфликтам с личной неприязнью и эмоциональным напряжением; 3) несоблюдение социальных норм — пренебрежение правилами может стать причиной конфронтации в будущем [2].

Причиной таких типов конфликтов как конфликт ценностных ориентиров и конфликт интересов может выступать теория туннелей реальности.

Разработкой теории туннеля реальности занимался Тимоти Лири. Он исходил из принципа: «то, что люди считают внешней реальностью, не более чем внушенная им социумом иллюзия» [3]. Лири также говорил, что с рождения нам навязывают туннель восприятия реальности, и у каждого этот туннель свой. Тимоти Лири выделил 8 контуров (туннелей) нервной системы: 1) биовыживание — закладывается у новорожденных детей, отвечает за механизм «подозрение-доверие», который закладывается на всю жизнь; 2) эмоциональный — закладывается с первыми шагами ребенка, когда к процессу выживания добавляются физические и психические притязания; 3) манипулятивно-символьный — развивается, когда ребенок начинает манипулировать предметами и посылать речевые сигналы, приобретает навыки грамотно выражать свои мысли; 4) социополовой — развивается в период полового созревания; 5) нейросоматический — осознание работы своего тела; 6) «универсальный транслятор» — генетический код ДНК; 7) неврологический — отдельные сигналы нейронов, воспринимаемые сердцем, также может рассматриваться как память ДНК; 8) нейроатомный — квантово-механические взаимодействия, которым не требуется биологическая оболочка [3].

Вернемся к межличностным конфликтам и роли туннелей реальности в них. Каждый человек выстраивает свой так называемый туннель на основе своего личного опыта, через который и формируется его уникальное восприятие мира и реакций на его процессы.

С этой позиции в конфликтной ситуации сталкиваются не только интересы и позиции людей, но и их туннели, которые выстраивались годами и которые сложно воспринимать участникам конфликта. Точки зрения оппонентов не могут быть рассмотрены как выигрышные или проигрышные, они все могут быть приняты за истину, поскольку невозможно пренебрегать и отвергать личный опыт любого из участников конфликта.

В подобной ситуации участники конфликта могут завершить спор лишь признанием правоты и притязаний друг друга, но чаще останутся в открытой конфронтации из-за отсутствия понимания точек зрения и

непрожитого опыта других участников конфликта. Туннели реальности уникальны, поэтому принятие подобного факта и осознание особенностей своего оппонента — прямой путь к решению конфликта.

Заключение. Межличностные конфликты — это противостояние интересов индивидов, которое может возникнуть из-за различий накопленного жизненного опыта, именуемого туннелем реальности. Туннель каждого человека уникален, и понимание этого факта — единственный способ разрешения подобных конфронтаций.

Список литературы

1. Анцупов, А. Я. Конфликтология : учеб. пособие / А. Я. Анцупов, А. И. Шипилов ; 8-е изд., перераб. и доп. — Москва : ЮНИТИ, 2018. — 5 61 с. — ISBN 978-5-4461-2384-1.
2. Донцов, А. И. Проблема объективных детерминант межличностного конфликта в группе / А. И. Донцов, Т. А. Полозова // Вестник МУ. - сер. 14, № 4. — 2007. — С. 23-33.
3. Лири, Т. Технология изменения сознания в деструктивных культах / Т. Лири, М. Стюарт // Пер. с англ. / под ред. И. Митрофановой. — Санкт-Петербург : Экслибрис, 2002. — 224 с. — ISBN 5-901620-35-6.

УДК 159.923.2

К ВОПРОСУ О ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ВЫГОРАНИИ ГОССЛУЖАЩИХ И ЕГО СВЯЗИ С САМОРЕГУЛЯЦИЕЙ

Степанова М. А., Ангелина Э. А., канд. психол. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
adjon@yandex.ru

Профессиональная деятельность государственных служащих относится к типу профессий «человек-человек». Работники такого типа профессий, по мнению авторитетных ученых, являются наиболее уязвимыми к воздействию стресса [1; 2]. Переживание стресса, особенно, длительного, невозможность или неумение справиться с ним и его последствиями неизбежно приводит к изменению поведения работника: невозможность достижения целей, реализации личного потенциала, сохранения ценностно-ориентационной сферы личности.

Последствия стресса, длительного нервно-психического напряжения госслужащих приводят к риску возникновения профессионального выгорания. Результаты исследований профессионального выгорания представлены в трудах как отечественных ученых: В.В. Бойко, Л.А. Китаев-Смык, Н.В. Водопьянова, Е.С. Старченкова и др., так и в работах зарубежных исследователей: Х. Фреденбергер, И. Харди, К. Маслач и др.

Синдром профессионального выгорания проявляется как притупление эмоций, снижение остроты переживаний, рост конфликтов как с сослуживцами, так и с близкими, индифферентное отношение к чувствам других, неверие в себя. Все перечисленные признаки приводят не только к деформациям на личностном уровне, а также к профессиональным деформациям.

Наиболее актуальным для решения проблемы профессионального выгорания у госслужащих является разработка адекватных психологических средств для оценки и профилактики психологической напряженности у госслужащих с целью сохранения их трудовой эффективности, психического и физического здоровья. Вот почему особенно актуальной является проблема сохранения психоэмоционального здоровья работников госучреждений, что и ставит вопрос разработки и проведения эффективных мероприятий по психологическим способам профилактики профессионального выгорания.

Не менее актуален вопрос саморегуляции поведения госслужащих. Исследования явлений саморегуляции поведения человека представлены в работах отечественных специалистов: Л.Г. Дикая, Д.А. Леонтьев, О.А. Конопкин, В.И. Моросанова, А.К. Осницкий, С.Д. Смирнов, В.Д. Шадриков и зарубежных ученых: А. Бандура, С. Хобфолл, Ч. Карвер, М. Шейер и др.

В своем исследовании мы придерживаемся подхода об осознанной саморегуляции поведения О.А. Конопкина [43] и подхода об индивидуальном стиле саморегуляции В.И. Моросановой [61].

Мы предполагаем, что у госслужащих с синдромом профессионального выгорания будет отмечен низкий уровень саморегуляции, а у госслужащих с высоким уровнем саморегуляции будет отсутствовать синдром эмоционального выгорания.

Исследование проводилось на базе городской администрации г. Снежное. В выборку вошли сотрудники общего, организационного отделов и отдела по делам семьи и детей. Всего 35 работников, все женщины в возрасте от 36 до 55 лет.

Для проверки указанного выше предположения применялся комплекс психодиагностических методик для оценки саморегуляции и профессионального выгорания работников: опросник «Стиль саморегуляции поведения — ССПМ» (Моросанова В.И., Кондратюк Н.Г.), методика «Диагностика уровня эмоционального выгорания» (Бойко В.В.).

В ходе проведенного исследования и при анализе его результатов мы пришли к следующим выводам.

Практически, у половины работников (47,5%) фаза напряжения не сформирована, также, как и остальные фазы: фаза резистенции (50%) и фаза истощения (50%). В стадии формирования у 30% испытуемых находятся фазы напряжения и истощения, и у 25% респондентов — фаза

резистенции. У остальных 22,5% опрошенных сформирована фаза напряжения, у 25% — фаза резистенции и у 20% — фаза истощения.

У 45% госслужащих был диагностирован высокий общий уровень индивидуальной системы саморегуляции. Средний уровень развития саморегуляции продемонстрировали 35% опрошенных. У 20% респондентов был выявлен низкий уровень развития индивидуальной системы саморегуляции.

Между показателями переменных «напряжение» СЭВ и уровнем развития индивидуальной системы саморегуляции ($r_s = -0,787$ при $p \leq 0,05$) коэффициент корреляции отрицательный, статистически значимый, следовательно, чем выше уровень «напряжения» госслужащих, тем меньше у них развита индивидуальная система саморегуляции поведения.

Между показателями переменных «резистенция» СЭВ и уровень развития индивидуальной системы саморегуляции ($r_s = -0,795$ при $p \leq 0,05$) коэффициент корреляции отрицательный, статистически значимый, следовательно, чем выше уровень «резистенции» работников, тем меньше у них развита индивидуальная система саморегуляции.

Между показателями переменных «истощение» СЭВ и уровень развития индивидуальной системы саморегуляции ($r_s = -0,838$ при $p \leq 0,05$) коэффициент корреляции отрицательный, статистически значимый, следовательно, чем выше уровень «истощения» госслужащих, тем меньше у них развита индивидуальная система саморегуляции.

Таким образом, подтвердилось наше предположение о том, что у госслужащих с синдромом профессионального выгорания будет отмечен низкий уровень саморегуляции; у работников с высоким уровнем саморегуляции будет отсутствовать синдром эмоционального выгорания.

На основе опыта и результатов данного исследования, изучение рассматриваемой нами проблемы может быть продолжено. В дальнейшем можно дополнить уже имеющиеся результаты исследованием психологических способов профилактики профессионального выгорания. В этом же состоит и практическая значимость исследования, заключающаяся в том, что его результаты могут явиться основой для разработки конкретной программы, направленной на развитие методов саморегуляции и профилактики возникновения профессионального выгорания государственных служащих.

Список литературы

1. Агапова, Е.В. Психологические характеристики и особенности психопрофилактики профессионального выгорания у государственных служащих // Роль науки в развитии общества : сб. ст. междунар. науч.-практ. Конф — Уфа : Аэтерна, 2014. — Ч. 2. — С. 234-238.
2. Бодров, В. А. Психологический стресс : развитие и преодоление / Бодров В. А. — Москва : Per Se. — 523 с. — ISBN 5-9292-0146-3

3. Конопкин, О.А. Психологические механизмы регуляции деятельности / О.А. Конопкин // Предисл. В.И. Моросановой. — Москва : ЛЕНАНД, 2011. — 320 с.
4. Моросанова, В. И. Регуляторные и личностные основы принятия решений: Монография / В.И. Моросанова. — Санкт-Петербург, Москва : Нестор-История, 2011. — 282 с.

УДК 159.9.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОТРЕБНОСТНОЙ СФЕРЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ

Устинов Д. В.

Отдел по делам несовершеннолетних МВД ДНР, г. Донецк, РФ
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
mail.ustinov@mail.ru

Введение. Преступность несовершеннолетних на протяжении длительного времени остается значимым социальным явлением, вызывающим одновременно и интерес, и тревогу в обществе. Изучение психологических составляющих этой социальной проблемы в разное время занимались отечественные и зарубежные ученые (Е. В. Васько, И. А. Горьковая, М. Г. Дебольский, Е. Г. Дозорцева, Е. В. Змановская, А. Е. Личко, А. А. Реан). Несмотря на это, в настоящее время остаются неизученными отдельные аспекты потребностно-мотивационной сферы несовершеннолетних правонарушителей, позволяющие вскрыть личностные детерминанты противоправного поведения и обеспечить профилактическое воздействие на них.

Цель исследования — изучение особенностей потребностной сферы несовершеннолетних правонарушителей.

Основная часть. В исследовании приняли участие 40 несовершеннолетних правонарушителей, состоящих на учете в ОВД Донецкой Народной Республики за совершение различных преступлений, и 52 законопослушных подростка и юноши в возрасте от 14 до 17 лет.

В качестве психодиагностического инструментария использована методика «Пирамида потребностей», разработанная В. В. Скворцовым [1] и модернизированная И. А. Акиндиновой [2]. При этом расчет проводился по шкале каждого представленного желания, выражающего определенную частную потребность, без систематизации в потребностные уровни.

Итоги исследования позволили провести распределение представленных в методике частных потребностей по рангам в зависимости от степени актуализации у несовершеннолетних правонарушителей. Так, среди всех предложенных стимулов у

правонарушителей выявлена наибольшая актуализация частной потребности *избегать неприятностей* (10,25; ранг 1). Учитывая, что возникновение и преобладающая актуализация указанной потребности, как правило, связаны с негативным стрессовым опытом, можно отметить, что каждый представитель группы минимум раз в жизни, при разоблачении в совершенном преступлении, испытывал сильное отрицательное напряжение потери надежды, провала, порицания, наказания.

Групповой показатель по шкале *быть понятым другими* (9,85; ранг 2) демонстрирует, что указанная частная потребность, несмотря на нахождение в пределах условной зоны частичной удовлетворенности, максимально приближена к зоне неудовлетворенности. Вероятно, характерные подростковому возрасту внутриличностные трудности понимания со стороны окружающих у правонарушителей усиливаются ввиду общения с, зачастую, проблемным социально-семейным окружением, необладающим необходимым воспитательным потенциалом.

В условной зоне полной удовлетворенности у несовершеннолетних правонарушителей находится частная потребность *добиться признания и уважения* (2,62), что указывает на минимальный уровень этого желания среди иных, представленных стимулов (наименьший ранг 16). Можно предположить, что социальное окружение диагностируемых и пережитые сложные жизненные обстоятельства, в том числе проблемы с законом, локализуют типичные для подросткового и юношеского возраста амбициозные жизненные планы, стремления занять достойное место в обществе, а имеющийся уровень признания и уважения является для них недостаточным.

Сравнение показателей частных потребностных компонентов подростков и юношей, которые ранее совершали преступления, с соответствующими показателями их законопослушных сверстников выявило ряд особенностей потребностно-мотивационной сферы несовершеннолетних правонарушителей. Так, в структуре потребностей несовершеннолетних правонарушителей значительно *больше*, чем у законопослушных сверстников актуализированы следующие частные потребности:

- избегать неприятностей (4,69; $p < 0,001$), показатель законопослушных — 6,64. Законопослушные подростки и юноши, в большинстве своем, не имеют такого отрицательного стрессового жизненного опыта, как их сверстники правонарушители;

- быть понятым другими (2,93; $p < 0,01$), показатель законопослушных — 7,42. Более благополучное, чем у правонарушителей социальное окружение законопослушных несовершеннолетних, вероятно, в большей мере удовлетворяет указанную потребность, уменьшая уровень ее актуализации;

- покупать хорошие вещи (2,18; $p < 0,05$), показатель правонарушителей — 7,89, законопослушных — 5,82. Учитывая

потенциальную возможность указанной частной потребности входить в структуру иных разноплановых потребностей, причины различий показателей требуют уточнения в ходе дополнительных исследований.

Кроме того, в структуре потребностей несовершеннолетних правонарушителей значительно *меньше*, чем у законопослушных сверстников актуализированы следующие частные потребности:

- обеспечить себе будущее (3,4; $p < 0,001$), показатель правонарушителей — 6,11, законопослушных — 7,77. Указанная частная потребность отнесена к перспективному компоненту потребностного блока безопасности. Выявленные различия показывают, что несовершеннолетние правонарушители обозначили меньшее, чем их сверстники, желание заботиться о своем будущем, предпочитая удовлетворять текущие потребности;

- упрочить свое положение (2,56; $p < 0,05$), показатель правонарушителей — 4,26, законопослушных — 5,3. Различия показывают, что правонарушители реже законопослушных сверстников проявляют желание обезопасить себя от будущих и потенциальных неприятностей;

- развивать свои силы и способности (2,58; $p < 0,05$), показатель правонарушителей — 7,39, законопослушных — 8,68. Указанная частная потребность, помимо самовыражения, отражает долгосрочную перспективу личных целей, что подчеркивает значительно меньшее стремление несовершеннолетних правонарушителей решать возможные, но отсроченные проблемы;

- добиться признания и уважения (2,1; $p < 0,05$), показатель законопослушных — 3,85. Различия в показателях являются подтверждением описанных ранее проблем несовершеннолетних правонарушителей с определением собственного места в обществе, своего будущего, недостатке здоровых личных амбиций.

Заключение. В ходе проведенного исследования несовершеннолетние правонарушители обозначили предпочтительные желания, стремления, что позволило сделать вывод о потребностях подростков и юношей, ранее совершавших преступления, степени актуализации отдельных потребностей в структуре смысло-мотивационной сферы личности, выявить отличия потребностной сферы несовершеннолетних правонарушителей от законопослушных сверстников. При этом остается проблемным вопросом предрасположенность несовершеннолетних правонарушителей к осознанному или неосознанному искажению информации о себе при общении с посторонними, в том числе преподавателями, психологами правоохранителями [3], что вынуждает достаточно критически подходить к оценке отдельных результатов исследований, основанных на предоставлении прямых ответов о своих желаниях, подвергать их проверке с использованием иных методов диагностики.

Тем не менее, полученные результаты исследования допустимы к применению и в настоящий момент используются для построения и реализации органами и учреждениями по работе с несовершеннолетними Донецкой Народной Республики профилактических программ реабилитации и ресоциализации несовершеннолетних, ранее совершивших преступления.

Список литературы

4. Скворцов, В. В. Психология руководства и подчинения / В. В. Скворцов. — Москва : Издательство Дело, 2019. — 208 с.
5. Психологическое консультирование : Практическое пособие / Е. П. Кораблина, А. А. Баканова, И. А. Акиндинова, А. М. Родина. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. — 222 с.
6. Сафуанов, Ф. С. Судебно-психологическая экспертиза : Учебник / Ф. С. Сафуанов. — Москва : Издательство Юрайт, 2021. — 309 с.

УДК 159.99

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ МАНИПУЛЯЦИЙ В МЕЖЛИЧНОСТНОМ ОБЩЕНИИ

Фархутдинова Ю. Н., канд. психол. наук, доц., **Соловьева Т. С.**
ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет
имени Козьмы Минина», г. Нижний Новгород, РФ
julia82.06@mail.ru

Введение. В ходе жизнедеятельности мы сталкиваемся с таким феноменом как психологические манипуляции в межличностном общении. В настоящее время можно наблюдать возрастание манипулятивной направленности, которое связано с тем, что человек стал сильнее проникаться психологической областью знаний, чтобы улучшить качество жизни и повысить свою компетентность в понимании близких людей. Нередко случается так, что человек в отношениях с другими стремится реализовать свой потенциал, достигнуть личных целей с помощью социального и психологического воздействия, желая при этом изменить или подчинить своей воле окружающих.

Основное содержание. Феномен манипулирования рассмотрен в психологии в рамках субъектно-деятельностного подхода (К. А. Абульханова-Славская, С. Л. Рубинштейн и др.), с позиций психологии субъекта (А. В. Брушлинский), субъектно-системного подхода (Е. А. Сергиенко), психологии понимания и человеческого бытия (В. В. Знаков).

Рассматривая этиологию термина «манипуляция», следует обратить внимание, что изначально он означал непростые действия, которые

выполнялись руками (управление рычагами, проведение медицинских операций), что требует определенного мастерства и ловкости. Позднее термин начал использоваться для демонстрации фокусов, где особенно ценились отвлекающие маневры, создание иллюзий, сокрытие истинных намерений [2, с. 47]. Кроме того, психологические эффекты основывались на учете свойств внимания (отвлечение, перемещение, сосредоточение), широком использовании механизмов психологической установки, стереотипных представлений и иллюзий восприятия. Впоследствии под объектами манипуляций понимались не предметы, а люди. Таким образом, манипуляция — это вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями [2, с. 59].

Е. Л. Доценко, исходя из специфики определения манипуляции, выделяет характерные признаки, относящиеся к особенностям манипуляций:

- 1) психологическое воздействие (родовой признак; целенаправленное изменение активности человека манипулятором);
- 2) действия манипулятора не согласуются с реальными потребностями другого человека (жертва выступает как средство достижения собственных целей);
- 3) желание добиться одностороннего выигрыша;
- 4) скрытый характер воздействия (как факта воздействия, так и его направленности);
- 5) применение техник, которые играют на слабостях жертвы, его страхах;
- 6) побуждение, мотивационное привнесение;
- 7) мастерство и сноровка в осуществлении манипулятивных действий [2, с. 41].

Интересен вопрос о личностных особенностях людей-манипуляторов. Так, Э. Шостром указывал, что манипуляторы могут использовать как сознательные, так и бессознательные стратегии. Приемы психологической манипуляции могут включать использование открытой агрессии, оскорблений, критики, эмоционального принуждения, обмана, жалости по отношению к себе, истерик, высмеивания, провокаций, эмоционального шантажа и др. [8, с. 16]. Как правило, среди манипуляторов часто встречаются те, кто пережил психологическую травму и сформировал манипуляцию как механизм психологической защиты. Поэтому среди их числа дети, выросшие в детских домах или неполных семьях, преступники, люди с алкогольной и наркотической зависимостью. Многие манипуляторы страдают различными расстройствами личности, например, нарциссическим расстройством, пограничным или антисоциальным расстройствами [7].

Э. Шостром, проанализировав ряд направлений, выделяет следующие первопричины использования человеком манипуляций: конфликт человека

с самим собой (Ф. Перлз), недоверие к миру и окружающим, неумение любить и быть любимым (Э. Фромм), чувство абсолютной беспомощности (Джеймс Бугенталь и экзистенциалисты), страх перед межличностной близостью (Э. Берн, В. Глассер, Дж. Хейли) потребность получать одобрение со стороны каждого человека (А. Эллис), тенденция к символическому обладанию партнерами коммуникации как объектами сексуального желания (З. Фрейд) компенсация в виде стремления к власти (А. Адлер).

По мнению Е. Л. Доценко шкала отношений на уровне формирования установок в использовании манипулятивных техник объясняется с помощью двух процессов — актуалгенеза и онтогенеза. На уровне *актуалгенеза* установка возникает при выполнении двух условий: столкновения противоречащих друг другу устремлений (конфликт между позициями двух людей или конфликт между истинными намерениями и социокультурной нормой); поиска максимальной выгоды одновременно во всех направлениях, что мешает сделать выбор между альтернативными вариантами и найти компромисс. На уровне *онтогенеза* существенную роль играют такие факторы, как опыт ребенка управлять взрослыми, чтобы, например, попросить о помощи, и удовлетворить свою потребность, а также стремление любого человека к определенности и стабильности в окружающем мире и в поведении социума [2, с. 81-83].

Выводы. Рассмотренные концепции позволяют подытожить, что понятие «манипуляция» неоднозначно, его содержание зависит и от целей, преследуемых человеком, и от формы, в которой он осуществляет данное воздействие. Характерными особенностями манипулятивной стратегии являются, с одной стороны, психологическое воздействие, несогласованность действий манипулятора с потребностями жертвы, с другой стороны — скрытый характер воздействия с использованием психологических техник, направленных на выявленные страхи и слабости жертвы.

Список литературы

1. Берн, Э. Л. Люди, которые играют в игры : Психология человеческой судьбы / Э. Л. Берн. — Москва : Эксмо, 2023. — 560 с. — ISBN 978-5-04-090524-9.
2. Доценко, Е. Л. Психология манипуляции : феномены, механизмы и защита / Е. Л. Доценко. — Москва : ЧеРо, Издательство МГУ, 1997. — 344 с. — ISBN 5-88711-038-4.
3. Руслина, А. О. Возрастные, половые и профессиональные различия в понимании манипуляции : автореферат дис. ... кандидата психологических наук : 19.00.13 / Руслина Анна Олеговна. — Москва, 2008. — 24 с.
4. Харламова, Т. М. Психология влияния : учебное пособие / Т. М. Харламова. — Москва : Флинта : МПСИ, 2011. — 109 с. — ISBN 978-5-9765-0139-3.
5. Шейнов, В. П. Скрытое управление человеком / В. П. Шейнов. — Москва : АСТ-пресс, 2008. — 816 с. — ISBN 978-5-17-013669-8.
6. Шостром, Э. Человек манипулятор / Э. Шостром — Текст : электронный // Куб : электронная библиотека. — URL: https://www.koob.ru/shostrom/anti_karnegi (дата обращения: 27.04.2023).

7. Психологическая манипуляция : как одни люди управляют сознанием других // Matzpen — Раздел сайта «Статьи и видеолекции». — URL: <https://matzpen.ru/articles/zabolevaniya-i-rasstroystva/psikhologicheskaya-manipulyatsiya-kak-odni-lyudi-upravlyayut-soznaniem-drugikh/> (дата обращения: 20.04.2023).

УДК 159.9

СИТУАТИВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ — ИДЕНТИЧНОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО КОНТЕКСТА

Чуканов Е. В.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e.chukanov@donnu.ru

Социальная реальность является сложным и многокомпонентным феноменом, который может содержать множество противоречивых элементов: одновременная представленность элементов разных социальных систем, исторических типов и мировоззренческих установок. Существование общества в плоскостях нескольких социальных систем с различным значением не предполагает их целостное объединение. В результате отмечается мобильность моделей идентификации, отражающаяся в феномене ситуативной идентичности.

Ситуативная идентичность является вынужденным образованием, формируемым в условиях динамичности социальных институтов. Неспособность социальных институтов сохранять стабильность выдвигает требования к гибкости субъекта, что обеспечивает приспособительную функцию. Происходит постоянная смена идентичностей, в зависимости от запроса общества. Однако, стоит отметить, что ситуативная идентичность может трансформироваться в локальную и базовую, при условии, что она принимается субъектом [3].

Х. Роса определяет идентичность как функцию отношения личности ко времени, пространству и другим объектам. Интернализация динамических социальных отношений является ведущим мотивом достижения контроля над внешними сферами жизни. Следствием этого процесса является специфичность становления идентичности. Х. Роса выделяет три направления формирования идентичности: традиционный, классический и постмодернистский. Для традиционного уклада характерна трансгенерационная передача социальных ролей. Базовая социальная роль, переданная ребенку от родителей, будет определять его дальнейшую социализацию. Классическая модель позволяет выбирать социальную роль, что связано с ростом аутентичности и индивидуализма. Увеличение темпоральности в период постмодерна делает социальные роли «сиюминутными». Наблюдается ситуационный разрыв, фрагментация идентичности, согласованность имеет временные рамки и ограничена ими [4].

В постструктурализме выделяется несколько типов идентичности: ситуативная и базовая. Ситуативная идентичность формируется на базе актуальных социальных практик. Надситуативная идентичность включает в себя весь общественный опыт личности и определяется системой отношений. Надситуативная идентичность, в своем формировании, проходит ряд этапов. Начальной точкой является возникновение эмпатии к определенной персонифицированной позиции в социальной среде. В дальнейшем эмпатия способствует становлению ситуативной идентичности. Осознание ситуативной идентичности способствует формированию надситуативной идентичности и в дальнейшем формированию стойкой индивидуальной идентичности [1].

Тем не менее, стоит отметить, что формирование базовой идентичности с опорой на ситуативную, может приобретать черты кризисности в ситуациях трансформации общества. Обусловлено это тем, что при осознании собственной ситуативной идентичности, личность может сознательно отказаться от нее. Возникает парадоксальная ситуация: человек проявляет негативное отношение к собственной социальной позиции, но при этом идентифицируется с ней по формальным критериям. В контексте социальных трансформаций достигнутая ситуативная идентичность, может одновременно соответствовать и противоречить ценностно-смысловой сфере личности, что приводит к ее фрагментации. При дальнейшем усугублении внутриличностного конфликта, можно наблюдать распад идентичности. Риск навязывания личности позиций, которые характеризуются неоднозначностью и противоречивостью по отношению к ценностно-смысловой сфере, возникает в результате сложного взаимодействия социальных агентов [2].

Таким образом, идентичность в современном мире обретает черты ситуативности. Действуя в соответствии с требованиями ситуации, субъект позднего модерна способен действовать в ситуации неопределенности, а также преобразовывать собственную идентичность.

Список литературы

1. Векленко, П. В. Конструктивная идентичность: ситуационный подход / П. В. Векленко // Воспитание духовности : ценностные основы идентичности личности : материалы Всероссийской научно-практической конференции, 19-20 декабря 2007 г., Екатеринбург / Рос. гос. проф.-пед. ун-т. — Екатеринбург : Издательство РГППУ, 2007. — С. 19-20.
2. Костко, Н.А. Показатели городской идентичности как элемента социального пространства города / Н.А. Костко // Журнал социологии и социальной антропологии. — 25(1). — С. 190–216.
3. Тлостанова, М. В. Человек в современном мире: проблемы множественной идентичности / М.В. Тлостанова // Вопросы социальной теории. — 2010. — Т. 4. — С. 191-217.
4. D'Ambrosio, P. J. From present to presentation: A philosophical critique of Hartmut Rosa's «situational identity» / P. J. D'Ambrosio // Time & Society. — 2019. — Т. 28. — №. 3. — С. 1061-1083.

Кризисная психология: опыт решения проблем и перспективы исследований

УДК 159.9.61

РИСКИ ПСИХИЧЕСКОМУ ЗДОРОВЬЮ У ПАЦИЕНТОВ, ПЕРЕНЕСШИХ РАННИЙ СИФИЛИС

Васильева И. В., Николаев Е. Л., д-р мед. наук, проф.
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»,
г. Чебоксары, РФ
Iamnot_irina@mail.ru

Введение. Современная медицина концентрирует свое внимание не только на самой болезни и её профилактировании, но и на отдаленных последствиях любой нозологии, в том числе психологических. Последние исследования все больше внимания уделяют влиянию психического и социального здоровья граждан на качество и продолжительность их жизни [1,2], в связи с чем специалисты в сферах психологии и здравоохранения отмечают важность своевременного распознавания и коррекции возможных психологических нарушений у пациентов в различных сферах медицины, в том числе и дерматовенерологии [3].

Цель: выявить и обозначить основные возможные риски для психического здоровья пациентов, прошедших лечение у дерматовенеролога по поводу инфекций, передающихся половым путем, в частности, сифилиса; разработать способы междисциплинарного взаимодействия психологов и дерматовенерологов для своевременной оценки наличия у пациента потребности в психологической коррекции.

Основная часть. Как известно, сифилис — это инфекционное заболевание, вызываемое бледной трепонемой и передающееся преимущественно половым путем. Он характеризуется поражением кожи, слизистых оболочек, нервной системы, внутренних органов и опорно-двигательного аппарата и отличается стадийностью, склонностью к рецидивированию и прогрессированию [4].

Чтобы оценить возможные риски заболевания, стоит для начала установить их причины. В качестве одной из причин можно рассматривать стигму наличия самого заболевания в прошлом, т.к. в обществе половые инфекции ассоциируются с безответственным и иногда асоциальным образом жизни, и наличие подобного диагноза в прошлом может негативно сказаться на репутации и личных взаимоотношениях человека, что зачастую вынуждает пациентов прибегать ко лжи и сокрытию подобной инфекции в анамнезе даже от врачей [5].

Ключевым моментом в контроле излеченности сифилиса является процедура клинико-серологического контроля, которая заключается в регулярной, с периодичностью в 3,6 месяцев, а затем год, сдаче анализов крови на наличие в ней маркеров активной инфекции. Она проводится у всех пациентов после окончания курса специфического лечения. В зависимости от многих факторов, в том числе индивидуальных особенностей организма, контроль серологических реакций у лиц, прошедших лечение по поводу раннего сифилиса, может длиться от 12 до 24 месяцев [4]. Это означает, что в течение нескольких лет пациент находится в «подвешенном» состоянии относительно своего статуса, что не может не представлять риск для психического здоровья человека.

Одним из самых популярных скрининговых анализов крови на сифилис является связка высокочувствительного нетрепонемного теста и одного из трепонемных тестов, позволяющая выявить сифилис на любых сроках заболевания. Именно по этой причине данный метод используют при сборе анализов перед проведением различных операций и медицинских манипуляций, что является дополнительным источником стресса для лиц с сифилисом в анамнезе, т.к. у них антитела к возбудителю сохраняются пожизненно.

Соответственно, любая медицинская манипуляция, стационарное и санаторно-курортное лечение, профилактический медицинский осмотр и даже трудоустройство на определенные должности сопровождаются посещением врача-дерматовенеролога в специализированном учреждении с целью корректной интерпретации полученного результата анализа и получения медицинского заключения о возможности проведения планируемых процедур. Необходимость регулярного посещения врача-дерматовенеролога дополнительно напоминает пациентам о специфике перенесенного ими заболевания и зачастую вызывает крайне неприятные ассоциации, что также может являться предпосылкой к ухудшению психоэмоционального состояния личности.

Стоит также отметить, что время приема и консультации у любого врача амбулаторного звена, в частности, у врача-дерматовенеролога, очень ограничено, что негативно сказывается на информированности пациентов о своем заболевании, возможных рисках, мифах и заблуждениях о заболевании. В целом, население не обладает достаточным объемом информации о себе и своем организме, а информация, доступная в интернете, крайне противоречива и зачастую не имеет доказательной базы. Отсутствие доступной и понятной обычному человеку информации о заболевании, возможности задать специалисту интересующие вопросы, создает предпосылки для ложных страхов и тревог по поводу будущего и непонимания своего статуса для окружающих. Так, например, многие посетители кабинета венеролога, окончив полноценный курс лечения более 5 лет назад, не знают, могут ли они родить здорового ребёнка, что

может способствовать негативному восприятию потенциального будущего и отчуждению от близких.

Заключение: наличие сифилиса в анамнезе может являться риском психическому здоровью граждан и требует особого внимания со стороны специалистов разных сфер здравоохранения. Основное внимание стоит обратить на:

- эмоционально лабильных лиц, склонных к преувеличению серьезности диагноза и его возможных последствий;
- хронический стресс, связанный с необходимостью регулярных явок на клинко-серологический контроль;
- ощущение отчужденности от остальных членов общества, обусловленное страхом осуждения и отвержения;
- в большей степени у женщин детородного возраста: постоянный страх возможного заражения ребенка и родственников;
- тревожность по поводу вероятности повторного заражения и недоверие к людям.

Все перечисленные факторы могут воздействовать одновременно на одного человека, что при прочих неблагоприятных условиях создает предпосылки для развития более серьезных патологических состояний (депрессия, суицидальные мысли и т. д.). При приеме и ведении подобных пациентов врачу-дерматовенерологу, следует учитывать данные особенности личности для оказания помощи на наивысшем уровне, а также при необходимости своевременно направлять пациента к психологу или психотерапевту для коррекции развивающихся нарушений.

Список литературы

1. Розенова, М.И. Отношения как фактор старения и долголетия человека / М.И. Розенова, А.А. Калаева // Психология и психотехника. — 2020. — №4. — С. 29-48.
2. Надеяев, А. А. Психологическое здоровье — основа качества жизни личности / А. А. Надеяев, Е. А. Веселкова // Format. Социология. — 2019. — № 1(1). — С. 13-14. — EDN ВТХАFA.
3. Михель, Д. В. Болезнь как социальный диагноз: философия социального исключения и реинтеграции / Д. В. Михель // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Философия. Психология. Педагогика. — 2017. — Т. 17, № 2. — С. 156-161. — DOI 10.18500/1819-7671-2017-17-2-156-161.
4. Бохонович, Д. В. Клинико-серологический контроль как критерий эффективности лечения сифилиса : специальность 14.01.10 «Кожные и венерические болезни» : диссертация на соискание ученой степени кандидата медицинских наук / Бохонович Диана Владимировна, 2019. — 156 с.
5. Amy S.D. Lee, Shameka L. Cody, The Stigma of Sexually Transmitted Infections, Nursing Clinics of North America, Volume 55, Issue 3, 2020. — Pp. 295-305.

РАЗВИТИЕ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ МЕТОДОМ ТЕЛЕСНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ПСИХОТЕРАПИИ

Желкевская Л. С., Кадацких И. Ю., канд. психол. наук, доц.
Филиал АНОО ВО «Воронежский экономико-правовой институт», г. Старый Оскол, РФ
larisalarisa0911@yandex.ru

В современном мире растет число психических расстройств и заболеваний. По данным ВОЗ в первый год пандемии число психических заболеваний выросло на 25%. Этот факт ведет к поиску способов быстрого и эффективного профилактического и коррекционного воздействия на стрессоустойчивость населения мира.

В 50-70-х годах двадцатого века слово «стресс» стало очень популярным. Психологи трактовали термин по-разному. В целом их можно свести к такому определению: «Стресс — это состояние психического напряжения, возникающее у человека в экстремальных условиях». Психологическая реакция на стресс зависит от особенностей личности человека, в том числе от системы убеждений и восприятия. Если уровень стресса повышается, человек впадает в неадекватное состояние, теряет контроль. Чувство «онемения» при шоке и физическом стрессе связано с тем, что тело «лишило себя чувствительности» с целью выжить.

В развитии стрессовой реакции Г. Селье выделяет три стадии:

1. Первая стадия — реакция тревоги. В момент потрясения главные средства борьбы — это бегство или сражение. Люди в этой стадии с трудом могут что-то делать.

2. Вторая стадия — сопротивление. Люди во второй стадии теряют интерес и радость жизни. Здесь важно не уклоняться от решения проблемы, чтобы не продлевать стресс.

3. Третья стадия — истощение. Человек перестает ясно осознавать происходящее и видит все через призму своей боли и страданий. В этих условиях человек повторяет заученные реакции, основанные на отрицательных эмоциях, поэтому ограничения в выборе новых действий катастрофически возрастают.

В любой ситуации тело включено, потому оно принимает на себя абсолютно все проходящие через жизнь человека стрессы. В момент напряжения, волнения меняется дыхание, вслед за которым изменяется состав крови, гормональный фон, что на уровне физиологии готовит человека к действию. Если же гештальт не закрылся — это состояние затем откладывается в мышцах.

Телесно-ориентированная психотерапия возникла на основе практического опыта и многолетних наблюдений взаимосвязи духовного и

телесного в функционировании организма. Преодоление дуализма тела и разума и возвращение к целостной личности ведет к глубоким изменениям понимания поведения человека. Существующие в настоящее время методы телесно-ориентированной психотерапии объединяет стремление научить человека не только осознанию вытесненной информации, но и переживанию в настоящий момент единства тела и психики. Все методы телесно-ориентированной психотерапии направлены в той или иной степени на обеспечение условий, в которых пациент сможет пережить свой опыт, как взаимосвязь психического и телесного, принять себя в этом качестве, тем самым, получив возможность улучшить свое функционирование.

Наиболее известными школами ТОТ являются следующие:

1. Анализ характера и практика вегетотерапии В. Райха. Суть сводится к теории «мышечного панциря», связывающей постоянное мышечное напряжение в теле человека с его характером и типом защиты от болезненного эмоционального опыта.

2. Биоэнергетика А. Лоуэна центрирована на роли тела в анализе характера. По Лоуэну, причиной неврозов, депрессии и психосоматических расстройств является подавление чувств, которое сопровождается хроническими мышечными напряжениями, блокирующими свободное течение энергии в организме и приводящее к изменению личности.

3. Метод Ф. Александера, суть которого состоит в том, что вся деятельность человека зависит от его способности управлять телом. Он предлагал вместо обычных движений создавать новые, которые помогут улучшить способы использования тела.

4. Метод М. Фельденкрайза, основанный на осознании. Согласно ему, чтобы изменить поведение человека, необходимо изменить образ себя, который нам присущ, а это требует изменения динамики реакций, природы мотивации и мобилизации всех частей тела, которые затронуты данным действием.

Тело содержит записанную в себе информацию о человеке. В нем хранится история нашей жизни о тех сложных, эмоционально значимых ситуациях, что остаются как зарубки, проявляясь в болевых ощущениях и дискомфортных мышечных зажимах. Работа с телом дает возможность попасть в глубину, суть переживания, какие могут сохраняться как результаты стресса, систематического подавления эмоций, конфликтов в отношениях, на работе, внутренних конфликтов, страхов, бессонницы, эмоционального напряжения, какое невозможно сдержать, вплоть до панических атак.

Стресс равнозначен подавляемым чувствам Самый худший способ справиться со стрессом — сделать вид, что его нет.

Важно отметить, что если ресурсов организма хватает для противодействия повышенным требованиям среды, то такой стресс является стимулирующим или эустрессом.

Стресс, связанный с негативными эмоциями и оказывающий пагубное влияние на здоровье в результате истощения, называется дистрессом (Г. Селье).

При дистрессе тело может испытывать напряжение в следующих зонах: 1. задняя поверхность шеи, часто сопровождающаяся головной болью в затылочной области; 2. область между лопаток, которую также называют «узел гнева»; 3. плечи и руки; 4. область диафрагмы.

Для терапии дистресса и разнообразных негативных состояний в телесно-ориентированной терапии используют различные техники, начиная от заземления в позе Кука.

Затем часто используется центрирование, когда человеку предлагают расположиться, лежа в позе звезды, а терапевт в это время стягивающими движениями массирует его голову, руки и ноги, снимая лишнее напряжение со всего тела в отдельности.

Существуют техники, которые человек может выполнять самостоятельно, и с обязательным присутствием терапевта.

Отдельного внимания заслуживают распространенные дыхательные упражнения, которые известны еще из древних духовных практик. С помощью отслеживания естественного способа дыхания человека можно диагностировать его психологические проблемы. Затем через изменение ритма и глубины дыхания достигается новое состояние сознания. В поверхностной форме это может быть обычное расслабление или поднятие тонуса, что применимо и в бытовом использовании, когда человек сам хочет успокоиться или настроиться, наоборот, на работу. В терапевтической же работе дыхательные техники могут использоваться намного более активно, даже в некоторых случаях для погружения человека в транс. Конечно, это требует руководства квалифицированного терапевта.

Работа с телом наиболее эффективна еще и потому, что при этом психика не выстраивает защиты и есть возможность уйти сразу к глубоким процессам и внутренним ресурсам, что развивает ощущение данного мгновения жизни, полное присутствие и высвобождение перекрытой, зажатой энергии. Что в конечном итоге ведет к психологической адаптации.

Психологическая адаптация — это последовательность психологических реакций на объективную ситуацию, отражающих поведение, необходимое для совладания со специфической задачей.

В практике существует множество упражнений для выхода из состояния стресса. Вот наиболее эффективные и простые в применении:

1. Исходное положение: стоя у стены, руки упираются в нее. Необходимо сильно надавливать на стену с желанием сдвинуть ее. Таким образом уходит лишнее напряжение в руках и плечевой области. Можно сопровождать этот процесс звуками: криком или рычанием.

2. Исходное положение: лежа на спине. Руки сжаты в кулаки. Под каждым кулаком лежат подушки. Необходимо бить подушки кулаками.

3. Глубокое дыхание (работа с зоной диафрагмы). Чаще всего мы дышим очень поверхностно — при этом задействуется только 1/3 общего объема легких. Глубокое дыхание — то есть дыхание животом, помогает расслабить диафрагму, убрать излишнее эмоциональное напряжение, остановить внутренний монолог. Достаточно 7-10 таких вдохов и выдохов, и вы почувствуете себя намного спокойнее.

4. Исходное положение: стоя. Необходимо выполнять прыжки на месте. Прыжки. Прыгать нужно невысоко, стараясь приземляться на всю стопу, акцентируя внимание на центре стопы. Такое упражнение позволяет усилить заземление и как следствие дает ощущение стабильности, защищенности и покоя. Нужно сделать не менее 50 прыжков.

5. Самомассаж центральной части ладони, точки между бровями, зоны костного выступа за ушной раковиной и яремной ямки.

После того, как к человеку возвращается ясность мышления, четкое понимание происходящего, улучшится концентрация внимания и настроение, вернутся физические силы, можно будет утверждать, что он адаптировался и вышел из стресса.

Таким образом, можно сделать вывод, что телесно-ориентированная психотерапия является быстрым и эффективным способом профилактики и коррекции негативного влияния внешней среды на психику человека, а также способствует развитию стрессоустойчивости в сложных условиях.

Список литературы

1. Баскаков, В. Свободное тело / В. Баскаков. — Москва : Институт общегуманитарных исследований, 2004. — 224 с.
2. Вишнякова, Н. Ф. Психологические основы развития креативности в профессиональной акмеологии : диссертация ... доктора психологических наук : 19.00.13. — Москва, 1996. — 394 с.
3. Вачнов, И. Основы технологии группового тренинга. Психотехники : учеб. пособие / И. В. Вачков. — [3-е изд., перераб. и доп.]. — Москва : Ось-89, 2005. — 255 с. — ISBN 5-86894-274-4
4. Гарбузов, В.И. Человек. Жизнь. Здоровье : Древ. и новые каноны медицины / В. И. Гарбузов. — [2-е изд., перераб. и доп.]. — Санкт-Петербург : АО «Комплект», 1995. — 426. — ISBN 5-88596-013-5
5. Герасимова, И.А. Философское понимание танца / И.А. Герасимова // Вопросы философии. 1998. — № 4. — С.50-63.
6. Давидович, В.В. Здоровье как философская категория / В.В. Давидович, А.В. Чекалов / Валеология. 1997, №1. — С. 8-11.
7. Дунаев, И.В. Основы лечебного массажа (техника и методики). Учебное пособие / И.В. Дунаев. — Москва : ИВЦ «Маркетинг»; ООО «Издательство ЮКЭА», 2000. — 480 с.

ТРУДНОСТИ РАННЕЙ ДИАГНОСТИКИ СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ У ПОДРОСТКОВ

Иванова А. В.

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова»
г. Чебоксары, РФ
ivanova.anastasiya.81@mail.ru

Суицидальное поведение — это сложный и многофакторный феномен, образующийся из мыслей, идей, фантазий, попыток и самого акта самоубийства. Первое определение суицида дал французский социолог Эмиль Дюркгейм в 1897 году: «Самоубийством называется всякий смертный случай, являющийся непосредственным или опосредованным результатом положительного или отрицательного поступка, совершенного самим пострадавшим, если этот пострадавший знал об ожидавших его результатах» [1]. Суицидальная попытка — это аутоагрессивное действие с несмертельным исходом. Можно выделить два вида суицидальной попытки: истинную и демонстративную [2]. Сам феномен суицида всегда присутствовал в истории развития любого общества, однако в условиях современного времени эта проблема приобретает особую актуальность. По мнению ученых одной из ведущих причин смертности среди населения всего земного шара является суицид. При этом следует отметить, что наиболее часто суицидальные попытки и самоубийства стали встречаться в подростковой среде и среди молодежи. По данным статистики, количество самоубийств среди подростков в России растет. В 2022 году зарегистрировано более 500 случаев самоубийств подростков в возрасте от 12 до 18 лет. Это тревожная тенденция, которая требует серьезного внимания. Подростки как особая социально уязвимая группа подпадают под Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24.07.1998г. № 124-ФЗ. В Распоряжении Правительства РФ от 26 апреля 2021 г. №1058-р утвержден комплекс мер до 2025 года по совершенствованию системы профилактики суицида среди несовершеннолетних, включающий и разработку методических рекомендаций по профилактике суицидального поведения, выявлению ранних суицидальных признаков у несовершеннолетних [3].

Общей причиной суицида является душевная боль, от которой человек старается убежать посредством совершения аутоагрессивного акта. Если мы говорим о суицидальном поведении несовершеннолетних, то причинами подросткового самоубийства может стать что угодно — конфликт с родителями или друзьями, неразделенная любовь, травля со стороны сверстников, чувство одиночества и ненужности, низкая самооценка, неуспеваемость в учебе, психические заболевания,

злоупотребление алкоголем, наркотиками и многое другое. В частности, подростки крайне чувствительны к критике в свой адрес, поэтому даже неосторожное слово может привести к совершению необратимого поступка. В современной литературе суицидальное поведение подростков изучалось в различных направлениях: возрастная динамика суицидального поведения (А.Г. Абрамова, К.С. Веселовский); акцентуации и психические расстройства (А.Е. Личко, А.А. Александров); межличностные взаимоотношения с подростками и родителями (Л.Я. Железова); влияние воспитания на формирование суицидального поведения (В.М. Бехтерев и И.А. Сикорский, М.И. Гернет, А.Ф. Кони, П.А. Сорокин, З. Фрейд) [4]. Подростковый возраст, на который приходится период пубертата, считается одним из самых сложных периодов в формировании личности. Изменения происходят не только на физиологическом уровне, но и на эмоциональном и психологическом, что приводит к нестабильности состояний подростков, к частым протестным реакциям, склонности к асоциальным поступкам, девиантному поведению. Сталкиваясь с проблемами различного характера, не имея жизненного опыта, они могут прибегать к неадаптивным способам совладания. Е. Вроно (2001) отмечает, что подросток часто переживает проблемы трех «Н»: непреодолимость трудностей, нескончаемость несчастья и непереносимость тоски и одиночества. Отчаявшийся подросток вынужден бороться с тремя «Б»: беспомощностью, бессилием и безнадежностью. В процессе этой борьбы он может прийти к выводу о том, что ни на что не годен, и вынести себе смертельный приговор [5]. Самоубийство подростка — это, как правило, желание привлечь к себе внимание, выразить свои чувства и боль, это своего рода крик о помощи. Поэтому нельзя обесценивать проблему несовершеннолетнего, который в данный период считает себя уже взрослым человеком, но по факту является неопытным ребенком. В силу того, что в этом возрасте у подростка формируется мировоззрение, определяются жизненные ценности, ему необходима помощь со стороны людей, которые его окружают. Однако в нашем динамичном мире подростки часто оказываются вне поля зрения, в первую очередь, родителей по разным причинам. Кто-то целыми днями работает на благо своего чада, кто-то уходит от исполнения своих родительских обязанностей в силу своего собственного неблагополучия. Детско-родительские отношения не часто являются образцово-показательными. Таким образом, рвется первая для подростка нить, способная удержать его от рокового шага, взрослые люди пропускают сигналы, предшествующие суицидальной попытке. В учебных заведениях, где большую часть времени находятся дети, тоже не часто обратят внимание на предпосылки к суициду. Педагоги-психологи, которые работают с подростками, порой не видят признаков кризисного суицидального состояния в силу отсутствия возможностей непосредственного общения с учащимися, а сами подростки редко обращаются за помощью. При этом в учебных заведениях плано-

проводятся скрининговые исследования, направленные на раннюю диагностику суицидального риска среди подростков. Стоит отметить, что в целом, учебное заведение обладает большим потенциалом в снижении уровня суицидального риска в подростковой среде.

Несмотря на объем знаний о суициде, накопленный за последние годы, несмотря на значительное число разработанных в разные годы концепций суицидального поведения (Э. Дюркгейм, 1897; Бехтерев В.М., 1914; Фрейд З., 1915; Хорни К., 1945; Амбрумова А.Г., 1978 и др.), единого мнения о причинах, механизмах суицидального поведения, проявлениях, связи с состоянием здоровья не сформировано. В настоящее время не существует универсальной программы диагностики для определения суицидального риска у подростков. Тестовые методики, анкеты и опросники чаще всего используются для определения личностных особенностей, склонности к девиантным формам поведения, депрессии, тревоги, чрезмерной агрессии, нарушений межличностного взаимодействия. Специализированные опросники включают в себя относительно прямые вопросы о суицидальных намерениях и вопросы, выявляющие индивидуальные особенности личности, связанные с высоким суицидальным риском. Трудности ранней диагностики суицидального поведения заключаются в том, что в жизни мы сталкиваемся уже с самим фактом совершения аутоагрессивного действия. При этом существуют индикаторы суицидального риска, такие как особенности поведения, настроения, высказывания, жесты и т. п., на которые по факту мы мало реагируем. Предотвращение суицида является проблемой не только медицинских и социальных учреждений, но всего общества в целом, поэтому стратегии профилактики должны быть многомерными, разнонаправленными. Важно создавать и распространять как можно больше информационных ресурсов в СМИ, общеобразовательных и медицинских учреждениях правильного содержания для избегания формирования у населения ложных представлений о суицидах.

Список литературы

1. Дюркгейм, Э. Самоубийство. Социологический этюд / Э. Дюркгейм; переводчик А. Н. Ильинский; под редакцией В. А. Базарова. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. — 316 с.
2. Национальное руководство по суицидологии / Под ред. Б.С. Положего. — Москва : ООО «Издательство «Медицинское информационное агентство», 2019. — 600 с.
3. Положий, Б.С. Профилактика суицидального поведения несовершеннолетних / Г.С. Банников, Е.Б. Любов, П.Б. Зотов, П.К. Яхьяева // научно-практический журнал «Суицидология». — 2021 г. — Том 12, №3 (44). — С.67.
4. Руденко, Е.С. Формы и факторы суицидального поведения подростков / Е.С. Руденко; Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова // Научный результат. Сер. Педагогика и психология образования. — 2022. — Т.8, №2. — С. 148-161. — Doi: 10.18413/2313-8971-2022-8-2-0-13. - Библиогр.: с. 160-161.
5. Старшенбаум, Г.В. Суицидология и кризисная психотерапия. — Москва : «Когито-центр», 2018. — 376 с.

ФЕНОМЕН ПОСТТРАВМАТИЧЕСКОГО РОСТА

Карачева Е. А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова», г. Москва, РФ
karacheva_k@list.ru

В настоящей статье мы посмотрим на феномен психической травмы, понятия дистресса, совладания с трудными жизненными ситуациями в оптике деятельностно-смыслового подхода М.Ш. Магомед-Эминова [1, 2]. Данный подход дает нам эффективный концептуальный аппарат для анализа феномена посттравматического роста, следуя логике теоретического сдвига от негативистской трактовки травмы, стресса к позитивной психологии человека.

Одним из важных положений деятельностно-смыслового подхода выступает следующее: всякое травматическое воздействие является интенциональным предметом деятельности человека, опосредствованной смысловой работой личности, которая конкретизируется в трех смысловых модусах или формах: расстройство (страдание) — стойкость (мужество) — духовный рост (трансгрессия).

Эта триада психической трансформации хорошо обоснована теоретико-методологически и эмпирически на основе деятельности по оказанию психологической помощи людям в критических, экстремальных ситуациях. Важный момент, данная триада может быть соотнесена с триадой Н. Талеба «хрупкость — неуязвимость — антихрупкость» [3], но эти конструкты являются описательными, и их можно рассматривать как выражение работы личности над собой, в ходе которой и конституируются разные способности обращения с экстремальным опытом. При этом работа конструирования этих феноменов имеет характер рекурсивной, циркулярной, круговой работы.

В деятельностно-смысловом подходе посттравматический рост, резильентность трактуются не как качества, свойства, состояния, а как работа, в которой они производятся и конституируются, в которой приводятся в связь множество факторов и активностей [4]. Отметим, что посттравматический рост как феномен — это темпоральный феномен, он разворачивается во взаимодействии прошлого, настоящего и будущего в живом настоящем человека в ходе рекурсивной, циклической работы, реализующей феномен повторения различия или повторения без повторения (Бернштейн).

В понимании феномена посттравматического роста мы дифференцируем две линии: натуралистическую — когда рост вызывается вынужденно травмой, точно также как выученная беспомощность, и

культурно-историческую, когда за феноменом роста находятся не только натуралистические процессы стресса, но и процессы трансформации смысловой работы личности. При такой трактовке феномен посттравматического роста, который измеряется на основе теста «Опросник посттравматического роста» (ОПТР) Тадеша и Калхауна [5], адаптированного М.Ш. Магомед-Эминовым в 2004 году, раскрывается как продукт смысловой работы личности с травматическим опытом.

Эмпирические данные и результаты исследования. В целях проверки гипотезы о том, что посттравматический рост как психологический феномен формируется при опосредствовании переживания травматического опыта в смысловой работе личности, мы проводили факторный анализ методики ОПТР в соотнесении с данными Теста воздействия стрессовых событий (Impact of Event Scale) М. Хоровитца, адаптированного в М.Ш. Магомед-Эминовым.

В исследовании приняли участие 122 человека в возрасте от 20 до 33 лет (женщин — 97, мужчин — 25). Было проведено три серии исследования. В первой серии мы проверяли факторную структуру ОПТР на всей выборке (N=122), во второй серии мы выделили группу испытуемых с умеренным и сильно выраженным переживанием травматического воздействия (>26, N=18), в третьей серии исследования факторный анализ ОПТР проводился на людях, имеющих слабо выраженное, умеренное и сильно выраженное переживание травматического воздействия (>9, N=57).

Обработка данных проводилась в программе SPSS Statistics 28.0.0.0 (190). Для определения факторной структуры опросника был использован эксплораторный факторный анализ (ЭФА).

Результаты исследования показали наличие динамики факторной структуры ОПТР в зависимости от смысловой оценки ситуации травматического опыта. В первой серии, куда попали люди, переживающие и не переживающие стрессовое воздействие, получилось три фактора. В группе с высоким уровнем травматического воздействия мы получили семь факторов. Однако в группе с травматическим переживанием стрессового события мы получили пять факторов как в оригинальной версии ОПТР. Качественный анализ данных показал, что динамика факторной структуры ОПТР связана с наличием или отсутствием переживания стрессового, травматического события в оптике трансгрессивной мотивации.

Отметим несколько важных моментов. Во-первых, что надежность-согласованность методики ОПТР, определяемая с помощью критерия Альфа-Кронбаха, составляет 0.934 в общей выборке, что еще раз подтверждает ее высокую надежность. Во-вторых, анализ данных свидетельствует о наличии высоко значимых связей (при $p < 0,01$) каждого пункта опросника и общего балла ОПТР.

Анализ и обсуждение результатов. Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что актуалогенез феномена посттравматического роста опосредствован смысловой работой личности с травматическим опытом. Феномен посттравматического роста — это не просто фиксированная способность, свойство личности или форма копинга, а представляет собой продукт работы личности над собой. Она реализует трансгрессивную мотивацию, открывающую бытие личности в сфере перехода от феномена возможности к феномену невозможности, то есть работы с тем, что выходит за пределы потенции и способностей повседневного способа существования человека.

Список литературы

1. Магомед-Эминов, М.Ш. Новые аспекты психотерапии посттравматического стресса / М.Ш. Магомед-Эминов и др. — Харьков, 1990. — 32 с. — ISBN 5-357-00005-0.
2. Магомед-Эминов, М.Ш. Трансформация личности М.Ш. Магомед-Эминов. — Москва : Психоаналитическая ассоциация РФ, 1998. — 496 с. — ISBN 5-89200-002-8.
3. Талеб, Н.Н. Антихрупкость : как извлечь выгоду из хаос / Н.Н. Талеб. — Москва : КоЛибри, 2014. — 762 с. — ISBN 978-5-389-05287-1.
4. Магомед-Эминов, М.Ш. Экстремальная психология / М.Ш. Магомед-Эминов. — Москва, 2006. — Т.2. — 576 с. — ISBN 5-89200-013-3.
5. Tedeschi, R.G., Calhoun, L.G. The posttraumatic growth inventory: measuring the positive legacy of trauma // Journal of Traumatic Stress. —1996. — Vol.9. — P. 455-471.

УДК 159.9

ПОДДЕРЖКА И СОПРОВОЖДЕНИЕ ПРОЦЕССА АДАПТАЦИИ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ ДЕТЕЙ, ВЫНУЖДЕННЫХ ПОКИНУТЬ ПОСТОЯННОЕ МЕСТО ПРОЖИВАНИЯ

Кацера А. А., канд. психол. наук, доц.

ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого», г. Тула, РФ
katsero@list.ru

Положение детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, неизменно остается предметом особого внимания как широкой общественности, так и науки, что актуализирует процесс осмысления опыта в области социально-психологической адаптации и социальной интеграции детей, прибывших из зоны вооруженного конфликта. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы определяет приоритетные задачи содействия адаптации и интеграции лиц, вынужденных покинуть постоянное место

проживания, формирования конструктивного взаимодействия между ними и принимающим сообществом [4].

В рамках вопроса оказания поддержки и помощи таким детям, адаптация приобретает психолого-педагогический контекст: - как процесс присвоения индивидом социальных ценностей; - как фаза развития личности, связанная с принятием групповых норм поведения и использованием соответствующих средств деятельности (по А.В. Петровскому); - как преодоление личностью проблемных ситуаций с использованием приобретенных на предыдущих этапах социализации навыков и механизмов поведения или получения новых способов поведения (по А.А. Налчаджян).

К причинам нарушения адаптации детей, вынужденных покинуть постоянное место проживания, относят отсутствие поддержки близких, недостаточность социальной поддержки, низкий социально-экономический уровень, сочетание этих и иных причин [1]. Поэтому важным фактором, как показал опыт Тульской области, способствующим социальной/социокультурной/психологической адаптации, самореализации ребенка в различных сферах жизнедеятельности, является образовательная организация, решающее вопросы интеграции как в образовательное пространство, так и принимающее сообщество в целом [2]. Процесс такой адаптации является этапным (табл.):

Таблица

Этапы и результат адаптации детей, переживших трудные жизненные ситуации, к новым условиям жизни в принимающем сообществе

Адаптация:	Дезадаптация:	Реадаптация:	Социальная интеграция:
достаточная степень социальной адаптации в первоначальном социуме;	дезадаптация под воздействием травмирующей, экстремальной, кризисной ситуации; низкая степень социальной адаптации, обусловленная особым социальным статусом (вынужденно (без применения насилия) покинувшего место постоянного жительства) и наличием дополнительных барьеров.	реадаптация или достаточная степень адаптации в новом социуме, социальная интеграция, появление адаптированности (от лат. adaptatio «приспособление» — определенная степень или уровень сформированности адаптивных реакций индивида к успешному осуществлению деятельности).	адаптированность социальная/социокультурная/психологическая

Понимание психологического содержания этих этапов обусловило создание модели психолого-педагогической поддержки процесса адаптации и социально-психологической интеграции детей и подростков, вынужденно покинувших постоянное место проживания, ее реализацию. При этом учитывались возрастно-психологические особенности переживания детьми трудных жизненных ситуаций [3]. Основными направлениями психолого-педагогического сопровождения и поддержки являются: развивающая и коррекционная психолого-педагогическая работа с элементами диагностической работы; информационно-консультативная работа.

В ходе коррекционно-развивающей работы с детьми возможно применение: элементов сказкотерапии, метафорических ассоциативных карт, психогимнастики, арт-терапии (напр. пластилинотерапии), песочной терапии, музыкотерапии, игровой терапии и др. В работе с подростками дополнительный результат приносит «стрессовая модель», предполагающая развитие способности ребенка преодолевать трудности и направленная на восстановление личности ребенка. «Метод реконструкции будущего» используется для возможности оптимального координирования прошлого, настоящего, будущего аспектов биографии личности, а также возможности коррекции двух существенных функций самосознания подростка: самоидентификации и проектирования Я. Проектирование осуществляется посредством использования элементов ролевой игры, транзакционного анализа будущей автобиографии.

Доступны для широкого применения в процессе психологической помощи и поддержки любой детской возрастной категории такие методы и приемы как пение, составление плей-листов, чтение любимых стихотворений, работа с глиной и пластилином, рукоделие, раскрашивание, созерцание интерактивных экспонатов, релакс. Все они помогают управлять эмоциями, чувствами и создают условия, способствующие обучению и укреплению благоприятного психологического состояния детей.

Представленные направления поддержки и сопровождения процесса адаптации и социально-психологической интеграции детей, вынужденных покинуть постоянное место проживания, имеют вариативный характер, использование технологий и механизмов осуществляется с учетом индивидуальных потребностей детей и конкретных обстоятельств, в которых они оказались.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта правительства Тульской области в сфере науки и техники 2023 г. по договору № ДС/120 от 22.07.2022 г. «Разработка модели и путей реализации психолого-педагогической поддержки адаптации и социально-психологической интеграции детей, прибывших с территорий ДНР, ЛНР».

Список литературы

1. Буслаева, М. Е. Проблемы социальной адаптации детей беженцев и мигрантов в контексте профессиональной подготовки студентов / Буслаева Мария Евгеньевна, Макарова Валентина Александровна // Педагогическое образование в России. – 2016. №1. – С. 155-161.
2. Кацero, А.А. Психолого-педагогическая поддержка детей, прибывших из ДНР, ЛНР, Запорожской, Херсонской областей: учет возрастнo-психологических особенностей переживания трудных жизненных ситуаций / А.А. Кацero // Психолого-педагогическое сопровождение общего, специального и инклюзивного образования детей и взрослых : сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Тула, 6 апреля 2023 г.) / науч. ред. С. Г. Лещенко ; ТГПУ им. Л. Н. Толстого. Чебоксары : Среда, 2023. С. 319-322.
3. Психолого-педагогические основы организации поддержки адаптации и социально-психологической интеграции детей, прибывших с территорий ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей : учеб.-метод. пособие [Электронный ресурс] / авт.-сост. А.А. Кацero, Н.А. Степанова, Т.И. Куликова. Электрон.дан. Тула : ТППО, 2023. Электрон.опт.диск (CD-ROM).
4. Таева, Н.Е. Реализация направлений миграционной политики в законодательстве о гражданстве Российской федерации / Н.Е. Таева // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2022. №6 (94). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-napravleniy-migratsionnoy-politiki-v-zakonodatelstve-o-grazhdanstve-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения 06.10.2023)

УДК 159.9

СМЫСЛОВАЯ МОДЕЛЬ ТРАВМЫ

Квасова О. Г., канд. психол. наук,
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова», г. Москва, РФ
psyhelp.msu@gmail.com

Психологическая травма с момента концептуализации ПТСР (Посттравматического стрессового расстройства) в 1980 году стараниями психологов, психоаналитиков, психиатров, выступивших как профессионалы в защиту американских ветеранов войны во Вьетнаме от недружелюбия активистов антивоенного движения 70-х гг. XX столетия, находилась в плену клинической медицинской парадигмы в ее американской версии. Тем самым человеческая ситуация, ее личностный смысл, смысл несчастья, жизненная ситуация вышедшего из экстремальной ситуации человека, новые жизненные задачи, которые перед ним стоят (Магомед-Эминов, 1989, 1990), находились за пределами диагностики, теории и психотерапии травмы.

Концепции посттравматического роста личности как результат пережитого стрессового события (Tedeschi, R. G., & Calhoun L. G., 1996)

или «относящегося к стрессу роста» (Park C., 1996) знаменовали некоторый новый сдвиг западных специалистов к позитивному взгляду на психологическую травму и смещение фокуса с клинических симптомов на личность. Также работы, которые для понимания процессов расстройства и роста после травмы стали ставить в центр поиск смысла или «придание смысла» (Davis, Nolen-Hoeksema et al, 1998; Helgeson et al 2006). Несмотря на первые попытки западных психологов ввести понятие смысла в модели травмы, например, в ранних работах R. Janoff-Bulman, большинство исследователей психической травмы не считали проблему смысла имеющей отношение к области травматических последствий пережитого бедствия, вместе с тем ПТСР сводилось в этих внедрениях понятия смысла к нарушению представлений, когнитивных компонентов и процессов (Janoff-Bulman, 1992; Joseph & Linley, 2005; Neimeyer, 2002; Wortman & Silver, 2001). Основным выводом этих групп исследователей можно было бы сформулировать как «нарушение модели ценностей, ведущее к дистрессу». Таким образом речь идет по сути о когнитивной модели травмы в результате негативного изменения представлений о мире и ценностях, предполагающей, что люди с более сильным смыслом жизни испытывают меньший дистресс в травматической ситуации, что противоречило данным обсуждаемой модели.

Новый взгляд на механизмы посттравматических стрессовых синдромов, в частности ПТСР, в контексте личности и смысла был предложен уже на начальных этапах введения этого термина в нашей стране в работах М.Ш. Магомед-Эминова (1989, 1990, 1996), а затем в более поздних работах 1997, 1998, 2014 гг. и др. Ситуация уцелевшего конституировалась автором концепции трансформации личности и смысловой модели травмы как трагическая ситуация, требующая иной шкалы интерпретации. Измерение, которое автор вводит в модель уцелевшего в бедствии — это шкала личности, т. е. взгляд на его ситуацию через призму жизненной ситуации человека. Это позволяло преодолеть не только узко-клинический взгляд на травму, но и узко психологическое видение проблемы как эмоционального расстройства.

При проведении личностно-ориентированных групп с ветеранами Афганистана уже в 1986 году обнаружилось, что за поверхностными симптомами расстройства групповой динамики в группах ветеранов было видно влияние базисных факторов, и одним из них был вопрос смысла (Магомед-Эминов, 2009). Был сделан вывод на анализе жизненных ситуаций ветеранов, что симптомы уцелевшего — это следствие его пребывания в ситуации с конфликтной ценностной структурой. Смысловой конфликт не может быть сведен к психическому конфликту. Человек после травмы или с конфликтом смысла страдает от взрослого конфликта, а не от регрессии (Magomed-Eminov, 1997; Магомед-Эминов, 1998). Расстройство развивается в результате неспособности утратить бессмысленный

(абсурдный, гротескный смысл), из конфликта смыслов, а не от их недостатка. Уцелевший страдает от бремени смысла, которое он возложил на себя, и страдает не от отсутствия смысла или смысловой пустоты, напротив. Человек оказывается в ситуации оксюморона, совмещения несовместимого, L- и D-смыслов (жизне-центрированных и смерто-центрированных смыслов), которые утверждают нечто, и смыслов, которые их отрицают. Превращение события или ситуации из повседневного фактора в экстремальную ситуацию выдвигает на первый план фундаментальный феномен личностного смысла, позволяющий адекватно определить и феномен стресса. Смысловая концепция травмы и стресса основана на идее темпорально-экзистенциальной трансформации смысла личности в ходе онтологического движения индивида через миры существования: речь идет о различиях экзистенциального бытия, существования человека в трех мирах — в ситуации экстремальности, в переходе, после выхода из экстремальной ситуации.

Еще один важный аспект смысловой модели травмы — эта та часть концепции, которая описывает психотрансформационные процессы личности человека, покидающего экстремальную ситуацию. Она учитывает не только структурно-динамический взгляд на травму и ее последствия в контексте структурных изменений и динамики процесса, но и онтологический, в котором психическая травма рассматривается с точки зрения трансформации способа бытия человека в мире, фрагментируя его темпоральное существование, разрывая непрерывность прошлого, настоящего и будущего (Магомед-Эминов, 1996; 1998). В психотрансформативном подходе к психической травме травматический дистресс рассматривается как многомерная организация личности — травматический комплекс, связанный с дезинтеграцией личности, трансформацией самоидентичности, дезадаптацией поведения, фрагментацией жизненного мира, смысловыми конфликтами и кризисами, душевно-духовными и физическими страданиями человека.

Таким образом, рассмотрение некоторых аспектов смысловой модели травмы обнаруживает, что те зарубежные концепции, которые сегодня известны как вводящие смысловые конструкты в интерпретацию механизмов развития травмы, тем не менее остаются в когнитивных рамках, а в трактовке смысла нам требуется идти к более глубоким явлениям, глубинным экзистенциальным структурам индивидуального бытия личности, включающим обращение человека к процессам собственной жизни, способам бытия (Магомед-Эминов, 2014).

Список литературы

1. Магомед-Эминов, М. Ш. Синдром фронтовика / М.Ш. Магомд-Эминов // Побратим. — Москва : Воениздат, 1989. — С. 3.

2. Магомед-Эминов, М.Ш. Личность и экстремальная жизненная ситуация / М.Ш. Магомед-Эминов // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. — 1996. — №4. — С. 26-35.
3. Магомед-Эминов, М.Ш. Трансформация личности / М.Ш. Магомед-Эминов. — Москва : Психоаналитическая Ассоциация, 1998. — 494 с.
4. Магомед-Эминов, М.Ш. Феномен экстремальности / М. Ш. Магомед-Эминов. — [2-е изд., испр. и доп.]. — Москва : ПАРФ, 2008. — 218 с. — ISBN 5-89200-015-X
5. Магомед-Эминов, М.Ш. Онтологическая концептуализация феномена экстремальности / М.Ш. Магомед-Эминов // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. — 2014. — №3 — С.79-91.
6. Magomed-Eminov, M.S. Post-traumatic stress disorders as a loss of meaning of life // States of mind / D. Halpern & A. Voiskunsky. Oxford University Press. 1997. — P. 238-250
7. Park, C. L., Mills, M. A., & Edmondson, D. (2012). PTSD as meaning violation: Testing a cognitive worldview perspective. Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy, 4(1). — P. 66–73.

УДК 159.9

ПРОБЛЕМА НЕСУИЦИДАЛЬНОГО САМОПОВРЕЖДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ И ПУТИ ЕЕ РЕШЕНИЯ

Ковальчишина С. В., канд. психол. наук

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

s.kovalchishina@internal.donnu-support.ru

Ведение. Исследования в области психологии индивидуального развития указывают на то, что подростковый период в развитии личности является одним из самых сложных для проживания. Важным новообразованием данного периода является формирование идентичности. Успешность ее образования определяет психологическое благополучие индивида и эффективность его самореализации. Сформированная к концу благополучного проживания устойчивая Я-концепция личности позволяет человеку чувствовать себя уверенным в контакте с социумом, видеть перспективы и вектора своей жизни, вовремя и адекватно реагировать на различные жизненные обстоятельства. Стоит отметить, что в настоящее время развитие личности подростка в нашем регионе проходит в сложных условиях. Общество выдвигает к молодой личности высокие требования «идеала» и «соответствия», на фоне кризисных условий развития человечества в целом. На фоне нормативного подросткового кризиса, который как было упомянуто ранее, является одним из самых сложных в плане эмоционального реагирования, наслаивается дополнительная нагрузка в виде противоречивых эталонов внешнего и внутреннего

соответствия, общемировой кризис, эпидемии и война. Психика подростка постоянно находится в высоком психоэмоциональном напряжении. В последнее время в молодежной субкультуре в качестве способа снятия психоэмоционального напряжения подростки используют несуицидальное самоповреждающее поведение, так же в некоторых источниках по данной теме можно встретить термин «self-harm», СПП, NSSI [1; 4; 5].

Цель: проанализировать социально-психологические причины возникновения самоповреждающего поведения подростков и определить пути коррекции и профилактики данного феномена в подростковой среде.

Основная часть. Интерес к феномену несуицидального самоповреждающего поведения (далее СПП) вырос относительно недавно. Рост публикаций по данной теме наблюдается последние 10 лет. Однако, несмотря на относительно молодую заинтересованность научной общественности к данному явлению, практика самоистязания присуща человеку издревле. СПП подразумевает разнообразный спектр действий, которые связаны с преднамеренным физическим повреждением человека собственного тела [1]. Нередко исследователи и психологи рассматривают СПП как пред суицидальное поведение. Это обусловлено клинически подтвержденными рисками суицида у пациентов, госпитализированных с намеренными самоповреждениями [1; 3; 5]. Вместе с тем, в литературе чаще используется термин несуицидальное самоповреждающее поведение, и рассматривают его как отдельный феномен [4].

Явление СПП относится к области клинической психологии, так как само по себе свидетельствует об отклонениях в психической адаптации индивида. Статистические данные клинической практики указывают на то, что у 95% пациентов с СПП была диагностирована тяжелая депрессия, за исключением тех случаев, когда СПП было вызвано исследовательским интересом подростка [3]. При том, что наличие СПП является одним из основных факторов риска суицидальной попытки или завершеного суицида, значительная часть подростков, совершающих самоповреждения, не имеют намерения лишить себя жизни [5]. С.В. Давидовский отмечает, что проявления СПП чаще всего отмечаются в раннем подростковом возрасте, между 12 и 14 годами и достигает максимума к 16-19-ти годам и проявляется чаще у девочек. Согласно исследованиям А.Г. Амбрумовой, пик собственно суицидальной активности подростка приходится на возраст 13-16 лет [1; 2].

СПП у подростков проявляется в разных формах: царапины, ожоги самопорезы, удары головой. Увечья наносятся ими в основном на руки, бедра, запястья, щиколотки. Так как данный способ снятия напряжения считается социально-неприемлемым, подростки с СПП начинают носить одежду, позволяющую скрыть шрамы. Наиболее распространенным

методом считаются самоповреждения острыми предметами (более 70%), за которыми следовали удары головой, царапины, удары и ожоги [1].

Анализ причин и предпосылок феномена СПП в подростковой среде позволил прийти к выводу, что наиболее часто встречающейся предпосылкой к развитию данного нарушения адаптации является нарушения в функционировании семейной системы, которая неспособна конструктивно сбрасывать накапливающееся напряжение. Часто подросток в таких семьях выступает «приемником» агрессии родителей, подвергается физическому или психологическому насилию, либо игнорированию и отвержению. В практике психотерапии подростков с СПП пациенты говорили о чувстве одиночества, обесценивания со стороны значимых близких и сверстников. На фоне психологического давления у них развивался токсический стыд и представление о собственной ущербности, никчемности, отмечались значительные искажения в образе себя. Нередко СПП сопутствовали такие расстройства как нервная анорексия и булимия [3].

Так же СПП у подростков может развиваться после каких-то травматичных событий, связанных со смертью близких, развода родителей, любовных разочарований или пережитого позора.

Среди других причин СПП специалисты в данной области отмечают отсутствие знаний у подростка о конструктивных способах получения эмоций, духовную бедность и ограниченность, постоянное стремление к острым ощущениям, желание привлечь внимание сверстников и родителей, самонаказание как способ справиться с чувством вины, неумение или запрет в выражении злости и гнева, пережитое бессилие в попытке отстоять себя, буллинг, интерес к процессу самоповреждения, злоупотребление алкоголем и наркотиками, факторы биологического риска [5].

Анализ причин и предпосылок СПП подростков, позволил наметить пути профилактики и коррекции данного феномена. Стоит отметить, что фундаментом психологического благополучия подростка является крепкая семья и эмоционально устойчивые родители. Следовательно, в психологической работе с подростком стоит исследовать особенности функционирования его семейной системы и проанализировать способы снятия напряжения. Обсудить это с родителями, провести несколько семейных консультаций и дать соответствующие рекомендации, при необходимости оказать психологическую помощь родителям подростка. В образовательных учреждениях и семьях прививать навыки конструктивного общения, выражения агрессии и злости, развивать навыки саморефлексии, показывать разнообразные способы получения положительных эмоций. Так же, стоит указать о необходимости подростка с СПП пребывать в социальных группах со здоровым морально-психологическим климатом, прививать любовь к физическим нагрузкам и спорту.

Заключение: можно сказать, что несуицидальное самоповреждающее поведение – серьезная и объемная проблема. Предпосылками развития СПП могут быть нарушения нормального функционирования семейной системы, интеллектуально-личностная ограниченность и духовная бедность подростка, наличие в жизни подростка психотравмирующих обстоятельств и опыта, нарушенная коммуникация со сверстниками, искажения образа-Я. Профилактика и коррекция подразумевает нормализацию взаимоотношений со значимым окружением, оптимизацию досуга, образование, морально-нравственное и духовное воспитание подростка и укрепление его здоровья. Коррекция фактора биологического риска подразумевает более длительное комплексное лечение с применением специальной фармакотерапии.

Список литературы

1. Давидовский, С.В. Классификационный метод для прогнозирования суицидального риска / с.В. Давидовский, Ж.А. Ибрагимова, А.В. Гончарик, Л.В. Картун, Н.Н. Леонов, Л.И. Данилова, В.В. Кужаль, И.С. Залесская, А.Н. Третьяк, Ю.М. Микицкий // Вести Национальной академии наук Беларуси. Серия медицинских наук. 2020; 17 (2): 248–256.
2. Давидовский, С.В. Несуицидальное самоповреждающее поведение у подростков / С.В. Давидовский, С.А. Игумнов // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2021. Т. 21. №1. С. 90–101.
3. Зинчук, М.С. Несуицидальное самоповреждающее поведение при психических расстройствах непсихотического уровня: эпидемиология, социальные и клинические факторы риска / М.С. Зинчук, А.С. Аведисова, А.Б. Гехт // Ж. неврол. и психиатр. им. С.С. Корсакова. 2019;119 (3):108-119.
4. Обиначная, Т. В. Телесные модификации как культурно-исторический феномен самоповреждающего поведения / Т.В. Обиначная, С.Н. Ениколопов // Психология человека в образовании. 2023. №2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/telesnye-modifikatsii-kak-kulturno-istoricheskiy-fenomen-samopovrezhdayuschego-povedeniya> (дата обращения: 26.09.2023).
5. Польская, Н.А. Факторы риска и направления профилактики самоповреждающего поведения подростков / Н.А. Польская // Электронный журнал «Клиническая и специальная психология» 2018. Том 7. № 2. С. 1–20. doi: 10.17759/psyclin.2018070201 ISSN: 2304-0394 (online)
[https://psyjournals.ru/journals/cpse/archive/2018_n2/cpse_2018_n2_Polskaya.pdf]

ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ЛИЦ, ЗЛУПОТРЕБЛЯЮЩИХ АЛКОГОЛЕМ

Козлов Д. В., Ковальчишина Н. И., канд. психол. наук, доц.
Филиал Российского государственного социального университета, г. Минск,
Республика Беларусь
natkov4@mail.ru

Введение. В настоящее время вопрос злоупотребления алкоголем среди населения достаточно актуален и требует более детального рассмотрения. Доктор медицинских наук А.В. Немцов отмечает: «в России до 40 % мужского трудоспособного населения регулярно злоупотребляет спиртным, алкоголизмом страдает 2 млн человек, а от отравлений спиртными напитками, преимущественно суррогатами водки, ежегодно умирает порядка 500 тысяч» [4, с. 17].

Алкогольная зависимость человека жесточайшим образом влияет на его ценностно-смысловую сферу. Прежде всего, ухудшается межличностное общение, рушится система взаимоотношений с окружающими, мировоззрение сжимается в узкую полосу «выпил-не выпил», утрачиваются традиционные ценности личности пьющего. Все, что ранее, до зависимости от алкоголя, детерминировало образ жизни человека в обществе, превращается в пепел.

Цель статьи. Рассмотреть особенности ценностных ориентаций лиц, злоупотребляющих алкоголем.

Основная часть. Сегодня, как показывает практика, невозможно рассматривать проблему злоупотребления алкоголем только в медицинском аспекте. Поскольку эта болезнь затрагивает не только отдельные личности, но и общество в целом. Как видим, алкогольная зависимость, с одной стороны — это следствие социально-психологических кризисов личности, а с другой — причина различных проблем макро- и микросоциального содержания.

Многие исследователи констатируют, что на алкоголизм следует смотреть через призму важных критериев: нравственное, духовное и физическое здоровье граждан страны, которые определяются социально-экономическими, политическими, социально-психологическими факторами [1; 2; 4].

Анализ трудов авторов различных научных сфер свидетельствует, что алкоголизм — это семейное заболевание, где болезнь деструктивно разрушает не только личность, злоупотребляющую алкоголем, но и оказывает негативное влияние на всех членов ее семьи [3].

К примеру, социологи рассматривают алкоголизм посредством анализа алкогольных традиций и привычек, которые сложились в

обществе. Чаще всего ими изучаются взаимосвязь употребления спиртного и уровня жизни граждан, криминализация населения, разрушение личности человека на почве алкоголизма, его маргинализация и т. п. [4].

Интересными представляются исследования авторов, которые раскрывают проблему алкоголизации в психологическом аспекте. (Б.С. Братусь, Е.С. Скворцова, Н.И. Леонов, А.В. Чаклин и др.). Согласно их мнению, алкоголь употребляется с целью избавления от психологического дискомфорта, стресса, снятия эмоционального напряжения, возникающего при фрустрации потребностей. Психологические концепции алкоголизма дополняются биологическими, поскольку подкрепляющее действие алкоголя детерминировано и нейрхимическими процессами. Также в формировании злоупотребления алкоголем большую роль играют и разнообразные социальные условия [1].

Как известно, для людей, которые много пьют спиртного, основным смыслом жизни, главной ее ценностью становится наркотическое средство (алкоголь). Естественно, чем больше человек находится под воздействием выбранной им ценности, пусть и ложной, тем быстрее она проявляется в качестве его потребности. Закрепившись, таким образом, в структуре личности пьющего, алкоголизация как способ удовлетворения потребности, приобретает устойчивый характер и трансформируется в систему специфических установок человека [3].

Появившиеся в результате алкоголизма новые деструктивные установки личности, оказывают мощное воздействие на все сферы жизни человека, прежде всего, на его ценностно-смысловую и мотивационную сферы, являющиеся основополагающими диспозициями.

Ценности, соответствующие смысловым установкам личности, злоупотребляющей алкоголем, воспринимаются как замещающие алкоголь. Ценности, которые не совпадают со своеобразными смысловыми установками, со временем просто отклоняются. Важно заметить, что в числе этих отклоняемых ценностей находятся в большинстве своем — социально одобряемые смыслы (достоинство, любовь, свобода, совесть, честь и др.) [2].

Для выяснения особенностей ценностных ориентаций лиц, злоупотребляющих алкоголем, причин употребления спиртного, нами было организовано исследование, в котором приняли участие 47 мужчин в возрасте от 23 до 45 лет, различного социального статуса и образования. Все респонденты проходили реабилитацию в Центре социально-психологической помощи алкоголезависимым (РБ, г. Минск) в разное время в течение 2022-2023 гг.

Вначале был проведен анонимный опрос исследуемых относительно причин употребления алкоголя (таблица).

Причины употребления респондентами алкоголя

Ответы респондентов на вопрос «Почему Вы употребляете спиртные напитки?»	Респонденты (n=47)	в %
Употребляю, потому что всегда употреблял	17	37
Снимаю стрессы	13	28
Не употреблять невозможно, так как заставляют друзья или компания	10	21
Я не знаю, чего хочу от жизни, поэтому пью	2	4
Перенес горе и потерял смысл жизни	2	4
Все пьют, и я пью	2	4
Пью, потому что хочется	1	2

Как видим из результатов, представленных в таблице, у большинства респондентов (76%) наблюдается склонность к алкоголизму, поскольку они выпивают почти всегда, зависят от компании и для снятия стресса используют только алкогольные напитки.

Ценностная сфера респондентов также претерпевает существенные изменения. Результаты по методике С.С. Бубнова «Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности» показали, что большинство лиц, злоупотребляющих алкоголем (66%), в своей иерархии ценностных ориентаций более ориентированы на узко личностные цели и ценности (влияние на людей — на первом месте, высокий материальный уровень, здоровье — на втором, третьем), а не на достижения социально значимых ценностей (социальная активность для достижения положительных изменений в обществе, помощь другим и др.).

Заключение. Результаты исследования показали, что особенности ценностных ориентаций лиц, злоупотребляющих алкоголем, имеют определенную специфику, которая проявляется в направленности на достижение не столько социально значимых, сколько узко-личностных целей и ценностей. В связи с этим необходима целенаправленная государственная политика по реабилитации таких людей, эффективные психолого-терапевтические программы, активное включение алкоголезависимых людей в социум.

Список литературы

1. Березин, С.В. Психология наркотической зависимости и созависимости : монография / С.В. Березин, К.С. Лисецкий, Е.А. Назаров. — Москва : МПА, 2001. — 191 с.
2. Грязнов, И.М. Ценностные ориентации при алкогольной зависимости / И.М. Грязнов // Материалы Международной научно-практической конференции «Студенчество и наука 21 века», 5.04.13. — Казань : ЧОУ ВПО АСО, 2013. — С.76-79.
3. Заиграев, Г.Г. Алкоголизм и пьянство в России. Пути выхода из кризисной ситуации / Г.Г. Заиграев // Социологические исследования. — 2009. — № 8. — С. 74–84.
4. Немцов, А.В. Алкогольная история России: новейший период / А.В. Немцов. — Москва: «Либроком», 2009. — 320 с.

ВОЗМОЖНОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ ПРИЗНАКОВ НАСИЛИЯ НАД ЛИЧНОСТЬЮ

Корчагина Т. А.

МОУ «Средняя школа № 3 Тутаевского муниципального района», г. Тутаев, РФ
tkorrta@yandex.ru

Введение. Проблема насилия как применения индивидом или социальной группой принуждения в различных его формах для приобретения или удержания экономического, политического, психологического господства, а в некоторых случаях — завоевания каких-либо прав и привилегий, в настоящее время является достаточно острой и распространенной. Ее последствия способны негативно повлиять на всю дальнейшую судьбу жертвы. К ним относится отставание в развитии, наличие психосоматических заболеваний, появление тревожности, агрессивности и иных психических особенностей пострадавшего, проблемы с установлением социальных контактов, формирование аддиктивного поведения и т. д. Оказание психологической помощи жертвам насилия способно уменьшить травмирующее воздействие на психику человека.

Цель — описать современные возможности психологического консультирования для разрешения проблемы негативных последствий перенесенного насилия.

Основная часть. В настоящее время психологами применяется большое количество различных способов оказания помощи: психологическое консультирование, психотерапия, психокоррекция, арт-терапия; в качестве современных инструментов рассматриваются видеокommunikаторы, чаты, информирующие видеоролики экспертов, а также людей, лично столкнувшихся с психологическими проблемами. Полезными в данном смысле могут быть комментарии психологов на открытых тематических сайтах и форумах. Создаются мобильные приложения для выполнения упражнений в порядке самопомощи или фиксирующие данные клиента (пациента) о его эмоциональном состоянии, происшедших событиях. Описывается положительный практический опыт разработки и внедрения программ для детей и подростков, подвергшихся насилию, с оказанием разовой или долговременной психологической помощи, и профилактической работы с пропагандой ответственного родительства [3, с. 85].

В литературе распространено мнение об эффективности психологического консультирования лишь при краткосрочном воздействии агрессора на жертву [1, с. 5]; вместе с тем мы полагаем, что

консультирование может рассматриваться в качестве одного из элементов комплекса мер психологической помощи, оказываемой подверженным длительному насильственному воздействию лицам. Основной, но далеко не единственный, используемый в нем метод — беседа или интервью: психолог, формулируя вопросы и задания, стремится к раскрытию возможностей личности психически здорового клиента, определяющих альтернативные варианты решения проблемы.

При консультировании детей и подростков вероятно возникновение проблем с установлением и закреплением контакта, сопротивления, основанного на страхах индивидуального опыта, испытываемом стыде и самокритике, а отношения со взрослыми могут рассматриваться как опасные и угрожающие. Установление контакта с клиентом является условием эффективности проводимого консультирования; психологу следует демонстрировать заботу о ребенке; последний может проверять, насколько искренен в этом психолог.

В числе важных задач отмечается становление уверенности жертвы в получении поддержки и в преодолении с помощью специалиста последствий перенесенного насилия; работа с чувствами: страха быть отвергнутым после выявления факта насилия, одиночества и утраты, проявляющимися особенно остро в случае помещения ребенка в специализированное учреждение, и чувством вины. Проявления последнего разнообразны: агрессия в отношении посягателя, гнев, обращенный к «вмешивающимся» в ситуацию представителям государственных органов, делинквентное поведение, замкнутость, молчание. Преодоление возможно лишь при восстановлении доверия ко взрослым. Психологу следует установить все проблемные аспекты переживаемых ребенком в связи с актом насилия чувств и помочь их выражению. В указанных целях необходимо получение информации о том, что произошло, каковы были слова, действия, взаимоотношения сторон и их связь с чувствами, переживаниями потерпевшего. Вопросы в форме игры: «Я сделал это затем, чтобы...» используются для понимания мышления ребенка и выяснения, кто, с его позиции, несет ответственность за случившееся. При искажении картины представлений рекомендуется использовать различные инструменты, например, переформулирование: ребенок обдумывает ситуации ежедневной жизни, после них — похожие на посягательство, и лишь затем — актуальную ситуацию. Описание происшедшего помогает сделать его доступным для проработки с психологом. Вероятно, необходима коррекция Я-концепции жертвы насилия, фактора уверенности в себе; установление границ личного пространства и формирование необходимой дистанции в общении.

Традиционно психологическая помощь оказывается очно, однако большую популярность в современных условиях приобретает онлайн-формат. Особенно востребованным он стал, начиная с 2020 года, когда в

условиях ограничений пандемии COVID-19 психологи и их клиенты оказались перед выбором: прекратить консультативное взаимодействие или перейти в дистанционный режим работы. Согласно данным российских психологов, интернет-консультирование дает наилучший эффект «в пролонгированном периоде психотравмирующей ситуации» [2, с. 169].

О.Ю. Ткачева выделяет следующие принципы оказания экстренной психологической помощи детям, пережившим насилие. На наш взгляд, эти принципы можно рассматривать как базовые для всех возрастных категорий клиентов:

1. Доступность и безотлагательность с возможностью оказания помощи не только в очной, но и в дистантной форме.

2. Активность психолога, требующая умения создать и поддерживать клиентскую мотивацию, в том числе, в долгосрочной перспективе.

3. Разделение ответственности — как межведомственной, так и межсубъектной. Клиенты должны предупреждаться о том, что при невыполнении рекомендаций или нерегулярном посещении занятий специалисты не несут ответственность за результаты работы.

4. Конфиденциальность, то есть неразглашение информации, полученной при работе, за исключением сведений о возможном причинении ущерба жизни, здоровью и безопасности ребенка.

5. Добровольность участия клиентов.

6. Разнообразие форм и методов оказания помощи с использованием достижений различных психологических направлений [4, с. 36-37].

Многие психологи-консультанты, работающие с детьми и подростками, пережившими физическое насилие, приходят к выводу об отсутствии единой «формулы кризисного вмешательства», однако следует выделить следующие общие принципы психологического консультирования лица, перенесшего насилие:

1. Искренний интерес психолога к личности клиента.

2. Психологическая защищенность и безопасность клиента.

3. Безусловное принятие его психологом, уважение без требования от него перемен.

4. Вера в способность клиента быть самостоятельным, установление лишь тех ограничений, которые помогают ему принять ответственность.

Заключение. Проблема насилия на данном этапе является очень важной для рассмотрения и разрешения, в том числе, специалистами, оказывающими психологическую помощь населению. Своевременность и качество оказания психологической помощи жертвам насилия способны уменьшить травмирующее воздействие на их психику. Варианты ее оказания различны и включают психологическое консультирование (в том числе, по телефону, чат-консультирование). К общим принципам оказания помощи в подобных ситуациях можно отнести доступность и

безотлагательность, активность психолога, разделение ответственности, конфиденциальность, добровольность участия клиентов, разнообразие форм и методов оказания помощи. К принципам психологического консультирования, дополнительно к указанным, следует добавить искренний интерес психолога к личности клиента, безусловное принятие последнего психологом, веру в его способность к самостоятельности, установление лишь тех ограничений, которые помогают ему принять ответственность.

Список литературы

1. Аптикиева, Л. Р. Организация психолого-педагогической работы с подростками, пережившими насилие / Л. Р. Аптикиева, А. Х. Аптикиев, М. С. Бурсакова // Вестник ОГУ. — 2014. — № 9 (170). — С. 4-10.
2. Иванов, В. Г. Психологическая помощь в онлайн-режиме при кризисных состояниях и трудных жизненных ситуациях в связи с болезнью / В. Г. Иванов, Е. Л. Николаев, Е. Ю. Лазарева, А. И. Трукова // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. — 2020. — Т. 8. — № 2(29). — С. 160-171.
3. Кучегашева, П. П. Психолого-педагогическая реабилитация детей, подвергшихся насилию и жестокому обращению, в рамках реализации комплекса мер «Мир начинается с семьи» на территории Волгоградской области / П. П. Кучегашева, А. П. Кубанцева, Н. В. Орешкина // Вестник практической психологии образования. — 2020. — Т. 17. — № S3. — С. 78-86.
4. Ткачева, О. Ю. Экстренная социально-психологическая помощь детям в ситуации суицидального поведения, жестокого обращения и чрезвычайных ситуаций в образовательном пространстве города Перми: опыт МБУ «Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи» / О. Ю. Ткачева // Вестник практической психологии образования. — 2018. — № 1-2(54-55). — С. 32-39.

УДК 159.98+159.964.2

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ РАБОТА С ДЕМОБИЛИЗОВАННЫМИ И ИХ СЕМЬЯМИ

Максименко Е. Г., д-р психол. наук, доц.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

e.maksimenko@donnu.ru

Введение. Социальные конфликты, войны, гражданские столкновения, в результате которых происходит утрата близких, имущества, вынужденное переселение, разделение семьи, оставляют сильнейший травматичный след в психике каждого участника событий. Современная практическая психология обладает огромным методическим материалом экспресс и длительной психологической помощи. Психологам подчас сложно разобраться в эффективности тех или иных методов, особенно, если

помощь нужно оказать военнослужащему или его семье, что очень ответственно и требует определенных (личностных, эмоциональных) ресурсов от самого психолога.

Цель — обобщение практического опыта психологической работы с семьями военнослужащих и демобилизованными.

Основная часть. Пребывание в зоне военного конфликта — это чрезвычайно сложная для психики и организма человека задача. Это определенный вызов, который человек принял и сделал все возможное для его успешной реализации. Приходит время возвращения в прежнюю жизнь, в семью. Каким возвращается муж, отец, сын? Каковы ожидания от его возвращения в семье? Что ожидает сам демобилизованный от своих близких? Не всегда ожидания близких соответствуют друг другу, что приводит к конфликтам и новым травмам.

Какой опыт имеют военнослужащие? Время, проведенное в зоне боевых действий, включает: постоянное эмоциональное и физическое напряжение, даже неосознанное; страх смерти, увечья, чувство вины и стыда из-за испытанного страха; переживание горя и утраты; переоценка ценностей и жизненных смыслов; жизнь в непривычных для гражданских лиц условиях. Быть свидетелем боевых действий — уже причина для травматического стресса, жизнь на границе со смертью — основа психической травмы.

Психическая травма представляет собой аффективный след переживаний некоего внешнего травмирующего события, причинившее человеку (взрослому или ребенку), среде обитания вред. Последствия травмы переживаются настолько интенсивно, что сознательная часть психики не способна их принять (смерть или угроза смерти, угроза серьезных телесных повреждений, насилие, утрата имущества, привычного образа жизни) [4].

Психическая травма оказывает негативное воздействие на всю психическую жизнь человека, затрагивая когнитивную, социальную сферы и нарушая общую адаптивность человека.

В опыте нашей работы [2,3] непосредственное оказание психологической помощи семьям военнослужащих на протяжении 2015 — 2023 гг., включало следующие этапы: 1. Стабилизация эмоционального состояния. 2. Проработка психологической травмы. 3. Постановка ресурсов.

1 этап. *Стабилизация эмоционального состояния* опирается на комплексный подход, включающий консультативную, тренинговую работу с демобилизованными, а также психологическую подготовку членов семьи к возможным личностным изменениям их близкого, вернувшегося с боевых позиций.

В задачи психологической помощи входили: анализ эмоционального состояния детей и взрослых посредством наблюдения и с помощью проективных методов; определение ресурсных возможностей детей и

взрослых; проведение психологических занятий, способствующих развитию понимания и вербализации своего эмоционального состояния, снижению эмоционального напряжения и развитию позитивного настроения, снижению мышечного напряжения, развитию мелкой моторики, координации телесных движений в пространстве, восстановлению социально-коммуникативных навыков, развитию сплоченности, улучшению социальной адаптации, консультирование взрослого населения по вопросам стабилизации эмоционального состояния, восстановления ресурсов адаптивности и саморегуляции [2, 3].

Оценивая общую психосоциальную ситуацию семей, обратившихся за помощью, можно констатировать значительный рост психосоматических, невротических заболеваний взрослых и детей; увеличение количества жестких конфликтов в детско-родительских, внутрисемейных отношениях; разобщенность, изолированность в детских и взрослых коллективах.

Основные проблемы старшего взрослого и пожилого возраста: одиночество, потребность в заботе, уважении. У лиц ранней и средней взрослости: отсутствие взаимности, неравноправные отношения в диаде, измена и уход партнера, конфликты (разногласия по вопросам воспитания детей, отношения к работе, недовольство материальным положением), алкогольные и другие аддикции. Выявлена потребность в профессиональной самореализации, которая в большинстве случаев не удовлетворяется. Дети и пожилые члены семьи часто воспринимаются как фактор раздражения. В процессе индивидуального консультирования выявляются переживания утраты (друзей, статуса, родного дома, профессии) у демобилизованных, чувства отверженности [3]. Все это усложняется тем, что военнослужащий считает слабостью говорить о чувствах и переживаниях, предпочитая справляться самому.

На данном этапе предлагаются следующие интервенции:

- психологическое просвещение демобилизованных, их ближайших родственников о возможной переживаемой симптоматике и эмоциональной реакции. Данная задача может быть осуществлена в виде: тренингов, семинаров, информационных буклетов;
- диагностика психического состояния, позволяющая определить уровень и вид психической травмы, психические нарушения и расстройства (необязательно);
- психологическое консультирование родственников;
- проведение аутотренинга и др. релаксационных интервенций с демобилизованными.

2. Проработка психологических травм. На данном этапе проводятся психотерапевтические сессии индивидуального и группового формата. Проведенное исследование [3] показало, что пережитая в раннем онтогенезе травма утраты или дефицит матери является фундаментом формирования посттравматических стрессовых реакций (ПТСР) с нарушением

адаптивности. Из числа пострадавших, обратившихся за психологической помощью и у которых было констатировано ПТСР, 100% имели глубинную первичную травму, связанную с реакцией утраты (смерть матери, тюремное заключение матери, развод родителей, длительная разлука с матерью по различным причинам и т. п.).

Упреждение развития ПТСР возможно при оказании квалифицированной психологической помощи в первые полгода после пережитых актуальных травмирующих событий. Травма разрушает привычную картину мира, поэтому первым шагом является обеспечение ощущения безопасности, обучение навыкам саморегуляции эмоционального состояния. Психоаналитически-ориентированная психотерапия, направленная на осознание глубинно-психологических особенностей человека, перенесшего травматический стресс, позволяет снизить риск тяжелейших последствий до минимума.

Посттравматический стресс у детей сопровождается снижением настроения, ухудшением памяти, пессимизмом в отношении будущего, невозможностью устанавливать контакты с окружающими, высокой возбудимостью или, напротив, слабой активностью детей. Сложностью в определении развития ПТСР является характерный для детей длительный период внешне нормального поведения, когда ребенок ведет себя обычным образом. Единственным признаком, свидетельствующем о развитии травматической реакции является избегание разговоров и ситуаций, связанных с пережитым шоком. Забывание отмечается ведущим механизмом психологической защиты, ребенок как бы все забыл, однако травма оказывает опосредованное влияние на восприятие мира и взаимодействие с другими людьми. Навязчивые воспоминания у детей часто имеют форму повторяющихся игр, в которых прослеживаются тема или аспекты травмы.

Достаточно долго сохраняются страхи громких голосов, грозы, оставаться одному. Дети отказываются ходить в детский сад, школу, отмечают изменения привычек питания, сна, предпочтений в интересах, общении и т. п. пережившие испуг дети выражают свои чувства через поведение. Поэтому и психологическая помощь должна осуществляться через телесно-ориентированные приемы и упражнения, невербальные техники, психогимнастику.

На данном, самом длительном этапе, целесообразно проводить психоаналитические сессии с опорой на рисунки, пространственные модели, композиции с помощью игрушек, камней, песка. Предлагаются темы для психорисунков (или построения композиции) «Драматическое событие моей жизни», «Мое настроение», «Эмоциональное состояние близких мне людей», «Конфликт», «Я иду навстречу беде» и др. (темы из метода Активного социально-психологического познания Т.С. Яценко) [3]. Анализ ассоциаций и чувств, возникающих в ходе рассказа о теме рисунка,

позволяет за очень короткое время осознать первичную психотравму, лежащую в основе актуальных деструкций.

3. *Постановка ресурсов* представляет собой обучение человека пользоваться имеющимися у него способностями, которые он смог обнаружить и осознать в процессе психотерапии, поверить в свои возможности. Очень важным являются техники, поддерживающие мотивацию личностного и профессионального развития, которые должны быть основаны на принятии, уважении и самоуважении человека [1, 5]. Заключительный этап психотерапевтической интервенции, направленный на восстановление смыслообразующих жизненных тенденций, предлагается проходить в групповом формате, в виде тренинга личностного роста, аналитических групп и т. п.

Заключение. Обобщая вышеизложенное, отметим, что систематическая психологическая помощь улучшает взаимоотношения в социуме и в целом способствует восстановлению жизнедеятельности военнослужащих и членов их семей. Специфика психологической помощи состоит в создании максимально возможной безопасной, доверительной среды, способствующей восстановлению привычного ритма жизни, возможности реализации игровой, учебной, профессиональной деятельности, социальных взаимодействий людей.

Список литературы

1. Всемирная организация здравоохранения. Психическое здоровье в чрезвычайных ситуациях. Психические и социальные аспекты здоровья людей в ситуациях, сопряженных с воздействием чрезвычайного стресса. Женева, 2003. – URL: http://www.who.int/mental_health/emergencies/mental_health_emergencies_russian.pdf (дата обращения 06.10.2023).
2. Максименко, Е.Г. Психологическая поддержка семьи и молодежи в условиях военного конфликта / Е.Г. Максименко // Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции «Социокультурные и психологические проблемы современной семьи: актуальные вопросы сопровождения и поддержки». — Чебоксары, Издательство : Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда» (Чебоксары), 2021. — С. 27-36. — ISBN 978-5-907411-86-9
3. Максименко, Е.Г. Психология самодепривации личностного развития субъекта : дисс. ... д.а пс. наук : 19.00.01 / Елена Георгиеван. — Киев, 2017. — 705 с.
4. Модели и технологии оказания психологической помощи детям и подросткам в экстремальных ситуациях: коллективная монография / Под общ. ред. А.В. Кокурина, В.И. Екимовой, Е.А. Орловой. — Пермь : ИП Сигитов Т.М., 2018. — 215 с. — ISBN 978-5-6040870-0-8
5. World Health Organization. WHO ethical and safety recommendations for researching, documenting and monitoring sexual violence in emergencies. Geneva, WHO, 2007. http://www.who.int/gender/documents/OMS_Ethics&Safety10Aug07.pdf

**ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ, ФАКТОРЫ
СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ И СТРАТЕГИИ САМОПОМОЩИ,
ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ МЕДИЦИНСКИМИ РАБОТНИКАМИ ВО
ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ COVID-19**

Первичко Е. И., д-р психол. наук, доц.,
Митина О. В., канд. психол. наук, доц.,
Степанова О. Б., канд. психол. наук, доц.,
Конюховская Ю. Е.

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова», г. Москва, РФ
elena_pervichko@mail.ru

Введение. Пандемия COVID-19, с которой мировое сообщество столкнулось в начале 2020 года, стала ситуацией вызова к профессионализму медицинских работников во всех странах. Согласно опубликованным данным, многие медицинские работники страдали от выраженного эмоционального выгорания во время работы в условиях пандемии COVID-19, но мало кто из них имел возможность обратиться за психологической помощью.

Целью исследования стало изучение эмоционального состояния и факторов стрессоустойчивости медицинских работников, а также спонтанно используемых ими во время пандемии COVID-19 стратегий самопомощи.

Материалы и методы исследования. Исследование проводилось в период с 27.04.2020 г. по 20.11.2021 г. В исследовании приняли участие 318 медицинских работников, не имеющих личного опыта заболевания COVID-19, проживающие в разных регионах России. Средний возраст респондентов — $38,7 \pm 11,6$ лет. Исследование проводилось онлайн. В психодиагностический пакет вошли: (1) Социально-демографический опросник, разработанный авторами для данного исследования (Первичко и др., 2020); (2) Опросник «Шкала воспринимаемого стресса-10» (ШВС) (Абабков и др., 2016); (3) Опросник «Профессиональное (эмоциональное) выгорание» (Maslach Burnout Inventory, адаптация Водопьяновой Н.Е., вариант для медработников) (Водопьянова, Старченкова, 2008); (4) Опросник ситуативной и личностной тревожности Спилбергера-Ханина (Леонова, 2013); (5) Российский вариант шестифакторного личностного опросника НЕХАСО-24 (сокращенный вариант) (Егорова, Паршикова, Митина, 2019); (6) Методика исследования саморегуляции Ю. Куля и А. Фурмана (SSI) (Митина, Рассказова, 2019).

Результаты исследования и их обсуждение. Выявлено наличие высокого уровня ситуативной тревоги у 63% медицинских работников

(46,9±2,1 баллов в среднем по группе в целом); для 74% респондентов характерно восприятие ситуации пандемии в качестве стрессовой (6,4±0,8 балла по ШВС-10 в среднем по группе). У 62% выборки обнаружено наличие сформированного синдрома эмоционального выгорания: общий индекс выгорания в среднем по группе составил 54,2±17,8 балла.

1. Наибольший уровень стрессовых переживаний и выгорания на протяжении всего периода наблюдений обнаруживается у молодых медицинских работников. Так, средние значения общего индекса выгорания у респондентов в возрасте до 30 лет составили 59,9±18,7 баллов, тогда как у специалистов 41-50 лет - 49,0±16,9 баллов (значимость различий $p=0,001$).

2. Выявлено значимое превышение эмоционального истощения в женской выборке, по сравнению с мужской, в период «первой волны» пандемии (27,9±9,5 vs 20,5±9,8; $p<0,01$) и в 2021 г. (31,1±9,2 vs 22,3±11,1; $p<0,01$). В показателях общего индекса выгорания в женской выборке существенное превышение выявлено также в 2021 г., по сравнению с оценками 2020 г. (61,6±18,2 vs 47,0±23,1; $p<0,01$).

3. Показано, что вне зависимости от семейного статуса более высокий уровень стресса и выгорания демонстрируют врачи и медицинские сестры, не имеющие детей ($F=9,096$; $p=0,003$).

4. Уровень образования значимо влияет на выгорание ($F=2,561$; $p=0,039$). Наименее устойчивы к стрессу и выгоранию медики со средним специальным образованием.

5. Сравнение средних значений показателей выгорания у участников исследования, работающих и не работающих в «красной зоне», показало значимое превышение эмоционального истощения (29,1±10,9 vs 25,8±9,7; $p=0,007$), стресса (6,6±0,8 vs 6,3±0,8; $p=0,002$) и ситуативной тревожности (5,1±2,2 vs 4,5±1,9; $p=0,016$) в выборке медиков, работающих в «красной зоне».

6. Исследование динамики состояния респондентов показало, что средние значения эмоционального истощения и редукции профессиональных достижений (по МВИ) в периоды первой и второй «волн» пандемии значимо ($p\leq 0,05$) превышают таковые в периоды снижения численности заболевших. Показатели периода 2021 года демонстрируют значимый рост по всем параметрам оценки выгорания, а также его общего балла по МВИ ($p\leq 0,001$). В периоды «пиков» заболеваемости, а также в течение 2021 г., возрастает число медицинских работников со сформированным синдромом выгорания ($p<0,01$).

7. Выявлено наличие сильных *прямых* статистически значимых корреляционных связей ($p<0,01$) общего индекса выгорания с личностной тревожностью ($r=0,516$; $p<0,01$) и с эмоциональностью ($r=0,440$; $p<0,01$), и значимых *обратных* связей его с экстраверсией ($r= -0,553$; $p<0,01$), открытостью новому опыту ($r= -0,275$; $p<0,01$) и добросовестностью ($r= -0,266$; $p<0,01$). Со всеми параметрами оценки выгорания

содержательно непротиворечиво и статистически значимо ($p < 0,01$) связаны такие особенности личности, как личностная тревожность и эмоциональность (отрицательная связь), а также экстраверсия (положительная связь). Экстраверсия, таким образом, должна быть признана самым мощным фактором защиты в плане развития выгорания у медицинских работников в условиях пандемии COVID-19 и, таким образом, значимым фактором стрессоустойчивости, из числа проанализированных личностных черт.

8. Анализ связи параметров оценки выгорания и способности к самоуправлению (методика SSI) показал, что с общим индексом выгорания статистически значимо связаны все параметры оценки самоуправления, за исключением шкалы аффективного самоконтроля. Согласно данным корреляционного анализа, выявлены сильные значимые *отрицательные* корреляции общего индекса выгорания и саморегуляции (шкалы самоопределения ($r = -0,650$; $p < 0,01$), самомотивации ($r = -0,574$; $p < 0,01$), саморелаксации ($r = -0,579$; $p < 0,01$), развития воли (шкалы инициативности ($r = -0,254$; $p < 0,01$), волевой активности ($r = -0,397$; $p < 0,01$) и способности к концентрации ($r = -0,507$; $p < 0,01$)), чувствительности к себе (шкалы ориентации на действие после неудач ($r = -0,559$; $p < 0,01$), конгруэнтности собственным чувствам ($r = -0,619$; $p < 0,01$) и интеграции противоречий ($r = -0,383$; $p < 0,01$)), а также шкалой когнитивного самоконтроля из генерального показателя «самоконтроль» ($r = -0,278$; $p < 0,01$). Поскольку все перечисленные аспекты самоуправления отрицательно значимо связаны с параметрами оценки выгорания, правомерным будет вывод о том, что все они могут рассматриваться в качестве факторов стрессоустойчивости медицинских работников во время пандемии COVID-19.

9. Когда медицинские работники переживают выраженные эмоциональное истощение и деперсонализацию, они наиболее часто пытаются себе помочь с помощью употребления алкоголя ($r = 0,156$; $p = 0,005$; $r = 0,184$; $p = 0,001$), еды ($r = 0,227$; $p = 0,000$; $r = 0,151$; $p = 0,007$), приема медикаментов ($r = 0,204$; $p = 0,000$; $r = 0,212$; $p = 0,005$), уединения ($r = 0,204$; $p = 0,000$; $r = 0,133$; $p = 0,019$), просмотра сериалов ($r = 0,173$; $p = 0,002$; $r = 0,146$; $p = 0,01$). При повышении редукции профессиональных достижений медицинские работники также больше едят ($r = -0,148$; $p = 0,009$); занимаются саморазвитием и пробуют изучать что-то новое ($r = -0,137$; $p = 0,015$). Важно отметить, что желание обратиться за психологической помощью связано только с эмоциональным истощением ($r = 0,121$, $p = 0,032$).

Заключение. Полученные результаты могут быть полезны и уже используются нами при разработке и реализации программ оказания эффективной психологической помощи врачам и медицинскому персоналу.

Список литературы

1. Абабков, В. А. Валидизация русскоязычной версии опросника «Шкала воспринимаемого стресса-10» / В.А. Абабков, К. Барышникова, О.В. Воронцова-Венгер, И.А. Горбунов, С.В. Капранова, Е.А. Пологаева, К.А. Стуклов // Вестник СПбГУ. Серия 16: Психология. Педагогика. — 2016. — Том 16. — № 2. — С. 6–15.
2. Водопьянова, Н. Е. Синдром выгорания: диагностика и профилактика / Н.Е. Водопьянова, Е.С. Старченкова // 2-е изд. — Санкт-Петербург : Питер, 2008. — 223 с.
3. Егорова М. С. Структура Российского варианта Шестифакторного личностного опросника HEXACO-PI-R / М.С. Егорова, О.В. Паршикова, О.В. Митина // Вопросы психологии. — 2019. — №4. — С. 1-16.
4. Леонова, А. Б. Организационная психология : Учебник / А.Б. Леонова. — Москва : ИНФРА-М, 2013. — 429 с.
5. Первичко, Е. И. Восприятие COVID-19 населением России в условиях пандемии 2020 года / Е.И. Первичко, О.В. Митина, О.Б. Степанова, Ю.Е. Конюховская, Е.А. Дорохов // Клиническая и специальная психология. — 2020. — Том 9. — № 2. — С. 119–147.
6. Митина, О. В. Методика исследования самоуправления Ю. Куля и А. Фурмана : психометрические характеристики русскоязычной версии / О.В. Митина, Е.И. Рассказова // Психологический журнал. — 2019. — Т.40. — №2. — С. 111-127.

УДК 159.9

СТРЕСС И БОРЬБА С НИМ В УСЛОВИЯХ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Погорела М. В., Иванченко Е. Н.

ГПОУ «Макеевский медицинский колледж», г. Макеевка, РФ
pogorelamariya@gmail.com

Введение. В современном мире с каждым годом возрастает количество военных конфликтов, что отражается на психологическом состоянии людей, которые переживают за свою безопасность и будущее. В статье рассматриваются проблемы, связанные с тревогой и стрессом у гражданского населения, вызванные военными действиями, а также предлагаются рекомендации по управлению стрессом и поддержке психологического здоровья.

Цель: обсудить влияние военных конфликтов на психологическое здоровье людей, проанализировать, какие способы преодоления переживаний популярны у населения, предложить стратегии борьбы с возникающими эмоциональными трудностями.

Основная часть. Военные действия являются экстремальной ситуацией, которая нарушает привычный ход жизни, а значит — вызывает стресс из-за отсутствия уверенности в завтрашнем дне. Кроме того, боевые действия часто сопровождаются потерей близких людей, разрушением домов и инфраструктуры. Эти события не могут остаться незамеченными для психики любого человека.

Рассмотрим заболевания, к которым может привести стресс в условиях вооружённого конфликта. Одно из самых распространённых заболеваний психики в таких условиях — тревожное расстройство. Оно проявляется в виде чрезмерного беспокойства и напряженности. Люди с тревожным расстройством могут испытывать панические атаки и фобии. Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) возникает у 20-30% населения, из которых остаётся навсегда у 60%, проявляясь бессонницей, кошмарами, амнезией, агрессией. По окончании событий могут возникать потеря смысла жизни и жизненных ориентиров.

Стресс имеет влияние не только на психологическое, но и на физическое состояние человека. Он может стать фактором для обострения хронических заболеваний, для возникновения новых. Высокий уровень гормонов стресса повышает риск развития сердечно-сосудистых заболеваний, нарушения процессов пищеварения и ослабления иммунной системы.

Неправильная борьба со стрессом может привести к ухудшению течения уже имеющихся заболеваний. Благодаря развитию технологий практически каждому стали доступны социальные сети, которые являются для них главным источником положительных эмоций, особенно это актуально в условиях повышенной опасности, из-за которых многие предпочитают не выходить на улицу. Интернет даёт возможность поддерживать связь на расстоянии и получать информацию, вместе с тем, он является источником дешёвого дофамина. В целом, можно заметить увеличение популярности быстрого гормона радости, получить который можно во время скроллинга ленты, из компьютерных игр, большого количества сладкой или жирной еды, которым заедается отсутствие положительных эмоций. Главный недостаток такого «укола радости» — короткое время действия, из-за чего он становится наркотиком. Нельзя не упомянуть алкоголь, наркотики и курение, употребление которых в долгосрочной перспективе может привести к ухудшению здоровья и зависимости, от которых будет тяжело избавиться даже после окончания травмирующих событий.

Предлагая альтернативу вышеперечисленным методам борьбы со стрессом, необходимо выделить соблюдение здорового образа жизни, который включает в себя физическую активность, рациональное питание и соблюдение режима дня. Во время занятий спортом происходит выработка серотонина и эндорфина, которые уменьшают действие гормона стресса — кортизола, следовательно, повышается настроение и продуктивность работы. Но в условиях, где нет возможности выйти из дома, имеется ряд ограничений. Серотонин можно повысить, занимаясь утренней зарядкой, для которой не нужно много времени и места. Главным принципом рационального питания является сбалансированность, т. е. соблюдение соотношения белков, жиров, углеводов. Но в рассматриваемых условиях, подсчётом БЖУ заниматься сложно, поэтому будет достаточно уменьшить количество потребляемой сладкой и жирной пищи, добавить в рацион

больше овощей и медленных углеводов, пить достаточное количество воды, регулярно принимать витаминно-минеральные комплексы, особенно в период эпидемий сезонных заболеваний, при которых уровень стресса повышается, а иммунная защита ослабевает. Соблюдение режима дня особо важно в условиях хронического стресса. В зависимости от возраста человека должен соблюдаться правильное соотношение сна и бодрствования, с учётом собственных психосоматических особенностей организма.

Стоит упомянуть о поддержании тесных и тёплых отношений с родными, с помощью регулярных «домашних чаепитий» можно поговорить о своих проблемах, оказать в случае необходимости взаимопомощь, дать совет. К нестандартным способам преодоления тревоги можно причислить дыхательную гимнастику и медитации, которые не так популярны среди населения, но обладают высокой эффективностью. Хороший результат в борьбе со стрессами даёт профилактический и расслабляющий массаж, за неимением средств и возможности для посещения профессионального массажа можно воспользоваться тёплыми руками своих близких или опробовать одну из многих техник самомассажа.

Заключение. В целом, военные действия создают условия для развития психологических проблем у людей и требуют от них особого внимания к своему психическому здоровью и здоровью своих близких людей. В любой стрессовой ситуации очень важно сохранять самообладание и осуществлять контроль над своим поведением, ощущениями, мыслями и поступками. Важно научиться справляться со стрессом с наименьшим ущербом для своего здоровья. Здоровый образ жизни, медитации, поддержание тёплой атмосферы в семейном кругу, чтение специальной медицинской литературы по борьбе со стрессом, психологическая помощь специалиста могут помочь справиться с трудностями и сохранить психологическое здоровье на многие годы.

Список литературы

1. Водопьянова, Н. Е. Психодиагностика стресса / Н.Е. Водопьянова. — Санкт-Петербург : Питер, 2009. — 336 с.
2. Дейл Карнеги. Как преодолеть тревогу и стресс / Д. Карнеги // перевод. Бакушева Е.А. — Москва : Попурри, 2019. — 208 с.
3. Сапольски, Роберт. Психология стресса [Текст] / Роберт Сапольски ; пер. с англ. под ред. Е. И. Николаевой ; [пер. с англ. М. Алиева и др.]. — 3-е изд. — Москва [и др.] : Питер, 2015. — 480 с. — ISBN 978-5-496-00997-3.
4. Щербатых, Ю.В. Психология стресса и методы коррекции / Ю. В. Щербатых. — Москва [и др.] : Питер, 2008. — 255 с. — (Учебное пособие). — ISBN 978-5-469-01517-8.
5. Сидорова, И. В. Вопросы социального обслуживания пожилого населения в России / И.В. Сидорова, С.В. Попова // Актуальные проблемы социально-экономического развития современного общества. Материалы III Международной заочной научно-практической конференции, посвященной 35-летию ФГБОУ ВО Кировский ГМУ Минздрава России. — Киров, 2022. — С.64-68.

ИЗУЧЕНИЕ СТРЕССА И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЙ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА

Теплова О. В.

ФГБНУ «Институт проблем искусственного интеллекта», г. Донецк, РФ

olga-anonim@mail.ru

Введение. Кризисная психология начала своё развитие ещё в античные времена. Многие считают это закономерной реакцией на проблемы людей, вызванные нестабильностью и экстремальностью в обществе. Признана как наука кризисная психология была в 80-х годах двадцатого века благодаря ряду учёных, самым представительным из которых был Эдмунд Густав Альбрехт Гуссерль, переживший приход нацистов в Германию, из-за законов Бадена лишившийся работы как еврей и лишённый гражданства.

Предметом изучения кризисной психологии как науки являются особенности поведения человека в кризисных ситуациях, стратегии преодоления ситуаций неопределённости, а также разработка механизмов и программ психологической помощи и поддержки.

Цель. Проанализировать известные факты и предположить наиболее востребованное и перспективное развитие кризисной психологии в ДНР.

Основная часть. В настоящее время на территории Донецкой Народной Республики периодически возникают экстремальные стрессовые ситуации, с которыми гражданам ДНР необходимо уметь справляться.

Стресс — состояние психологического и физического напряжения в ответ на внешнее воздействие.

Различают эустресс и дистресс. Эустресс называют полезным стрессом, что возникает, когда индивид воспринимает стрессор как положительный вызов, а не отрицательную угрозу. Дистресс же наоборот, воспринимается индивидом как угроза жизни и здоровью.

Именно при переживании дистресса в организме вырабатываются так называемые «гормоны стресса»: адреналин, дофамин, норадреналин. Адреналин отвечает за реакцию бегства, норадреналин за нападение и дофамин, являясь гормоном радости, за успокоение.

Согласно преобладающему вырабатываемому организмом гормону стресса по типу реагирования на стрессовые условия и ситуации можно выделить три категории [1]:

- «стресс кролика» — пассивная реакция на стресс, при которой человек способен только на короткое время активизировать свои немногочисленные силы;

- «стресс льва» — бурная реакция на стресс, позволяющая энергично быстро преодолеть препятствия;

- «стресс вола» — пролонгированная во времени реакция на стресс, при которой человек может долго работать на пределе своих возможностей.

На основании трёх вышеперечисленных реакций можно выделить пять типов личностей:

1. Человек-катастрофа — острая реакция на стресс и удивительная к усугублению и фатализму. Эти люди очень чувствительны, они постоянно «накручивают» себя, всё глубже погружаясь в собственные беспокойства и страхи;

2. Олень и фары — впадение человека в ступор и нервозность. Индивиду трудно собраться с мыслями, всё валится из рук, и вместо того, чтобы решать проблему, он просто сидит и смотрит в одну точку;

3. Мистер Спокойствие — собран, внешне спокоен при крайнем внутреннем эмоциональном напряжении. Часто переживает проблему даже после её разрешения, не может отпустить ситуацию;

4. Плакса;

5. Горячая голова — реакция злости или ярости на всех и даже на себя.

Исходя из рассмотренного материала, реакция личности на стресс может быть различной и требует коррекции если не является оптимальной для жизни. Например, «человек-катастрофа» или «мистер спокойствие» более подвержены неврозу, так как после наступления кризисной ситуации будут переживать её снова и снова и прогнозировать её возникновение в будущем, что приведёт к снижению трудоспособности, нарушению сна.

Человек с преобладанием дофамина при дистрессе скорее всего не успеет отреагировать на опасную ситуацию. Для таких людей полезны инструктажи по технике безопасности и поведению в кризисных ситуациях.

Чем меньше люди будут испытывать стресс от кризисных ситуаций, тем с большей вероятностью они сохранят трудоспособность, возможность мыслить здраво и будут иметь более здоровых детей.

Не пережитый стресс может впоследствии негативно отразиться на жизни граждан или их детей.

Эпигенетические исследования показали, что у людей, подвергавшимся стрессу: пережившим холокост, военные действия, теракты — рождаются дети с пониженным уровнем кортизола [2]. Снижение вырабатываемого гормона не отразилось на физическом здоровье обследуемых детей, вследствие незначительного показателя, однако все они были более подвержены депрессии. У некоторых из них наблюдались симптомы посттравматического стрессового расстройства, сходные с симптомами их родителей или других лиц, переживших кризисные ситуации, связанные с опасностью для жизни.

У детей, выросших в бедственных условиях (первое поколение) напротив, уровень кортизола, особенно у мужчин, был повышен [3]. Наиболее яркое выражение эта особенность приобрела через время, когда

дети выросли. Таким образом, дети имеют приспособительные средства для преодоления трудностей, с которыми сталкивались родители в любом возрасте. Однако в условиях, где нет постоянного стрессового фактора, эти приспособительные механизмы вырождаются в депрессию и переживание отголосков посттравматического стрессового расстройства родителей.

Вывод. Подытожив, можно сказать, что наиболее перспективным и востребованным на территории ДНР является развитие кризисной психологии в контексте психологической помощи и поддержке людей, пострадавших от стрессовых ситуаций, связанных с опасностью для жизни и здоровья, профилактическая консультация граждан.

Список литературы

1. Кутбиддинова, Р. А. Психология стресса (виды стрессовых состояний, диагностика, методы саморегуляции) : учебно- методическое пособие / Р. А. Кутбиддинова. — Южно-Сахалинск : СахГУ, 2019. — 124 с.
2. Марк Уолинн. Это началось не с тебя. — Москва, 2023. — 304 с.
3. Элишева, А. М. ван дер Хал-Ван Раалте, Мэриан Дж. Бейкерманс-Краненбург, Marinus Nvan Ijzendoorn Холокост, достигающих преклонного возраста Здоровье при старении. 2008 Sep; 12 (5): 630-8. doi: 10.1080/13607860802343134

УДК 159.92:378.015.311:331.543"363"

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЯХ

Сарычева О. В., Чернышев Д. А., д-р пед. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
o.sarycheva@donnu.ru

Введение. С каждым днем в нашей стране возрастает потребность в квалифицированных специалистах. Профессиональное сообщество нуждается не только в компетентности и квалификации новых кадров. Студенту-психологу, как начинающему специалисту, современность диктует быть психологически готовым выполнять свою профессиональную деятельность в любых обстоятельствах, в том числе и в экстремальных условиях. Сформированность такой готовности является одной из важнейших предпосылок его успешной и квалифицированной профессиональной деятельности.

В связи с этим, чтобы стать хорошими специалистами, помимо знаний, умений и навыков, студентам-психологам необходимо быть психологически готовыми к профессиональной деятельности в экстремальных условиях.

Именно данная готовность является одной из важнейших предпосылок успешной и грамотной профессиональной деятельности.

Основная часть. В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 30 декабря 2003 г. № 794 «О единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» (с изменениями и дополнениями) создана Российская система предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций (РСЧС), которая призвана решать большой круг задач, возникающих в экстремальных ситуациях и происшествиях. Она объединяет органы управления, силы и средства федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов России, органов местного самоуправления, организаций. Таким образом, в случае возникновения ЧС специалисты, входящие в данную систему, привлекаются к проведению работ по ликвидации их последствий, в связи с чем вопрос о дополнительной подготовке сотрудников и формировании их готовности к деятельности в условиях ЧС является актуальным [5]. Для оказания экстренной и пролонгированной психологической помощи пострадавшим, а также родственникам пострадавших и погибших могут привлекаться психологи различных организаций (здравоохранения, образования, социального обслуживания населения) (психологи РСЧС), которые также проходят специальную подготовку. Специалистами психологической службы МЧС России разработаны основные принципы оказания экстренной психологической помощи (ЭПП) в ЧС [4], которых необходимо придерживаться всем психологам при работе с пострадавшими в ЧС. Опыт современной работы психологов МЧС России и психологов РСЧС показал, что готовность (в том числе мотивационная [1]) психологов РСЧС к участию в ликвидации последствий ЧС отличается вариативностью и различной степенью выраженности, что, безусловно, неоднозначно сказывается на эффективности оказания экстренной психологической помощи. При этом в отношении психологов РСЧС психодиагностические мероприятия, позволяющие определить степень их готовности к работе при ЧС, не проводятся [3].

В современной психологической науке существует три направления, которые занимаются изучением психологической готовности к профессиональной деятельности. В рамках функционального подхода указанную готовность исследовали такие ученые, как Е.П. Ильин, Н.Д. Левитов, Л.С. Нерсесян, В.Н. Пушкин, Д.Н. Узнадзе, А.Ц. Пуни и др.

В личностном подходе указанную готовность изучают: Б.Г. Ананьев, В.А. Крутецкий, В.Д. Шадриков, А.А. Деркач, Е.А. Климов, А.К. Маркова, Н.В. Кузьмина и другие. В рамках последнего, личностно-деятельностного подхода, данную готовность исследовали: Л.М. Попов, П.Н. Устин, И.М. Пучкова, М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович и другие.

Что касается психологической готовности к профессиональной деятельности, связанной с феноменом экстремальности, необходимо отметить, что ей занимались М.И. Дьяченко и Л.А. Кандыбович.

Общенаучную методологию определили деятельностный подход (Рубинштейн С.Л., Леонтьев А.Н.) к развитию психологической готовности к профессиональной деятельности через совокупность действий; системный подход (Ломов Б.Ф.) через совокупность свойств и качеств, влияющих на профессиональную деятельность, и психологию деятельности в экстремальных условиях (Дьяченко М.И., Кандыбович, Л.А., Бовин Б.Г., Кокурин А.В. [2], Смирнов Б.А., Долгополова Е.В. и др.), где экстремальность рассматривается как особенный аспект психологической готовности к профессиональной деятельности в экстремальных условиях.

Конкретно-научная методология состоит из основных положений личностно-деятельностного подхода (Попов Л.М., Пучкова И.М., Устин П.Н.), делающего акцент на связь целостности индивидуального, личностного и субъективного аспекта психологической готовности к профессиональной деятельности.

Психологическая готовность студентов-психологов к профессиональной деятельности в экстремальных условиях определяется как состояние, настрой, который состоит из экстремальных профессионально важных качеств специалиста, его экстремальной психологической и профессиональной подготовки, а также из его экстремальной компетенции.

Теоретический анализ научной литературы позволил выявить три основных направления в отечественной психологии, в рамках которых изучается психологическая готовность к профессиональной деятельности. Это функциональный подход (где указанная готовность изучается с точки зрения предстартовой активизации психических функций, умения мобилизовать нужные психические и физические ресурсы для осуществления действий). Личностный подход (здесь указанная готовность рассматривается как целостное личностное состояние, проявляющееся непосредственно перед деятельностью, и которое зависит от качеств личности). И последний подход – личностно-деятельностный (рассматривает данную готовность с точки зрения взаимосвязи или целостности индивидуальных, личностных и субъективных свойств и качеств).

Заключение. В качестве перспективы исследования планируется провести изучение готовности студентов-психологов образовательных организаций высшего образования различных форм обучения, ее содержания и динамики в зависимости от таких факторов, как пол, возраст, стаж работы, а также в зависимости от индивидуально-личностных особенностей обучающихся. На наш взгляд, это позволит перевести заявленную проблему на новый концептуальный уровень и разработать пути дальнейшего повышения эффективности оказания экстренной психологической помощи будущими специалистами-психологами.

Список литературы

1. Бодров, В.А. Развитие профессиональной мотивации спасателей / В.А. Бодров, Ю.Б. Бессонова // Психол. журн. – 2005. – Т. 26, No 2. – С. 45–56.
2. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии [Текст] / С. Л. Рубинштейн. — Москва [и др.] : Питер, 2012. — 705. — ISBN 978-5-459-01141-8.
3. Матафонова, Т.Ю. Особенности деятельности психологической службы при экстренной психологической помощи пострадавшим в чрезвычайных ситуациях / Т.Ю. Матафанова // Вестн. Моск. ун-та МВД России. – 2011. – No 6. – С. 25–29.
4. Шойгу, Ю.С. Принципы оказания экстренной психологической помощи в условиях чрезвычайных и экстремальных ситуаций / Ю.С. Шойгу // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика. – 2010. – No 1. – С. 162–168.
5. Постановление Правительства РФ от 30 декабря 2003 г. N 794 «О единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» (с изменениями и дополнениями). — URL: <https://base.garant.ru/186620/> (дата обращения 20.09.2023).

УДК 159.99

ПОВЫШЕНИЕ РОДИТЕЛЬСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ КАК ВАЖНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В КОНСУЛЬТИРОВАНИИ РОДИТЕЛЕЙ

Степанова Н. А., канд. психол. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет
им. Л.Н. Толстого», г. Тула, РФ
Stepanova_na@inbox.ru

Введение. Сегодня состояние современного общества определяется осознанным исполнением родительской роли, качеством воспитания подрастающих поколений. В обществе изменилось отношение к детству: все чаще возникают дискуссии вокруг проблем детства и современных методов семейного и общественного воспитания. На всех площадках страны проходит общественное обсуждение ответственного родительства, современной культуры семейного воспитания, компетенций и знаний современных родителей о развитии и социализации детей в семье.

Однако, у большинства родителей отсутствуют знания, практика и опыт воспитания детей в семьях. Невысок процент родителей, имеющих достаточно педагогических знаний.

Приоритетами Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года являются утверждение традиционных семейных ценностей и семейного образа жизни, возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и семейном воспитании, создание условий для обеспечения семейного благополучия, ответственного родительства, повышения

авторитета родителей в семье и обществе и поддержания социальной устойчивости каждой семьи.

Цель. Одним из действенных способов решения задач по психолого-педагогической поддержке и повышению компетентности родителей в вопросах воспитания, развития и образования детей является организация мероприятий, носящих обучающий и просветительский характер.

Основная часть. В современном стремительно меняющемся мире ответственное, осознанное родительство возможно только при условии непрерывного повышения отцами и матерями своей родительской компетентности. Это позволяет сделать вывод, что проблематика формирования культуры «осознанного», «ответственного», «просвещенного», «компетентного» родительства относится к одной из наиболее актуальных на сегодняшний день.

Е.П. Арнаутова рассматривает родительскую компетентность как две составляющие: природную и социальную. *Природная компетентность* «разворачивается естественным образом как генетическая программа продолжения рода и связана с такими понятиями, как природная чувствительность, эмоциональная отзывчивость, уникальность, целесообразность, целостность», тогда как *социальная компетентность* проявляет себя по мере роста и развития ребенка. Это культура и стереотипы воспитания в семье, духовно-нравственные традиции общества в целом и семьи в частности.

В основу формирования родительской компетентности заложено объединение разнообразных аспектов родительского опыта. Родителю необходимо помочь научиться сотрудничать со своим ребенком, т.к. значительная их часть не готова самостоятельно восполнять необходимые знания и умения в области развития и образования детей, активно заниматься своим саморазвитием. У некоторых родителей отсутствует желание саморазвиваться даже ради благополучия собственных детей. Кроме того, нет опыта и необходимых умений для самообразования, не сформирована способность к рефлексии и самоанализу своих родительских действий. В связи с этим возрастает необходимость в оказании родителям содействия и профессиональной помощи со стороны специалистов – психологов, направленных на мотивацию повышения своей родительской компетентности.

Современные ученые (Т.В. Бахуташвили, Ю.А. Гладкова, Т.В. Кротова, Т.А. Куликова и др.) определяют психолого-педагогическую компетентность родителей: как широкое познание в психологии и педагогике, составляющее духовно-нравственную культуру в семье; желание систематически интересоваться результатами развития ребёнка в образовательной организации, возможность эффективно осуществлять педагогический процесс воспитания ребенка в семье. Компетентность родителя — сложное индивидуально-психологическое образование,

возникающее на основе интеграции опыта, теоретических знаний, практических умений и значимых личностных качеств, обуславливающее готовность родителя к реализации воспитательной функции.

Заключение. Массовое повышение родительской компетентности, приобретение психологических знаний и опыта, способствует формированию социально-ролевой компетентности в общественной и семейной жизни, профилактике конфликтных и кризисных ситуаций, личностному развитию и социальной адаптации родителей.

Формат просветительских лекций стимулирует родителей, выводит их на разговор, заставляет задуматься о том, а есть ли данная проблема в твоей семье и как бы я ее смогла/смог решить.

В ходе образовательных мероприятий происходит знакомство родителей с лекторами-консультантами, формируется доверие и чувство компетентности в данном вопросе/проблеме. После таких встреч родители активнее идут на контакт, задают волнующие их вопросы, адресуя уже знакомому психологу-консультанту.

УДК 159.9

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ АРТ-ТЕРАПИИ В КРИТИЧЕСКИХ СИТУАЦИЯХ

Яновская Л. В., канд. психол. наук, доц.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
yanovlar1@mail.ru

Жизненные ситуации, которые порождают сложно-переживаемые психологические состояния, требующие психологической помощи, можно рассматривать как «критические ситуации». Существуют четыре ключевых понятия, которыми в современной психологии описываются критические жизненные ситуации. Это понятия стресса, фрустрации, конфликта и кризиса.

Четыре вида критических ситуаций соотносятся с жизненными мирами, по определению Ф.Е. Василюка, которые по параметрам «внутреннего» и «внешнего» разделяются на: 1– простой/легкий, 2 — простой/трудный, 3 — сложный/легкий, 4 — сложный/трудный. Соответственно, первому миру присуще переживание стресса как критической (пограничной) ситуации, второму — переживание фрустрации, третьему — переживание конфликта, четвертому — кризиса.

В последнее время арт-терапия становится одним из наиболее популярных методов оказания психологической помощи. В дословном переводе это метод «лечения искусством». Искусство представляет собой

образное осмысление происходящего. В арт-терапии мы говорим и о получивших мировое признание произведениях искусства, и о художественных способах передачи содержания внутреннего мира человека, его переживаний. Великие произведения искусства представляют такие символические формы переживаний, которые затрагивают самые глубины души человека, именно поэтому они становятся понятными через века. При постижении этого символического содержания, зритель-читатель-слушатель становится соавтором порождения смыслового переживания. Для амплификации, расширения возможностей личности, получения ею нового опыта, необходима такая активность — активность внимания, погружения и переосмысления «другой» ситуации в контексте своего опыта.

Чаще в качестве арт-терапии используются практики художественной активности самого субъекта. Центральным звеном данной деятельности выступает «образ». Именно обнаружение образа переживаний позволяет человеку объективировать их. На этом обнаружении-через-проживание основана идея катарсиса (высвобождения). Искусство можно расценивать как продукт переработки значимых чувств, который нашел выражение в образе.

Образ объединяет различные стороны психической деятельности, синтезирует их. В образе есть ощущаемая материальность, эмоциональная значимость и модальность, логическая обусловленность, и смысловая наполненность.

В нашей обыденной жизни сознание не охватывает все стороны психической активности, в основном, мы сконцентрированы на решении текущих задач, либо «захвачены» определенными эмоциями. И наши психические процессы характеризуются некоей «разноплановостью». В творческом действии эти процессы интегрируются.

Мы вернемся к рассмотрению критических ситуаций и проанализируем, какие виды арт-терапии эффективны в разных ситуациях.

Стресс. Рассматривается как наиболее общее неясное малодифференцируемое переживание неблагополучия. Как критическая ситуация он относится к жизненному миру — простой/легкий, и представляет переход в жизненный мир — простой/трудный. Соответственно, ресурс для психологической помощи — осознание своей субъектности. Стресс мы всегда переживаем как внешнее воздействие, что-то, что действует на личность как на объект. Ориентируясь на субъектное начало, мы снижаем действие стрессогенных факторов, контролируя их своим восприятием. В качестве арт-терапевтической процедуры подходят те методы, которые связаны с преобразованием восприятия. Например, при работе со страхами. Рекомендуются нарисовать свой страх, а затем перерисовать его таким образом, чтобы он перестал быть страшным, подружиться с ним, послушать, что он хочет сказать и т. д. Так же можно

изобразить свою усталость, или без рисования говорить от имени усталости. В этой работе происходит осознание стрессогенного фактора, и, одновременно, осознание себя.

Фрустрация. Во внутреннем мире представляет собой переживания невозможности достижения цели. Трудности самоосуществления. Это значительно более осознаваемая ситуация, и, в отличие от предыдущей, представляет собой «блокирование» субъектной стороны личности. Субъектная — она же — сознаваемая сторона. Значит, ресурс мы будем искать в бессознательной, противоположной стороне, в невольном восприятии. Подобно воде, устремляющейся к своей цели, бессознательное способно обтекать преграды по тем путям, которое сознание не видит. Из арт-терапевтического арсенала здесь могут быть задействованы практики работы с ассоциациями. Важно при этом, ослабив напряженную направленность на цель, переключить внимание человека на чувства. Чувства удовлетворенности, счастья, осмысленности, безопасности, — все то, что человек может переживать при достижении цели. Чувства могут быть осмыслены различными вариантами ассоциаций — картины, метафорические карты, образы сновидений, фантазии, собственные рисунки, песочница, куклотерапия. Фрустрация сама по себе и ее преодоление побуждают развитие внутреннего мира личности, что приводит внутренний мир от простого к сложному.

Критическая ситуация сложного/легкого мира — конфликт. Конфликт — это осознанное непримиримое противоречие между субъектами. Межличностный конфликт является, как правило, отражением внутриличностного, способом осознания, и в дальнейшем, разрешения этого внутриличностного конфликта. Субъектами внутреннего конфликта являются разнонаправленные интересы, мотивы, цели. Применение арт-терапии в этой критической ситуации должно приводить к равновесию и гармонии разнонаправленных тенденций, а это возможно тогда, когда появляется «синтез» нового порядка. Здесь творческий процесс играет ведущую роль, поскольку творчество и есть диалог сознательного и бессознательного в первую очередь, но также чувств и мыслей, воли и эмоций. В любом случае, в работе с критической ситуацией конфликта будет проявляться актуальное противоречие. В качестве творческого действия можно предложить написание сказки, рисование мандалы. Внутренние противоположные тенденции невольно будут задействованы в процессе создания целостного произведения, и их противоречивость будет направлена на содружественное созидание.

И последняя (но не меньшая!) критическая ситуация в нашем списке — это кризис. Кризис характеризуется «тотальным» поражением активности личности. Это, конечно, в самом остром варианте. Кризис представляет собой скачкообразный переход из одного структурно-динамического состояния личности в другое. Происходит преобразование

системы Я в связи со сменой системообразующей ведущей деятельности. То, что мы рассматривали как методы психологической помощи при других критических ситуациях в этом случае так же являются применимы и значимы, поскольку переживание кризиса — это и переживание всех остальных состояний. Человек в состоянии кризиса испытывает и стресс, и фрустрацию, и конфликт. И — неопределенность будущего. Созидание нового здесь играет первостепенное значение. Опорой для творчества становится само переживание как «клеточка» душевной жизни по определению С.Л. Рубинштейна. Поэтому здесь мы обращаемся к наиболее глубоким и дальним сферам психики. Работа с глиной или пластилином, рисование пальцами, — все это без опоры на образ, но с концентрацией на внутренний процесс. Например, такая практика — создать из пластилина некую абстрактную форму, которую будет интересно и гармонично ощущать в руке; затем определить, на что похоже это создание; дать ему имя, и придумать для него историю.

Рассмотрев вкратце возможности арт-терапии в работе с критическими состояниями, мы можем резюмировать, что диапазон возможностей данного подхода достаточно многообразен, и эффективность применения различных практик зависит от того, какую критическую ситуацию переживает человек.

Психика и информационное поле общества

УДК 159.9.072.432

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЗАВИСИМОСТИ ОТ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ, ТРЕВОГИ И ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ

Барабанищикова В. В., д-р психол. наук, доц., член-корр. РАО,
Мальсагова М., Буряченко П. А., Доливец С. С., Мигель Е. С.,
Субраманиан А., Дудова А., Косолапова С.

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова», г. Москва, РФ

mmalsagova@gmail.com; buryachenkopa@my.msu.ru; dolivets1@mail.ru;
Ekaterina.Migel@student.msu.ru; youmayberight03@gmail.com; alenka9let@gmail.com;
mirrei.sannette@yandex.ru

Введение. В современном мире человечество находится в условиях постоянного потока информации, интенсивность, эмоциональность и беспорядочность которого непрерывно возрастают. Интернет и, в частности, социальные сети повсеместно вторгаются в нашу жизнь. Такое вторжение грозит трудностями функционирования человека в важных сферах жизни [3]. Кроме того, зависимость от социальных сетей может быть связана с повышенной тревогой. Это не единственная тенденция, связанная с частым использованием социальных сетей: у активных пользователей медиа-пространства, обнаруживаются отчетливые признаки зависимости. Социальные сети — известный источник стресса, который сегодня часто обозначается понятием «техностресс». Тем не менее, сталкиваясь с эмоциональным напряжением, человек не прекращает пользование ими, а переходит к другому информационному разделу, не покидая платформы. Здесь вновь прослеживается связь между компульсивным многозадачным использованием и негативным эмоциональным состоянием [2].

Мы также предполагаем наличие связи между личностными качествами, тревогой и зависимостью от социальных сетей. Так, было показано, что высокий уровень нейротизма связан с повышенной социальной тревогой, что способствует предпочтению онлайн-общения и к более частому использованию социальных сетей [4].

Цель нашего исследования заключается в выявлении взаимосвязи зависимости от социальных сетей, тревоги и личностных качеств. Кроме того, на основе полученного исследования планируется составление рекомендаций по соблюдению информационной гигиены.

Задачи:

1) Составить анкету и провести опрос, чтобы выяснить как много времени люди проводят в социальных сетях, какие платформы и разделы

они чаще используют, пробовали ли они сокращать время, которое тратят на социальные сети.

2) Исследовать уровень личностной тревоги респондентов по шкале Спилберга, определить их личностные качества по методике «Big Five» и склонность к зависимому поведению от социальных сетей. Для этого мы выбрали опросник проблемного использования социальных сетей [1].

3) Проверить выдвинутые гипотезы о наличии связи между выбранными переменными.

4) На основе данных опроса и существующих исследований разработать список рекомендаций по профилактике компульсивного использования социальных сетей и информационной гигиене.

Гипотезы: Мы предположили, что наше исследование выявит положительную связь между личностной тревожностью и зависимостью от социальных сетей, а также обнаружится корреляция с такими личностными качествами, как нейротизм и осознанность.

Выборка: В исследовании приняли участие 263 человека: 202 женщины и 61 мужчина. Средний возраст участников — 21 год. Большинство респондентов имеют неоконченное высшее образование (121 человек), общее среднее имеет 61 человек, высшее — 38, основное общее — 29, среднее профессиональное — 14. Данные были собраны с помощью google-формы.

Основные результаты. В ходе проведенного исследования нами были обнаружены значимые корреляции между личностной тревожностью и шкалами опросника проблемного использования социальных сетей. Так, повышенная личностная тревожность положительно коррелирует ($p = 0,001$) с такими шкалами, как предпочтение онлайн-общения, регуляция эмоций, когнитивная поглощенность, компульсивное использование, негативные последствия. Кроме того, была найдена положительная связь между нейротизмом и шкалами опросника проблемного использования социальных сетей ($p < 0,001$). Также обнаружено, что сознательность отрицательно коррелирует с компульсивным использованием социальных сетей ($p < 0,03$).

Таким образом, полученные результаты подтверждают выдвинутые нами гипотезы. Повышенный уровень личностной тревожности и нейротизм связаны с тем, что человек предпочитает в большей степени онлайн-общение и использует социальные сети как способ регуляции эмоций, что может говорить о наличии неэффективной копинг-стратегии. Кроме того, человек поглощен мыслями о необходимости мониторинга социальных сетей. Допускает мысли о том, что социальные сети привели к различным проблемам в жизни. Однако сознательность может быть связана с тем, что в меньшей степени наблюдается компульсивный паттерн использования социальных сетей.

Проведенное нами исследование показывает важность соблюдения информационной гигиены. В данном исследовательском контексте делать выводы о том, что является первопричиной пока что рано.

Список литературы

1. Hou Y. et al. Social media addiction: Its impact, mediation, and intervention // Cyberpsychology: Journal of psychosocial research on cyberspace. — 2019. — Т. 13. — № 1. — DOI:10.5817/CP2019-1-4
2. Brailovskaia J., Schillack H., Margraf J. Tell me why are you using social media (SM)! Relationship between reasons for use of SM, SM flow, daily stress, depression, anxiety, and addictive SM use—An exploratory investigation of young adults in Germany // Computers in Human Behavior. — 2020. — Т. 113. — С. 106511. — DOI:10.1016/j.chb.2020.106511
3. Abbasi I., Drouin M. Neuroticism and Facebook addiction: How social media can affect mood? // The American Journal of Family Therapy. — 2019. — Т. 47. — № 4. — С. 199-215. — DOI:10.1080/01926187.2019.1624223
4. Сирота, Н. А. Разработка русскоязычной версии опросника проблемного использования социальных сетей / Н.А. Сирота, Д.В. Московченко, В.М. Ялтонский // Консультативная психология и психотерапия. — 2018. — Т. 26. — №. 3. — С. 33-55. — DOI:10.13140/RG.2.2.34034.56001

УДК 159.9.072

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ГОТОВНОСТИ МОЛОДЕЖИ К САМОРАЗВИТИЮ

Воскресенская Н. Г., канд. психол. наук, доц.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. А. Лобачевского», г. Нижний Новгород, РФ
navoskr@mail.ru

Готовность молодежи к саморазвитию и самообразованию является актуальной проблемой цифрового общества, которая связана с самосознанием необходимости к развитию надпрофессиональных способностей, позволяющему лучше адаптироваться в динамичном, неопределенном непредсказуемом мире, характерном для постиндустриального общества [2-5]. Особую роль здесь приобретает универсальный набор умений и знаний, создающий основы для освоения новых компетенций в профессиональной деятельности, которые следует рассматривать не только как необходимое количество знаний, обеспечивающее дальнейшее профессиональное становление, но, прежде всего психологическую готовность к самосовершенствованию. Несмотря на то, что в настоящее время образовательный рынок активно наполняется новыми курсами, направленными как на профессиональный рост, так и на

переподготовку, актуальность приобретает именно целеустремленность молодежи в освоении новых компетенций. Это особо значимо в связи с внедрением дистанционных форм обучения, которые, с одной стороны облегчают возможности в получении дополнительных знаний, с другой — требуют большей самостоятельности и усидчивости в связи с затруднением процесса контроля за уровнем усвоения новой информации. Это выдвигает проблему выявления факторов, способствующих и, наоборот, негативно влияющих на готовность молодежи к самообразованию для разработки методов по их блокировке и созданию условий для формирования личности, готовой к «образованию длиною в жизнь» — актуальному тренду современного цифрового общества.

Исследование, направленное на изучении условий, обуславливающих готовность молодежи к профессиональному образованию (163 юноши и 303 девушки в возрасте 17-20 лет) проводилось на базе университета ННГУ им. Н.А. Лобачевского с использованием интернет-опроса и фокусированного интервью с отдельными представителями молодежи (всего 6 фокус-групп со средним количеством 10 человек). При обработке результатов использовался качественный анализ студентов и обработка количественных показателей анкет с использованием описательной статистики и дисперсионного анализа ANOVA. Результаты исследования позволили обозначить следующие факторы:

- лояльность к комбинированным формам образования. Те, кто считает наиболее оптимальным для себя сочетание традиционной и дистанционной формы в большей степени проявляли интерес к различным дополнительным курсам, чем те, кто отдавал предпочтение только традиционным формам образования ($r=7,094$, $p=0,000$);

- критическое оценивание развития своих цифровых компетенций ($r=3,494$, $p=0,004$);

- более высокое развитие цифровых компетенций по сравнению со сверстниками, проявляемое в большей цифровой осведомленности в принципах работы браузеров, офисных и прикладных программ ($r=2,415$, $p=0,035$).

Также выделены факторы, негативно влияющие на готовность к самообразованию. Это стремление студентов проводить много времени в интернете с ориентированностью на развлекательный контент ($r=2,093$, $p=0,047$) и завышенная самооценка цифровой компетенции ($r=2,107$, $p=0,037$).

Таким образом, критическое отношение к своему профессиональному саморазвитию при сочетании с достаточно высоким уровнем сформированности цифровых компетенций и высокой поисковой активности в интернет-пространстве положительно влияет на готовность

студентов к дальнейшему саморазвитию. Это предполагает, с одной стороны, средовую насыщенность цифровыми устройствами, а также наличие опыта работы с ними, в том числе для получения информации из разных источников, расширяющей кругозор, при критическом оценивании текущего уровня своего уровня образованности. Вместе с тем заикливание на развлекательном контенте вызывает неосознаваемое чувство растерянности перед информационным избытком, а узконаправленные интернет-ресурсы, как правило развлекательного плана и не требующего особых интеллектуальных усилий, становятся гаванью, вызывающей иллюзорное чувство защищенности и удовлетворенности от осознания себя полноправным и компетентным членом этого замкнутого сообщества. Попустительское отношение к времяпрепровождению подрастающего поколения, игнорирование факта их заикливания на определенных ресурсах и отсутствие норм, регулирующих их времяпрепровождение в интернете являются рисками формирования пассивного члена общества, не способного адаптироваться в цифровом обществе, где образование «длинною в жизнь» становится жизненной необходимостью, обуславливающей профессиональную успешность.

Список литературы

1. Воскресенская, Н. Г. Непосредственные и опосредующие факторы готовности студентов к развитию универсальных цифровых компетенций / Н.Г. Воскресенская // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2022. № 3. С. 64–77.
2. Ершова, Т. В. Ключевые компетенции для цифровой экономики. Информационное общество / Т.В. Ершова, С.В. Зива. 2018. № 3. С. 4–20
3. Паспорт стратегии Цифровая трансформация образования // Группа «Национальная инновационная система». Стратегическое направление «Цифровая трансформация». — URL: https://www.tadviser.ru/images/d/d3/Паспорт_Стратегии_ЦТО.pdf. (дата обращения: 16.06.2022).
4. Harden, R.M. International medical education and future directions: a global perspective // Academic Medicine. 2006. Т.81. № 12. P. 522–529.
5. The Future of Jobs Report 2018 // World Economic Forum. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-future-of-jobs-report-2018> (дата обращения: 16.06.2022).

ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ПОДРОСТКОВ

Гордеева А. В., канд. психол. наук., доц.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
a.gordeeva@donnu.ru

Введение. Увеличение продолжительности времени пребывания подростков в интернете, причем достаточно стремительное, делает актуальной проблему их социализации. И не случайно появилось понятие киберсоциализации или цифровой социализации, относящееся к социализации личности в интернете [2]. Современный тип информационно-коммуникативного пространства интернета формирует атмосферу социализации подростка, причем несет как потенциал развития, так и риски. В виртуальной среде, наполненной социальной реальностью, подростки учатся, общаются, играют, переносят сюда реальные социальные ситуации из повседневной жизни. В этой среде молодой человек ищет и находит себя, формируются наиболее устойчивые черты личности. Процесс социализации, как и цифровой социализации, может пойти как по нормативному, так и девиантному пути. Причем выделяют психологические и социальные риски. К первой группе относятся психоэмоциональное напряжение, нарушение уровня самосознания, «социальный аутизм», размывание барьеров в коммуникации, смешение реальной и виртуальной действительности. Ко второй группе относят возникновение агрессивных форм поведения, нарушение системы общественных отношений и общественных представлений под влиянием несистематизированной информации в сети.

Цель данного исследования: рассмотреть особенности цифровой социализации подростков.

Основная часть. Понятия «информационная социализация», «киберсоциализация», «виртуальная социализация» и «цифровая социализация» имеют свои подходы, представления и динамику развития [1]. Остановимся только на цифровой социализации. Это понятие появилось позже всех и означает «опосредованный всеми доступными цифровыми технологиями процесс овладения и присвоения человеком социального опыта, приобретаемого в онлайн-контекстах, воспроизводства этого опыта в смешанной офлайн/онлайн-реальности и формирующего его цифровую личность как часть реальной личности» [3, с.76].

Солдатовой Г.У. и Войскунским Е.В. была предложена социально-когнитивная концепция цифровой социализации, отражающая процесс адаптации изменяющегося человека к возможностям и рискам динамичной социотехнологической среды [4].

Эмпирическое исследование влияния интернет-среды на формирование цифровой социализации подростков было выполнено магистром кафедры психологии Дарией Кононовой на выборке школьников одного из небольших городков Донецкой Народной Республики. В исследовании приняли участие 45 учеников 8-го класса, 45 школьников 9-го класса и 15 школьников 10-го класса, всего 105 подростков.

Были использованы следующие опросники: «Информационные предпочтения и информационная осведомленность» (Н.А. Голубева), «Индекс погруженности в интернет-среду» (Л.А. Регуш), опросник на киберкоммуникативную зависимость (А.В. Тончевой).

С помощью методики Н.А. Голубевой подсчитывалось количество источников информации и интернет-ресурсов, их вид. Тем самым определялся уровень информационной осведомленности. Сравнение средних значений параметров информационной социализированности, выполненное с помощью Н-критерия Крускала-Уоллиса, показало значимые различия по всем четырем параметрам: количеству источников, виду информации, количеству интернет-ресурсов и информационной осведомленности.

Высокий уровень информационной осведомленности отличает учащихся 10-го класса (28%), в 9-ом классе таких учеников 20%, в 8-ом — 25%. Учащиеся 10-го класса, в отличие от более младших учеников, указывали не только популярные источники и ресурсы, но и источники, связанные с обучением. Их интересует культурная и образовательная сферы, природа и животный мир. Количество используемых интернет-ресурсов больше и разнообразнее. Содержание информации часто связано с их хобби.

В основном же для учащихся школы характерен средний уровень информационной осведомленности (32% – учащиеся 9-го класса, 30% – учащиеся 10-го класса). Подростков 8-го класса отличает низкий уровень информационной осведомленности (55%). Количество источников информации у них меньше, чем у старшеклассников. Их интересуют игры, музыка, спорт.

Таким образом, все три уровня информационной осведомленности присутствуют у учеников всех трех классов. Однако у десятиклассников больше учеников с высоким уровнем, а у восьмиклассников — с низким.

Информационная осведомленность определяется не только количеством источников и интернет-ресурсов, которыми пользуются современные подростки, но и содержание самой информации. Большое значение в информационной социализации имеют увлечения подростков, которые играют особую роль при выборе источников информации, как по форме, так и по содержанию.

Интересными представляются результаты по методике «Индекс погруженности в интернет-среду» Л. А. Регуш, которые помимо общего индекса погруженности, выделяет шкалы «цифровое потребление»,

«цифровая компетентность», «эмоциональное отношение». Причем у подростков всех классов наблюдается одинаковая выраженность всех трех шкал: больше всего представлена первая шкала — цифровое потребление, затем вторая — цифровая компетентность и менее выражена шкала эмоционального отношения. А общий индекс погруженности в интернет-среду выше у учеников 8-го класса (24,2), у девятиклассников он составил 22,1, у десятиклассников 22,6.

Таким образом, можно говорить о разных сторонах готовности подростков к использованию технических средств и информационных ресурсов интернета для решения различных задач, и осуществления интернет-коммуникации, а также возможности влияния интернет-среды на различные стороны жизни подростков: систему взаимоотношений, учебную деятельность, досуг, психические состояния.

Исследование на киберкоммуникативную зависимость по методике А. В. Тончевой, показало, что низкий уровень зависимости имеют 72% подростков, средний — 22% и высокий — 6%. Тест позволил выявить ряд угроз информационно-психологической безопасности подростков (эмоционально-деструктивные реакции: агрессия, раздражение, гнев, тревогу).

Заключение. Подростки используют интернет-среду для учёбы, общения и досуга. Можно отметить большую погруженность школьников в интернет-среду при качественном разнообразии её использования.

Интернет-среда, как социальный институт, оказывает достаточно противоречивое влияние на социализацию подростков. Наряду с отрицательными, существует также положительные стороны, в зависимости от того, какие цели и задачи в сети ставит перед собой подросток.

Список литературы

1. Гордеева, А.В. Киберсоциализации или цифровая социализация в современном информационном пространстве / А.В. Гордеева // Травматерапия. Преодоление последствий психотравмирующих событий : монография. Книга 2 / Авторский коллектив / под общ. ред. Е.Г. Максименко, В.В. Седнева, А.В. Гордеевой — Донецк : Издательство ООО «НПП «Фолиант», 2021. — С. 101-115.
2. Лучинкина, А.И. Социализация в интернет-пространстве как специфический вид социализации личности / А.И. Лучинкина // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Педагогика. Психология. 2016. № 3 (5). — С. 6–11.
3. Солдатова, Г.У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире / Г.У. Солдатова // Социальная психология и общество 2018. — Т. 9. № 3. — С. 71–80.
4. Солдатова, Г.У. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики / Г.У. Солдатова, А.Е. Войскунский // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2021. — Т. 18. № 3. — С. 431–450.

КОГНИТИВНАЯ ВОЙНА В СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕАЛИЯХ

Джура Г. С., канд. экон. наук
г. Донецк, РФ
dzhura_egor95@mail.ru

На современном этапе развития информационного общества скорость развития технологий не всегда может быть вовремя идентифицирована и распознана. Масштаб и охват цифровыми системами жизни людей приобрел беспрецедентную роль и играет ключевое значение в формировании мировоззрения общества.

В данном контексте представляет интерес документ НАТО, опубликованный по результатам симпозиума Альянса по когнитивной войне во Франции от 21 июня 2021 г. «Когнитивная война: Будущее когнитивного доминирования».

Так, Генерал-майор Филипп Монтоккио, заместитель директора офиса поддержки сотрудничества НАТО (CSO), отмечает, что когнитивная война — это наиболее передовая на сегодняшний день форма манипулирования человеческим разумом, позволяющая влиять на индивидуальное или коллективное поведение с целью получения тактического или стратегического преимущества. В этой области действия человеческий мозг становится полем битвы. Преследуемая цель — влияние не только на то, что думают мишени, но и на то, как они думают, и, в конечном счете, на то, как они действуют.

Особо важно то, как мы приходим к выводам и обрабатываем семантическую неопределенность, спровоцированные иллюзии, искажения восприятия, насыщение внимания, нарушения обучения, когнитивные искажения, рабочую память или долговременные воспоминания. Интерес представляет изучение вопросов достижения общего понимания, особенно в социальных сетях, а также причины «хрупкости» и подверженности манипуляциям. Так, механизмы индивидуального и коллективного познания мобилизуются для формирования нашего понимания мира, принятия решений и действий в соответствии с ними. Сосуществование естественного и искусственного интеллекта находится в центре внимания, заставляя воспринимать войну как гибрид, когда мысли общества все больше формируются машинами [1].

Когнитивная война — это место, где все элементы информационной войны, включая оперативные аспекты психологии и неврологии, основанные на системности и сложности, объединяются для военных действий. Он находится на пересечении двух операционных областей,

которые до сих пор управлялись по отдельности: психологические операции и операции влияния (мягкая сила), с одной стороны, и кибероперации (киберзащита), предназначенные для деградации или уничтожения информационных активов, с другой. Это пересечение позволяет объединять концепции и точки зрения различных научных, военных или разведывательных сообществ по интересам, создавая междисциплинарный подход к тому, как технологии влияют на человечество [2].

В таких условиях необходимы новые возможности борьбы с распространением сетевой автоматизации (например, ботнетов), которые искажают и манипулируют информационной сферой. Приписать такие атаки конкретному противнику крайне затруднительно, широкая поверхность атаки требует корреляции новых сигналов оповещения в социальной, информационной и киберсети для их обнаружения и купирования.

Когнитивная война — это искусство обманывать мышление или заставлять его сомневаться в том, что, как ему кажется, он знает. Ее игровая площадка — область ограничений, принуждений и стереотипов человеческого интеллекта, ложных теорий и культуры ошибок, в которые она вводит противника. Изменение когнитивных процессов служит основой для реального действия, которому способствует сила цифрового. Сила влияния указанных «тектонических» информационно-психологических процессов на массы может быть сопоставима с фактическими военными действиями [3, 4].

Поэтому с целью формирования и развития эффективной институциональной базы исследований когнитивной войны, способствующей накоплению ресурсов для победы в ней, необходимо учитывать следующие ключевые аспекты [5]:

1. Важность использования профилактических и превентивных мер, направленных на исследования информационно-психологических влияний в цифровом пространстве.

2. Подверженность человеческого мозга ограничениям, пристрастиям и иным слабостям, которые могут стать объектом внешнего воздействия.

3. Учет временных ограничений, отведенных на размышление, с целью мобилизации рациональных процессов, при повышении важности частично ошибочных форм мышления.

4. Затраты энергии и инвестиций различных ресурсов на процессы обеспечения безопасности, которые, на первый взгляд, могут показаться излишними могут стать лучшими союзниками в когнитивной войне.

5. Гибкие формы взаимодействия человека и машины — единственный путь к развитию в когнитивной войне, при этом важнейшую проблему интерпретируемости может помочь решить развитие у обучающих систем умения идентифицировать экспертов, с целью адаптации к их особенностям и специфике их когнитивных характеристик: личности, возрасту, мнемоническим особенностям, чувствительности к

звукам или образам, насыщенности внимания, устойчивости к утомлению и стрессам и др.

6. Технические пути победы в когнитивной войне лежат, с одной стороны, в развитии способности машин лучше объяснять, устанавливать поддерживаемое доверие, легче общаться, даже понимать скрытые намерения и эмоции людей, а с другой стороны, в новой культуре принятия машин людьми.

7. Расширение сотрудничества всех участников (от научных институтов до государственных корпораций) наряду с теоретическим и практическим исследованием и прикладной апробацией полученных данных должны стать основой победы в когнитивной войне.

8. Гуманитарные науки сегодня могут обеспечить важнейшую образовательную подготовку, чтобы противостоять боевым реалиям. Преимущества сегодня обеспечиваются не только через технологии, но и с точки зрения идентичности, познания, культуры, коллективной психологии и народной воли.

9. Современные исследования когнитивной войны должны учитывать тип и специфику причинной связи, лежащей в основе взаимодействия психологии и кибернетики.

10. Приобретение ситуационной осведомленности является примером когнитивного процесса, который мобилизует внимание, память и иные навыки. При этом, в среде, где построение и поддержание общего понимания ситуации в нормальных условиях является сложной задачей, ее осознание представляет собой уязвимость команды, что может использоваться в когнитивной войне. Поэтому важнейшая задача защиты состоит в том, чтобы найти методы и инструменты для укрепления коллективной сплоченности, а также для обеспечения надежности и безопасности информационных систем.

11. С распространением кибервойн и социальных противостояний, становится все труднее объяснить и убедить, зачем кому-то нужно воевать с кем-то физически, но, вместе с этим, все легче «переключить» человеческое мышление с одного направления на другое в целях манипуляций знаниями, мнениями или убеждениями.

Подводя итог, важно отметить, что остаться в стороне и не признавать очевидную роль информационного пространства в формировании мировоззрения человечества невозможно. При этом, лишь объединив усилия в рамках институций, технологических платформ и различных отраслей в когнитивной войне у России есть шансы преуспеть в сложившихся реалиях.

Список литературы

1. COGNITIVE WARFARE : THE FUTURE OF COGNITIVE DOMINANCE. — URL: <https://2050.su/cognitive-warfare-the-future-of-cognitive-dominance/> (дата обращения 20.09.2023).

2. Нисбетт, Р. Е. Росс, Л. (1980). Человеческий вывод: стратегии и недостатки социального суждения. Энглвуд Клиффс (Нью-Джерси, США) : Прентис-Холл. — URL: <https://www.jstor.org/stable/2392481> (дата обращения 20.09.2023).
3. Эндсли, М. (2017). Отсюда к автономии: уроки, извлеченные из исследований человека и автоматизации. Человеческий фактор / 59, 1. — С. 5-27.
4. Эндсли, М. (2015). Неправильные представления и непонимание ситуации. Журнал познания Инжиниринг и принятие решений, 9, 1. — С. 4-32
5. Беллет, Т. Майенобе, П. Грюйер, Д., Борнар, Дж. К., Клавери, Б. (2011). Парадигма живого познания : приложение к компьютерному моделированию мыслительной деятельности водителей. Обзор образования США и Китая, 1, 4. — С. 568-578.

УДК 159.9

ЛИЧНОСТНЫЕ СВОЙСТВА, СПОСОБСТВУЮЩИЕ НЕРАЗЛИЧЕНИЮ ЛЖИ

Яновский М. И., канд. психол. наук, доц., **Малишевская Е. В.**
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
m.i.yanovsky@mail.ru

Введение. В наше время происходит своего рода глобальное социальное тестирование на способность различения правдивой и ложной политической информации, и раскол на прошедших и не прошедших этот «тест» является одной из главных причин современного политического противостояния. Удивительным фактом является наличие большого количества людей:

- 1) которые при минимуме информации не поддаются «гипнозу» лжи;
- 2) и тех, которые, наоборот, даже перед лицом очевидных фактов легко становятся или остаются жертвами обмана.

Напрашивается объяснение, что существуют внутриличностные психологические механизмы различения или неразличения лжи, и порой они сильнее владения объективной информацией.

Сначала обоснуем и изложим наше теоретическое понимание феномена лжи.

Для характеристики данного феномена удобно использовать категории «форма» и «содержание». Ложь — это создание и использование форм (слов, образов), которые не раскрывают, а маскируют содержание (создают фиктивные формы). В этом смысле ситуация лжи создаёт некую асимметричность: возможно мысленное прослеживание того, как лгуший от содержания переходил к фиктивной форме, но невозможно от этой фиктивной формы вернуться к исходному содержанию. Смысл обмана в том, чтобы не допустить реципиента до

этого содержания. Поэтому обманывающий становится «спрятанным», он находится вне того искусственного «мирка», который создаётся им для обманываемого. Тем самым обманывающий и обманываемый оказываются как бы не на равных. Ситуация лжи асимметрична, в ней нет обратимости, поэтому она в целом характеризуется также неравновесием. Всё это отражается в состояниях участников ситуации лжи, например, в переживании неравенства отношений: обманывающий чувствует себя как бы выше, чувствует своё превосходство, обманываемый чувствует себя ограниченным чем-то, лишённым свободы действий или прав, будто находящимся в некоем виртуальном коконе. Обман переживается как превышение власти одной стороной, и безосновательное ограничение свободы другой стороной. По наличию в ситуации чьего-то как бы беспричинно самоутверждающегося поведения можно, по-видимому, опознать возможное наличие обмана в ситуации, при отсутствии его явных признаков. С другой стороны, ощущение попадания в виртуальный кокон (искусственный «мирок», создаваемый обманщиком для жертвы обмана) может создавать у обманываемого иллюзию защищённости. Поэтому состояние «быть обманутым» может иметь свою иллюзорную парадоксальную привлекательность. Возможно, это является причиной того, что человек держится за обман даже перед лицом очевидных опровергающих фактов.

Эксперимент. Исследование проводилось весной 2023 года. В исследовании приняли участие 16 девушек и 4 юноши (студенты ВУЗов, средний возраст — 20 лет). Испытуемым предъявлялись 10 настоящих и 10 фейковых новостей. Предлагалось отобрать в этом списке ложные и правдивые новости. По итогу испытуемых делили на две условные группы. В группу «хорошо распознающих правду и ложь» испытуемый попадал при правильной оценке 8 и более правдивых или ложных «новостей». Соответственно, в группу «плохо распознающих правду и ложь» испытуемый попадал при правильном распознавании правдивости-ложности менее 8 «новостей». Количество 8 было выбрано для разделения всей выборки на 2 равные по объёму части.

Пример правдивой новости: «Нейронная сеть, обученная на данных Марса, обнаружила до сих пор неизвестные геологические формации на планете». Пример ложной (фейковой) новости: «Искусственный интеллект разработал новый язык, который только дети могут понимать и использовать».

Для характеристики личностных особенностей испытуемых использовался тест-опросник самооотношения В.В. Столина и С.Р. Панталеева (использовались и другие методики; результаты по ним будут изложены в других публикациях).

Результаты. Результаты по тесту-опроснику самооотношения: по всем показателям самооотношение у лиц, плохо распознающих ложь,

оказалось более высокого уровня (в частности, по суммарному показателю «Глобальное самоотношение» на уровне $p \leq 0.03$) (рис.).

Рис. Средние баллы плохо различающих ложь и хорошо различающих ложь по методике Опросник самоотношения В.В. Столина и С.Р. Пантिलеева.

Это соответствует нашей модели ситуации лжи, в которой одним из характерных свойств её структуры предположительно является неравенство статусов двух субъектов — обманщика и обманываемого. Завышенный уровень самоотношения у плохо различающих ложь — признак возможного принятия для себя позиции неравенства как нормы. Принимая такую позицию как норму, человек, мы полагаем, может быть склонен также принимать ситуацию лжи, как соответствующую данной позиции по своей психологической структуре. Несмотря на парадоксальность, но возможна трактовка, что человеку с завышенным самоотношением правда дискомфортна, поскольку она уравнивает и лишает чувства особенности, отдельности. Ложь создаёт психологический барьер между субъектами, но барьер как раз способствует удержанию завышенного самоотношения. Также может быть, что завышенный уровень самоотношения, давая человеку личностное удовлетворение, в то же время способствует блокировке работы рефлексии. Тем самым часть психического аппарата исключается из участия в отражении информации, субъект воспринимает информацию с частной ограниченной, иногда случайно выбранной, позиции, которую не может изменить в силу блокированности рефлексии. Такой человек становится жертвой обмана с большей вероятностью.

Заключение. Таким образом, различение-неразличение лжи по-видимому зависит не только лишь от адекватности и точности когнитивных функций, но и от личностных структур человека. Ложь — искажение информации, но это и попытка скрытой власти, управления поведением или сознанием другого человека ради какой-то цели, поэтому

она также является выстраиванием несимметричных отношений, отношений неравенства. По-видимому, обусловленная какими-либо причинами склонность к неравным отношениям, или нечувствительность к нарушениям равновесия в межсубъектных отношениях делают ситуацию лжи для личности психологически приемлемой, близкой, привлекательной, что затрудняет различение правды-лжи. (Собственно, в различных формах мошенничества это давно известно: чтобы сделать человека жертвой обмана, нужно возвысить его самооценку, так, чтобы он почувствовал себя выше других, стал считать себя исключительным.).

Психология в образовании: проблемы, возможности и перспективы

УДК 159.9.072.433

ВЛИЯНИЕ САМООЦЕНКИ, ТРЕВОЖНОСТИ И ЛОКУСА КОНТРОЛЯ НА ВЕРБАЛЬНУЮ И НЕВЕРБАЛЬНУЮ КРЕАТИВНОСТЬ (ДИСПЕРСИОННЫЙ АНАЛИЗ)

Безродный В. И., канд. психол. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
bezrodnyu@rambler.ru

Введение. Особый интерес в научном плане представляет изучение влияния самооценки [6], тревожности [2] и локуса контроля [4, 7] на вербальную и невербальную [1,3] креативность у старшеклассников.

Исследования проводились в лицее при ДонГУ до перехода на дистанционное обучение вследствие военных действий. В исследовании приняли участие учащиеся 10 классов филологического и физико-математического профиля, возраст 15–16 лет. Количество испытуемых 68 человек.

Основная часть. После проведения дисперсионного анализа [5] с целью выявления коэффициентов влияния самооценки, тревожности и локуса контроля на вербальную креативность были получены данные, приведенные в таблице 1.

Таблица 1

Результаты дисперсионного анализа влияния личностных особенностей на вербальную креативность

Параметры	<i>F</i>эмп	<i>p</i>≤
Самооценка	6,6	0,01
Ситуативная тревожность	6,3	0,01
Личностная тревожность	2,4	–
Локус контроля	6,5	0,05

Анализируя результаты, представленные в таблице 1, можно утверждать, что на вербальную креативность оказывают влияние такие личностные особенности, как самооценка ($p \leq 0,01$), ситуативная тревожность ($p \leq 0,01$) и уровень субъективного контроля ($p \leq 0,05$). Следует отметить, что дисперсионный анализ показал, что коэффициент влияния личностной тревожности на вербальную креативность является незначительным.

Таким образом, можно утверждать, что наибольший коэффициент влияния на вербальную креативность имеет самооценка. Это означает, что

адекватно высокая самооценка способствует формированию креативности личности. То есть, если человек адекватно оценивает свои способности, возможности, успехи, результаты своей деятельности, то у него возникают предпосылки для развития у себя творческого потенциала.

Также с помощью дисперсионного анализа нам удалось выявить значимый коэффициент влияния ситуативной тревожности на вербальную креативность. Из этого следует, что низкий уровень ситуативной тревожности соответствует высоким показателям вербальной креативности. То есть ученики, которые в ситуациях, требующих от них высокой мобилизации сил и возможностей, действуют последовательно и сосредоточенно, обладают высоким уровнем развития креативных способностей. Следует отметить, что сдержанность и максимальная собранность в ситуациях стресса способствует раскрытию творческого потенциала личности.

С помощью проведенного дисперсионного анализа нам удалось выявить значимый коэффициент влияния уровня субъективного контроля на вербальную креативность. Таким образом, мы можем утверждать, что наличие интернального локуса контроля влияет на развитие креативности. То есть, школьники, которые считают себя ответственными за происходящее с ними, устанавливают связь между собственными качествами и проявленными усилиями с результатами деятельности, обладают высокими показателями творческих способностей.

В результате проведения дисперсионного анализа с целью выявления влияния самооценки, тревожности и локуса контроля на невербальную креативность были получены результаты, представленные в таблице 2.

Таблица 2

Результаты дисперсионного анализа влияния личностных особенностей на невербальную креативность

Параметры	<i>F</i> эмп	$p \leq$
Самооценка	6,3	0,01
Ситуативная тревожность	5,9	0,01
Личностная тревожность	5,7	0,01
Локус контроля	7,2	0,01

Анализируя данные, представленные в таблице 2, можно утверждать, что на невербальную креативность оказывают влияние такие личностные особенности, как самооценка ($p \leq 0,01$), ситуативная тревожность ($p \leq 0,01$), личностная тревожность ($p \leq 0,01$) и уровень субъективного контроля ($p \leq 0,01$).

Таким образом, можно утверждать, что наибольший коэффициент влияния на невербальную креативность имеет локус контроля. Это означает, что наличие интернального локуса контроля может обуславливать развитие творческих способностей. То есть ученики,

которые проявляют большую когнитивную активность, являются более последовательными и продуктивными в ситуациях принятия решения, имеют большой потенциал для развития креативности.

Заключение. С помощью дисперсионного анализа нам удалось выявить значимый коэффициент влияния самооценки на уровень развития невербальной креативности. То есть ученики, которые высоко оценивают свои достижения и результаты, могут найти в себе потенциал для развития не только способностей, необходимых для обучения в лицее, но и творческих способностей, необходимых для становления полноценной личности.

Также с помощью проведенного дисперсионного анализа удалось выявить значимые коэффициенты влияния ситуативной и личностной тревожности на показатели невербальной креативности. Таким образом, можно утверждать, что низкий уровень ситуативной тревожности способствует развитию невербальной креативности.

Список литературы

1. Альбрехт, Н. В. Компонентное содержание вербальной креативности как уровень интеллектуального развития обучающихся — будущих педагогов / Н.В. Альбрехт, И.М. Кондюрина, С.И. Калинин // Педагогический журнал. 2022. Т. 12. № 4А. — С. 710-718. DOI: 10.34670/AR.2022.61.32.086
2. Быховец, Ю. В. Личностная тревожность и регуляция эмоций в контексте изучения посттравматического стресса [Электронный ресурс] / Ю.В. Быховец, М.А. Падун // Клиническая и специальная психология. 2019. Том 8. № 1. — С. 78–89. doi: 10.17759/psyclin.2019080105.
3. Дружинина, С. В. Интеллект, креативность и личностные свойства как факторы реальных достижений : автореферат дис. ... кандидата психологических наук : 19.00.01 / Дружинина Светлана Владимировна; [Место защиты: Ин-т психологии РАН]. — Москва, 2016. — 26 с.
4. Кочуров, М. Г. Связь копинг-стратегий с локусом контроля / М.Г. Кочуров // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 1–2 (91). — С. 40–43.
5. Кричевец, А. Н. Основы статистики для психологов / А. Н. Кричевец, А. А. Корнеев, Е. И. Рассказова. — Москва : Акрополь, 2019. — 286 с. — ISBN 978-5-98807-086-3
6. Лесникова, А. А. Самооценка и ее роль в формировании личности / А. А. Лесникова, С. Г. Куприянова. — Текст : непосредственный // Юный ученый. — 2021. — № 5 (46). — С. 88-90. — URL: <https://moluch.ru/young/archive/46/2499/> (дата обращения: 07.08.2023).
7. Савина, Ю. В. Локус контроля в понимании современной психологии / Ю. В. Савина, Е. В. Щетинина. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 42 (437). — С. 219-223. — URL: <https://moluch.ru/archive/437/95622/> (дата обращения: 07.08.2023).

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ФОРМИРОВАНИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ СУБЪЕКТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Белоус О. В., канд. психол. наук, доц.,

Вареца Е. С., канд. психол. наук, доц.

ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»,

г. Армавир, РФ

belous_a@inbox.ru; lena-zima09@mail.ru

Одним из результатов современного образования должно стать воспитание конкурентоспособности, социальной ответственности, инициативности и компетентности у граждан, которые являются основой инновационного развития экономики страны и общества в целом. Решением данного вопроса в системе образования будет реализация личностно-ориентированного и компетентностного подходов.

Ведущим методологическим подходом, который необходимо актуализировать, становится компетентностный подход, связанный с резким изменением целевого акцента современного образования, направленного не на учебные знания и умения, а на формирование компетентности, которая может пониматься как определенная система психологических свойств, которая, включающая по мнению В.В. Семикина, в себя «...минимум социально-психологических знаний и умений их использовать для достижения успеха в различных формах взаимодействия с миром, другими людьми и самим собой» [3].

Нацеливаясь на создание в образовательном учреждении здоровой, безопасной психологической среды, необходимо понимать прежде всего важность психологического здоровья всех сторон, которые входят в образовательный процесс: обучающиеся, родители и педагоги.

Термин «психологическое здоровье» был введен в ситуации приоритетного внимания к качеству здоровья человека, и его психологической части, появляются работы Б.С. Братуся, И.В. Дубровиной, А.И. Захарова, А. Маслоу, В.Э. Пахальяна, В.И. Слободчикова, Д.И. Фельдштейна, О.В. Хухлаевой, А.В. Шувалова и других. Этот феномен рассматривается во взаимосвязи со становлением всех структур личности, с формированием у человека позиции субъекта не только деятельности, но и жизни с учетом уникальных социальных условий. Все это дает возможность для выделения собственно психологического аспекта в проблеме здоровья человека, что отличается от других аспектов, таких как медицинский, социологический или философский: «Психологическое здоровье является результатом глубинного взаимодействия развития,

обучения и воспитания детей и школьников и обусловлено, с одной стороны, характером их психического здоровья, с другой стороны, определенным уровнем их психологической грамотности и психологической культуры развивающейся личности» [3].

Рассматривая психологическое здоровье, И.В. Дубровина подчеркивает, что именно оно может позволить личности постепенно сформировать позицию самодостаточности, когда нормы извне интериоризируются, ориентация своего поведения и отношений переходит на самоориентир, в основе которых лежит внутреннее осознание. Психологическое здоровье интегрирует такие разные показатели качества жизни, когда человека интересует жизнь, у него есть свобода мысли и инициатива, увлечения, связанные с научной или практической деятельностью, он может быть активным и самостоятельным, ответственным и способным к риску, он верит в себя и уважает другого, в то же время, он разборчив в тех средствах, которые ведут к достижению цели, он способен на сильные чувства и переживания, с одной стороны, осознает свою индивидуальность, с другой — ощущает своеобразие всех окружающих его людей.

Другой подход у О.В. Хухлаевой, которая при описании психологического здоровья выделяет «баланс», как «ключевое» слово. Он должен быть в эмоциональном, интеллектуальном, телесном и психическом состояниях человека: «Психологическое здоровье представляет собой динамическую совокупность психических свойств человека, обеспечивающих гармонию между потребностями индивида и общества, являющихся предпосылкой ориентации личности на выполнение своей жизненной задачи» [3].

У психологически здорового человека есть творческое начало, он может проявлять жизнерадостность и веселье, открыт для опыта в познании себя и окружающего мира не только через разум, что привычно, но и «включая» чувства и интуицию. Безоговорочное принятие самого себя соединяется с признанием ценности и уникальности других людей. У такого человека есть ответственность, прежде всего за свою жизнь, неблагоприятные ситуации становятся для него уроками. Постоянное развитие психологически здорового человека, приводит к развитию людей вокруг него. Жизнь при этом бывает трудной, с кризисами и стрессами, но у такого человека есть ресурсы для приспособления к изменениям в условиях жизни [2].

В психологическое здоровье субъекта входит не только удовлетворенность познавательных потребностей, но и возможность реализовать социальные потребности в общении, психологические потребности уважения своего человеческого достоинства, учет его чувств и переживаний, интересов и способностей.

Рассматривая витальный уровень жизнедеятельности, можно говорить о динамическом равновесии между всеми функциями внутренних органов, появляется адекватное реагирование на воздействие на стимулы из внешней среды, стремление поддержать гомеостатическое состояние всего организма в целом. При любых отклонениях от нормы могут появиться болевые реакции, которые имеют защитные свойства и предупреждают о нарушениях в работе какого-то органа или в целом организма. Организм взаимодействует с окружающим его физическим миром и, от качества этого взаимодействия будет зависеть процесс самоопределения на витальном уровне, актуализируя поведенческие реакции человека, направленные на реализацию биологических потребностей. В психологии у разных авторов этот способ самоопределения связан с понятиями: у Конопкина О.А. и Морсановой В.И. — саморегуляция, у Посоховой С.Т. — адаптогенная ситуация, у Павлова И.П. - детерминация поведения, у Вильсона Е.О. — генетическая обусловленность, у Фрейда З. — либидо — танатос, у Дарвина Ч. — видовое самосохранение.

Таким образом, можем утверждать, что психологическое здоровье субъекта образовательного процесса рассматривается как основа его жизнеспособности, которая проявляется в активной позиции при решении сложных жизненных задач: управление своим телом, контроль поведения, проявление ответственности, развитие качеств личности. Психологическое здоровье становится одним из условий благополучия и гарантии успешности человека, поэтому психологическая безопасность и здоровье участников образовательного процесса должно входить в обязательный целевой ориентир работы специалистов психологической службы организации как показатель качества образования [1].

Список литературы

1. Буслаева, М.Ю. Психологическая безопасность образовательной среды : условия, механизмы, риски и угрозы / М.Ю. Буслаева. — Челябинск : Издательский центр «Титул», 2021. — 107 с. — ISBN 978-5-6046748-5-7
2. Васильева, О.С. Психология здоровья человека : Феномен здоровья в культуре, психологической науке и обыденном сознании / О.С. Васильева, Ф.Р. Филатов. — Ростов н/Д, 2005. — 462 с. — ISBN: 5-98615-001-5
3. Психология здоровья : учебник для вузов / под ред. Г.С. Никифорова. — Санкт-Петербург, 2006. — 607 с. — ISBN 5-318-00668-X

ВЛИЯНИЕ ТРЕВОЖНОСТИ НА РАЗВИТИЕ КРЕАТИВНОСТИ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Бухарова И. С., канд. пед. наук, доц.

ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»,

ГАОУ ДПО СО «Институт развития образования», г. Екатеринбург, РФ

Inessa71@mail.ru

Введение. Проблема тревожности сегодня актуальна настолько, что можно назвать её «проблемой века». В дошкольном возрасте высокий уровень тревожности препятствует позитивной социализации ребенка, формируя не уверенного в себе человека. И учение, и развитие личности ребенка наилучшим образом протекает, когда тревожность находится на оптимальном уровне, и когда ребенок имеет высокий уровень развития креативности, позволяющий ему в процессе творчества стабилизировать свое эмоциональное состояние.

Цель работы — выявление взаимосвязи между креативностью и тревожностью детей старшего дошкольного возраста.

Основная часть. Рассмотрим основные понятия изучаемой проблемы исследования.

Тревожность (готовность к страху) — состояние целесообразного подготовительного повышения сенсорного внимания и моторного напряжения в ситуации возможной опасности, обеспечивающее соответствующую реакцию на страх. Склонность индивида к переживанию тревоги, характерная низким порогом возникновения тревоги; один из основных параметров индивидуальных различий [2].

Учеными выделяются различные причины возникновения тревожного состояния детей — социально-культурные, психологические и биологические [4]. Данный аспект проблемы изучали такие авторы, как А.И. Захаров, М.А. Камбурова, Н.Л. Кряжева, Е.В. Серегина, С.Д. Смирнов, Х. Хекхаузен и др.

Креативность определяется как способность удивляться и познавать, умение находить решение в нестандартных ситуациях, это нацеленность на открытие нового и способность к глубокому осознанию своего опыта.

Большое внимание уделяется влиянию различных факторов на развитие креативности. Одним из таких факторов является высокий уровень тревожности. Существуют две точки зрения на проблему взаимосвязи тревожности и креативности.

Воображение является компонентом творчества, без которого немислимо создание нового. И развитие воображения таит в себе некоторые опасности. Одна из них — это появление детских страхов и

тревожности. Появление тревожности является спутником своего рода, показателем развивающегося воображения. Отсюда, креативность обуславливает появление тревожности у детей в дошкольном возрасте.

В литературе имеются данные о том, что люди с высоким уровнем способностей, особенно творческих, отличаются и достаточно высоким уровнем тревожности [1].

Люди, испытывающие боязнь неудачи, отрицательной оценки со стороны окружающих, и, наконец, чувство тревоги, не могут творить. Таким образом, для проявления творческих способностей необходим оптимальный уровень тревожности.

Как следует из вышеизложенного, с одной стороны креативность способствует появлению тревожности, а с другой стороны — тревожность мешает развитию творческих способностей. В данном исследовании мы придерживаемся второй точки зрения на проблему соотношения креативности и тревожности. По мнению А.И. Захарова: «Жить в страхе — это все равно, что постоянно оглядываться назад, исходить из своего травмирующего прошлого и не видеть будущего, его жизнеутверждающего начала. Человек уже не способен там, где нужно пойти на риск, следовать непроторенными путями, не пугаться тайн и сомнений, т. е. не способен ко всему тому, что составляет основу творческого и в более широком плане созидательного процесса» [3].

Таким образом, мы предположили, что:

1) для успешного развития креативности необходим оптимальный (средний) уровень тревожности;

2) высокая тревожность мешает развитию креативности, то есть обуславливает низкий уровень развития креативности;

3) таким образом, креативность и тревожность взаимосвязаны.

Для исследования креативности мы использовали методику Е.П. Торренса, которая является наиболее надежной и валидной в мировой психологической практике. Для диагностики уровня развития тревожности мы выбрали методики Темл, Амен, Дорки «Выбери нужное лицо», Тест «Дом. Дерево. Человек» (симптомокомплекс Тревожность»). В опытной работе принимало участие 90 детей в возрасте 6 лет.

Для более полного представления о соотношении креативности и тревожности остановимся на результатах корреляционного анализа.

Корреляционный анализ показал, что очень высокозначимая корреляция выявлена между тревожностью, определенной по методике «Выбери нужное лицо» и вербальной креативностью по показателям Гибкость и Оригинальность и образной креативностью по показателю Оригинальность. В большинстве случаев имеет место значимая корреляция, что подтверждает гипотезу о взаимосвязи креативности и тревожности.

В результате сопоставления вербальной и образной креативности мы выявили две группы испытуемых: 1 группа — дети со средним уровнем развития креативности (86%) и 2 группа — дети, имеющие результаты несколько ниже средних (14%). Таким образом, у всех испытуемых имеется средний уровень развития креативности, а испытуемых с высокими результатами не выявлено.

Сопоставление результатов исследования уровня развития тревожности по двум методикам показало, что большинство детей (86%) имеют высокий уровень тревожности, а остальные — средний.

И второе положение гипотезы о том, что для успешного развития креативности необходим оптимальный уровень тревожности, а высокая тревожность мешает этому, также подтвердилось. Большинство испытуемых — высокотревожные дети, у которых креативность развита на среднем уровне и ниже среднего уровня; а у детей, у которых выявлен средний уровень тревожности, креативность развита в пределах нормы.

После математико-статистической обработки данных, которая включала в себя подсчет коэффициентов ранговой корреляции по формуле И. Спирмена, мы пришли к выводу, что связь между креативностью и тревожностью существует. Это подтверждает нашу гипотезу о взаимосвязи этих двух процессов.

Заключение. Таким образом, в результате исследования мы выявили, что тревожность является негативным фактором, влияющим на развитие креативности, и поэтому необходимо снижать уровень тревожности у детей не только для успешного развития творческих способностей, но и для нормального психического развития.

Для коррекции тревожности можно использовать игровую коррекцию страхов и поведения, с использованием ролевых и подвижных игр, элементов психодрамы, и методику рисования страхов, разработанную отечественным психологом А.И. Захаровым [2]. Также можно выделить программу по коррекции страхов и тревожности у детей с использованием метафор М.А. Камбуровой [3].

Список литературы

1. Дружинин, В. Н. Метафорические модели интеллекта / В. Н. Дружинин // Психологический журнал. — 1996. — №6. — С. 44-52.
2. Захаров, А. И. Предупреждение отклонений в поведении ребенка / А.И. Захаров. — 3-е издание, исправленное. — Санкт-Петербург : Союз : Лениздат, 2000. — 224 с. — (Психология ребенка) — ISBN 5-940330-20-7.
3. Камбурова, М. А. Коррекция страхов и тревожности у младших школьников с использованием метафор / М. А. Камбурова // Знание — сила. — 2002. № 1. — С. 33-36.

РАЗВИТИЕ МЫШЛЕНИЯ СЛУШАТЕЛЕЙ КУРСОВ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ КАК УСЛОВИЕ АКТИВИЗАЦИИ ПОТРЕБНОСТИ ЛИЧНОСТНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМОСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Ворвуль М. П.

ФКУ ДПО «Кировский институт повышения квалификации работников
ФСИН России», г. Киров, РФ
vorvulm@mail.ru

Введение. Повышение квалификации сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации является одним из элементов поддержания их профессионального уровня и совершенствования качества исполнения должностных обязанностей. Обучение по программам повышения квалификации организуется, в большей части, в учреждениях высшего и дополнительного профессионального образования. Зачастую, слушатель, окончивший обучение в образовательной организации, тем самым завершает и личный процесс образования. Перед коллективом института повышения квалификации ставится задача не только передать знания по профессии, но и способствовать самосовершенствованию личности в период выполнения им должностных обязанностей по месту службы.

Основная часть. Психолого-педагогическое сопровождение обучающихся, направленное на развитие потребности в самосовершенствовании, многоаспектное явление. Одним из элементов, в постижении возможных побудительных мотивов, является изучение психологических процессов. В частности, мышления. Процесс мышления исследовали психологи разных эпох. Однако, наиболее значимым, стал вклад в науку советского педагога и психолога Л.С. Выготского. Обратившись ко второму тому из собрания сочинений «Мышление и речь» [1], приходим к пониманию значения исследуемого понятия. Под мышлением ученый подразумевает процесс познания окружающего мира через отражение связей предметов и явлений.

Психолого-педагогическое сопровождение в ходе обучения, ориентированное на организацию процесса познания учебного материала, помимо прочего, неразрывно связано с формированием новых, взаимосвязанных с уже имеющимися приемами и способами развития и саморазвития личности.

Психолог, организующий сопровождение, изучает процесс формирования связей между приемами, используемыми педагогом и новыми моделями поведения в ходе познавательной деятельности

слушателя. Обозначив целью сформировать потребность в профессионально-личностном самосовершенствовании специалиста, психолог изучает психические процессы во всей их многогранности.

Анализ мышления обучающегося, наряду с иными психическими процессами, позволяет сформировать индивидуальный подход к слушателю. Для этого, необходимо проанализировать виды, формы, основные мыслительные операции и индивидуальные особенности мышления.

Обратимся к работе Черемисовой И.В. [3], в которой автор перечисляет виды мышления в зависимости от стадии возникновения:

1. Наглядно-действенное мышление: для включения мыслительных процессов сотрудник должен иметь возможность организовать наблюдение за происходящим, в том числе, принимая непосредственное участие в работе. Например, понаблюдать за процессом создания документов в программном комплексе, а затем самостоятельно составлять аналогичные документы.

2. Наглядно-образное мышление может быть задействовано при выстраивании планируемой программы дальнейшего развития личности специалиста, когда формирование образа конкретной цели находит воплощение в ее реализации.

3. Словесно-логическое мышление реализуется через выстраивание взаимосвязей объектов познания, посредством взаимодополняющих образов. Неотъемлемой частью модели самосовершенствования личности сотрудника, станут такие понятия, как саморазвитие, успех, карьерный рост, прогресс, результативность, интеллектуальное развитие и многие другие.

Включение в аналитическую работу всех форм мышления (понятия, суждения, умозаключения) способствует переходу от простых операций с терминами и определениями к построению новых умозаключений.

Формирование понятий расширяет профессиональное поле сотрудника через отражение свойств предметов высвечивая их существенные характеристики. Так, например, в ходе повышения квалификации, слушатель знакомится с терминами, используемыми в федеральных законах и нормативных правовых актах.

Суть понятия заключена в суждении. Две неразрывно связанные формы образуют простейшую логическую связь. Осознание понятия происходит через осознание суждения. В ходе обучения термин познается через его определение, через понимание сути явления.

Возможность формулирования умозаключения расширяет познавательный горизонт обучающегося. Собственные умозаключения, особенно, возникшие в ходе напряженной умственной деятельности, способствуют стимулированию дальнейшей познавательной активности, повышая общий уровень заинтересованности и стимулируя к дальнейшей работе.

Реализуя индивидуальный подход к личности, в ходе организации сопровождения, проводится анализ индивидуальных особенностей мыслительной деятельности обучающихся. Ефимова Н.С. выделяет четыре вида особенностей [2].

Во-первых, оценивается возможность самостоятельного мышления. Предлагая для решения проблемную ситуацию профессиональной деятельности, психолог приходит к выводу об умении сотрудника поставить новый вопрос с выработкой дальнейших путей решения, с опорой на свои знания и возможности.

Во-вторых, оценивается гибкость мышления. Войдя в ситуацию профессиональной деятельности, осознав невозможность действовать по шаблону, сотрудник вырабатывает один или несколько вариантов решения. Он анализирует причины, не позволяющие действовать по стандартной схеме, применяет новые методы.

Третьей особенностью является критичность мышления, как анализ и оценка собственных умозаключений, выводов, выработанных алгоритмов и приемов, а также высказываний, сделанных одноклассниками. Способность сотрудника всесторонне оценить сложившуюся ситуацию, соотнести решения с требованиями законодательства, морально-этическими правилами поведения — все это свидетельствует о развитости у него критичного мышления.

Быстрота мышления — четвертая особенность. В условиях ограниченного времени, сотруднику необходимо уметь быстро оценивать ситуацию, принимать верные решения, отдавать команды.

Заключение. Понимание психологом особенностей развития мышления слушателей позволит не только сформировать необходимый объем знаний и умений обучающегося по программе повышения квалификации, выстроить качественную психолого-педагогическую программу развития личности сотрудника, но и сформировать ориентиры саморазвития специалиста.

Список литературы

1. Выготский, Л.С. Собрание сочинений: в 6-ти т. Т. 2 Проблемы общей психологии / Л.С. Выготский // под. ред. В.В. Давыдова. — Москва : Педагогика, 1982. — 504 с.
2. Ефимова, Н.С. Основы общей психологии: учебник / Н.С. Ефимова. — Москва : ИД «ФОРУМ» : ИНФРА-М, 2013. — 288 с. — ISBN 978-5-8199-0301-8, ISBN 978-5-16-002846-0
3. Черемисова, И.В. Общая психология : структура компьютерной презентации : учебное пособие / И.В. Черемисова. — Ульяновск : Зебра, 2023. — 182 с. — ISBN 978-5-6050351-3-8

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНТОВ СЕЛЬСКОЙ И ГОРОДСКОЙ МЕСТНОСТИ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Глухова А. М., Казакова И. В., канд. психол. наук
ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет», г. Омск, РФ
omgpu@omsk.edu

Изучение ценностных ориентаций студентов, под которыми понимаются убеждения в том, что какая-то конечная цель индивидуального существования с личной и общественной точек зрения стоит того, чтобы к ней стремиться [3], является важным для понимания того, как место проживания и гендерные различия могут оказывать влияние на ценностные установки людей. Понимание специфики ценностных ориентиров первокурсников в свою очередь необходимо для разработки эффективных методов психолого-педагогического сопровождения процессов адаптации первокурсников к новой учебной жизни.

Для изучения ценностных ориентаций студентов воспользовались методикой Е.Б. Фанталовой «Уровень соотношения "ценности" и "доступности" в различных жизненных сферах» [1].

В исследовании приняли участие студенты первого курса факультета математики, информатики, физики и технологий ОмГПУ в количестве 60 человек (городских – 32%, сельских – 68%, юношей – 27%, девушек – 73%).

Изучение ценностных ориентаций студентов-первокурсников показало, что наиболее важными для них в данный момент времени являются такие жизненные сферы, как «счастливая семейная жизнь» (7,35 ср. б.) и «здоровье» (7,18 ср. б.). Данное распределение объясняется возрастными особенностями юношеского возраста, одним из новообразований которого является установка на сознательное построение собственной жизни. Далее, в порядке ослабления интереса — «любовь» (6,77), «наличие хороших и верных друзей» (6,37), «уверенность в себе» (6,26). Последние три места рейтинга занимают «творчество» (3,59), «активная жизнь» (3,2) и «красота природы и искусства» (1,49). Примечательно, что «активная жизнь» занимает предпоследнее место, что не совпадает со сложившимися общественными стереотипами о жизненных приоритетах юношей и девушек и начале студенческой, самостоятельной жизни.

Далее исследовательская работа была направлена на выявление различий между девушками и юношами по степени выраженности значимых сторон жизни. Для девушек, по сравнению с юношами, наиболее важной является «счастливая семейная жизнь», по этому параметру

выявлены статистические различия (7,83 и 6,88 ср.б.; коэффициент Манна-Уитни $U_{Эмп}=323,5$, при $p<0,05$), что можно объяснить имеющимися в культуре стереотипами о значимости семьи для девушек. У обеих групп параметр «любовь» занимает третье место в рейтинге ценностей, где у девушек выявлены более высокие показатели, по сравнению с мужской выборкой (7,8 и 6,24 ср.б.; $U_{Эмп}=309,5$, при $p<0,05$), обнаруженные значимые статистические различия позволяют говорить о большей важности любви для девушек. Также полученные результаты свидетельствуют о большей важности для девушек, по сравнению с юношами, «материальной обеспеченности» (6,15 б. и 4,59 б.) и «интересной работы» (3,89 б. и 3,43 б.), занимающие шестое и девятое место в «рейтинге».

Аналогичный анализ был проведён для групп студентов, образованных по признаку места жительства. Полученные результаты свидетельствуют о большей важности для сельских юношей и девушек «счастливой семейной жизни» (7,91 ср.б.), по сравнению с городской группой (6,8 ср.б.), что можно объяснить удаленностью от близких людей. Для первокурсников из города, в отличие от ребят из села, приоритетными являются такие ценности как «здоровье» (8,5 и 6,6 ср.б.; $U_{Эмп}=241$, при $p<0,01$) и «материально-обеспеченная жизнь» (6,8 и 5,2 ср.б.; $U_{Эмп}=277$, при $p<0,05$), что находит свое подтверждение в выявленных значимых статистических различиях.

На следующем этапе было осуществлено исследование доступных ценностных ориентации у студентов — первокурсников, которое показало, преобладание у юношей и девушек таких сторон жизни, как «активная, деятельная жизнь» (6,67), «познание» (6,48), «наличие хороших и верных друзей» (6,31), «уверенность в себе» (5,92), «творчество» (5,67). Последние места занимают «интересная работа» (3,17) и «материально-обеспеченная жизнь» (2,72). Распределение доступности ценностей, в частности последних двух, типично и обуславливается основным видом деятельности респондентов - учёбой в высшем учебном заведении и изменениями в их жизни, связанных с этой деятельностью и новой социальной ролью студента.

Сравнение по гендерному признаку показало, что девушки наиболее доступной ценностью считают «познание» (7,13 б. и 5,83 б.), а юноши — «активную, деятельностную жизнь» (6,94 б. и 6,39 б.). Выявлены значимые статистические различия по таким параметрам, как «красота природы и искусства» (6,22 и 4,71 ср.б.; $U_{Эмп}=286$, при $p<0,05$) и «наличие хороших и верных друзей» (6,98 и 5,94 ср.б.; $U_{Эмп}=290,5$, при $p<0,05$). Это может свидетельствовать о том, что девушкам более необходима эмоциональная близость и требуется большие, чем юношам, социальная поддержка и одобрение, а также они являются более восприимчивыми к окружающей среде.

Сравнение студентов из сельской и городской местности по степени доступности важных сторон жизни показало, что у сельских студентов наибольшее количество баллов отмечается по шкале «наличие хороших и верных друзей» — общение с друзьями позволяет получить социальную поддержку вдали от близких и быстрее адаптироваться к новым условиям, а у городских ребят лидирующая позиция отводится «активной жизни», они находятся в привычной среде и уже знакомы с некоторыми социальными активностями, наиболее недоступной обе группы считают материально-обеспеченную жизнь, первокурсники активнее, чем другие группы людей, проходят функциональную сепарацию от родителей, и денежный вопрос (и вопрос проживания для сельских студентов) является для них очень значимым. Выявлены значимые статистические различия по такому параметру, как «уверенность в себе» (6,4 и 5,2 ср.б.; $U_{Эмп}=291$, при $p<0,05$).

Благодаря проведенному исследованию можно сделать следующее заключение: во-первых, для студентов первого курса значимыми сферами жизни являются здоровье и семья, тогда как познанию они отводят предпоследнее место в рейтинге ценностей. Причем для девушек также приоритетна семейная жизнь, а для юношей — здоровье. Для сельских студентов значимой является семейная жизнь, а для городских — материально обеспеченная жизнь и здоровье. Во-вторых, для первокурсников доступными являются сферы познания и активной жизни, при этом для девушек — познание, а для юношей — активная жизнь, для сельских ребят доступно общение с друзьями, а для городских — активная жизнь. Считаем, что полученные результаты можно учитывать в организации процесса психолого-педагогического-сопровождения студентов первого курса.

Список литературы

1. Фанталова, Е. Б. Методика «Уровень соотношения “ценности” и “доступности” в различных жизненных сферах» / Е. Б. Фанталова // Журн. практ. психолога. — 1996. — № 2. — С. 32-37.
2. Фанталова, Е. Б. Ценностно-ориентированная система методик «Диагностика внутреннего конфликта» и возможности её применения в сфере социальной работы / Е.Б. Фанталова // Москва, 1999. — С. 1-8.
3. Rokeach M. Beliefs, attitudes and values. San Francisco, 1968.

ПСИХИЧЕСКИЕ СОСТОЯНИЯ СТУДЕНТОВ И АКАДЕМИЧЕСКАЯ УСПЕВАЕМОСТЬ В ПЕРИОД АДАПТАЦИИ К УСЛОВИЯМ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

Казакова И. В., канд. психол. наук, доц.,

Тихолаз Т. М., канд. психол. наук, доц.

ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет»,

г. Омск, РФ

mail@omgpi.ru

Введение. Исследование проблемы факторов, определяющих успешность обучения студентов, представляет интерес, как с теоретической, так и с практической точки зрения. Повышение требований к качеству современного образования, задача сохранения контингента определяет актуальность данной проблемы. Учитывая, что наибольший отсев студентов происходит в начале обучения [1, 2], интерес представляет исследование психологических особенностей первокурсников.

Перспективным направлением исследований для прогнозирования успешности обучения первокурсников в период адаптации к условиям вуза представляется изучение психических состояний, важнейшей функцией которых, по мнению большинства исследователей, является функция адаптации к окружающей ситуации и среде. «Адаптивная функция состояния заключается в установлении соответствия между актуализированными потребностями индивида и его возможностями, и ресурсами с учетом конкретных условий существования, особенностей деятельности и поведения» [3, с. 12].

Проблема психических состояний студентов вузов широко представлена в исследованиях эмпирического плана как в России, так и за рубежом. Фокус внимания ученых в таких работах сосредоточен на отдельных видах состояний, таких как стресс, выгорание, тревожность, депрессия, которые рассматриваются в контексте здоровья и успешности деятельности обучающихся.

Наиболее интенсивно разрабатывается проблема негативных состояний (стресс, выгорание, депрессия) студентов и реже в поле зрения оказываются положительные психические состояния, исследование которых имеет практическое значение для управления качеством образовательного процесса [4].

В исследованиях последних лет выявлено множество концептуально различных коррелятов успешности студентов. При этом вопрос об оптимальных психических состояниях для достижения успехов в обучении остается до конца не изученным.

Цель исследования — изучение психических состояний студентов-первокурсников с разным уровнем академической успешности.

Основная часть. При организации эмпирического исследования основывались на классификации психических состояний Л.В. Куликова по степени динамичности, согласно которой, выделены две группы состояний. Актуальные состояния более изменчивы и динамичны, а доминирующие — устойчивы и проявляются в различных ситуациях.

Исследование проводилось на базе ОмГПУ, в котором приняли участие студенты первого курса в количестве 53 человека. По итогам первой сессии, в зависимости от успешности сдачи экзаменов, обследуемые были разделены на 3 группы: успевающие (15 чел.), среднеуспевающие (18 чел.) и слабоуспевающие (20 чел.). Обучающимся были предложены следующие методики: «Актуальное состояние» (Л. В. Куликов, 1997), «Доминирующее состояние» (Л. В. Куликов, 2003). В данных методиках представлены эмоциональные, активационные, тонические, тензионные, временные, положительные и отрицательные параметры психических состояний.

Для изучения устойчивых состояний воспользовались «Методикой определения доминирующего состояния» Л.В. Куликова. Полученные результаты свидетельствуют о наличии у успевающих студентов средних показателей по шкалам «активное-пассивное отношение к жизненной ситуации», «тонус: высокий-низкий», «положительный-отрицательный образ самого себя» и высоких показателей по шкалам: «спокойствие-тревога», «устойчивость-неустойчивость эмоционального тона», «удовлетворенность-неудовлетворенность жизнью», что нельзя сказать о средне и слабоуспевающих студентах. Это проявляется в том, что успевающие студенты в повседневной жизни активны, готовы к преодолению возникающих препятствий, уверены в собственных силах, эмоционально устойчивы, удовлетворены собственной жизнью и способны нести ответственность за сделанный выбор. Для двух других групп студентов характерны средние показатели по большей части шкал методики и пониженные баллы по шкале «положительный — отрицательный образ самого себя». Кроме того, у среднеуспевающих обнаружены пониженные значения по шкале «активное-пассивное отношение к жизненной ситуации», что проявляется в пассивности, пессимистичной оценке жизненных ситуаций. Тогда как у слабоуспевающих выявлены пониженные оценки по шкале «тонус: высокий-низкий», что находит свое выражение в несобранности, усталости, низкой работоспособности в повседневной жизни. Выявленные статистические различия на значимом статистическом уровне по данной шкале (Критерий Краскела-Уоллиса = 6,16, при $p = 0,04$) позволяют говорить о большей склонности к астеническим реакциям на возникающие трудности у студентов слабоуспевающих, по сравнению со среднеуспевающими и успевающими.

Исследование текущего состояния в период адаптации к вузу осуществлялось с помощью методики «Актуальное состояние» Л.В. Куликова. Полученные данные свидетельствуют о среднем уровне выраженности показателей по шкалам «тонус: высокий-низкий», «самочувствие физическое: комфортное — дискомфортное» и низких баллах по шкале «спокойствие-тревога» у всех трех групп обследуемых, что проявляется в выраженной тревоге, беспокойстве на фоне благоприятного физического самочувствия и высокой работоспособности. Средние показатели у успевающих и слабоуспевающих студентов по шкале «возбуждение эмоциональное: низкое-высокое» о большем спокойствии, по сравнению со среднеуспевающими студентами, у которых выявлены повышенные баллы по данной шкале, которые могут указывать на наличие эмоционального возбуждения, напряжения в актуальной ситуации адаптации. Несмотря на преимущественно средние показатели по шкале «активация — деактивация» во всех группах обследуемых, выявленные значимые статистические различия (Критерий Краскела-Уоллиса = 7,17; при $p = 0,028$) дают право говорить об отличиях между слабоуспевающими, среднеуспевающими и успевающими студентами в готовности действовать в новой ситуации, преодолевать возникающие трудности.

Заключение. Оценка уровня благоприятности состояния студентов открывает возможности прогноза академической успешности и организации психолого-педагогического сопровождения первокурсников в адаптационный период.

Список литературы

1. Литвинова, А. В. Целеполагание студентов с разным уровнем академической успеваемости / А.В. Литвинова // Интеграция образования. – 2022. – Т. 26, № 4. – С. 708–721. doi: <https://doi.org/10.15507/1991-9468.109.026.202204.708-721>
2. Шмелева, Е. Д. Факторы отсева студентов инженерно-технического профиля в российских вузах / Е.Д. Шмелева, И.Д. Фрумин // Вопросы образования. – 2020. Вып. 3. – С. 110–136. doi: <http://doi.org/10.17323/1814-9545-2020-3-110-136>
3. Психические состояния / Сост. и общая редакция Л. В. Куликова. — Санкт-Петербург : Питер, 2001. — 512 с. — ISBN 5-272-00061-7
4. Климанова, А. В. положительные психические состояния в повседневных и напряженных ситуациях учебно-профессиональной подготовки студентов / А. В. Климанова // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. — 2022. — Т. 32, № 2. — С. 154-162. — DOI 10.35634/2412-9550-2022-32-2-154-162.

ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ РАЗВИТИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ СТУДЕНТОВ В ПЕРИОД ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

Клименко И. В., канд. психол. наук, доц.
ГОУ ВО «Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко»,
г. Тирасполь, ПМР
ilo-klimenko@yandex.ru

Введение. Сегодня в экологическом образовании обучающихся акцент смещается с изучения природы и основ экологической науки на формирование экологического сознания. Такая цель экологического образования соответствует идеям концепции устойчивого развития. Важность формирования экологического сознания обучающихся заключается в необходимости уметь предвидеть последствия воздействия каждого человека на природную среду, осознавать недопустимость потребительского отношения к природе.

Под экологическим сознанием мы понимаем интегративное образование личности, структурно представленное совокупность экологических представлений (*когнитивный компонент*), способствующих формированию субъективного отношения к природе, характеризующееся экоцентрической направленностью взаимодействия с ней, которая проявляется в психологических механизмах восприятия природных объектов (*рефлексивный компонент*), способствующих формированию системы эмоционально-ценностных отношений, задающих соответствующую их содержанию иерархическую структуру доминирующих мотивов личности (*эмоциональный, мотивационно-ценностный компоненты*) и побуждающих ее к экологической деятельности и поведению (*деятельностно-практический компонент*) [2].

Целью данного исследования являлось выявление особенностей развития экологического сознания обучающихся естественно-географических специальностей. Объект исследования — экологическое сознание. Предмет исследования — особенности экологического сознания студентов естественно-географических специальностей.

Исследование проводилось на базе Естественно-географического факультета ГОУ ВО «Приднестровский государственный университет имени Т.Г. Шевченко» (далее — ЕГФ). Всего в исследовании приняло участие 104 студента бакалавриата и магистратуры.

Диагностический инструментарий для изучения особенностей развития экологического сознания студентов в период обучения в вузе был определен с учетом выделенных компонентов экологического сознания [2].

При анализе результатов опроса студентов велась качественная и количественная обработка данных, которая позволила узнать мнение студентов по поводу экологических знаний, эмоций, представлений и их реализации в практической деятельности.

Основная часть. Анализ результатов исследования особенностей развития экологического сознания студентов естественно-географических специальностей выявил следующее:

1. Интенсивность отношения к природе характеризуется эмоциональным и эстетическим восприятием природных объектов, что способствует повышению знаний об объектах природы, а также активности студентов по изменению окружающего мира.

2. Изучение ведущего типа мотивации взаимодействия с природой выявило, что у большинства студентов естественно-географического профиля преобладает практический и эстетический тип мотивации взаимодействия с природными объектами.

3. Основными мотивами природоохранной деятельности студентов являются любовь к природе (23,1% респондентов), а также интерес к экологическим проблемам (15,4% респондентов). Общечеловеческая ценность природы, по мнению студентов, заключается в большей степени в том, что она является главным условием жизни человека (57,7% респондентов);

4. Эмоциональный компонент экологического сознания студентов характеризуется стремлением к ответственному и бережному отношению к природе (84,7% респондентов), желанием сохранить многообразие и красоту природы (42,3% респондентов);

5. Большинство от опрошенных студентов (65,4%) считают, что у них достаточно высокий уровень сформированности экологической культуры (рефлексивный компонент);

6. Когнитивный компонент экологического сознания у значительной части студентов сформирован недостаточно. Всего 30,8% от опрошенных студентов указали, что экология — это наука о взаимоотношениях живых существ между собой и с окружающей природой;

7. 96,2% от опрошенных студентов естественно-географических специальностей направлены на природоохранную деятельность. При этом, всего 26,9% указали, что хотели бы, чтобы их будущая профессия была связана с природой, охраной природы.

При рассмотрении в динамике изменений в компонентах экологического сознания студентов естественно-географической направленности на разных курсах обучения, можно выделить следующее:

1. Интенсивность отношения к природе студентами в период обучения в вузе характеризуется повышением положительного эмоционального восприятия природы к концу обучения, знаний об охране

природных объектов, при этом обучающиеся в меньшей степени стремятся к реализации природоохранной деятельности, даже являясь выпускниками.

2. Сравнительный анализ ведущих мотивов взаимодействия с природой студентов ЕГФ на разных курсах обучения выявил следующие изменения:

- первокурсники показали значимость для них личностных и познавательных ценностей. Для них важно принесение пользы обществу (социально-обусловленная ценность). Значимость природы как ценности занимает 11 ранг. К 4 курсу четко выделились три основные профессионально-ценностные ориентации «хорошая, интересная работа», «семья» и «здоровье». Такая профессиональная ценность как «Природа» уходит на последнее место наряду с «принесением пользы обществу» и др.

- в целом, развитие мотивационно-ценностного компонента экологического сознания студентов естественно-географических специальностей можно охарактеризовать как противоречивое, ориентированное на эмоциональное и прагматическое восприятие природы.

3. Сравнительный анализ развития экологического сознания студентов на разных курсах обучения показал, что у обучающихся 1-4 курса бакалавриата уровень низкий (среднее значение до 17 баллов), что говорит о том, что экологическое сознание преобладает антропоцентрично. Только у студентов магистратуры средний показатель соответствует переходному состоянию экологического сознания от антропоцентричности к экоцентричности.

Заключение. Таким образом, проведенное эмпирическое исследование свидетельствует о том, что требуется изучение причин низкой эффективности вузовского этапа экологического образования студентов естественно-географических специальностей, выявление содержательных и организационных аспектов образовательного процесса, условий формирования и развития экологического сознания обучающихся и их экологической культуры, так как экологическое сознание будущих специалистов формируется и в процессе обучения, и в процессе экологического воспитания, обеспечивающего формирование экологических убеждений [1].

Список литературы

1. Гришин, А. В. Формирование нравственно-экологического сознания студентов педагогических специальностей / А.В. Гришин. — Астрахань, 2009. — URL: <http://www.dissercat.com/> (дата обращения 25.02.2023). — Текст: непосредственный.
2. Клименко, И.В. Использование психолого-педагогических технологий при развитии экологического сознания студентов естественно-географических специальностей. Наука, образование, производство в решении экологических проблем: Материалы XVIII Международной научно-технической конференции: в 2 томах [электронный ресурс] / Уфимский гос. авиац. техн. ун-т. — Уфа. УГАТУ, 2022. — С.86-92.

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ ЗАНЯТИЙ СПОРТОМ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Коротаева А. И., канд. психол. наук, доц., *Романова Т. В.*
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского» г. Ярославль, РФ
tiger77706@mail.ru

Введение. В психолого-педагогической литературе существует множество рекомендаций по формированию у детей мотивации к занятиям физической культурой с использованием различных средств и методов. Значение спорта в онтогенезе человека трудно переоценить. Систематические занятия физической культурой оказывают положительное влияние на все стороны жизни человека. Занятия спортом часто играют роль в профилактике или коррекции привычного поведения детей и подростков. В массовом сознании бытует мнение, что умственная (интеллектуальная) одаренность противопоставляется спортивной. Иными словами, школьники могут быть одарены в той или иной области. Многочисленные исследования в психологической литературе опровергают эту точку зрения: если посмотреть на содержание ФГОС, то можно увидеть необходимость мотивации детей младшего школьного возраста к занятиям физкультурой и спортом; Е.П. Ильин показал, что дети младшего школьного возраста задумываются о важности занятий спортом, мечтают стать чемпионами, завоевать различные награды, побить рекорды. Именно в младшем школьном возрасте активно формируется внутренняя мотивация к занятиям спортом.

Цель — выявить особенности мотивации занятий спортом младших школьников. Для проведения исследования были выбраны следующие методики. Методика Л.Г. Орловой «Мотивация к посещению спортивных занятий», методика «Мотивы спортивной деятельности» (А.В. Шаболтас) предназначена для выявления доминирующей цели (личностного смысла) спортивной деятельности. Базой исследования выступала Некрасовская средняя школа Ярославской области, в качестве испытуемых — учащиеся четвертых классов (9-10 лет), 46 учащихся.

Диагностика мотивов участия в спортивных занятиях позволяет найти конкретные мотивы посещения школьниками спортивных занятий в существующих секциях спортивных клубов. Результаты диагностики показали, что основным мотивом посещения занятий является желание проявить себя в спорте (34,48%). Далее следуют «желание улучшить свою физическую форму» (17,24%) и «общение с друзьями и просьбы

родителей» (13,79%). Не очень высоким оказался показатель «хорошего отношения тренера» – 10,34%. Поэтому преподавателям и тренерам рекомендуется уделять больше внимания общению с детьми. Методика направлена на диагностику выраженности 10 мотивов, включая эмоциональное удовольствие, социальную самооценку и успех. Результаты данной методики показывают, что доминирующим мотивом является мотив физического самоутверждения (ФСУ). При этом преподавателям следует учитывать, что удовольствие от движения на занятии возникает от смены обстановки и применения новых форм и видов деятельности. Были выделены следующие пять категорий внутренних переменных, имеющих отношение к мотивации учащихся средней школы к занятиям спортом: мотивация в школе, когнитивные потребности, позитивное отношение к данному виду деятельности, мотивация быть физически активным, мотивация быть успешным в спорте. Благоприятное отношение участников к спорту (по методике Орловой, отношение к данному виду деятельности) и восприятие физических нагрузок мотивировали их на посещение спортивных клубов и секций. Именно эта категория представляется наиболее близкой к внутренней мотивации в теории самоопределения. Под категорией мотивации достижения в спорте понимается мотивация, возникающая в результате преодоления какой-либо проблемы или трудности, например, желаемого выбора, соревновательного результата, абсолютного стандарта или способности к обучению. Мотивы физического самоутверждения рассматриваются как связанные с улучшением собственных результатов, навыков, умений и физической подготовки. Эта категория существенно отличается от мотивации достижения в спорте, отражая более широкий акцент на мотивации, ориентированной на навыки, в отличие от конкретных задач, которые ставят перед собой спортсмены, чтобы прогрессировать в той или иной дисциплине. Первая экспериментальная группа прошла программу мотивации учащихся начальной школы к занятиям спортом, после чего было проведено повторное диагностическое тестирование.

Статистическая обработка результатов исследования путем сравнительного анализа двух независимых групп по коэффициенту Манна-Уитни дала следующие результаты при уровне значимости $p \leq 0,05$. Значимые различия выявлены по мотиву достижения успехов и мотиву физического самоутверждения. Таким образом, можно считать, что разработанная нами система занятий эффективна по отношению к развитию данной мотивной группы, что подтверждается результатами статистического процесса. Кроме того, результаты диагностики второй группы не являются статистически значимыми ни по одной из шкал, что доказывает влияние разработанной нами системы занятий на результаты первой группы.

Согласно результатам нашего исследования, количество видов спорта, которыми хотели бы заниматься респонденты, увеличилось, причем к ним добавились баскетбол и хореография. Увеличилось количество учащихся, интересующихся спортом. Практические занятия и соревнования привлекли учеников и мотивировали их к занятиям спортом, особенно бадминтон. Уменьшилось количество учеников, которые заявили, что не хотят заниматься никаким видом спорта. Этот результат весьма показателен, так как может свидетельствовать о том, что желание заниматься спортом в младших классах действительно возросло.

Заключение. Итак, разработанная система уроков по формированию мотивации к занятиям спортом в младших классах является эффективной. Результаты анкетирования также подтверждают эффективность системы уроков, несмотря на то, что не все первоначально отобранные мотивы спортивной деятельности возросли статистически значимым образом. Одним словом, занятия спортом и физической культурой приносят радость учащимся средней школы, положительно влияют на развитие их эмоциональной и когнитивной сфер, способствуют здоровому развитию личности. В заключение необходимо подчеркнуть важность акцентирования внимания на аспектах развития личности через занятия спортом и физической культурой. Мотивация младших школьников для занятий спортом играет важную роль в их физическом и психологическом развитии.

Список литературы

1. Гогун, Е. Н. Психология физического воспитания и спорта / Е.Н. Гогун, Б.И. Мартянов. — Москва: Академия, 2013. — 288 с.
2. Дуркин, П. К. Формирование у школьников интереса к физической культуре / П.К. Дуркин. — Архангельск : Архангельский государственный технический университет, 2016. — 128 с.
3. Ильин, Е. П. Психология физического воспитания / Е.П. Ильин. — Санкт-Петербург : РГПУ им. А.И. Герцена, 2011. — 486 с.
4. Паначев, В.Д. Спорт и личность : проблемы социального управления / В.Д. Паначев // Социология физической культуры и спорта. — 2005. — № 5. — С. 98–107 с.
5. Шаболтас, А.В. Мотивы занятия спортом высших достижений в юношеском возрасте / А.В. Шаболтас. — Москва : Академия, 1998. — 152 с.

РАЗВИТИЕ САМООРГАНИЗАЦИИ БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА В УЧЕБНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Кочулова О. А., канд. пед. наук,

ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет», г. Омск, РФ
boa27@yandex.ru

Одним из результатов подготовки студентов и освоения ими программы бакалавриата по направлению Педагогическое образование согласно ФГОС ВО выступает категория универсальных компетенций Самоорганизация и саморазвитие («УК-6. — способен управлять своим временем, выстраивать и реализовывать траекторию саморазвития на основе принципов образования в течение всей жизни» [4]). В ОмГПУ планируются результаты обучения по дисциплинам, обеспечивающие формирование у выпускника УК-6. Введение в образовательный процесс вуза курса по выбору «Самоорганизация и личностная эффективность», предполагающего раскрытие практического потенциала теории самоорганизации и личностной эффективности, призвано обеспечить формирование универсальной компетенции и решение индивидуальных личностных задач студента.

В процессе учебно-профессиональной деятельности студентов ключевым навыком, определяющим ее успешность и продуктивность, стоит отметить самоорганизацию. В период ранней юности становление самосознания и осмысление будущей жизненной и профессиональной перспективы порождает важную потребность в самоорганизации. Удовлетворение этой потребности осуществляется через освоение системы деятельности, связанной с изучением собственных интересов и приоритетов, с упорядочиванием своих целей, определением жизненных перспектив, выделением значимого круга общения, выработкой актуальных и созидательных привычек. Учебно-профессиональная деятельность в вузе в своем разнообразии и сложности косвенно способствует развитию самоорганизации студентов, но целенаправленное выстраивание студентом траектории собственного личностного и профессионального становления, развитие способности к самостоятельной организации продуктивной и созидательной деятельности, чувство авторства своей жизни, остаются ее желательными побочными продуктами.

В ОмГПУ общеуниверситетский курс по выбору предполагается в учебных планах очной формы обучения первых и вторых курсов бакалавриата. В 2021-2022 учебном году общеуниверситетский курс «Самоорганизация и личностная эффективность» был выбран из 13

предлагаемых курсов, 125 студентами первокурсниками, что составило 21,4% от общего числа студентов, сделавших свой выбор (585 человек) и обеспечило самую высокую строку популярности среди заявленных общеуниверситетских курсов. Внимание студентов привлекли и такие курсы, как «Калиграфия как средство развития внимания и грамотности» (17,1%), «Личностный бренд: развитие и позиционирование» (14,9%), «Английский для профессиональных целей» (11,9%). В 2022-2023 учебном году выбор курса «Самоорганизация и личностная эффективность» был доступен первому и второму курсу очной формы обучения из 12 предложенных. Выбор в пользу курса был сделан 99 студентами первого и второго курсов, что составило 11% и 6,8% от числа студентов, записавшихся на курсы. Сохраняющаяся востребованность дисциплины у студентов подтверждает актуальность раскрываемых ее содержанием вопросов: целеполагания, мотивированности, ответственности, самостоятельности и тайм-менеджмента в учебно-профессиональной и персональной деятельности.

Теоретические и практические аспекты курса выстроены с позиции личностно-деятельностного (интегрального) подхода к пониманию самоорганизации. Изучение процесса самоорганизации в рамках данного подхода представлено в работах С.С. Амировой, Н.А. Заенутдиновой, Г.Н. Гмызиной, Л.Т. Охотиной, И.А. Трофимовой, и др. В качестве основы процесса самоорганизации исследователи определяют активность самой личности, эффективность деятельности, направленной на организацию своей жизни и реализации своих возможностей. Согласно С.С. Амировой, «самоорганизация — осознанная работа человека над собой в целях совершенствования интеллектуальных, эмоциональных и морально-волевых черт характера в деятельности, направленной на разрешение общественно и личностно значимых задач» [1, с. 96]. Н.А. Заенутдинова обращается к формированию готовности к самоорганизации и определяет ее как «интегральное качество личности, проявляющееся в потребности, способности и решимости ее осуществлять упорядоченную сознательную деятельность по организации и управлению самой себя» [3, с. 9]. В исследовании Г.Н. Гмызиной раскрывается понятие «культура самоорганизации учебно-познавательной деятельности». Оно определяется как «личностное образование, проявляющееся в высоком уровне осознания своей роли в успешности учебно-познавательной деятельности, готовности к самостоятельному ее осуществлению в соответствии с принципами научной организации учебного труда, творческом подходе к решению учебно-познавательных задач и стремлении к самосовершенствованию» [2, с. 10].

Таким образом, авторы рассматривают самоорганизацию личности как интеграцию личностных качеств субъекта (самостоятельность, целеустремленность, рефлексивность, целостность и др.), влияющих на результаты деятельности человека и умений/навыков рациональной

деятельности, где самоорганизация есть процесс, реализуемый через целеполагание, планирование, реализация плана, анализ деятельности и результата. Данная интеграция обеспечивает стремление личности к самопознанию, развитию, совершенствованию, управлению и ее готовность быть подлинным субъектом своей жизни и деятельности. Разрабатываемые авторами идеи приобретают практическую значимость в связи возможностью использования при построении общеуниверситетского курса по выбору «Самоорганизация и личностная эффективность». Приоритетной задачей при реализации курса является развитие личностных качеств у студентов университета, таких как целостность, самостоятельность, организованность, рефлексивность и умений самоорганизации: целеполагания, планирования, расстановки приоритетов, рационального управления временем, активизации ресурсов и мотивации учебно-профессиональной деятельности, достижения профессиональных и жизненных целей кратчайшим путем.

Содержание курса предполагает включение знаний о научной организации учебно-познавательной деятельности студента, о теоретических основах (Г.А. Архангельский, Ст. Кови) и современных технологиях тайм-менеджмента. Мотивационные техники самоорганизации используются на практических занятиях и самостоятельно, при выполнении домашних заданий, студентами, обеспечивая развитие умений управлять своим временем и выработку продуктивных привычек (техника 2 минут (Д. Аллен), челлендж (30 дней) «Человек читающий», техника Pomodoro (Ф. Чирилло) и др.). Курс предполагает работу Круглого стола по следующим темам: «Электронные сервисы и приложения для самоорганизации», «Музыка как средство самоорганизации и продуктивной работы», «Психическая саморегуляция личности: методы и приемы в практике». Для студентов открывается возможность участия в групповом тренинге «Мои сильные и слабые стороны» и самодиагностики уровня сформированности умений самоорганизации.

Обозначенные условия обеспечивают формирование универсальных компетенций Самоорганизации и саморазвития у будущих педагогов в процессе их учебно-профессиональной деятельности.

Список литературы

1. Амирова, С.С. Самоорганизация личности в процессе обучения [Текст] / С.С. Амирова // Из-во: Педагогика, №5. 1993.
2. Гмызина, Г.Н. Формирование культуры самоорганизации учебно-познавательной деятельности курсантов военного вуза : автореферат дис. ... кандидата педагогических наук : 13.00.08 / Гмызина Галина Николаевна ; [Место защиты: Ульяновский государственный университет]. — Ульяновск, 2009. — 26 с.
3. Заенутдинова, Н.А. Формирование готовности к самоорганизации у студентов педагогического колледжа в образовательном процессе : автореферат дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Магнитогорский гос. ун-т. - Магнитогорск, 2000. — 22 с.
4. ФГОС 44.03.01 Педагогическое образование. — URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-44-03-01-pedagogicheskoe-obrazovanie-121/> (дата обращения 15.09.2023).

РАЗВИТИЕ АДАПТИВНЫХ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ ПОВЕДЕНИЯ У СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА

Милоненко И. Ю.

ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет», г. Омск, РФ
1617_22@mail.ru

В связи с новыми социокультурными изменениями в обществе молодые люди все чаще сталкиваются с трудными ситуациями в разных сферах своей жизни. Данные перемены приводят к возникновению стрессовых состояний и отрицательных установок к окружающему миру, а в некоторых случаях, и к своей личности. Современный мир требует от молодых людей адаптации ко многим ситуациям, однако большинство из них не владеют адаптивными копинг-стратегиями поведения в стрессовой ситуации. Таким образом, ухудшается качество жизни, происходят трудности в обыденной жизни, в профессиональной деятельности и т. д. Данные изменения могут быть связаны с характерными особенностями возрастного периода. Главная задача, которая стоит перед лицами юношеского возраста в данный возрастной период — выстроить эффективный стиль копинг-поведения для преодоления кризисной ситуации путем выработки адаптивных копинг-стратегий, а также сформировать целостную Я-концепцию.

Исследованием копинг-стратегий занимались такие зарубежные ученые, как Р. Лазарус, Э. Хейм, Л. Рьюис, Л. Мерфи, Г. Олпорт, К. Роджерс и др., в отечественной психологии проблемой изучения стресса занимались такие известные психологи, как Т.Л. Крюкова, И.М. Никольская, Л.И. Анцыферова, Р.М. Грановская, Н.А. Сирота, С.А. Хазова и др. Современные исследователи изучают процесс преодоления трудностей через такие понятия, как копинг-поведение и копинг-стратегии [1, 4].

Мы в своем исследовании остановились на феномене копинг-стратегий поведения, а именно на развитии адаптивных копинг-стратегий у студентов педагогического вуза. Опираясь на возрастные особенности юношеского возраста, выявлено, что юношеский возраст является тем самым возрастом, в котором формируются взгляды, позиция по отношению к себе и к внешнему миру, происходит проецирование социальной позиции. Становясь студентами, юноши и девушки делают первый шаг к профессиональному самоопределению, т.к. именно учебно-профессиональная деятельность является ведущим видом деятельности в поставленном возрастном периоде. Именно в этот сложный и непростой период могут возникать трудные жизненные ситуации. Для преодоления стресса могут использоваться адаптивные, относительно адаптивные и

неадаптивные копинг-стратегии. Копинг-стратегии используются личностью для достижения адаптивного и комфортного функционирования жизнедеятельности, также впоследствии копинг-стратегии создают той или иной стиль копинг-поведения. Копинг-поведение — это индивидуальный способ взаимодействия с трудной жизненной ситуацией, в соответствии с ее значимостью в жизни человека [5]. Развитие адаптивных копинг-стратегий является актуальной задачей в психолого-педагогической деятельности, т.к. в настоящее время важным аспектом в освоении образовательной программы является индивидуализация образовательного процесса, от самих юношей и девушек зависит успешно освоение программы, профессиональное самоопределение и как итог, профессиональная самоактуализация личности. Выбор карьеры превращается в выбор образа жизни в целом, чтобы поступить верно, у молодого человека должно быть верное понимание себя, осознание себя и своей позиции, а также обоснованная оценка того, в какой области он мог бы наилучшим образом построить свою трудовую жизнь. Опираясь на результаты эмпирического исследования, мы видим общую картину взаимосвязи выбора адаптивных копинг-стратегий и формирования профессиональной самоактуализации. Таким образом, мы приходим к выводу, что главная задача, которая стоит перед лицами юношеского возраста — реализация собственных психологических ресурсов (а именно, копинг-стратегий). Одно из возможных решений данной задачи — использование в работе с лицами раннего юношеского возраста программы по развитию адаптивных копинг-стратегий, в ходе которой юноши и девушки узнают о возможности развития собственных копинг-стратегий, как активизировать свои психологические ресурсы, почему важно развивать адаптивные копинг-стратегии и где их можно применить.

Таким образом, нами была разработана программа по развитию адаптивных копинг-стратегий в раннем юношеском возрасте, которая освещает психологическую важность выработки адаптивных копинг-стратегий в различных стрессовых ситуациях. Данная программа содержит перечень научных и методических материалов, необходимых для ее успешной реализации. Программа предлагает пройти путь неформального образования, а именно «подготовить» выездную сессию с комплексом специалистов для студентов педагогического вуза. Цель программы направлена на создание условий, которые могут помочь в активном развитии у субъектов деятельности адаптивных копинг-стратегий в стрессовых ситуациях. Программа включает в себя различные психологические методы, которые целесообразно применять с возрастной группой юношеского возраста. Основные задачи программы по развитию адаптивных копинг-стратегий поведения основаны на личностно-деятельностном подходе, т.к. личность в проблеме совладания со

стрессовой ситуацией понимается как активный творец своей судьбы и самостоятельно справляющийся с трудностями человек [2,3].

Обобщая вышесказанное, можно заключить, что данная программа поможет развить адаптивные копинг-стратегии, которые студенты могут применять в трудных жизненных ситуациях; будет способствовать здоровому развитию личности, повышению самооценки и самосознания. В ходе занятий юноши и девушки узнают свои сильные стороны — конструктивные ресурсы.

Список литературы

1. Белан, Е. А. Совладание личности с жизненными трудностями : активность, поведение, деятельность / Е.А. Белан // Психология совладающего поведения : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. : Е. А. Сергиенко, Т. Л. Крюкова. — Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2007. — С. 19–21.
2. Васильев, Н.Н. Тренинг преодоления конфликтов / Н. Н. Васильев. — Санкт-Петербург : Речь, 2002. — 170 с. — ISBN 5-9268-0104-4.
3. Вачков, И. В. Основы технологии группового тренинга. Психотехники : учеб. пособие / И. В. Вачков. — [3-е изд., перераб. и доп.]. — Москва : Ось-89, 2005 (Подольск : Фил. ЧПК). — 255 с. — ISBN 5-86894-274-4.
4. Знаков, В. В. Психология человеческого бытия и трудные жизненные ситуации / В.В. Знаков // Психология совладающего поведения : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. : Е. А. Сергиенко, Т. Л. Крюкова. — Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2007. — С. 35–37.
5. Крюкова, Т. Л. Человек как субъект совладающего поведения / Т.Л. Крюкова // Психологический журнал. 2008. Т. 29, № 2. — С. 88–95.

УДК 159.9.072.3

ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТИВНОГО ОТНОШЕНИЯ К ЖИЗНИ БУДУЩИХ ЮРИСТОВ С РАЛИЧНЫМ ТИПОМ ПРАВОСОЗНАНИЯ

Некрасова И. Н., канд. психол. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
inn1769@mail.ru

Постановка проблемы исследования. Являясь центральным компонентом профессионального самосознания, правовое сознание зависит не только от системы профессиональной подготовки юриста, но и определяется его морально-этическими и нравственными представлениями о жизни. Поэтому, для подготовки специалистов юридического профиля необходимо не только овладение профессиональными знаниями, но и формирование личностной готовности к выбранной профессии, что проявляется как соответствие молодого специалиста должным моральным

характеристикам. В юридической психологии доказана ведущая роль индивидуального правосознания в формировании профессионального поведения юриста [1; 4]. Несмотря на то, что профессиональная адаптация опирается на базовый багаж предметных знаний и умений, приобретаемых на юридическом факультете, тем не менее, важную роль играет *психологическая конгруэнтность* молодого специалиста по отношению к служебной деятельности как *взаимное соответствие ментальных характеристик личности и профессии* [4; 5]. Это аккумулируется в понятии правосознания как ценностного отношения юриста к праву в целом, и к своей профессии в частности, вследствие чего выбранная тема исследования представляет прикладной интерес с точки зрения содержательной оптимизации профессиональной подготовки будущих юристов.

Методология исследования. Как психологический феномен правосознание имеет сложную структуру: это детерминированное жизненным опытом личности ценностно-смысловое образование, сплав когнитивных, поведенческих и эмоционально-динамических компонентов, иерархично опосредующих профессиональные отношения. Данный тезис определил *гипотезу* исследования: будущие юристы характеризуются различными типами правосознания, что качественно взаимосвязано с системой их субъективных жизненных ориентаций и отношений к жизни. *Объект:* совокупность субъективных жизненных ориентаций как проявление системы субъективного отношения к жизни у будущих юристов, *предмет* — система субъективных жизненных ориентаций у будущих юристов с различным типом правосознания. Теоретической платформой исследования выступила концепция дуального подхода к проблеме профессионального становления личности Ю.М. Забродина и С.С. Пискуновой, в рамках которого смысло-жизненные ориентации будущего специалиста в процессе его обучения имеют важное значение для формирования его профессионального самосознания [1; 3].

Для решения поставленных задач использовались эмпирические методы: для определения типологических особенностей правосознания будущих юристов использовался Тест правового и гражданского сознания (оригинальный вариант опросника «Правосознание» С.С. Алексева), с целью изучения системы субъективных жизненных представлений студентов-юристов использовался Опросник смысло-жизненных ориентаций Д. А. Леонтьева совместно с Опросником «Диагностика самоактуализации личности» (А. В. Лазукина в адаптации Н. Ф. Калиной) [2]. Для выявления принадлежности респондентов к определенной профессионально-ментальной субкультуре использовался опросник Н.Ф. Калиной «Тест субкультур неудовлетворенности» (ТСН-1), а также проективная психодиагностическая процедура оценки ментального потенциала личности «Правила моей жизни» (А.Л. Асеева), нацеленная на

изучение субъективных социальных установок и личностных смыслов в контексте источников их формирования (школа, родительская семья, профессионализация, значимые «другие» и т. п.). Применялись математические процедуры оценки достоверности различий (критерий Стьюдента), корреляционный и факторный анализ. База исследования: онлайн опросы студентов юридических специальностей, обучающихся на юридическом факультете ДонНУ (ДонГУ).

Выкладка результатов. Доказана ведущая роль глубинных ценностно-смысловых (ментальных) структур сознания в установлении субъективной предрасположенности к профессии юридического профиля. В зависимости от уровня правосознания различаются не только ведущие ментальные установки жизни студентов-юристов, но и мотивы их профессионального выбора. Подтвердилась выдвинутая гипотеза: студенты-юристы характеризуются различными типами правосознания (высокий уровень — тип зрелое правосознание, и низкий уровень сформированности — тип диффузное правосознание), при этом, правосознание взаимосвязано с системой их субъективных отношений к жизни и отражает ценностно-смысловые и мотивационно-потребностные характеристики их личности на уровне наиболее значимых ментальных ориентаций жизни.

Для студентов с хорошо сформированным уровнем правосознания характерно устойчивое понимание незыблемости моральных норм и нравственных представлений как базисных ментальных регуляторов профессиональных отношений. Безотносительно к собственному жизненному опыту они убеждены в важности регулирующей функции права и необходимости использовать законы и правовые нормы как четкие регламенты поведения людей в личной и профессиональной сферах жизни. У таких студентов наиболее полно сформированы деловое и гражданское правосознание, наблюдается понимание значимости получения правовых знаний. Студенты-юристы с высоким уровнем правосознания (зрелый тип) менее подвержены переживанию смыслового вакуума собственной жизни, они воспринимают свою жизнь как более насыщенную смыслами, значимыми событиями, так как связывают учебу и работу со значимыми ментальными смыслами своей жизни: самоактуализация, творчество, спонтанность, труда, ответственность и гармония, что и отличает их от студентов с низким уровнем правосознания. Студенты с высоким уровнем правосознания более ответственны и отрефлексированы в процессе профессионального становления.

У студентов с диффузным типом правосознания профессиональные представления ограничиваются бытовыми нормами и житейским уровнем представлений относительно урегулирования возникающих конфликтов. Они характеризуются низкой осведомленностью относительно возможностей законодательного регулирования своих личных интересов, а

их профессиональный выбор искусственно индуцированный и рассматривается как инструмент для удовлетворения своих утилитарных потребностей (комфорт, деньги, карьера и пр.). Краевой моделью социализации личности с низким уровнем правосознания является правовая маргинализация и правовой вакуум.

Выводы. Установлена взаимосвязь уровня правосознания с ценностно-смысловой направленностью и мотивационно-потребностными характеристиками личности студентов-юристов. Недостаточный и низкий уровень правосознания связан с привычкой жить сегодняшним или вчерашним днем, что сопряжено с высокой социальной инфантильностью и формальным отношением к правовым нормам и правовым знаниям.

Безотносительно к уровню сформированности правосознания можно утверждать, что в качестве психологического ментального фундамента формирования правового сознания личности в юности выступает ее субъективный опыт переживания критических жизненных ситуаций. Поэтому, формирование правосознания в молодом возрасте во многом зависит от особенностей правовой культуры родителей и успешно пережитого субъективного критического жизненного опыта.

Уровень правосознания студента позволяет предположить какую модель профессионализации выберет данный студент как специалист в дальнейшем. Наиболее эффективным инструментом диагностики моделей профессионализации являются специально разработанные социально-типологические профессиональные опросники.

Список литературы

1. Забродин, Ю. М. Психология личности и управление человеческими ресурсами [Текст] / Ю. М. Забродин. — Москва : Финстатинформ, 2002. — 360 с.
2. Калина, Н. Ф. Лики ментальности и поле политики [Текст] / Н. Ф. Калина, Е. В. Черный, А. Д. Шоркин. — Симферополь: Изд-во СГУ, 2007. — 308 с.
3. Пискунова, С.С. Современное правосознание: понятие, характерные черты и функции [Текст] / С. С. Пискунова // Закон и право. — Москва, 2003. — № 8. — С.30-34.
4. Соколов, В. П. Деонтологический подход к формированию личности студента юриста [Текст] / В. П. Соколов // Право и образование. — Москва, 2007. — №7. — С. 56-57.
5. Яловский, М. Ю. Психология правовых отношений в поле социальных взаимодействий [Текст] / М. Ю. Яловский, Е. Н. Гальченко. — Москва : Современное право, 2005. — 257 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ

Николаева Н. В., канд. филол. наук.

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»,
г. Чебоксары, РФ
nicknata75@inbox.ru

Введение. Обучение иностранному языку требует от преподавателей понимания психологических теорий научения. Первыми исследователями данного процесса считаются представителями американского ортодоксального бихевиоризма начала 20-го века Э. Торндайк и Дж. Уотсон, которые понимали научение как процесс приобретения и сохранения навыков. Позже термин «научение» употреблялся как синоним термина «запоминание» [1].

Цель исследования — выявить и описать некоторые психологические и психолингвистические проблемы при обучении иностранному языку и предложить способы их решения.

Основная часть. Различаются два вида научения и соответственно два вида обучения: стихийное и целенаправленное. *Стихийное научение* — это *непроизвольный, неосознанный и неорганизованный процесс* выработки важных умений и навыков, накопления жизненного опыта через подражание, повторение, игру, научение путем «проб и ошибок». *Целенаправленное научение (обучение)* представляет собой *произвольный, осознанный, организованный и целенаправленный процесс* [1]. Оно мобилизует психическую деятельность человека, внимание, память, мышление, волю, заинтересованность в его стремлении кратчайшим путем достигнуть цели, имея для этого определенный план последовательных действий. Важно отметить, что в целенаправленном научении иностранному языку содержатся и элементы стихийного научения, т. е. непроизвольное усвоение иностранного языка. Это происходит при просмотре фильмов и прослушивании песен, чтении художественной литературы на изучаемом языке [5].

Кроме того, для понимания особенностей целенаправленного обучения важно знать, что характерной чертой обучения является его осознанность, т. е. понимание цели и мотивов, лежащих в основе учебно-познавательной деятельности студентов и организационно-методической деятельности преподавателей. Остановимся на мотивах деятельности преподавателей и студентов или общеучебной мотивации обучения [1].

Общеучебная мотивация заключается прежде всего в том, что студенты овладевают в вузе иностранным языком для специальных

(профессиональных) целей или как основой своей профессии преподавателя и/или переводчика. Из общего комплекса мотивированности выделяются в довольно явном виде два стремления студентов: 1) стремление к максимальному обогащению языкового материала и 2) стремление к употреблению иностранного языка как средства коммуникации, что создает благоприятные условия для интенсивной работы над запасом слов и развитием речевых навыков и умений [2].

В то же время студенты, как правило, не осознают до конца те требования к владению иностранным языком, которые поставят перед ними их будущие специальности. А эти требования состоят в том, что речь на иностранном языке должна быть не только коммуникативно правильной, т. е. достигать степени «понимаемости» собеседником, владеющим данным языком как родным, но и быть нормативно правильной, т. е. не отклоняться от норм, обязательных для носителей языка [3]. Эта сторона общеучебной мотивации очевидна для преподавателей и должна быть в полной мере доведена до сознания студентов, поскольку целый ряд приемов и видов работ над языковым материалом, необходимых для удовлетворения этого требования, приобретает в глазах студентов иной смысл, если эти приемы мотивированы [2].

От умения преподавателя вызвать у студентов чувство мотивированности и от применяемых в процессе обучения тех или иных приемов (упражнений) в большой мере зависит образование у студентов общей положительной реакции на процесс преподавания (заинтересованность, взаимопонимание), которая стимулирует потребность в речевом общении и облегчает усвоение языкового материала и отработку речевых умений и навыков [7].

Для организации процесса обучения с учетом указанных выше особенностей преподавателю необходимо также учитывать и возрастные когнитивные особенности студентов.

В исследованиях, посвященных возрастной психологии, имеются свидетельства того, что в период ранней зрелости, к которому относится и время учебы в вузе, психофизиологические функции человека непрерывно меняются. Так, в студенческом возрасте (с 18 до 21 года), наблюдается неустойчивость работы памяти и логики. В 19 лет эти показатели повышаются, а в 20 лет снова происходит некоторый спад, в 21 год показатели мнемических и логических функций снова повышаются, причем в возрасте от 19 до 21 года выявляется довольно высокий уровень развития логической функции [2]. Итак, учитывая повышение продуктивности мнемомыслительной деятельности в студенческом возрасте, в преподавании иностранного языка в вузе нужно опираться не только на память, но и на мышление студентов, так как в развитии речевых

навыков решающую роль играет не столько повторение, сколько понимание [1].

Заключение. Таким образом, преподаватель должен осознавать важность психологических и психолингвистических особенностей преподавания иностранного языка в учебном процессе, чтобы в полной мере раскрыть способность студентов к более эффективному обучению с научной точки зрения и облегчить получение хороших результатов обучения [4].

Список литературы

1. Артемов, В.А. Психология обучения иностранным языкам / В.А. Артемов. — Москва: «Просвещение», 1969. — 279 с.
2. Бородулина, М.К. Обучение иностранному языку как специальности / М.К. Бородулина, А.Л. Карлин, А.С. Лурье, Н.М. Минина. — Москва : «Высшая школа», 1982. — 264 с.
3. Залевская, А.А. Введение в психолингвистику : Учебник / А.А. Залевская. — Москва : РГГУ, 2007. — 566 с.
4. Николаева, Н.В. Когнитивный подход в преподавании иностранных языков в ВУЗе / Н.В. Николаева // Высшая школа России и достижение национальных целей развития страны: XIV Международная учебно-методическая конференция : сб. статей. — Чебоксары, ЧГУ им. И.Н. Ульянова. 2022 г. — С. 203-208.
5. Николаева, Н.В. Коммуникативно-когнитивный подход к процессу преподавания иностранных языков / Н.В. Николаева // Межкультурная коммуникация и профессионально-ориентированное обучение иностранным языкам. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. — Чебоксары, 2022. — С. 130-133.
6. Николаева, Н.В. Изучение медицинского английского языка для профессиональной коммуникации / Н.В. Николаева, К.В. Пушкина // Лингвистика, переводоведение и методика обучения иностранным языкам : актуальные проблемы и перспективы : сб. материалов II Всероссийской науч.-практ. конф. с международным участием : сб. статей. — Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 2020. — С. 787- 793.
7. Пушкина К.В. Роль эмоционального компонента в мотивации студентов неязыковых специальностей при обучении иностранному языку / К.В. Пушкина, Н.В. Николаева // Лингвистика, лингводидактика, переводоведение : актуальные вопросы и перспективы исследований. Международная научно-практическая конференция : сб. статей. — Чебоксары, ЧГУ им. И.Н. Ульянова, 2016. — С.236-240.

КУРЕНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ СИГАРЕТ СТУДЕНТАМИ ВУЗОВ КАК МЕДИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Павлова Н. М.

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова»,
г. Чебоксары, РФ
ninel.pavlova99@mail.ru

В последние годы в студенческой среде большую популярность набирает курение электронных сигарет. Курение электронных сигарет среди студентов вузов стало неотъемлемой частью их повседневной жизни. Среди студентов процесс курения электронных сигарет называется вейпингом. Электронные сигареты представляют собой устройства для парения, которое нагревает раствор, называемый «электронная жидкость», до температуры выше 350°C, образуя аэрозоль, который вдыхают пользователи. Эти сигареты с каждым днем совершенствуются, приобретают новый дизайн, новые ароматические свойства (груша, яблоко, смесь экзотических фруктов и т. д.). Производители электронных сигарет привлекают покупателей красивой упаковкой, информацией о том, что употребление электронных сигарет помогает бросить курить обычные сигареты, предлагают продукты, не содержащие никотин [1]. Несмотря на то, что курение электронных сигарет большинством считается более безопасной альтернативой «традиционному курению» табачных изделий, их вредность для организма не до конца изучена [2].

Курение электронных сигарет является такой же зависимостью, как и курение простых сигарет и имеет точно такие же последствия для здоровья, как при курении табачных изделий.

Курение электронных сигарет студентами вузов является медико-психологической проблемой. Известно, что курение оказывает негативное влияние практически на все функции и системы организма. Происходят значительные изменения внутренних органов. Наиболее сильно страдают органы пищеварительной, сердечно-сосудистой и дыхательной системы. Для электронных сигарет необходима специальная смесь, которая приобретается отдельно. К сожалению, не все производители честно указывают состав смеси в большинстве из них содержится диацетил, токсичный химикат. При длительном вдыхании данного вещества, оно становится опасным, вызывает воспаление лёгких, образование рубцов.

Большинство смесей, как и табачные изделия, содержит никотин, следовательно, все виды негативного воздействия на организм этого вещества присущи и электронным сигаретам. Более того, студенты, курящие электронные сигареты, убежденные, что не приносят никакого вреда своему здоровью, позволяют себе парить чаще и потреблять больше

никотина, чем при классическом курении [3]. Это может привести к передозировке никотином, которое характеризуется тошнотой, головокружениями, головной болью, обильным слюноотделением, диарей.

Курение электронных сигарет может приводить к различным физическим проблемам, включая проблемы с дыхательной системой, сердечно-сосудистой системой, иммунной системой, а также повреждению ДНК и раковым заболеваниям в различных частях тела полости рта, в горле, печени.

Вейпинг оказывает серьезное негативное воздействие на сердце и сосуды, что может привести к различным заболеваниям. Даже один затяг электронной сигареты вызывает повышение артериального давления и увеличивает риск тромбообразования и закупорки артерий. Также способствует увеличению концентрации катехоламинов в крови, что приводит к повышению уровня липидов и развитию атеросклероза, гипертонии и жирового перерождения сердца [4].

Таким образом, можно утверждать, что курение электронных сигарет может привести к большим проблемам в будущем: низкая выносливость, нервное истощение, сердечные заболевания, риск онкологических заболеваний. У людей, которые регулярно курят электронные сигареты, наблюдается мощное угнетение деятельности головного мозга и центральной нервной системы. Ухудшается память, нарушаются процессы мелкой моторики, наблюдается остановка таких процессов, как мышление, внимание, воображение.

Одним из ключевых аспектов вейпинга как психологической проблемы является психологическая зависимость от никотина. Электронные сигареты часто представляются как менее вредная альтернатива обычным сигаретам, что может создавать ложное восприятие безопасности. Это может привести к усилению психологической зависимости, поскольку студенты могут использовать их более активно, чем обычные сигареты, считая это безвредным [5].

Студенты находятся под высоким уровнем стресса из-за академических нагрузок, сдачи экзаменов и выполнения курсовых работ. Многие из них могут обращаться к электронным сигаретам в попытке снять стресс. Постепенно это может привести к развитию психологической зависимости, так как они начинают ассоциировать вейпинг со снятием стресса [6].

Молодые люди, как правило, находятся в окружении сверстников, и, если другие студенты вокруг них используют электронные сигареты, это может создать давление и стимулировать к моделированию такого поведения. Психологическая потребность в социальной принадлежности и подражании другим может способствовать началу употребления электронных сигарет.

Никотин, содержащийся в электронных сигаретах, воздействует на центральную нервную систему и может вызывать изменения в

психоэмоциональном состоянии студентов. Некоторые могут использовать электронные сигареты как способ борьбы с бессонницей, утомлением или недостатком концентрации, что также может создать психологическую зависимость.

Реклама и маркетинг электронных сигарет ориентированы на молодежь, включая студентов. Это создает впечатление о модности и привлекательности вейпинга среди молодых людей, что может быть психологически влиятельным для студентов вузов.

Таким образом, курение электронных сигарет студентами вузов не только угрожает их физическому здоровью, но и представляет серьезную психологическую проблему. Для борьбы с этой проблемой необходимы комплексные меры, включая психологическую поддержку и профилактические программы, направленные на осознание рисков и воздействие на мотивацию студентов отказаться от употребления электронных сигарет.

Список литературы

1. Морозова, Е.А. СРАВНЕНИЕ РАСПРОСТРАНЁННОСТИ ВЕЙПА В ГОРОДАХ И СЕЛЬСКИХ МЕСТНОСТЯХ СРЕДИ УЧАЩИХСЯ / Е.А. Морозова, А.С. Ермакова, Н.М. Попова // Вестник науки. 2022. №6 (51). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnenie-rasprostranyonnosti-veypa-v-gorodah-i-selskih-mestnostyah-sredi-uchaschihsya> (дата обращения: 27.09.2023).
2. Puteh, SEW, Manap RA, Hassan TM, Ahmad IS, Idris IB, Sham FM, Lin ABY, Soo CI, Mohamed RMP, Mokhtar AI, Zakaria H, Lee J, Nordin ASA, Ariaratnam S, Yusoff MZM. The use of e-cigarettes among university students in Malaysia. *Tob Induc Dis*. 2018 Dec 10; 16:57. doi: 10.18332/tid/99539. PMID: 31516454; PMCID: PMC6659562.
3. Jankowski, M, Minarowski Ł, Mróz RM, Guziejko K, Mojsak D, Poznański M, Zielonka TM, Rachel M, Kornicki K, Pełowska P, Bielewicz K, Piotrowski W, Ziobroń A, Pękala-Wojciechowska A, Zborowski J, Shpakou A, Skoczyński S, Majek P, Lawson J, Zejda JE, Brożek GM. E-cigarette use among young adults in Poland: Prevalence and characteristics of e-cigarette users. *Adv Med Sci*. 2020 Sep;65(2):437-441. doi: 10.1016/j.advms.2020.09.002. Epub 2020 Sep 24. PMID: 32979795.
4. Brożek, GM, Jankowski M, Lawson JA, Shpakou A, Poznański M, Zielonka TM, Klimatckaia L, Loginovich Y, Rachel M, Gereová J, Golonko J, Naumau I, Kornicki K, Pełowska P, Kovalevskiy V, Raskilene A, Bielewicz K, Krištúfková Z, Mróz R, Majek P, Lubanski J, Kaleta D, Pinkas J, Zejda JE. The Prevalence of Cigarette and E-cigarette Smoking Among Students in Central and Eastern Europe-Results of the YUPESS Study. *Int J Environ Res Public Health*. 2019 Jun 28;16(13):2297. doi: 10.3390/ijerph16132297. PMID: 31261697; PMCID: PMC6651674.
5. Решетко, С.А. Обзор социально-психологических исследований проблемы табакокурения / С.А. Решетко // МНИЖ. 2017. №6-1 (60). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-sotsialno-psihologicheskikh-issledovaniy-problemy-tabakokureniya> (дата обращения: 28.09.2023).
6. Eltorai AE, Choi AR, Eltorai AS. Impact of Electronic Cigarettes on Various Organ Systems. *Respir Care*. 2019 Mar;64(3):328-336. doi: 10.4187/respcare.06300. Epub 2018 Nov 6. PMID: 30401756.

ОПЫТ СТАНОВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Попова А. А., канд. психол. наук, доц.

ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»,
г. Армавир, РФ
asia_13@mail.ru

Анализ теории и практики деятельности психологической службы в вузе показывает, что в своем современном состоянии она представляет собой целостную систему научного, прикладного и практического аспектов: специальное направление психологической науки, интегрирующее общие достижения педагогической и возрастной психологии, социальной психологии, психологии управления и др.; психолого-педагогическое и методическое обеспечение достижения основных целей вуза, состоящих в развитии личности и подготовке специалистов (на уровне бакалавра, магистра и т. п.), а также это непосредственная деятельность психологов в вузе [2].

Проблемы становления психологической службы в Армавирском государственном педагогическом университете типовые и связаны прежде всего с концептуальной и организационной неопределенностью; несформированностью связей со структурами вуза; управленческой рассогласованностью; нехваткой кадров и практико-ориентированных развивающих программ; несовершенством нормативно-правовой и материально-технической базы; ограниченностью финансовых ресурсов, связанностью с кризисом бюджетного финансирования; зависимостью от субъективного понимания целей, задач и методов деятельности психологической службы вуза; методической необеспеченностью функциональных обязанностей практических психологов и др.

Чтобы психологическая служба стала частью образовательной системы университета, практический психолог должен сначала согласовать ее функционал и наладить деловые отношения с ректоратом. Динамика этих отношений включает несколько уровней: координация (получение административного приказа и соотнесение с собственными идеями, профессиональными интересами, возможностями и т. д.); организация (составление плана работы, административные меры поддержки управления и нормативное регулирование; материально-техническое обеспечение основных направлений работы; психологическая подготовка государственных служащих; разработка концептуальных подходов; аналитическая работа с полученной информацией и т. д.); интеграция или сотрудничество (выполнение совместной работы на разных уровнях; распределение работы между преподавателем и

психологом и другими преподавателями; отбор и подбор психологических технологий; создание системы поддержки личностного и профессионального развития и саморазвития; оптимизация условий жизни, воспитания и образования и т. д.); результат (анализ совместной деятельности и полученных данных) [1].

Концепция психологической службы Армавирского государственного педагогического университета включает в себя ряд функций университетского психолога. Он обязан проводить психологическое просвещение, психологическую профилактику, психологическое консультирование, психодиагностику и психокоррекцию. В то же время каждая функция обслуживает целый ряд задач. Например, в целях психопрофилактики психолог должен адаптировать обучающихся к условиям образовательного учреждения, определить степень их готовности к учебе, обследовать их на каждом курсе обучения, предупредить перегрузки, создать благоприятный психологический климат.

Кроме того, включение в план работы направления по формированию коммуникативной компетентности студентов психологической службы Армавирского государственного педагогического университета отвечает определенным требованиям педагогической практики и связано с необходимостью применения коммуникативных знаний, умений и навыков в учебно-воспитательном процессе студентов для их всестороннего гармоничного развития [4].

Итак, психологическая служба вуза, как один из важнейших видов психологической практики, активно участвует в профессиональном формировании личности будущего педагога. Результаты диагностики, проведенной психологами университетской службы, вводятся в процесс обучения психологическому циклу и позволяют преподавателям психологии проводить индивидуальные и групповые занятия со студентами в рамках психологических стажировок, которые занимают не менее важное место в формировании их коммуникативной компетентности.

Повышение качества подготовки современного специалиста во многом зависит от повышения уровня преподавания. Система средств повышения уровня преподавания постоянно совершенствуется, она не может быть решена эмпирическим путем количественных изменений по отдельным предметам. Необходим качественно новый подход в том, что касается самого образовательного процесса. Приближение студента к непосредственным «производственным условиям», усиление роли самостоятельной работы, дальнейшая активизация обучения, включение плановых и групповых форм работы, укрепление учебно-материальной базы — это далеко не полный перечень направлений повышения эффективности образовательного процесса в вузе на современном этапе.

Проведение работ в этом направлении особенно важно в связи с необходимостью преодоления информационной и авторитарной парадигм образования и развития личностно-ориентированной парадигмы.

Это подразумевает следующие изменения [3]:

- размещение в центре процесса формирования личности с ее мотивами, потребностями, ценностными ориентациями, перспективами, способностями, интеллектом и другими индивидуально-психологическими особенностями;

- пересмотр традиционных форм обучения, отказ от доминирования объяснительных и иллюстративных методов обучения;

- изменение стиля общения, организация сотрудничества между учащимся и обучением, ориентированным на обмен опытом; развитие партнерского (а не манипулятивного) взаимодействия;

- основным результатом занятий должно быть формирование когнитивных навыков, основанных на приобретении соответствующих знаний и навыков;

- воспитание свободной личности, имеющей сформированную «Я-концепцию», способной к самореализации, морально совершенной и социально активной и т. п.

В настоящее время возрастает роль стимулирования студентов, например, гарантированное устройство на работу лучших выпускников. Административные санкции и дисциплинарная ответственность уступают место самодисциплине и саморазвитию. Рынок и нарастающая безработица обязывает студента заботиться о собственном развитии и постоянном улучшении своих профессионально значимых качеств («товарных» качеств). Психологические знания являются мощным стимулом к развитию эталонных моделей профессионала и прогнозированию творческого потенциала личности.

Речь идет не о просвещении или расширении эрудиции, на что была главным образом направлена психологическая подготовка до последнего времени, а о формировании таких психологических новообразований в структуре сознания будущего учителя, которые способны активно влиять на его личностный рост, осуществление педагогической деятельности и ориентировку в психологических дисциплинах, включенных в учебный план. В процессе вузовской подготовки особо значимым становится усиление практической направленности психологической подготовки и рост ее преемственности.

Список литературы

1. Зимняя, И.А. Иерархическо-компонентная структура воспитательной деятельности / И.А. Зимняя // Воспитательная деятельность как объект анализа и оценивания / Под общ. ред. И.А. Зимней. — Москва, 2003.

2. Карандышев, В.Н. Введение в профессию : Учеб. пособие для студ. Высших учеб. заведений. / В.Н. Карандышев. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Смысл; Изд. Центр «Университет», 2008.
3. Гейхман, Л.К. Интерактивное обучение общению : Общепедагогический подход : автореферат дис. ... доктора педагогических наук : 13.00.01 / Рос. гос. профес.-пед. ун-т. — Екатеринбург, 2003. — 39 с.
4. Демкина, Е.В. Социокультурная воспитывающая среда вуза как условие профессионального становления личности будущего специалиста / Е.В. Демкина // Вестник Адыгейского государственного университета. № 7. — Майкоп, 2008. — С. 45-51.

УДК 159.9

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ БУДУЩИХ ПСИХОЛОГОВ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ОБУЧЕНИЯ

Ревуцкая И. В., канд. психол. наук, *Лучко Е. В.*
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
i.revutskaya@donnu.ru

Углубление процессов гуманизации, индивидуализации образования и выбор приоритетных задач профессиональной подготовки будущего психолога должны обеспечить его личностное и профессиональное развитие, в целом, и повысить уровень профессионального самосознания, в частности. Это требует выявления психологических особенностей формирования и развития профессионального самосознания, являющихся необходимым условием профессионального роста будущих психологов. Проявлением социальной ответственности специалиста является его осознание уровня сформированности собственных профессиональных компетенций и профессионально важных качеств.

Анализ психологических источников (К.А. Абульханова-Славская, О.Ю. Артемьева, В.И. Захаров, Е.А. Климов, Т.В. Кудрявцев, А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, Ю.Ю. Осгуд, В.А. Петровский, В.Ф. Петренко, А.О. Прохоров, С.Л. Рубинштейн, В.В. Столин, М.С. Пряжников, В.А. Семиченко, А.И. Чепишко, Н.Ф. Шевченко, Л.Б. Шнейдер) по данной проблематике показал отсутствие целостных исследований, раскрывающих психологические особенности формирования профессионального самосознания будущих психологов в разрезе его структуры, содержания и функций, профессиональной идентичности. Все это обусловило выбор темы исследования.

Целью исследования является установление различий между показателями профессионального самосознания студентов-психологов на разных курсах обучения.

Онтология самосознания связана с эмоциональными, познавательными и волевыми аспектами психической деятельности личности. Н.Ф. Шевченко отмечает, что профессиональное сознание практического психолога включает в себя профессиональное образование, профессиональную культуру деятельности, а также мыслительную деятельность, доходящую до методологической рефлексии [1].

Рассматривая профессиональное самосознание как самообъективный опыт, ученые выделяют такие образования, как: образ «Я», ценности, идеалы, цели, уровень притязаний, систему представлений о способах самооценки, порождения личностных смыслов и т. д. [2].

Для достижения поставленной цели, опираясь на изученные теоретические представления о профессиональном самосознании, нами выделены детерминанты профессионального самосознания, а именно: самоотношение (глобальное самоотношение, дифференцированное самоотношение, отношение к личному «Я», самоуважение, аутосимпатия, ожидаемое отношение от других, самоинтерес); личностная и профессиональная самоидентичность (самооценка, социальное «Я», коммуникативное «Я», материальное «Я», физическое «Я», деятельное «Я», перспективное «Я», рефлексивное «Я»); профессиональная идентичность (преждевременная идентичность, диффузная идентичность, мораторий идентичности, достигнутая позитивная идентичность, псевдопозитивная идентичность).

Следуя логике исследования, нами сформирована валидная выборка в количестве 40 студентов–психологов ФГБОУ ВО «ДонГУ» кафедры психологии, направление подготовки «Психолого-педагогическое образование». Совокупная выборка была распределена на две группы. Первую группу составили 20 студентов: бакалавры 5 курса и магистры 1 курса заочного обучения, средний возраст исследуемых составил от 24 до 49 лет. Вторая группа составила 20 студентов бакалавров 1 курса очного обучения, средний возраст исследуемых составил от 16 до 18 лет.

Подобраны методики, направленные на разностороннее исследование профессионального самосознания будущих психологов в соответствие с обозначенными детерминантами. С целью изучения самоотношения будущих психологов использована методика «Тест опросник самоотношения» (ОСО) В.В. Столина и С.Р. Пантелеева. Для исследования личностной и профессиональной самоидентичности, использована методика «Кто я?» М. Куна и Т. Макпартленда. Для изучения профессиональной идентичности, методика «Изучение профессиональной идентичности» Л.Б. Шнайдер.

Для установления различий между показателями профессионального самосознания у будущих психологов использован метод математической статистики t-критерий Стьюдента. Критическое значение для исследуемых выборок n=40 составили: $t_{кр}$ при $p \leq 0.05 = 2,02$; $t_{кр}$ при $p \leq 0.01 = 2,71$.

Установлена разница со статистическим значением по таким показателям самосознания, как:

Самоинтерес с очень сильной разницей в $t_{кр} = 33,9$ при $t_{Эмп} p \leq 0.01$. Следовательно, на первом курсе будущие психологи имеют заниженный уровень интереса к себе. Они не озабочены личными мыслями и чувствами, не готовы общаться с собой «на равных». В отличие от студентов старших курсов, у которых фиксируется завышенный ярко выраженный самоинтерес, старшекурсников очень волнует их внешность, они очень озабочены личными мыслями и чувствами, они рефлексивны, уверены в своей точке зрения и считают ее, если не правильной то, точно интересной.

Аутосимпатия $t_{кр} = 9,87$ при $t_{Эмп} p \leq 0.01$. Достаточно большая корреляционная разница между аутосимпатией первокурсников и старшекурсников свидетельствует о том, что студенты 1 курса довольны своими внешними данными, выстраиваемой ими моделью поведения, своими качественными характеристиками и иными показателями. В отличие от старшекурсников, где показатели аутосимпатии имеют качественно иное выражение и проявляется в том, что старшекурсники любят анализировать свои поступки, отслеживают в себе чаще положительные качества, выделяет себя из общей массы, одобряют свои действия и почти не видят в себе недостатков.

Коммуникативное Я с очень сильной разницей в $t_{кр} = 7,3$ при $t_{Эмп} p \leq 0.01$. Так, у студентов первого курса уже проявляются такие качества, как профессиональная любознательность, умение охотно слушать интересного собеседника, терпение в общении с другими, они умеют отстаивать свою точку зрения без вспыльчивости. Готовы к общению с новыми людьми. Но в то же время не любят шумных компаний, экстравагантные выходки и многословие вызывают у них раздражение. В отличие от старшекурсников, которым характерна назойливая общительность. Они выделяются любопытством, разговорчивостью, стремлением высказываться по разным вопросам, что бывает, вызывает раздражение окружающих. В характере общения могут проявлять азарт и даже вспыльчивость, но достаточно быстро проявляют снисхождение к собеседнику.

Самоуважение с разницей в $t_{кр} = 5,5$ при $t_{Эмп} p \leq 0.01$. Сильная корреляционная разница говорит о том, что студентам первого курса с достаточной степенью свойственно чувствовать уважение к себе, они верят в свои силы, возможности. В отличие от студентов старших курсов, которые преисполнены чувством собственной важности, нередко проявляют необоснованную уверенность в своей исключительности, могут переоценивать значимость собственной личности и своих возможностей.

Таким образом мы установили, что существуют различия между такими показателями профессионального самосознания (самоинтерес,

аутосимпатия, самоуважение, коммуникативное Я) у будущих психологов в зависимости от курса обучения, студенты первого курса имеют более низкие результаты профессионального самосознания, в отличие от студентов старших курсов.

Список литературы

1. Шевченко, Н. Ф. Профессиональное самосознание будущего учителя : психосемантический и развивающий аспекты / Н.Ф. Шевченко, А.И. Чепишко. — Запорожье : ЗНУ, 2015. — 200 с.
2. Шнейдер, Л.Б. Профессиональная идентичность : структура, генезис и условия становления: автореф. дисс... докт. психол. наук: 19.00.13 / Моск. пед. гос. ун-т. — Москва, 2001. — 42 с.

УДК 378.14

РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ УМЕНИЙ ПЕДАГОГОВ ПО РЕАЛИЗАЦИИ МЕДИАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Самсоненко Л. С., канд. психол. наук, доц.

ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет»,
г. Оренбург, РФ
lsamsonenko@yandex.ru

Введение. Современные социальные условия характеризуются значительным количеством конфликтогенных факторов, среди которых чаще всего называют социальное неравенство, отсутствие единых нравственных ориентиров, высокая роль культуры потребления, культ «сильной личности», миграционные процессы и другое. Негативные социальные явления как в зеркале отражаются в системе образования. Почти ежедневно в средствах массовой информации появляются сообщения о проявлениях конфликтности и агрессивности среди участников образовательной среды. Согласно данным социологического исследования в России 52% обучающихся подросткового возраста имеют опыт столкновения с агрессивным поведением, как со стороны сверстников, так и со стороны педагогов [1].

Кроме того, образовательная среда насыщена конфликтогенами, которые связаны с такими профессиональными деформациями педагогов как отсутствие мотивации у педагогов на личностное развитие учеников, преобладание тенденции отвечать гневом на проблемные ситуации, страх признавать собственные ошибки, низкий уровень потребности к развитию профессионализма [2].

Разрешение возникающих конфликтных ситуаций в образовательном пространстве требует медиативных умений и навыков, которым необходимо целенаправленно обучать всех субъектов школьной среды.

Основная часть. Медиация как альтернативный способ разрешения конфликтов представляет собой один из наиболее гуманных и безопасных вариантов выхода из трудной ситуации. Развитие медиации отражается и в нормативных документах, например, в Межведомственном плане по реализации Концепции до 2025 года, Плана основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, п. 111 (до 2027 г.).

Содержание и структура медиативных умений активно исследуется в отечественной науке. Так, в работе Т.И. Никулиной, А.М. Гангур в структуру медиативной компетентности включаются умение распознавать эмоциональные состояния и умение выбирать способы поведения в конфликте [4].

И.В. Хорошевская описывает основные умения при реализации медиативной деятельности как сформированность таких компетенций как коммуникативная (например, умение использовать техники эффективной коммуникации), информационно-аналитическая (например, умение анализировать, умение делать выводы), мнемическая (например, умение запоминать большой объем информации), управленческая (например, умение мотивировать на разрешение конфликта), эмоциональная (например, умение регулировать эмоции) [5].

А.Ю. Коновалов среди ведущих умений медиатора рассматривает умение использовать приемы управления собственным эмоциональным состоянием, умение выстраивать конструктивную коммуникацию и вести переговоры [3].

По результатам рассмотрения различных подходов к пониманию медиативных умений, можно сказать, что необходима организация специального обучения для овладения необходимыми умениями для педагогического сообщества.

Итак, в связи с высокой значимостью развития у педагогов медиативных умений нами была разработана дополнительная профессиональная программа повышения квалификации «Медиация: возможности и технологии реализации в образовательной среде».

Целью программы заявлено совершенствование профессиональных компетенций слушателей в области реализации медиативных технологий в образовательной среде.

Основными задачами программы является развитие умений планировать профилактическую работу по предупреждению конфликтов в системах отношений «педагог - учащийся», «ученик - ученик»; отбирать и использовать технологии и приемы медиации для поддержки и помощи обучающимся, попавшим в конфликтную ситуацию; выстраивать конструктивные отношения с различными субъектами образовательной

среды (обучающимися, педагогами, родителями, представителями администрации); применять методы формирования толерантного поведения у обучающихся.

Программа рассчитана на 72 часа, при этом может быть реализована в различных форматах (очно, очно-заочно, дистанционно).

Содержание программы включает следующие модули: «Нормативно-правовые основы реализации медиации в образовании», «Медиация как альтернативный метод разрешения конфликтов в системе образования», «Медиативные техники и приемы».

Реализация содержания программы ориентирована на применение активных форм работы, таких как тренинговые упражнения, анализ проблемных ситуаций, дискуссии, анализ документов.

В рамках лекционных занятий с педагогами обсуждаются базовые понятия: служба медиации, восстановительный подход, конфликт, технологии управления конфликтом и другие. Отдельное занятие посвящено рассмотрению нормативно-правовых основ реализации медиации в образовательном учреждении.

Практические занятия включают задания по анализу нормативных актов, регулирующих деятельность служб примирения в образовательных учреждениях, по анализу реальных конфликтных ситуаций в системе образования из информационных источников, по самостоятельной разработке различных вариантов примирительных соглашений, а также отработку в игровых ситуациях медиативных техник. Отдельная тема посвящена развитию умений по преодолению сопротивления в процессе медиации.

По завершению обучения слушатель может выбрать форму итоговой аттестации: разработка и защита проекта по теме «Школьная служба медиации» или проведение учебной медиативной сессии.

Заключение. Итак, представленная программа направлена на расширение представлений педагогов об особенностях медиации в системе образования, формирование позитивного отношения к реализации восстановительного подхода в проблемных педагогических ситуациях, а также отработке навыков применения эффективных коммуникативных техник, медиативных приемов.

Представленная программа включена в реестр программ дополнительного профессионального образования на Едином федеральном портале дополнительного профессионального педагогического образования Академии Минпросвещения России.

Список литературы

1. Каждый второй подросток заявил об агрессии в школе. — URL:<https://www.rbc.ru/politics/30/10/2019/5db06c549a794759933165b2> (дата обращения: 21.09.2023).

2. Кирсанов, А.И. Конфликты в общеобразовательных организациях. Причины усиления конфликтности образовательной среды / А.И. Кирсанов // Язык и текст. — 2019. — Том 6. — № 4. — С. 32-41. — DOI: 10.17759/langt.2019060405.
3. Коновалов, А.Ю. Школьная служба примирения и восстановительная культура взаимоотношений: практическое руководство / А.Ю. Коновалов. — Москва : МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2012. — 256 с.
4. Никулина, Т.И. Медиативная компетентность субъектов образовательного процесса / Т.И. Никулина, А.М. Гангур // Психологическая наука и практика: инновации в образовании: материалы V конференции психологов образования Сибири. — Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018. — 526-530 с.
5. Хорошевская, И.В. Формирование медиативной компетентности будущих педагогов как психолого-педагогическая проблема / И.В. Хорошевская // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2019. — № 1 (134). — С. 113-118.

УДК 159.96

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ШКОЛЬНОМ КЛАССЕ У СУБЪЕКТОВ ОБРАЗОВАНИЯ

Скорова Л. В., канд. психол. наук, доц., *Кушнир Д. И.*
ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», г. Иркутск, РФ
larisa.skorova@gmail.com

Введение. В системе школьного образования происходит пересмотр его содержания, что отражается не только в предметном знании, но и формировании метапредметных и личностных результатов освоения образовательных программ, функциональной грамотности, коммуникативной компетентности школьников. Эффективность их формирования обеспечивается благодаря совместной деятельности и сотрудничеству всех субъектов образовательных отношений. Школьный класс — это, прежде всего, группа, к которой принадлежат обучающиеся в течение длительного времени, и которая является основой формирования социальных, нравственных норм и ценностных ориентаций. И благодаря учителю формируются позитивные представления школьников и их родителей о школе и классе. Вместе с тем, Н.Н. Толстых отмечает, что представления подростков и родителей близки, но отличаются у родителей и учителей [3]. Липатов С. А., Несмеянова Р. К. доказывают, что положительный эмоциональный компонент субъективного отношения к школе больше выражен у учителей и родителей по сравнению со школьниками [2]. Позитивные (положительно окрашенные) представления о школьном классе способны мотивировать педагогов к организации разнообразной деятельности с учащимися и

препятствовать эмоциональному выгоранию. А разнородные представления у подростков о школьном классе могут вызывать межличностные конфликты. В этом контексте особое значение имеет не только изучение представлений о школьном классе у субъектов образования, но и организации работы с родителями, учителями и школьниками по повышению у них психологической культуры [1].

Целью данного исследования было выявление особенностей представлений о школьном классе у школьников, их родителей и педагогов. Мы исходили из предположения о том, что различия в социальной роли субъектов образования определяют представления о школьном классе как малой учебной группе; представления родителей о школьном классе будут определяться степенью их вовлечённости в жизнь школы.

Основная часть. В исследовании приняли участие 115 человек, из них 56 педагогов (классные руководители, непосредственно обеспечивающие формирование и развитие всех механизмов групповой динамики малой группы), 33 подростка и 26 родителей. Респондентам предлагалось написать не менее 5 ассоциаций, которые возникают к слову «школьный класс». Результаты обрабатывались с использованием техники прототипического анализа П. Вержеса. Анализу подверглись 540 ассоциаций (в среднем 4,7 на каждого респондента). Показатель рангомизированного распределения составил 2,7. Распределение ассоциаций по частоте встречаемости, превышающей медиану, и рейтингу позволили определить следующую структуру представлений у субъектов образования. Ядро образуют следующие элементы, образуемые ассоциациями, которые встречаются часто, упоминаются в первую очередь: у подростков — «оснащение», «весело», «дружба», у родителей — «оснащение», «дружба», «ученики», «учитель», у педагогов — «ученики», «оснащение», «дружба», «учитель». Потенциальную зону (встречаются часто, упоминаются не в первую очередь) составляют ассоциации у подростков — «учебные принадлежности», «учитель», «уют», у родителей — «учебные принадлежности», «уют», у педагогов — «учебные принадлежности», «уроки». Буферную зону с редкой встречаемостью, но в первую очередь образуют у подростков — «оснащение», «учебные принадлежности», «уют», «учитель», у родителей — «любимый», «весёлый», у педагогов — «школа», «коллектив», «весёлый», «уют». Периферическая зона представлена ассоциациями, которые встречаются редко и упоминаются в последнюю очередь у подростков — «знания», «шумный», «оценки», «звонок», «радость», «сплочённый», «тепло», у родителей — «урок», «уют», «дружба», «неуправляемый», «ученики», у педагогов — «знания», «шумный», «оценки», «звонок», «радость», «сплочённый», «тепло». Структура социальных представлений о школьном классе у школьников, их

родителей и учителей очень схожи, но имеют разную степень наполненности ядерных и периферических зон. Так, например, периферическая зона имеет гораздо больше слов-ассоциаций по сравнению с ядерной зоной. Буферные зоны по степени наполненности представлений о школьном классе у родителей, учителей и школьников словами-ассоциациями существенно не различаются. Заметим, что слова-ассоциации о школьном классе у субъектов образования в основном имеют позитивный эмоциональный окрас. Однако у школьников упоминаются такие слова, как интриги, ссоры, баловство (очень редко и не в первую очередь). Примечательно, что для всех респондентов важно, чем оснащён класс, что не определяет характеристику школьного класса как малой группы. Потенциальная зона, представленная такими общими для всех субъектов элементами как «учебные принадлежности», «уют», выступает источником потенциальной трансформации социальных представлений о школьном классе. Анализ всех зон представлений субъектов образовательных отношений о школьном классе позволяет предположить о доминирующих внешних (материальных) атрибутах. Значимые характеристики школьного класса как малой группы встречаются редко и не в первую очередь.

На основании этого нами были разработаны и реализованы (в течение учебного года) мероприятия, направленные на формирование позитивного отношения к школе, престижность её восприятия, уважение к педагогическому коллективу, формирование положительно окрашенных представлений о школьном классе у всех субъектов образования: тематические встречи с родителями «Наш школьный класс», выставки семейного творчества школьного класса, тематические встречи, массовые мероприятия со школьниками и их родителями, практикумы и мастер-классы с учителями и пр.

Повторное изучение структуры представлений обнаружило изменения во всех зонах. Ядро образовали следующие ассоциации: у подростков — «оснащение», «весело», «дружба», у родителей — «сплочённый», «крепкий», «дружный», «умный», у педагогов — «ученики», «ответственный», «сплочённый», «активный», «дружный», «оборудованный». Потенциальную зону у подростков — «оборудование», «лучший», у родителей — «оборудование», «учитель», «ученики», «учебные принадлежности», у педагогов — «уважение», «весёлый», «уроки». Буферную зону у подростков — «перемена», «интересно», «учитель», у родителей — «весёлый», «любимый», «отличный», «семья», «форма», у педагогов — «доброта», «встреча», «весёлый», «любовь», «перемена», «воспитание», «культурный». Периферическая зона представлена ассоциациями, которые встречаются редко и упоминаются в последнюю очередь у подростков — «мне нравится», «детство», у родителей — «доброта», «мой», «хороший», у педагогов —

«талантливый», «неугомонный», «технологии», «заботливый», «обязательный».

Заключение. Представленные результаты свидетельствуют о положительной динамике в развитии представлений у субъектов образования о школьном классе в результате активного включения в сотруди́ческие отношения и совместную деятельность. Структура представлений субъектов образования о школьном классе позволяет говорить о видении респондентами класса как группы, имеющей общую цель и в которой происходит межличностное взаимодействие и формируется чувство причастности.

Список литературы

1. Качимская, А.Ю. Психологическая культура педагога как фактор эффективности профессиональной деятельности / А.Ю. Качимская // Повышение профессионального мастерства педагогических работников в России : вызовы времени, тенденции и перспективы развития: Матер Всеросс. с междунар. участием науч.-практ. конф., посвященной 110-летию Иркутского Педагогического института. — Часть 2. — Изд-во «Иркут», 2019 — С. 443-451. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41143851> (дата обращения: 23.09.2023).
2. Липатов, С. А. Представления о культуре школы и отношение к ней у учителей, учеников и родителей / С.А. Липатов, Р.К. Несмеянова // *Человеческий капитал*. — 2021. — Т. 1. — № 12(156). С. 113-124. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47387961> (дата обращения: 23.09.2023).
3. Толстых, Н.Н. Социальные представления о школе у современных подростков, их родителей и учителей / Н.Н. Толстых // Герценовские чтения : психологические исследования в образовании : Материалы II Международ. научн.-практ. конфер. — Санкт-Петербург : РГПУ им. А.И. Герцена — 2019. — Выпуск 2. — С. 704-708. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44055260> (дата обращения: 23.09.2023).

УДК 378.091.21:159.922

ВЛИЯНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ И ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА РАЗВИТИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Соломенный Ф.Ф.¹, Соломенная З.В.², Щетинина Д.В.²

¹ ФГБОУ ВО «Донецкий национальный технический университет»,
г. Донецк, РФ

² ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского», г. Донецк, РФ
solomennyifedor@mail.ru

Введение. Развитие индивидуальности является важным аспектом в психологии и педагогике, так как каждый человек обладает уникальными особенностями и потенциалом. В данной работе мы исследуем, как

психологические и педагогические факторы влияют на формирование и развитие индивидуальности.

Цель данной статьи — установление особенностей развития индивидуальности при влиянии психологических и педагогических факторов; систематизация существующих методов и подходов, которые помогают преподавателям и другим специалистам в образовании применять психологические и педагогические знания в практике обучения.

Основная часть. В современном обществе вопросы развития личности становятся все более актуальными. Каждый человек стремится раскрыть свой потенциал, достичь успеха и самореализации. Однако для этого необходимо учитывать психологические и педагогические факторы, которые оказывают значительное влияние на формирование индивидуальности.

Личностные особенности, мотивация, эмоциональное состояние — все это определяет способность к адаптации и саморазвитию. Психологическая готовность к изменениям и развитию является важным фактором, формирующим личность. Формирование жизненной позиции, умение принимать решения и обладать высокой самооценкой — все это тесно связано с психологическим состоянием личности.

Различные науки определяют личность по-разному, но остановимся на самом распространенном значении. Личность — это человеческий индивид, являющийся субъектом отношений и сознательной деятельности [1].

Окружение, образовательные программы, методы преподавания — все это влияет на формирование личностных качеств и способностей человека. Педагогическая поддержка, стимулирование интересов и талантов — все это создает благоприятную среду для развития индивидуальности.

Согласно Л.С. Выготскому, личность — это целостная психическая система, дающая возможность творчески осваивать общественный опыт человека в системе общественных отношений и включать человека в систему общественных отношений [2].

Как правило, именно в студенческом возрасте достигают максимума в своем развитии не только физические, но и психологические свойства и высшие психические функции: восприятие, внимание, память, мышление, речь, эмоции и чувства. Этот факт позволяет сделать вывод о том, что данный период жизни максимально благоприятен для обучения и профессиональной подготовки. В этот период происходит активное формирование индивидуального стиля деятельности. Преобладающее значение в познавательной деятельности начинает приобретать абстрактное мышление, формируется обобщенная картина мира, устанавливаются глубинные взаимосвязи между различными областями изучаемой реальности.

Рассмотрим несколько теорий и исследований, которые помогут понять, какие психологические аспекты следует учитывать при разработке образовательных методов и подходов.

По мнению Пиаже, именно опыт и фактическое социальное окружение влияют на развитие интеллекта ребенка. Он полагал, что биологическое созревание организма играет определенную роль в интеллектуальном развитии, а открытие новых возможностей организма для развития составляют сам эффект созревания. Кроме того, согласно исследованиям Пиаже, достигнутое ребенком интеллектуальное развитие обеспечивает наибольшую часть успеха обучения [4].

Теория саморегуляции, разработанная Альбертом Бандурой. Самоэффективность и саморегулирующая функция являются основной данной теории. Бандура считал, что научение было бы исключительно трудоёмким — не говоря уже рискованным — процессом, если бы люди, получая информацию о том, что делать, полагались бы исключительно на результаты собственных действий [3].

Педагогические факторы играют важную роль в формировании и развитии индивидуальности. Первый педагогический фактор — это содействие саморазвитию студента. Преподаватель должен создать условия для того, чтобы студент мог самостоятельно открыть свои возможности и развиваться в соответствии со своими потребностями. Второй педагогический фактор — это индивидуализация обучения. Третий педагогический фактор — это использование активных методов обучения. Они не только помогают приобрести новые знания и навыки, но и развивают творческое мышление, коммуникативные и проблемно-поисковые умения.

Взаимодействие между преподавателем и студентом, а также отношения между студентами могут оказывать сильное влияние на развитие индивидуальности. Регулярное обсуждение успехов и трудностей студентов, предоставление конструктивных советов и поддержки помогают им повышать свои образовательные достижения.

Один из педагогических методов, который основан на учете индивидуальных психологических особенностей каждого учащегося, называется индивидуализацией обучения. Этот метод предусматривает создание учебного плана и программы на основе потребностей и возможностей каждого конкретного ученика. Он основывается на понимании, что у каждого ученика есть свои способности, интересы, уровень знаний и умений. Педагоги, применяющие этот метод, стремятся создать условия, которые позволяют каждому ученику достичь своего максимального потенциала.

Для осуществления индивидуализации обучения педагоги могут использовать различные методы и стратегии, такие как дифференцированный подход к обучению, планирование индивидуальных

заданий, использование различных материалов и ресурсов, поддержка самостоятельной работы, а также индивидуальные консультации и обратная связь с учениками.

Заключение. Основные задачи высшего образования — создание условий для самореализации студента и обучение достижению вершин жизни и профессионализма в деятельности.

Психологические и педагогические факторы существенно влияют на формирование и развитие индивидуальности. Генетический фактор, личностные особенности, воспитание и семейная среда, образовательная среда, педагогический подход и межличностные отношения играют важную роль в определении того, как индивидуальность раскрывается и развивается. Понимание этих факторов позволяет педагогам и психологам эффективно работать с различными индивидуальностями, помогая им достичь своего полного потенциала.

Список литературы

1. Бичева, И. Б Развитие профессиональной компетентности педагогических кадров дошкольных образовательных учреждений : автореферат дис. ... кандидата педагогических наук : 13.00.08 / Бичева Ирина Борисовна / Волж. гос. инженер.-пед. ин-т. — Нижний Новгород, 2003. — 29 с.
2. Гиппенрейтер, Ю.Б. Введение в общую психологию : курс лекции : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по спец. психологии / Ю.Б. Гиппенрейтер. — Москва : ЧеРо, 2009. — 352 с. — ISBN: 5-88711-219-0
3. Теория социального научения / Альберт Бандура. — Санкт-Петербург : Евразия, 2000. — 318 с. — ISBN 5-8071-0040-9
4. Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / В. А. Сластенин, И. Ф. Исаев, Е. Н. Шиянов; Под ред. В.А. Сластенина. — Москва : Издательский центр "Академия", 2013. — 576 с.

УДК 159.9

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ПРИЁМНЫХ ДЕТЕЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

Тимофеенко В. А., канд. филос. наук, доц.

Сердюкова Ю. А., канд. юрид. наук, доц.

Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) ФГБОУ ВО «Ростовский
государственный экономический университет (РИНХ)», г. Таганрог, РФ
nikab1ru@mail.ru

На сегодняшний день проблема, связанная с увеличением детей-сирот, является бесспорно актуальной. Как известно, судьба ребёнка, потерявшего родителей, всегда была незавидной: потеря родителей, по

сути, самых близких в жизни ребенка людей особенно на ранних этапах его развития, оказывает травматичное воздействие на неокрепшую детскую психику. Отсутствие модели адекватных семейных отношений формирует у ребенка ненадежные типы привязанности, которые, в свою очередь, приводят к деструктивным паттернам поведения. Большинство ребят, попавших в воспитательные учреждения, слишком рано проходят тяжёлую школу жизни. Нередко воспитанники или выпускники детских домов, оказываются в стенах других заведений — в исправительных колониях, тюрьмах, по возвращению из которых оказываются социально дезадаптивны. Такие дети учатся жить на своих, порой очень жестоких, ошибках.

Исторически сложилось, что одним из старейших правовых институтов, способных наиболее оптимально регулировать процесс устройства детей, оставшихся без попечения родителей, является институт усыновления. Ритуалы усыновления мы можем обнаружить еще в дохристианскую эпоху.

На данный момент, согласно исследованию, проведенному в 2022 г., детей-сирот в России становится меньше. Вероятно, это связано с тем, что сократилось количество отказов от детей при их рождении, кровные семьи органы опеки стремятся реже лишать родительских прав. Таким образом, мы можем наблюдать рост популярности семейных ценностей в социуме, стремление к сохранению семейной целостности, интерес к теме приемного родительства. [1]

Как известно, процедура усыновления — сложный многоуровневый процесс, который не ограничивается только юридическими последствиями. И для усыновленного ребенка, и замещающей семьи усыновление влечет множество социальных и психологических последствий, которым целесообразно уделить пристальное внимание.

Вне всяких сомнений воспитание ребенка в замещающей семье довольно сложный, рискованный процесс. Однако, стоит отметить, что и во многом перспективный. Сама процедура усыновления и дальнейшее воспитание могут по-разному отразиться на физическом и ментальном здоровье ребенка, на его дальнейшей социализации, самореализации, определении себя как личности. Стоит понимать, что зачастую замещающим родителям приходится перевоспитывать детей, используя формы и методы, отличные от тех, которые использовали кровные родители на предыдущих этапах развития ребенка. Следовательно, стили воспитания могут быть совсем разными: ресурсными или неподходящими. [2]

Только в результате сотрудничества можно сформировать готовность ребенка к взаимодействию с окружающими, ощущение психологической безопасности. Однако инициативна в отношениях должна исходить в первую очередь от взрослых, поскольку суть любого родительства — полное взятие ответственности за все, что происходит в семье.

По мнению специалистов, существует несколько типов психолого-педагогического сопровождения: стабильное, активное и кризисное сопровождения.

Стабильное сопровождение — психолого-педагогическое сопровождение усыновленных детей, характеризующееся оказанием устойчивой психолого-педагогической помощи. В рамках данного сопровождения специалисты стремятся сформировать у детей, проживающих в замещающих семьях, чувства собственной нужности, значимости своих эмоциональных состояний. Дети учатся понимать себя и свои ощущения, качественно коммуницировать с семьей и окружающими.

Главная цель сопровождения — на первом этапе актуализировать у детей личностные ресурсы, на втором — выйти на новый уровень личностного функционирования и, наконец, на заключительном этапе — добиться успешной социализации. Обычно стабильное сопровождение проводится для тех категорий семей, которые прошли через трудности, и теперь психологически стабилизировались.

В рамках проведения стабильного психолого-педагогического сопровождения усыновленного ребенка и замещающей семьи специалисты предлагают использовать индивидуальные и групповые консультации, индивидуальные и групповые коррекционно-развивающие занятия, родительские встречи в целях обмена опытом, тренинги, публичные лекции, семинары, культурно-массовые мероприятия, проведенные как отдельно, так и совместно с родителями, индивидуальные профилактические услуги.

Несмотря на высокую перспективность стабильного сопровождения семьи, результат будет зависеть от особенностей личностей ребенка и замещающей семьи. Также стоит учесть, что этот процесс носит длительный характер.

Активное сопровождение — для проведения успешного активного сопровождения используются индивидуальные и групповые беседы, семейные консультирования, публичные лекции и семинары, тренинги, культурно-массовые мероприятия.

Кризисное сопровождение — психолого-педагогическое сопровождение замещающих семей, которые оказались в очень сложной ситуации. Оно предполагает активную работу с семьей в случае отказа родителей от ребенка или желания ребенка выйти из этой семьи.

В процессе работы с семьей стоит понимать, что для каждого участника сопровождения — это сложный этап, для которого характерны различные риски и перспективы. Ребенок из интернатного учреждения, попавший в полноценную семью, сталкивается с серьезными проблемами на пути к социализации в новом окружении.

Длительная конфликтная ситуация в семье оказывает негативное влияние на психологическое состояние всех ее членов: нарушается и

замедляется социальная и психологическая адаптация, не формируется должным образом способность к совместной деятельности, не выстраиваются доверительные отношения. В связи с нарастающим уровнем психологического напряжения в семье у детей и родителей появляются эмоциональные нарушения, невротические реакции, возникает беспричинная тревога, отсутствует ощущение безопасности. Дисгармония семейных отношений создает неблагоприятный фон для эмоционально-психологического развития ребенка, что приводит к различным личностным отклонениям — генерализованному контролю, грубости, жестокости, агрессивности, эмоциональному и даже физическому насилию.

Список литературы

1. Зайкова, О.Н. Формирование культуры усыновления в России / О.Н. Зайкова // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2012. – С. 104-108. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-kultury-usynovleniya-v-rossii> (дата обращения - 18.09.2023 г.)
2. Левушкин, А.Н. Соблюдение интересов ребёнка как условие усыновления (удочерения): вопросы теории и практики. / А.Н. Левушкин // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право, 2011. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soblyudenie-interesov-rebenka-kak-uslovie-usynovleniya-udochereniya-voprosy-teorii-i-praktiki> (дата обращения - 18.09.2023 г.)

УДК 159.99

ФОРМИРОВАНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В ПРОЦЕССЕ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Фархутдинова Ю. Н., канд. психол. наук, *Доля А. Н.*
ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет
имени Козьмы Минина», г. Нижний Новгород, РФ
julia82.06@mail.ru

Введение. Современное образование имеет тенденцию к постоянному развитию, открывая новые возможности, формируя важнейшие личностные качества обучающихся детей. Инклюзивное образование является примером современной образовательной системы, которая реализует общепедагогические, гуманистические и социальные задачи не только для лиц с ограниченными возможностями здоровья, но и для обычных детей.

Следует отметить, что одним из основных принципов построения инклюзивного образовательного пространства является формирование важных личностных качеств, в частности развитие толерантности по отношению к сверстникам с ОВЗ.

Основное содержание. Исследования М. А. Колокольцевой [3], О. И. Крушельницкой [5], Н. А. Плаксиной [7] показывают, что инклюзивное образование в начальной школе помогает принимать как собственные особые потребности, так и учитывать особые потребности других при взаимодействии друг с другом. Учеными было установлено, что младший школьный возраст является важным для формирования толерантности.

Известно, что одним из важнейших факторов приспособления детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) в жизнь школьного общества является отношение здоровых детей к данной категории. Такое отношение бывает достаточно противоречивым. Это связано с тем, что в общественном сознании сформирован негативный и стереотипный образ человека с ОВЗ. В связи с этим, Т. Л. Кремнева отмечает, что «одной из социальных задач является формирование толерантного отношения к людям с ОВЗ и адекватному восприятию их присутствия в разных сферах деятельности. Формировать толерантное отношение к людям с ОВЗ следует в дошкольном возрасте и продолжать на всех ступенях взросления» [4, с. 11-12].

Проблема формирования толерантности в условиях инклюзии у младших школьников рассматривалась в исследованиях А. Г. Асмолова, А. К. Дусавицкого, В. А. Киричок, Т. Л. Кремневой, Н. Н. Малофеева, Н. М. Назаровой, Н. А. Плаксиной, Л. М. Шипицыной и др.

В трудах А. Г. Асмолова проблема толерантности описывается как сложный феномен, который понимается с одной стороны, как самостоятельная культурная ценность, с другой — как принятие индивидуальности другого человека и самого себя, умение сопереживать другому человеку, устанавливая с ним субъект-субъектные отношения [1]. В исследованиях Н. А. Плаксиной отмечается, что толерантность школьников к сверстникам с ОВЗ является интегративным личностным образованием, которое проявляется в представлениях о сверстниках с ОВЗ (когнитивный компонент), в умении распознавать их эмоциональные состояния и проявлять эмпатию (эмоциональный компонент); готовности и способности к оказанию помощи в той мере, которая необходима сверстникам с ОВЗ, к сотрудничеству со сверстниками с ОВЗ в различных ситуациях (поведенческий компонент) [7].

По мнению И. В. Дуды формирование толерантности младших школьников включает в себя следующие аспекты:

- ✓ соблюдение принципа уважения человеческого достоинства всех людей;
- ✓ понимание уникальности личности каждого;
- ✓ понимание принципа взаимодополняемости и взаимозависимости как основы совместных действий;

- ✓ повышение уровня информированности о толерантности и толерантном поведении;
- ✓ формирование навыков конструктивного и неконфликтного общения [2].

Немаловажными в реализации инклюзивного образования являются и личностные качества самого педагога, например, тактичность и терпение. Так, А. М. Суменкова отмечает, что основными умениями педагога являются способность слушать, мотивировать обучающихся и родителей к совместной деятельности [8, с. 50-55].

Ю. Д. Гакаме и К. С. Лакис указывают, что одной из главных проблем формирования толерантности в инклюзивном образовании детей с особыми образовательными потребностями является отсутствие готовности родителей к обучению своих детей вместе с детьми с ОВЗ. А ведь именно родители являются основными воспитателями детей, и в освоении опыта толерантного поведения большое значение имеет личный пример родителей и родственников [6].

Кроме того, необходимым условием является конструктивный диалог между педагогом и родителями. В процессе развития инклюзивного подхода в образовании позиция родителей будет приобретать всё большую самостоятельность и активность. Умение организовывать продуктивный диалог с родителями, привлекать их к участию и сотрудничеству, к совместному обсуждению условий образования ребёнка является важной задачей как в процессе перехода к инклюзивному образованию, так и для формирования толерантности [10].

Выводы. Рассмотренные концепции позволяют подытожить, что в процессе инклюзивного образовательного пространства значительное место отводится формированию толерантности с младшего школьного возраста. С одной стороны, формированию толерантности у младших школьников к детям с ОВЗ способствуют личностные особенности (наличие эмпатии, умение слушать, способность к рефлексии), с другой — поддержка педагогом активного сотрудничества семьи и школы. По нашему мнению, сформированное толерантное отношение к детям с ОВЗ является основой для воспитания данного качества у будущих поколений.

Список литературы

1. Асмолов, А. Г. Историческая культура и педагогика толерантности / А.Г. Асмолов // Мемориал. – 2001. – № 24. – С. 61-63.
2. Дуда, И. В. Инклюзивное образование как ресурс формирования толерантных отношений в детском коллективе школьников / И.В. Дуда // Азимут научного исследования : педагогика и психология. – 2020. – Т. 9. – №2 (31). – С. 81-84.
3. Колокольцева, М. А. Воспитание нравственных взаимоотношений младших школьников в инклюзивном образовании : автореферат дис. ... кандидата педагогических наук : 13.00.01 / Колокольцева Марионелла Алексеевна; [Место защиты: Дагестан. гос. пед. ун-т]. — Махачкала, 2012. — 22 с.

4. Кремнева, Т. Л. Инклюзивное образование как шаг к развитию толерантного общества / Т.Л. Кремнева // Инклюзивное образование XXI века ; теория, опыт, перспективы. — Москва : МПГУ, 2013. — С. 11-12. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/inklyuzivnoe-obrazovanie-kak-shag-k-razvitiyu-tolerantnosti/viewer> (дата обращения 22.06.2023).
5. Крушельницкая, О. И. Психологические условия формирования толерантности у младших школьников : автореферат дис. ... кандидата психологических наук : 19.00.07 / Крушельницкая Ольга Игоревна; [Место защиты: Моск. псих.-соц. ин-т]. — Москва, 2009. — 19 с.
6. Лакиз К. С. Проблема формирования социальной толерантности у младших школьников в инклюзивном образовании / К.С. Лакиз, Ю.Д. Гакаме // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2015. — Т. 37. — С. 276–280. — URL: <http://e-koncept.ru/2015/95678.htm>
7. Плаксина, Н. А. Воспитание толерантности младших школьников к детям с особыми образовательными потребностями : автореферат дис. ... кандидата педагогических наук : 13.00.01 / Плаксина Надежда Александровна; [Место защиты: Волгогр. гос. соц.-пед. ун-т]. — Волгоград, 2016. — 28 с.
8. Суменкова, А. М. Толерантность как ценностная основа инклюзивного профессионального образования / А.М. Суменкова // Образование и воспитание. — 2017. — № 5.1 (15.1). — С. 50-55. — URL: <https://moluch.ru/th/4/archive/74/3010/> (дата обращения: 27.06.2023).
9. Сунцова, А. С. Теории и технологии инклюзивного образования [учеб. пособие] / А. С. Сунцова. — Ижевск : Изд-во Удмуртского ун-та, 2013. — 110 с.
10. Фархутдинова, Ю.Н. Инклюзивное образование в условиях современной школы / Ю.Н. Фархутдинова // Вестник ДонНУ. Сер. Д : Филология и психология. — Донецк : ДонНУ, 2019. — № 3. — С. 94-98.

УДК 159.9

ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ КРЕАТИВНОСТИ КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ФСИН РОССИИ

Цуркан Н. В.

ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы
исполнения наказаний России», г. Рязань, РФ
nadya.tsurkan.98@mail.ru

Введение. Современные условия уголовно-исполнительной системы (далее-УИС) предъявляют высокие требования к личностным качествам офицера. Сотрудник уголовно-исполнительной системы должен в короткие сроки оперативно решать задачи; в экстремальной ситуации действовать эффективно и предусмотрительно; быть многообильным и адаптивным к изменяющимся условиям; владеть необходимой информацией для осуществления взаимодействия с подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными; осуществлять целенаправленный поиск информации, необходимой для решения возникших задач. В связи с этим,

на первый план выходит подготовка сотрудников к различным условиям несения службы, развитие профессионально-важных качеств, развитие отдельных компонентов личности. Среди таких компонентов можно выделить социальную креативность. Анализ литературы и современных условий изучения личности курсанта образовательной организации ФСИН России позволяет сделать выводы о том, что существует ряд предпосылок определяющих проблему развития креативности курсантов в образовательном процессе.

А.А. Попель под социальной креативностью понимает ресурс человека, способность личности к восприятию, пониманию, преобразованию, созиданию социальной среды; возможность нестандартно подходить к решению сложных социальных проблем; способность ставить и решать задачи в сфере социальной реальности. Поиск различных вариантов решения поставленных задач; изменение поведенческих паттернов в служебной деятельности; активность в ситуации социального взаимодействия; навыки коммуникативной компетентности, обеспечивающие грамотное построение диалогов в профессиональном взаимодействии с подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными, несовершеннолетними, а также родственниками осужденных [2].

Основная часть. Среди основных предпосылок можно выделить следующие: экономические, социальные, профессиональные, психологические [1]. Говоря об экономических и социальных предпосылках, мы предполагаем влияние факторов изменений, происходящих в стране и неготовность молодых специалистов к ним; взаимодействие с руководителями из числа офицерского состава, предъявляющими неоднозначные требования к личности курсанта, как будущего офицера, и морально-психологической неготовностью обучающегося к условиям воспитания в ведомственном вузе.

С точки зрения профессиональных предпосылок важно отметить, необходимость изучения данного направления, так как будущие офицеры-курсанты уголовно-исполнительной системы находятся в состоянии многозадачности, адаптации к новым условиям жизни и организации режима и распорядка дня, отсутствием возможности для самоактуализации в рамках выполнения служебной деятельности. Рассматривая психологические предпосылки можно выделить основные личностные качества, адаптационный потенциал, стрессоустойчивость, качества мышления, уникальность решения задач.

Данные предпосылки позволяют нам выделить ряд проблем, требующих решения в сфере уголовно-исполнительной системы, значимость изучения социальной креативности и способы решения данных проблем, на примере курсантов, как участников образовательного процесса.

Основной задачей, требующей решения при подготовке курсантов образовательной организации, является формирование профессионально-важных качеств, необходимых сотруднику УИС для выполнения служебных

обязанностей. К такому качеству можно отнести социальную креативность. Необходимость развития социальной креативности будущих офицеров связана с изменениями социальной ситуации, предъявляемыми требованиями к личности курсанта, как будущего специалиста и офицера; усилением требований к сотруднику в профессионально-служебной деятельности. Несмотря на имеющиеся исследования в области изучения и развития социальной креативности, остается малоизученным теоретическая разработка вопроса, касающегося терминологии «социальная креативность курсантов», структурной составляющей, функций и компонентов.

В связи с недостаточностью разработанностью теоретической составляющей, нами были предложены компоненты социальной креативности курсантов: эмоционально-волевой, интеллектуально-коммуникативный, этико-патриотический. Данные компоненты, на наш взгляд, способствуют развитию качеств, необходимых будущему офицеру уголовно-исполнительной системы для решения оперативных, социально-ориентированных задач, а также для успешного овладения будущими офицерами коммуникативных навыков. Среди качеств, необходимых будущему специалисту, можно выделить: оперативность решения задач, способность к быстрому принятию решений в условиях экстремальной ситуации; эмоциональная устойчивость; обращение в профессионально-значимых ситуациях к оригинальным способам выполнения поставленной задачи; качественное выстраивание интеракций с коллегами и подозреваемыми, обвиняемыми, осужденными.

Развитие ресурсного потенциала личности в образовательном процессе ведомственного вуза затруднено. Это вызывает необходимость подходить комплексно к вопросу о развитии личности курсанта, включающую в себя не только воспитательный процесс, но и психолого-педагогические факторы, которые будут способствовать наиболее полной активации ресурсов личности, при обеспечении индивидуально-личностного подхода; моделирование различных профессиональных ситуаций в образовательном процессе.

Заключение. На наш взгляд, развитие социальной креативности у курсантов образовательных организаций будет способствовать развитию профессионально-важных качеств личности будущего офицера, успешному протеканию процесса адаптации: на этапе обучения — к требованиям, предъявляемым к личности курсанта; на этапе профессиональной деятельности — к взаимодействию с коллегами и осужденными, являющимися криминогенными элементами.

В связи с перечисленным выше предполагается, что перспективы развития социальной креативности курсантов включают в себя большой спектр направлений: коммуникативная составляющая, адаптационный потенциал, развитие профессионально-важных качеств личности в сфере профессионального взаимодействия, а также возможности развития данных направлений в условиях образовательной среды.

Список литературы

1. Мешкова, Н.В. Социальная креативность и социальный контекст: перспективы исследования / Н.В. Мешкова / Современная зарубежная психология. — 2023. — № 1. — С. 100–108.
2. Попель, А. А. Психологические условия развития социальной креативности студентов в процессе профессиональной подготовки: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук : 19.00.07 / Попель Александр Александрович. — Нижний Новгород. –24 с.

УДК 504.03

РАЗВИТИЕ ЭКОВОЛОНТЕРСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Чернышова А. Г.¹, канд. геогр. наук, доц.,
Капизова А. М.¹, канд. хим. наук, доц.,
Барманова Т. В.², *Мухамбеталиева С. А.¹*

¹ГБОУ АО ВО «Астраханский государственный архитектурно-строительный университет», г. Астрахань, РФ

²ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева»,
г. Астрахань, РФ

gorbunova_anna_2014@mail.ru

Введение. В настоящее время особенное внимание уделяется различным направлениям в развитии как молодежного общества, так и населения в целом. Научное, спортивное, патриотическое, духовное, экологическое направления в основной своей массе доминируют в своем развитии. Хотелось уделить внимание экологическому направлению, где особенно развивается экологические волонтерские движения.

Современная система обучения диктует новые правила и соответственно функционирует по законам современности. Наряду с преподаванием основных дисциплин и развития умений и качеств, характеризующих профессиональную деятельность, согласно своей специализации, особое внимание уделяется деятельности общественного направления.

В настоящее время в школах, среднеобразовательных и высших учебных заведениях организуются и имеют место быть советы молодых специалистов, советы обучающихся, советы студенческого управления и так далее. То есть общества, объединяющие активную молодежь каждого учебного заведения воедино по направлениям общественной деятельности, творческой, патриотически направленной, социально ориентированной и научной.

Целью является рассмотрение данных объединений, свидетельствующих о возрождении, становлении и развитии общественных союзов студентов с целью развития творческого и научного потенциала, а также фундаментальное формирование самоактуализирующейся личности в репрезентации собственных достижений, в создании единой стратегии трансформации личности, путём раскрытия внутреннего потенциала, творческих способностей, креативных идей, через информационно-коммуникационные технологии, в контексте образовательных тенденций.

Необходимо отметить и факт обмена опытом в области использования информационных технологий в разработке единого образовательного пространства с целью максимального удовлетворения самообразовательных потребностей личности, а также укрепление сотрудничества с зарубежными партнерами.

Основная часть. Волонтерское направление настоящее время приобретает новую эмоциональную окраску, но остается с прежней смысловой нагрузкой — помогать людям, животным и всем нуждающимся в сложной жизненной ситуации. При этом волонтерская помощь является бескорыстно добровольческой деятельностью. Данное направление переплетается со всеми, мною выделенными направлениями в той или иной степени важности и необходимости. Студенты принимают участие в волонтерском движении по оказанию помощи семьям военнослужащих, по оказанию помощи в расселении бездомных животных, принимают участие в акциях по тематическим направлениям, например, ко Дню пожилого человека, ко Дню защиты детей, дню донора крови, сборах гуманитарной помощи и многое другое.

Духовно-нравственное и гражданско-патриотическое воспитание представляются неразрывно связанными между собой и одинаково важны для становления личности, связанной с родными корнями, лучшим в культуре своих предков, героическим прошлым Родины.

Под духовно-нравственным воспитанием понимается передача детям тех знаний, которые формируют их нравственность на основе традиционной для Отечества духовности, формирование опыта поведения и жизнедеятельности на базе духовно-нравственных ценностей. Студенты принимают участие в конкурсах внутри учебных заведений: стенгазетах ко Дню защитника Отечества, ко Дню Победы, проводят и посещают уроки мужества, принимают участие в тренировочных мероприятиях по военной подготовке, посещение местного краеведческого музея и памятных мест в Астраханском регионе в целом.

Научно-образовательное и культурно-просветительское направления направление на повышения уровня образования и умения написания научных статей, конкурсных проектов, докладов и рефератов, обучения навыкам ораторского искусства и умениям выступать на публике, ясному изречению и пояснению исследуемого материала. Также, необходимо

отметить, посещение театров, картинных выставок, выставок исторических и многое другое.

Экологическое студенческое движение развивается с определенной скоростью. Отмечу, что развиваю экодвижение по двум направлениям: эковолонтерство и эконаука. Два направления сосуществует совместно, дополняя друг друга. Студенческая экожизнь начинается с уборки листьев в осенний период, уборкой снега и снежных заносов, сбором макулатуры, отдельным сбором пластиковой тары и батареек.

Особое внимание уделяется процессам очищения прибрежных береговых зон, так как Астраханский регион имеет насыщенную речную систему. Безусловно, особая роль отводится эковоспитанию и экологическому образованию, в данном направлении студенты проводят выездные акции, где проводят небольшие лекции, батлы, тренинги по вопросам экологических проблем как региона, так и в мире в целом.

Студенческие советы и советы обучающихся также пропагандируют здоровый образ жизни, заключающийся в проведении акций и спортивных мероприятий.

Помимо студенческих советов, занимающихся вопросами экологии, существуют эковолонтерские движения, созданные на общественных началах, инициативные экологические группы, экологические движения, направленные на экопросвещение и движения, целью которых является привлечение внимания к процессам вторичного использования сырья и материалов, например, экодвижение «ЭкоДельта», инициативная группа «Казачий», волонтерский проект по раздельному сбору мусора «АСТРАСБОР», сообщество «Экология Астрахани», АНО «Открытый Каспий» и другие.

Заключение. Анализируя деятельность студенческих объединений и активность студентов, их позитивный настрой в пропаганде здорового образа жизни, пропаганде взаимопомощи, умениям раскрывать творческий и научный потенциал, оказывать социальную помощь и волонтерскую, хотелось бы сказать, что нынешнее поколение на верном пути в благоприятном развитии личности.

Список литературы

1. Грешневиков, А.Н. Экология безопасности / А.Н. Грешневиков, В.Ф. Протасов // «Природа и человек» («Свет»). — 2004. — №10. — 70 с.
2. Губанова, Л.В. Экологическое воспитание как одно из приоритетных направлений экологической политики /Л.В. Губанова, Н.В. Гетте // Молодой ученый. — 2021. — № 11(353). — С.163-165.
3. Маркова, М.Н. Роль экологического воспитания и образования в формировании экологического мышления [Электронный ресурс] / М.Н. Маркова // Вестник ПАГС. 2011. № 2. — С. 199-203.
4. Ушаков, Н.М. Природа и история Астраханского края / Н.М. Ушаков, В.П. Щучкина, Е.Г. Тимофеева и др. — Астрахань : Издательство Астраханского пед. ин-та, 1996. — 364 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Философское осмысление социальной реальности

<i>Армен А. С.</i> Принцип феминизма: практическая несостоятельность	5
<i>Бартагариева И. И.</i> Гражданское общество: теория и практика	8
<i>Бородулин С. Н.</i> Межмуниципальный проект «Фестиваль культуры Памяти – День Бессмертного полка: парень из нашего города»	11
<i>Буланая Ю. В.</i> Ценностная сущность бытия семи	13
<i>Вишняков А. В., Михайлов А. Е.</i> Философские аспекты диагностики и лечения психических расстройств с галлюцинаторной симптоматикой в психиатрии постмодерна	17
<i>Волобуева А. А.</i> Философия средств массовой информации в контексте постмодернизма	19
<i>Волошин В. В.</i> Представления о реальности: синтез двух программ	22
<i>Гижга А. В.</i> А. Зиновьев: мышление в форме истинностной моральности	25
<i>Гиренок Ф. И.</i> Почему человек — это взрывающаяся галлюцинация?	29
<i>Давыденко М. В.</i> Художественность в эстетической системе В. С. Соловьева	30
<i>Даренская В. Н.</i> «Парадоксы отчуждения как философской категории»	33
<i>Даренский В. Ю.</i> ««Русский канон» как основа альтернативных учебников по гуманитарным наукам»	36
<i>Девятова С. В.</i> Значение общекультурного компонента в современном образовании	39
<i>Диль И. В.</i> От дисциплинарных обществ к обществам контроля – сдвиг в понимании власти и социальных практик	42
<i>Емельянова Н. Н.</i> Аксиологическое пространство Донбасса и ценности западного либерализма	45
<i>Еникеев А. А.</i> Современность как «предел» философии	48
<i>Камарали А. В.</i> Феномен псевдонауки: философский аспект	51
<i>Китайка А. В.</i> Некоторые аспекты понимания «пространства повседневности» в философии XX в.	53
<i>Клименко А. Б.</i> Истоки мультикультурализма	56
<i>Колин К. К.</i> Современный мир и актуальность проблемы формирования науки о безопасности	59
<i>Комисова Е. И.</i> Философская рефлексия когнитивного соотношения науки, религии и искусства	61
<i>Коновалов А. Г., Коновалова И. В.</i> «Русский мир» и западная «демократия» на африканском континенте. Ценностно-нравственные аспекты	64
<i>Коробов-Латынцев А. Ю.</i> Специальная военная операция: социально-философское измерение	67
<i>Коротков Н. В.</i> Фактор Голливуда в исходе холодной войны	70
<i>Котлярова Е. А., Шпанов А. М.</i> Мифическое животное как символ гуманистических идеалов	73

<i>Кухтин М. М., Терсимонов А. С.</i> Каббалистические параллели к философии Н. О. Лосского	76
<i>Лустин Ю. М.</i> Социальный идеал как средство рациональной деятельности личности	78
<i>Миргородский А. А., Ширкова Д. В.</i> Историко-философское понимание человека в домарксовской философии	81
<i>Михайлова В. В.</i> Атомизм и холизм в философском осмыслении экономического поведения человека	83
<i>Молодец К. В.</i> Философия социального одиночества в контексте идеи экзистенциального выбора	86
<i>Мушинский Н. И.</i> Экзистенциальный выбор Донбасса и фактор справедливости ...	91
<i>Настасенко И. Д.</i> Зачем Запад развязал войну против нас? Кто есть Запад и Мы? .	94
<i>Паршина Л. В.</i> Как строить пространство города: пешеходная практика	97
<i>Патерыкина В. В.</i> Реалии советской действительности в творчестве рок-барда Александра Литвинова	100
<i>Полеводов Г. В.</i> Актуальность творчества Н. Бердяева в контексте парадигмы войны	102
<i>Ретинский С. Г.</i> Соотношение понятий «нация» и «этнос» в отечественной этнографии	105
<i>Савушкина М. А.</i> Философский фронт Донбасса: «Слово» и «Дело» А. Ю. Коробова-Латынцева	108
<i>Ситнова И. В.</i> Особенности культурных контактов на «цивилизационных линиях разлома»	111
<i>Тимофеенко В. А.</i> Философско-теоретический анализ формирования и развития эффективной модели правового просвещения несовершеннолетних	113
<i>Троицкая Е. М.</i> Философия трансверсальности в обучении социальности vs псевдообразование	116
<i>Целик Т. В.</i> Социокультурный и геофилософский аспект русской идентичности: исторические судьбы юго-западных областей России	119
<i>Чернов А. А.</i> Водная стихия и «неутолимая тоска частного бытия» в лирике новокрестьянских поэтов	123
<i>Чикаева Т. А.</i> Родина больше чем место рождения или происхождения	126
<i>Шатохина Н. П.</i> Анализ феномена свободы в современной социальной реальности	129
<i>Шульга Д. П.</i> Столкновение цивилизаций? К вопросу о практической применимости теории Хантингтона	132

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Личность в жизненных ситуациях: развитие и становление

<i>Андрюшкова Н. П.</i> Внутренняя мотивация как необходимый аспект личностного роста	136
<i>Атрохова Т. В., Мирзоева С. Ч.</i> Особенности эмоционального интеллекта сотрудников патрульно-постовой службы	138

<i>Белов И. В., Николаев Е. Л.</i> Психологические факторы нарушения пищевого поведения у подростков	141
<i>Белуsoва Е. В.</i> Девиантное поведение подростков: теоретические аспекты	144
<i>Будик С. А., Устинова Н. В.</i> Особенности защитных механизмов, совладания и стрессоустойчивости у людей с патологиями сердечно-сосудистой системы..	147
<i>Вальтер О. С., Ковальчишина Н. И.</i> Психоэмоциональное напряжение женщин в дородовый и послеродовый периоды	150
<i>Гнутова А. О.</i> Понятие ресурса и его взаимосвязь с субъективной оценкой качества жизни	153
<i>Гончар Ю. А., Гордеева А. В.</i> Особенности переживания женского одиночества и его взаимосвязь с семейным статусом	156
<i>Ильиных Н. А., Муталлапова Г. Р.</i> Психологические изменения личности, вызванные страхом смерти	159
<i>Кацера А. А., Лир М. М.</i> Поведенческий компонент социально-психологических установок студентов с инвалидностью	162
<i>Козлова В. Е., Киселёва И. В.</i> Взаимосвязь психологической сепарации от родителей и социально-психологической адаптации студентов	165
<i>Кольчик Е. Ю.</i> Особенности временной направленности подростков, попавших в трудную жизненную ситуацию	168
<i>Магомед-Эминов М. Ш.</i> Трансформация личности в экстремальной ситуации	171
<i>Мохова Ю. А.</i> Арт-терапия как средство развития самосознания одаренных детей и подростков	174
<i>Набатова С. В.</i> Теоретический анализ подходов к понятию психологического благополучия личности в зарубежных исследованиях	178
<i>Панфилова А. М., Тимофеев К. А., Гладких С. Н.</i> Психолого-педагогические факторы и условия развития социальной активности школьников в гетерогенной среде	181
<i>Покотилов Е. Г., Вильдгрубе С. А.</i> Психологический анализ особенностей речевой продукции личности, склонной к невротическим диспозициям	184
<i>Репенко М. С., Устинова Н. В.</i> Стратегии принятия решения в условиях неопределенности студентами психологических специальностей	187
<i>Рогозина М. Ю.</i> Психологическая готовность к браку и самоактуализация личности в период ранней зрелости	190
<i>Руденко С. В.</i> К проблеме динамики временной перспективы студентов в условиях неопределенности	193
<i>Папков В. Е.</i> Глоттогенез в контексте картезианской антропологии (преодоление рубикона языка)	198
<i>Соседко В. В., Духавнева А. В.</i> Становление личности дошкольного возраста	201
<i>Ярмыш И. А.</i> Проявление самоэффективности у студентов на разных этапах обучения в вузе	203

Человек в системе социальных отношений

<i>Ангелина Э. А.</i> Предикторы социально-психологической адаптации сотрудников строительной организации	207
<i>Аристова И. Л., Аристов М. А., Ким А. А.</i> К вопросу о роли эмоционального интеллекта в управлении конфликтом	210

<i>Вилюзжанина Т. А.</i> Социально-психологические функции подростковой моды в одежде	213
<i>Волошина А. А., Устинова Н. В.</i> Особенности жизненных ценностей добровольно бездетных семей	216
<i>Джерелиевская М. А.</i> Личностные трансформации в современной среде	219
<i>Иванченко В. Я.</i> Образ педагога как образец социального взаимодействия с обучающимися	222
<i>Когай И. А., Шукшина Л. В.</i> Особенности социально-психологического климата у студентов вуза	225
<i>Кортаева А. И.</i> Особенности развития гендерной идентичности на ранних этапах онтогенеза	227
<i>Могилевская В. Ю., Лунгу О. В.</i> Выраженность видов психологического насилия у юношей с высокой представленностью черт «темной триады»	230
<i>Ондар Д.-С. М., Попов И. А., Щеглов А. Ф.</i> О соотношении типов негативных отклонений в теории социальной девиации	233
<i>Пацукевич О. В.</i> Проблема адаптации в трудах Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, М. Вебера	236
<i>Перфилова А. А., Пачина Н. Н.</i> Теория туннелей реальности как причина межличностных конфликтов	239
<i>Степанова М. А., Ангелина Э. А.</i> К вопросу о профессиональном выгорании госслужащих и его связи с саморегуляцией	241
<i>Устинов Д. В.</i> Психологические особенности потребностной сферы несовершеннолетних правонарушителей	244
<i>Фархутдинова Ю. Н., Соловьева Т. С.</i> Особенности психологических манипуляций в межличностном общении	247
<i>Чуканов Е. В.</i> Ситуативная идентичность — идентичность социального контекста	250

Кризисная психология: опыт решения проблем и перспективы исследований

<i>Васильева И. В., Николаев Е. Л.</i> Риски психическому здоровью у пациентов, перенесших ранний сифилис	252
<i>Желкевская Л. С., Кадацких И. Ю.</i> Развитие стрессоустойчивости методом телесно-ориентированной психотерапии	255
<i>Иванова А. В.</i> Трудности ранней диагностики суицидального поведения у подростков	259
<i>Карачева Е. А.</i> Феномен посттравматического роста	262
<i>Кацера А. А.</i> Поддержка и сопровождение процесса адаптации и социально-психологической интеграции детей, вынужденных покинуть постоянное место проживания	264
<i>Квасова О. Г.</i> Смысловая концепция травмы	267
<i>Ковальчишина С. В.</i> Проблема несуйцидального самоповреждающего поведения подростков и пути ее решения	270
<i>Козлов Д. В., Ковальчишина Н. И.</i> Особенности ценностных ориентаций лиц, злоупотребляющих алкоголем	274

<i>Корчагина Т. А.</i> Возможности психологического консультирования при выявлении признаков насилия над личностью	277
<i>Максименко Е. Г.</i> Психологическая работа с демобилизованными и их семьями	280
<i>Первичко Е. И., Митина О. В., Степанова О. Б., Конюховская Ю. Е.</i> Эмоциональное состояние, факторы стрессоустойчивости и стратегии самопомощи, используемые медицинскими работниками во время пандемии Covid-19	285
<i>Погорела М. В., Иванченко Е. Н.</i> Стресс и борьба с ним в условиях военных действий	288
<i>Теплова О. В.</i> Изучение стресса и его последствий для человека	291
<i>Сарычева О. В., Чернышев Д. А.</i> Психологическая готовность студентов-психологов к профессиональной деятельности в экстремальных ситуациях....	293
<i>Степанова Н. А.</i> Повышение родительской компетентности как важное направление в консультировании родителей	296
<i>Яновская Л. В.</i> Применение методов арт-терапии в критических ситуациях	298

Психика и информационное поле общества

<i>Барабанищикова В. В., Мальсагова М., Буряченко П. А., Доливец С. С., Мигель Е. С., Субраманиан А., Дубова А., Косолапова С.</i> Взаимосвязь зависимости от социальных сетей, тревоги и личностных качеств	302
<i>Воскресенская Н. Г.</i> Социальные факторы готовности молодежи к саморазвитию..	304
<i>Гордеева А. В.</i> Особенности цифровой социализации подростков	307
<i>Джура Г. С.</i> Когнитивная война в современных информационных реалиях	310
<i>Яновский М. И., Малишевская Е. В.</i> Личностные свойства, способствующие неразличению лжи	313

Психология в образовании: проблемы, возможности и перспективы

<i>Безродный В. И.</i> Влияние самооценки, тревожности и локуса контроля на вербальную и невербальную креативность (дисперсионный анализ)	317
<i>Белуос О. В., Вареца Е. С.</i> Компетентностный подход в формировании психологического здоровья субъектов образовательного процесса	320
<i>Бухарова И. С.</i> Влияние тревожности на развитие креативности у детей старшего дошкольного возраста	323
<i>Ворвуль М. П.</i> Развитие мышления слушателей курсов повышения квалификации как условие активизации потребности личностно-профессионального самосовершенствования	326
<i>Глухова А. М., Казакова И. В.</i> Ценностные ориентации студентов сельской и городской местности: гендерный аспект	329
<i>Казакова И. В., Тихолаз Т. М.</i> Психические состояния студентов и академическая успеваемость в период адаптации к условиям обучения в вузе	332
<i>Клименко И. В.</i> Исследование особенностей развития экологического сознания студентов в период обучения в вузе	335
<i>Коротаева А. И., Романова Т. В.</i> Особенности мотивации занятий спортом младших школьников	338

<i>Кочеулова О. А.</i> Развитие самоорганизации будущего педагога в учебно-профессиональной деятельности	341
<i>Милоненко И. Ю.</i> Развитие адаптивных копинг-стратегий поведения у студентов педагогического вуза	344
<i>Некрасова И. Н.</i> Особенности субъективного отношения к жизни будущих юристов с различным типом правосознания	346
<i>Николаева Н. В.</i> Психологические и психолингвистические особенности обучения иностранному языку в вузе	350
<i>Павлова Н. М.</i> Курение электронных сигарет студентами вузов как медико-психологическая проблема	353
<i>Попова А. А.</i> Опыт становления психологической службы в педагогическом вузе .	356
<i>Ревуцкая И. В., Лучко Е. В.</i> Профессиональное самосознание будущих психологов на разных этапах обучения	359
<i>Самсоненко Л. С.</i> Развитие профессиональных умений педагогов по реализации медиативных технологий	362
<i>Скорова Л. В., Кушнир Д. И.</i> Представления о школьном классе у субъектов образования	365
<i>Соломенный Ф. Ф., Соломенная З. В., Щетинина Д. В.</i> Влияние психологических и педагогических факторов на развитие индивидуальности	368
<i>Тимофеенко В. А., Сердюкова Ю. А.</i> Психолого-педагогическое сопровождение приёмных детей в образовательной среде	371
<i>Фархутдинова Ю. Н., Доля А. Н.</i> Формирование толерантности у младших школьников в процессе инклюзивного образования	374
<i>Цуркан Н. В.</i> Перспективы изучения социальной креативности курсантов образовательных организаций ФСИН России	377
<i>Чернышова А. Г., Капизова А. М., Барманова Т. В., Мухамбеталиева С. А.</i> Развитие эковолонтерского движения на территории Астраханской области.....	380

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**ДОНЕЦКИЕ ЧТЕНИЯ 2023:
ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА, ИННОВАЦИИ,
КУЛЬТУРА И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ**

Материалы
VIII Международной научной конференции,
25–27 октября 2023 г.,
г. Донецк

ТОМ 9
Философские и психологические науки

под общей редакцией проф. *С.В. Беспаловой*

Дизайн обложки	<i>А.Ю. Гурина</i>
Технический редактор	<i>М.В. Фоменко</i>
Компьютерная верстка	<i>А.В. Камарали, Э.А. Ангелина</i>

Адрес оргкомитета:

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
ул. Университетская, 24, г. Донецк, 283001, ДНР, РФ.
E-mail: *science.prorector@donnu.ru*

Подписано в печать 16.10.2023 г.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 22,7.
Тираж 100 экз. Заказ № 23окт17/9.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Издательство ФГБОУ ВО «ДонГУ»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 22
E-mail: *donnu.izdatelstvo@mail.ru*